С. Ш. ГАДЖИЕВА, М. О. ОСМАНОВ, А. Г. ПАШАЕВА

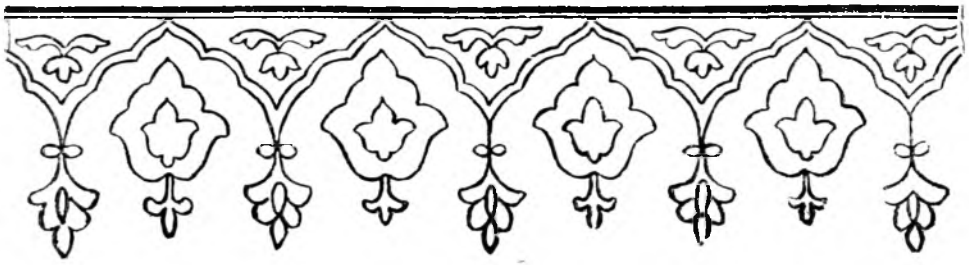
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ДАРГИНЦЕВ

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. Г. ЦАДАСЫ

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ДАРГИНЦЕВ

Махачкала
1967 г.

Ответственный редактор доктор исторических наук
С. Ш. ГАДЖИЕВА

ВВЕДЕНИЕ

Богатая и самобытная материальная культура многонационального Дагестана изучена далеко не достаточно. За исключением нескольких работ о кумыках,[1] лезгинах,[2] аварцах,[3] даргинцах,[4] специальных монографических исследований, посвященных материальной культуре отдельных народов, нет и тем более нет обобщающего труда по Дагестану в целом. Между тем необходимость всестороннего изучения материальной культуры Дагестана очевидна и является одной из актуальных задач этнографов-дагестановедов.

Каждый из многочисленных народов Дагестана веками создавал и совершенствовал свою материальную культуру, имеющую наряду с общедагестанскими чертами свои специфические особенности, обусловленные этническими и природно-климатическими факторами, профилем хозяйственной деятельности и т. д.

Как не раз отмечали исследователи, народы Дагестана являются творцами замечательных для своего времени архитектурных памятников (домов, оборонительных сооружений и др.), интересных и ценных как в историко-этнографическом, так и в художественном отношении, творцами весьма оригинального костюма (женского), уникальных изделий кустарных промыслов и т. д. К сожалению, этот ценный материал науке мало известен.

Постоянно совершенствуя свою материальную культуру горцы донесли ее до наших дней. В настоящее время социалистическая культура Дагестана успешно развивается, опираясь на лучшие народные традиции, под благотворным влиянием передовой русской культуры и культуры других братских народов нашей страны.

---

[1] С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков. Махачкала, 1960.

[2] Г. Н. Любимова, С. О. Ханмагомедов. Народная архитектура южного Дагестана. М., 1956; С. С. Агаширинова. Очерки материальной культуры лезгин в конце XIX — нач. XX веков». «Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР» (в дальнейшем — «Уч. зап. ИИЯЛ»), т. IV, 1958; ее же. Поселения лезгин в XIX — начале XX века. «Уч. зап. ИИЯЛ», т. VI, 1959; Б. А. Калоев. Поселения и жилища агулов — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР» (в дальнейшем — КСИЭ), вып. 23, М., 1955.

[3] Г. Я. Мовчан. Из архитектурного наследия аварского народа. Сов. этногр., 1947, № 4; З. А. Никольская. Из истории аварского жилища. Сов. этногр., 1947, 2; З. А. Никольская и Е. М. Шиллинг. Женская народная одежда аварцев. КСИЭ, вып. 18, М., 1953.

[4] М.-З. Османов. Жилище цудахарцев XIX—XX вв. «Уч. зап. ИИЯЛ», т. IX, 1961; его же. Поселения даргинцев в XIX—XX вв. «Уч. зап. ИИЯЛ», т. X, 1962.

Важнейшей задачей является глубокое исследование культурного наследия всех народов Дагестана, исследование как общности их культуры в целом, так и своеобразия культуры каждого народа, выявление того вклада, который внесли дагестанские горцы в общечеловеческую культуру.

Неотложность разработки данной проблемы диктуется и тем, что в настоящее время на основе бурного развития важнейших отраслей социалистической экономики, укрепления материально-технической базы колхозов, роста благосостояния и культурного уровня трудящихся идет коренная перестройка всех областей жизни народов Дагестана, в частности их материальной культуры. Многое уже исчезло бесследно, многое стало музейной редкостью или находится в стадии исчезновения. В последние годы усилилось и организованное переселение населения из высокогорных, труднодоступных аулов на просторы прикаспийской равнины. Этот процесс неизбежно вызывает разрушение и исчезновение важных для научного исследования памятников архитектуры различных эпох, в том числе и дошедших до наших дней ее древних образцов.

Настоящая работа является первой попыткой монографического изучения материальной культуры одного из наиболее крупных народов Дагестана — даргинцев. Она выполнена коллективом авторов (руководитель С. Ш. Гаджиева).

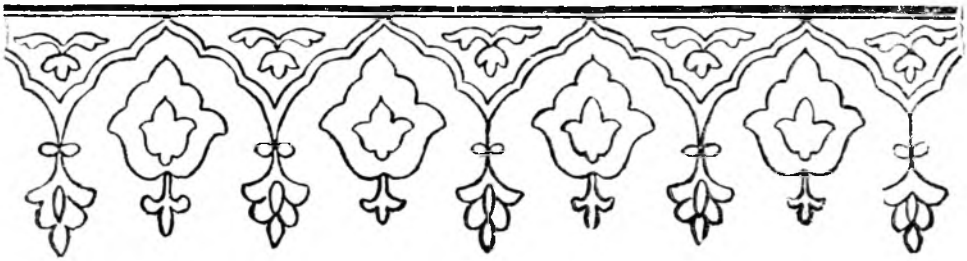
Хронологически исследование охватывает главным образом XIX и начало XX века, однако, насколько позволяют имеющиеся источники, в ней освещаются и вопросы, относящиеся к более раннему периоду, в том числе, вопросы происхождения и развития отдельных форм материальной культуры. При этом материальная культура рассматривается в органической связи с социально-экономическим развитием Даргинии, с ее природно-географическими и другими условиями.

Авторы исследования поставили перед собой цель проследить и те коренные изменения, которые произошли в хозяйственной жизни и материальной культуре даргинского народа за годы Советской власти. Данное исследование, однако, не претендует на всестороннее освещение материальной культуры даргинского народа. Отдельные стороны материальной культуры изучены далеко не полно и будут подвергаться специальному исследованию в дальнейшем, по мере накопления материала. Специального, глубокого изучения требует, в частности, материальная культура советского периода. Предстоит еще многое сделать и по исследованию более ранних форм материальной культуры с широким привлечением данных археологии.

Основными источниками для настоящей работы явились полевые материалы, собранные во время этнографических экспедиций 1960—1962 гг. во всех даргинских районах, а также в новых даргинских переселенческих аулах, расположенных на плоскости в ином этническом окружении. Использована также имеющаяся литература, некоторые архивные документы и материалы фондов Дагестанского краеведческого музея.

При анализе материальной культуры авторы исследования подходили к ней как к историческому источнику, помогающему осветить важные страницы социально-экономической и политической истории даргинского народа, его культурного развития, связей с родственными народами Дагестана и Кавказа в целом.

Поскольку материальная культура теснейшим образом связана с хозяйственной деятельностью народа, в начале данного исследования дается краткий очерк хозяйства даргинцев в XIX—XX вв. Введение, глава IV и заключение написаны С. Ш. Гаджиевой, главы I—III — М. О. Османовым, глава V—А. Г. Пашаевой. Иллюстрации выполнены художниками Х. Д. Абуевым, З. Р. Рабадановым, М. А. Хизроевым, Г. А. Крулевым, фотографии — Ю. И. Масловым, Ю. Т. Шевелевым.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ХОЗЯЙСТВО

Даргинцы, один из наиболее крупных народов Дагестана (158 тыс. чел.), занимают срединную, тяготеющую к юго-востоку, часть Дагестана. Протяженность этой территории с севера на юг—около 100 км, а с запада на восток до 70 км.

Территория эта находится в основном в пределах предгорной и горной зон Дагестана. Предгорье населяют губденцы, урахинцы, каба-даргинцы (Сергокалинский р-н), кайтаги (Кайтагский р-н); в горной же зоне живут кубачинцы, муэринцы (Дахадаевский р-н), акушинцы, сюргинцы (Акушинский, Левашинский, Дахадаевский р-ны), цудахарцы (Левашинский и Акушинский р-ны). На плоскости даргинских селений очень мало и они возникли, в основном, только в XIX—XX вв.; сравнительно немного также даргинских селений в высокогорной зоне.

В общественно-политическом отношении положение отдельных частей даргинской территории в XIX веке не было однородным. Часть даргинцев (кайтагцы) образовали феодальное владение — уцмийство Кайтагское, небольшая часть (Буркун-дарга) входила в состав Казикумухского ханства, остальные же составляли «вольные общества» — Акуша лаIуреба, ЦIудкъурла хIуреба, ХIурхъила хIуреба, МикхIула хIуреба, МухIела хIуреба, Усала хIуреба, СирхIала хIуреба и Каба-дарга.

Из них наиболее древним и устоявшимся образованием было Кайтагское уцмийство. О Кайтаге мы встречаем сведения уже у авторов IX века, а примерно с XIV века можно говорить и об образовании уцмийства. Уцмийство было одним из крупнейших феодальных владений Дагестана и играло большую роль в судьбах южного Дагестана и даргинцев, но в XIX веке оно значительно ослабло в результате нашествия Надир-шаха и длительных междоусобных войн с другими политическими объединениями.

Акушинский союз «вольных обществ», состоявший в XIX веке из шести союзов обществ (Акуша, Цудахар, Урахи, Мекеги, Муги и Усиши), названный по наименованию крупнейшего союза, был одним из сильнейших политических образований в Дагестане. Именно к этому времени относятся слова А. П. Ермолова о нем — «народ сильнейший

в Дагестане и воинственный», «твердая опора всем прочим народам, могущественным своим влиянием их против нас вооружавший»[1].

XVIII—XIX века были для Дагестана очень тяжелым временем. Беспрерывные разорительные войны, нашествия, междоусобицы, а потом Кавказская война пагубным образом сказались на хозяйстве и культуре дагестанцев, особенно на их поселениях и жилище. В ходе войн они много раз разрушались и вновь отстраивались, поэтому элементы древней архитектуры мало сохранились. В особенности это касается северо-западного Дагестана. Но после восстания 1877 года наступило успокоение в крае, а вместе с ним получили дальнейшее развитие производительные силы.

Данная глава посвящена исследованию хозяйства даргинцев как отрасли материальной культуры, то-есть как этнографической категории.

Перед нами встали прежде всего такие вопросы, как возникновение и эволюция форм хозяйственной деятельности даргинцев, соотношение различных отраслей хозяйства, основные природно-географические, социально-экономические, исторические и иные факторы, влиявшие на возникновение и развитие форм хозяйственной деятельности; предпосылки исторически сложившегося географического разделения труда, обменные связи, состояние дорог и т. д. и т. п.

К сожалению, по рассматриваемой теме опубликованных работ нет (исключая соответствующие разделы общих трудов[2]).

Конечно, отдельные фрагментарные материалы можно встретить в самых различных работах, начиная с исторических очерков и кончая статистическими отчетами. Но это именно фрагменты, касающиеся только определенных вопросов, таких как природные условия, основные занятия, домашние промыслы, продукция хозяйства, товарообмен, причем все это только в самых общих чертах. Поэтому вряд ли возможно говорить о существовании историографии хозяйства даргинцев.

Но с другой стороны, общность природных условий и исторических судеб народов Дагестана способствовала складыванию общих черт в их хозяйстве и материальной культуре, что делает историографию этого вопроса более или менее общей для всех народов Дагестана, особенно в древнейший период.

Ввиду этого мы считаем возможным рассматривать историографию этого вопроса в какой-то степени в общем плане. Впрочем такой подход является вынужденным, ибо общность хозяйства и материальной культуры дагестанских народов породила историографию тоже общую, в большинстве случаев не считающуюся как с зональными, так и этническими особенностями.

---

[1] Записки Алексея Петровича Ермолова, ч. II, М., 1868, стр. 47, 90. Такие же отзывы давал главнокомандующий И. Ф. Паскевич («сильная по тамошнему краю Акушинская республика») — «Материалы по истории Дагестана и Чечни», т. III, ч. I, Махачкала, 1940, стр. 252; ср. там же. Кузьминский. Описание экспедиции дагестанского военно-окружного начальника М. П. Ланского в Северный Дагестан против Гамзатбека, стр. 335; различные военные документы. АКАК, т. 6, ч. II, Тифлис, 1874, стр. 80, 84 и др., также П. Зубов. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель, ч. III, СПб., 1835 г., стр. 240; А. П. Берже. Краткий обзор горских племен на Кавказе. КК на 1858 г., Тифлис, 1857, стр. 309 и др. Высоко оценивал силу союза в XVIII в. Я. Рейнегс. «Его сила и добрая слава, так же как прославленное везде мужество, очень хорошо известны всему Кавказу и всем граничащим князьям». I. Reineggs. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha und St. Peterburg. Er. th. 1796. s. 100.

[2] Например: Х.-М. О. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961; Очерки истории Дагестана, т. I, Махачкала, 1957; Народы Кавказа. I, М., 1960; Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII и начале XIX века. Махачкала, 1957.

Наиболее ранние сведения о хозяйстве дагестанцев встречаются у античных авторов. Эти сведения очень скудны и в основном содержат только перечисление занятий населения или же упоминание о населенности, сравнительном богатстве или бедности края.[3]

Более подробные сведения имеются в средневековых источниках, в частности, арабских. Так, например, описание дани, взимаемой с дагестанских владений, у Баладзори или у Мухаммед-Рафи показывает, что в то время главными занятиями дагестанцев были земледелие и скотоводство, а краткое описание Зерекерана у Масуди или Абу-Хамида Андалузи дает довольно полное представление о занятиях кубачинцев.[4]

Средневековые источники при всем их тяготении к описаниям войн и нашествий более точны, чем античные, и дают немало ценных сведений о хозяйстве дагестанцев.

Как и в любой другой области дагестановедения, более или менее систематические описания отдельных отраслей хозяйства начинаются с XVIII века, когда Дагестан входит в более тесное соприкосновение с Россией. В это время появляется много отчетов о поездках в Дагестан, военных донесений, кратких сообщений, в которых содержатся сведения о занятиях дагестанцев, домашних промыслах, доходах, торговле и пр.

Первое время преобладали общие работы описательного характера. Чаще всего это рапорты военнослужащих, военно-исторические очерки или обозрения (вроде описаний А. Лопухина, Л. Тихонова, Ф. Гене и других).[5]

Позднее, уже в XIX веке, появляются более конкретные публикации. В них мы иногда встречаем даже небольшие очерки хозяйственной деятельности горцев Дагестана, носящие, однако, как правило, поверхностный характер и зачастую ограничивающиеся простой констатацией неразвитости и отсталости сельского хозяйства.[6]

При этом сравнительный метод, который при правильном применении его может многое объяснить, использовался ими неправильно, ибо они, не учитывая специфики края и его природных условий, не принимая во внимание истории края (его изолированность), пытались сравнивать сельское хозяйство горцев Дагестана с хозяйством центральной России или богатейших областей Закавказья. А отсюда следовали выводы о примитивности хозяйственной деятельности, отсутствии необходимых навыков в сельскохозяйственных работах, отсутствии земледельческой культуры, а иногда даже об особой «лености» дагестанцев, которая-де и является причиной слабого развития сельского хозяйства и даже причиной того, что дагестанский скот мелок и малопродуктивен.[7]

---

[3] Например, Страбон. География. XI, 2; В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, № 4, стр. 217.

[4] Баладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1927, стр. 18—19; Мухаммед-Рафи. Извлечение из истории Дагестана. ССКГ, V, Тифлис, 1871, стр. 23; Н. А. Караулов. Сведения арабских географов IX и X вв. по р. х. о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК, XXXVIII, стр. 52; Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан в 1882 году. Известия РГО, т. XX, вып. 4, СПб., 1884, стр. 403.

[5] История, география и этнография Дагестана. (ИГЭД), XVIII—XIX вв. М., 1958; Н. Зубов. Указ. соч.

[6] А. Зиссерман. 25 лет на Кавказе, ч. II, СПб., 1879; В. Вильер де Лиль Адам. Две недели в Даргинском округе. ССКГ, VIII, Тифлис, 1875; Н. И. Пантюхов. Современные лезгины. «Кавказ», 1901, № 233; В. А. Аедоницкий. Из поездки в Дагестан летом 1914 г. «Естествознание и география», 1916, № 8—10; А. Т. Васильев. Тавлинцы. «Новое обозрение», 1889, № 1919 и др.

[7] Н. Абельдяев. Сельское хозяйство у дагестанских горцев. «Журнал Министерства государственных имуществ», 1857, ч. 64, № 8, стр. 25; Н. Глиноецкий. Поездка в Дагестан. «Военный сборник», 1862, № 2; А. В. Пастухов. Поездка по высочайшим селениям Кавказа и восхождение на вершину горы Шахдаг. «Землеведение», кн. II, 1894 и др.

Несколько особняком стоит небольшая группа источников, в которых описание занятий и хозяйственной деятельности горцев Дагестана сделано выходцами из местной среды, а также некоторые общие работы русских ученых.[8]

Особо следует сказать об экономических и статистических отчетах, сборниках и пр. Они появляются со второй половины XIX века и связаны с деятельностью колониальной администрации и различных научных и краеведческих обществ.[9] Особенность таких источников — наличие огромного количества сведений экономического, статистического, этнографического характера, правда, не всегда полноценных и должным образом обработанных, но тем не менее дающих ценный материал по экономике народов Дагестана, об отдельных отраслях хозяйства и их удельном весе, о кустарных промыслах, отходничестве, экономическом положении крестьян и пр.

В советское время в литературе по экономике Дагестана происходят качественные изменения. Прежде всего нужно отметить, что выходит ряд статистико-экономических сборников и специальных трудов. Они базируются на новых методологических основах, а главное — они возникли как первый результат проводимой Советской властью работы по конкретному изучению экономики отсталых окраин царской России с целью найти пути для скорейшего подъема их экономики. Это определило и особенности этих источников — они имеют не только констатационную часть, но и определяют направление экономических преобразований.[10]

Другая группа — это литература, посвященная хозяйству народов Дагестана. Правда, специальных крупных работ по этой теме нет, но она освещалась с большей или меньшей полнотой в ряде исторических, экономических и этнографических работ.[11]

Характерной особенностью советской литературы является то, что она избавилась от пренебрежительного отношения дореволюционных авторов к хозяйству дагестанцев, правильно став на путь объяснения отсталости хозяйства в прошлом особенностями географии края и его

---

[8] Г.-М. Амиров. Среди горцев Северного Дагестана. ССКГ, VII, Тифлис, 1870; Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан в 1882 году. Известия РГО, 1884, т. XX, вып. 4; С. Габиев. Лаки, их прошлое и быт. СМОМПК, т. XXXVI, Тифлис, 1906; Е. И. Козубский. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура. Выпуск I, 1902. Вып. II, 1904. Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. 1, СПб., 1871.

[9] Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис, 1890; Обзор Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1893—1916; Кавказский календарь на 1846—1917 гг., Тифлис, 1345—1916 гг.; Записки Кавказского общества сельского хозяйства. Вып. I—XXII, Тифлис, 1855—76; Сборник сведений о кавказских горцах, тт. I—IX, Тифлис, 1871—1885; Даргинский округ. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис, 1887; Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею, тт. I—12, Тифлис, 1866—1904 и др.

[10] Например, «Современный Дагестан». По материалам НК РКИ ДССР, Махачкала, 1926; Статистический сборник 1925—26 гг. Дагестанское статистическое управление. Махачкала, 1926; «Даргинцы. Социально-гигиеническое исследование народностей Дагестана». Выпуск I, М.—Л., 1930; Статистико-экономический справочник по ДАССР, Ростов н/Д., 1933; «Советский Дагестан за 40 лет». Статистический сборник. Махачкала, 1960; Сельское хозяйство Дагестана. М., 1940; Сельское хозяйство Дагестана. М.—Л., 1946 и др.

[11] И. Р. Нахшунов. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956; А. Д. Даниялов. Сельское хозяйство Дагестана за 40 лет Советской власти в республике. «Сельское хозяйство Северного Кавказа», № 3, Краснодар, 1960; Г. Г. Османов. Коллективизация сельского хозяйства в Дагестане. Махачкала, 1961; Х. М. Хашаев. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1957; Э. В. Кильчевская, А. С. Иванов. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959; Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.—Л., 1949.

истории. С этих позиций советская историография рассматривает, в частности, вопрос о развитии различных домашних промыслов.

Советские историки показали, что бедность горцев, примитивность многих орудий и приемов хозяйствования сохранялись в течение столетий в условиях социального и национального неравенства. Успехи социалистического строительства в Дагестане, мощный подъем сельского хозяйства, создание современной индустрии показали, что в условиях социальной справедливости даже в Дагестане, считавшемся крайне бедным краем, возможно создать обилие материальных благ и удовлетворять материальные и духовные запросы населения.

* *
*

По природным условиям территорию даргинцев можно разделить на четыре зоны: плоскость с нижним предгорьем, предгорье, горы и горные долины. Особенности рельефа, почвы, климата, речных систем и пр в каждой из них различны в той степени, какая дает право считать их отдельными зонами.

Наименьшей из этих зон является плоскость. Хотя даргинцы занимали эти места еще в период раннего средневековья, о чем свидетельствует, в частности, топонимика,[12] но в XIX веке, за редкими исключениями, на плоскости даргинцы не проживали. Только в советское время часть безземельных горцев переселилась на плоскость. Так образовались и даргинские селения Первомайское, Герга и др.

Близким к плоскости по природным и климатическим условиям является нижнее предгорье, образующее с нею почти однородное целое. Почвы луговые, светло-каштановые. Почвенный слой довольно толстый, эрозийных процессов почти не наблюдается. Климат своеобразный, сочетающий сухое лето и дождливую осень; нередки ветры. Лето настолько жаркое, что без орошения, сельскохозяйственные культуры, созревающие только к осени, здесь не выращивались. Разведение таких культур стало возможным только в советское время с проведением новых оросительных каналов.

Умеренно-холодная зима в сочетании с жарким летом и дождливой осенью наилучшим образом отвечает условиям выращивания озимых культур, что здесь и практикуется с давних пор.

Климатические условия вызвали и исторически сложившееся приспособление части плоскостных земель, непригодных для посевов, под зимние пастбища. Знойное лето высушивает здесь всю растительность, но муссонные дожди осенью увлажняют почву и земля успевает покрыться до зимних холодов свежей травой. Сравнительно мягкая зима, отсутствие постоянного снежного покрова, позволяет выпускать скот на эти пастбища и содержать на подножном корму до перехода на летние горные пастбища.

Водные ресурсы зоны ограничены, недостаток воды здесь ощущается постоянно. Главные реки, которые полностью или частично используются для орошения, это Уллучай, Гамри-озень, Манас-озень.

Растительный и животный мир зоны разнообразен по видовому составу, но беден. Из растительности преобладают полынь и солянка, в нижнем предгорье — ксерофитные кустарники.

Предгорная зона более расчленена и представляет собой ряд возвышенностей, тянущихся с юго-востока на северо-запад и повышающихся к западу. Местами отдельные хребты расширяются, образуя небольшие плато.

---

[12] Х.-М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX веке, стр. 167; Ср. об этом у С. Ш. Гаджиевой: «Нет сомнения, что под кумыкским языком населения этой полосы территории лежит даргинский субстрат». — Кумыки, стр. 44.

Климат умеренно теплый. Осадков больше чем в плоскостной зоне (500—600 мм). Снежный покров держится здесь дольше чем на плоскости, чему в немалой степени способствует большая насыщенность лесами и кустарниками.

Почвы темно-каштановые, весьма ценные для богарного земледелия, бурые горно-лесные, черноземные, также активно используемые под посевы, буроземы. Отличительная особенность почв предгорья — наличие больших площадей почв горно-лесного происхождения.

Мощность почвенных слоев здесь также достаточно велика, эрозия наблюдается только в местах массовой вырубки леса.

Речная система предгорной зоны более богата.

Растительность и животный мир предгорья также являются наиболее богатыми сравнительно с другими зонами. Здесь сосредоточена основная масса лесов Даргинии, состоящих из дуба, граба, бука, липы и др. Лесные богатства всегда использовались довольно таки активно, а в части селений, особенно в Верхнем Кайтаге, где ощущался земельный голод, даже сложились промыслы, связанные с использованием леса.

Горная зона является наибольшей из всех зон. Она представляет собой ряд известняковых хребтов, вытянутых с северо-запада на юго-восток. Хребты эти разделяются на отдельные массивы с глубокими долинами между ними.

Речные долины здесь небольшие. Почвы черноземные, каштановые, горно-луговые и культурные террасные. Черноземы, распространенные на платообразных возвышенностях, являются наилучшими почвами для горного земледелия, горно-луговые же — для сенокосных и пастбищных угодий.

В некоторых местах горной зоны встречаются почвы небольшой мощности скелетного характера. На них и на горно-луговых почвах, в течение длительного времени используемых под пастбища, сильнее заметны следы эрозионного процесса.

Характерная особенность нагорного Дагестана и долинной зоны— наличие культурных террасных почв, почти целиком созданных руками человека (выравнивание, перенос почвы, удобрение и пр.). По своим агротехническим свойствам они приближаются к почвам сухих степей и, как правило, требуют орошения (особенно расположенные ниже).

Климат нагорного Дагестана ровный, хотя и со многими микрозональными особенностями. В целом его отличают сухость и континентальность. Ярко выражен летний максимум осадков, вообще основная часть осадков выпадает в вегетационный период. Лето жаркое, с частыми грозовыми ливнями, зима отличается обилием солнечных дней.

В растительности горной зоны имеется одна особенность — резкое отличие между нижними и верхними частями гор, а также между южными и северными склонами. Для южных склонов и небольших высот характерна нагорно-ксерофитная растительность, особенно полезная на каменистых и обрывистых склонах, где она содействует почвообразованию, укрепляя своей мощной корневой системой почвенный покров.

Выше ксерофиты сменяются горно-луговым поясом, переходящим в субальпийский луговой. Этот последний пояс отличается богатым травостоем, и играет огромную роль в хозяйстве даргинцев, так как используется под летние пастбища населением всех зон. Лесов в горах почти нет.

Здесь обитают такие древние представители кавказской фауны, как дагестанский тур, безоаровый козел и др. Встречаются также серна, горная индейка, куропатка и др. Однако охотничий промысел здесь развит слабо.

Четвертая, горно-долинная зона находится внутри нагорной. В природно-климатическом отношении в основном выделяются долина Казикумухского Койсу в его среднем течении и долина Акушинки в ее нижнем течении.

Эти долины представляют собой глубокие котловины, окруженные несколькими хребтами. Склоны гор здесь обрывисты и каменисты, поэтому они сильно размыты и почвы сильно эродированы. Однако смытая почва скопилась в котловине. В результате здесь образовались очень мощные почвы аллювиального и эрозионного происхождения.

Климат долин сравнительно с климатом горной зоны теплее зимой и жарче летом, а количество осадков меньше. Кроме того, здесь почти совсем не бывает ветров, туманов и поэтому горно-долинная зона представляет собой сравнительно лучшее место для интенсивного садоводства.

Растительность горно-долинной зоны очень бедна. Лишь на северных склонах, окружающих долины хребтов и на их вершинах имеются мощные травяные покровы. Беден здесь и животный мир (заяц, лисица, волк, куропатка и др.). Поэтому охотничий промысел здесь развит еще слабее, чем в горах. Зато здесь богат растительный мир, созданный руками человека. Вся поверхность долин занята фруктовыми садами. Вообще, горно-долинная зона в большой степени являет собой пример активного воздействия человека на природу — здесь много культурных террасных полей, садов, оросительных систем и пр.[13]

Следует добавить, что природно-климатическая зона не определяет полностью хозяйственного лица зоны, т. е. она не равнозначна исторически сложившейся социально-экономической зоне, ибо в складывании социально-экономической зоны немалая роль принадлежит таким факторам, как дороги, занятия соседей, обменные связи и их интенсивность, политические изменения (например, включение в экономически развитую или, наоборот, отсталую страну, войны, нашествия), защищенность от вторжений, оторванность от других народов, упадок или подъем соседних областей, близость торговых путей.

Влияние факторов общественно-исторического характера особенно увеличивается начиная с позднего средневековья, когда ослабевает внутренняя межплеменная борьба и складываются более или менее крупные политические объединения. Так, например, горно-долинная зона выделилась как социально-экономическая зона сравнительно поздно, примерно с XVI века, а до этого она мало отличалась от горной. Отказ от яровых посевов на склонах и переход к интенсивному садоводству связан с установлением регулярных сношений с плоскостью, ставших возможными с уменьшением межплеменных столкновений.

Такие же изменения происходят и в других зонах, например, на плоскости с нижним предгорьем. До позднего средневековья здесь было слишком тревожно и поэтому не было крупных очагов земледелия и садоводства. Когда же здесь стало относительно спокойно, население начало развивать земледелие и разводить крупный рогатый скот, а овцеводство отступило на задний план.

---

[13] Н. И. Кузнецов. Нагорный Дагестан и значение его в истории развития флоры Кавказа. Известия РГО, т. XVI, вып. VI—VII, 1910; Б. Ф. Добрынин. География Дагестанской АССР. Махачкала, 1926; его же. Ландшафтные (естественные) районы и растительность Дагестана. Махачкала, 1927; его же. Даргинский округ. Физико-географический очерк. «Даргинцы»; Н. А. Коростелев. Климат Дагестана. М., 1931; С. В. Зонн. Почвы Дагестана. Сб. Сельское хозяйство Дагестана. М., 1940; его же. Опыт естественно-исторического районирования Дагестана. Сб. Сельское хозяйство Дагестана М,.—Л., 1946; Е. В. Шифферс. Природная кормовая растительность горного Дагестана. Сб. Сельское хозяйство Дагестана», М.—Л., 1946; К. Гюль, С. Власова, И. Кисин, А. Тертеров. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959.

Начиная с XIII—XIV веков происходят общие для всего Дагестана сдвиги, которые существенным образом сказываются на географическом разделении труда. Ведь не случайно примерно в конце первого тысячелетия н. э. такие предгорные селения, как Губден и Кадар, облагаются данью из баранов, а горные — Акуша, Цудахар, Усиша — крупным рогатым скотом (причем, именно быками).[14]. В более позднее же время Губден и Кадар стали славиться земледелием и разведением крупного рогатого скота, а горные селения — овцеводством и садоводством. Налицо резкое изменение профиля занятий, ибо дань — один из основных показателей основного занятия населения (в том же реестре податей Кубачи, например, обложено данью из ружей).[15]

Бывают и более мелкие, преходящие факторы, которые способствуют возникновению изменений в хозяйстве края. В период Кавказской войны, например, нарушение традиционных связей вызвало оживление многих заброшенных занятий и повышение натуральности хозяйства. А окончание войны и присоединение к всероссийскому рынку вызвало в хозяйстве новые изменения.

Таким образом, при изучении хозяйства разделение на природно-климатические зоны должно сопровождаться анализом влияния факторов общественного порядка; действие и взаимодействие факторов обеих категорий (природно-климатических и общественных) образует социально-экономическую зону. Отличие последней от первой заключается прежде всего в ее историчности.

1. ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

При первом же ознакомлении с аграрными отношениями в XIX веке становится очевидным, что формы землевладения в разных местах даргинской территории сильно различались. В целом можно установить три категории земель, различающихся по степени развитости феодальных отношений. К первой категории относятся земли Нижнего Кайтага, Кадар и некоторые другие селения, ко второй — часть селений Верхнего Кайтага и кубачино-даргинского нагорья; третья, самая многочисленная группа — это селения бывшего Акушинского союза союзов «вольных обществ» и Сюргинского союза.

На землях первой категории феодальные отношения были сравнительно развиты. Все источники XVIII—XIX вв. указывают, что на этих землях имеются феодалы и зависимые крестьяне.[16] Так, например, в селении Чумлы, крестьяне должны были нести в пользу владетелей различные натуральные повинности, как например, обеспечивать их дровами, обмолачивать хлеб, скашивать, собирать, сушить и подвозить сено с угодий владетелей, давать по их требованию транспорт или самим на арбе отвозить зерно, фураж и пр. куда укажут владетели. Характерно, что пашни владетелей находились в Теркеме, а в Чумлы были только сенокосные угодья. Это показывает, что в процессе феодализации крупные собственники легче создавали большие владения за счет общинных земель, а не частных мюльков. Процесс феодализации зашел здесь не так далеко, как на плоскости, поэтому крупные массивы пахотной земли владетели имеют в Теркеме, а в Чумлы только присвоенные общинные сенокосные угодья.[17]

---

[14] А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 53.
[15] Там же.
[16] Д. И. Тихонов. Описание Северного Дагестана. ИГЭД, стр. 133.
[17] Полевой материал 1961 г. Инф. А. Мутуков. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 3020.

В другом селении — Кадаре — зависимость крестьян в середине века носила характер не только отработочной, но и натуральной ренты. Каждый крестьянин должен был отдавать феодалу одну овцу с приплодом от каждых тридцати овец, обязан был со своими быками выходить на ханские земли один день на пахоту, один день — на жатву и один — на сенокос.[18]

Вторая группа селений характеризуется тем, что феодальная зависимость выражена здесь в менее четкой форме. Селение входит в какое-либо феодальное объединение, подчиняется политической власти владетеля, поставляет в случае необходимости воинов, но непосредственной экономической феодальной зависимости мы здесь не находим; феодальная рента выступает здесь в замаскированной форме, например, в виде подарков от общины за пользование ханской землей, в виде предоставления представителям бекских фамилий права выбора участка без жребия, в виде огромных помочей, устраиваемых для выполнения сельскохозяйственных работ на бекских землях и т. п. К таким селениям относятся Буркундарга, некоторые селения Верхнего Кайтага и кубачино-даргинского нагорья.

В целом можно сказать, что феодальная зависимость в чистом виде, без тесного переплетения с общинно-патриархальными пережитками, без стремления представителей феодальной верхушки всячески использовать в целях маскировки различные древние, дофеодальные общинные установления, адаты и пр. — на даргинской территории не встречаются нигде.

В третьей группе селений, где феодальные отношения наименее развиты, подчас трудно установить, в чем заключалась феодальная зависимость крестьянина, в какой форме владетель получал феодальную ренту. Тем не менее подавляющее большинство советских историков[19] считают, что здесь налицо феодальные отношения, только «скрытые под покровом патриархально-общинного строя и родовых пережитков»,[20] что к «началу XIX в. у даргинцев происходил процесс перехода от старого строя к раннефеодальному строю».[21]

Мы не ставим перед собой целью специально исследовать этот вопрос, однако, считаем нужным ввести в научный оборот некоторые фактические материалы. К сожалению, они неполны, поэтому наши выводы являются пока что предварительными, гипотетичными.

В селениях третьей группы мы «не находим чисто феодальных землевладений»,[22] сословного деления, крепостных крестьян,[23] дани, выплачиваемой владетелям, ни даже форм публично-правового подданства.[24] Однако при решении такого вопроса следует помнить указание К. Маркса о том, что «один и тот же экономический базис — один и тот же

---

[18] Полевой материал 1962 г. Инф. Магомед Изиев, 100 лет.

[19] Ср. С. В. Юшков. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане. Ученые записки Свердловского Госпединститута. Вып. I (исторический). Свердловск, 1938.

[20] А. В. Фадеев. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960, стр. 295.

[21] Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX веков, стр. 141; Х.-М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX веке, стр. 172; Г. Г. Османов. О социальном строе Дагестана в конце XVIII — начале XIX веков. «Уч. зап. ИИЯЛ», VII, Махачкала, 1960, стр. 162—164 и др.

[22] Х. М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX веке, стр. 169.

[23] Ср. В. Линден. Высшие классы коренного населения Кавказского края. Тифлис, 1917, стр. 114.

[24] Ср. И. Г. Гербер. Указ. соч. ИГЭД, стр. 101; Д. И. Тихонов. Указ. соч., ИГЭД, стр. 131; С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II, М., 1823, стр. 308; М. Я. Ольшевский. Воспоминания. Кавказ с 1841 по 1866 г. СПб., 1894, ч. I, стр. 291; Записки А. П. Ермолова, ч. II, стр. 65.

со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д., может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств».[25]

С этой точки зрения надо, по-видимому, обратить внимание на экономическую зависимость вольных обществ от уцмия и шамхала. Еще И. Гербер указывал, что акушинцы пригоняют на зимние пастбища стада «и за то усмею положено пошлин платить».[26] Д. Тихонов тоже указывает, что для акушинцев «главная их нужда состоит та, что... принуждены нанимать на зимнее время завсегда в шамхаловом владении лежащие на плоскости кутаны и по той самой причине его уважают».[27] П. Зубов также указывает, что недостаток пастбищ и соли ставит акушинцев в «некоторую зависимость» от шамхала.[28] То же самое говорят С. Броневский[29] и М. Ольшевский, причем последний подчеркивает, что это не дань, а «плата за пастьбу стад».[30]

На плоскости земли владетелей были феодальной собственностью и феодализм здесь выступает в отчетливой форме. Следовательно, в данном случае даргинцы уплачивали феодальную ренту в виде арендной платы за используемые пастбища, и в этом смысле можно говорить о том, что они в какой-то мере находились в феодальной зависимости. Не исключена возможность, что в начале складывания этих отношений они имели характер взаимных обязательств (земля — военная помощь).

Таким образом «вольные общества» были втянуты в отношения фактической феодальной зависимости. Особенность этой зависимости заключалась в том, что она не осознавалась общинниками, ибо уплата феодальной ренты носила замаскированный характер. Разумеется, при таких условиях не могло быть речи о каком-либо внеэкономическом принуждении, что и составляет особенность этих феодальных отношений.

Элемент принуждения заключен здесь в самом характере феодальной собственности, в характере тех земель, которые были захвачены в феодальную собственность при существующей зональной специализации хозяйства. Мы уже говорили выше о том, что примерно с XIV века, с дальнейшим развитием производительных сил в Дагестане происходят существенные изменения в географическом разделении труда: земледельческое освоение плоскости и усиление скотоводческого направления в горах. Своеобразные отношения феодальной зависимости, сложившиеся между плоскостными феодалами и горными обществами следует, видимо, поставить в связь с этим перераспределением в хозяйственной специализации отдельных зон. Процессы эти вообще взаимосвязаны и взаимообусловлены. Изменения в зональном разделении не могли произойти, если бы не образовались крупные политические объединения, которые уменьшили число междоусобиц, и таким образом создали условия для усиления обменных связей и появления местной специализации.

Складывание этой специализации вызвало потребность в использовании зимних пастбищ, что способствовало, в свою очередь, складыванию зависимых отношений между плоскостью и горами.

---

25 К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 804.
26 И. Гербер. Указ. соч., ИГЭД, стр. 83.
27 Д. И. Тихонов. Указ. соч., ИГЭД, стр. 131.
28 П. Зубов. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель, ч. III, стр. 252.
29 С. Броневский. Указ. соч., стр. 302—308.
30 М. Я. Ольшевский. Указ. соч., стр. 291.

Сама же плоскость не зависела в экономическом отношении от гор, так как здесь имелась возможность производить хлеб, разводить скот и даже пасти его на предгорных летних пастбищах. Немалую роль в складывании зависимости горных обществ от феодальных владетелей играло и то, что завоеватели укрепляли власть местных правителей, распространяли ее на новые земли.

Видимо, не без влияния завоевателей сложился и институт акушинских кадиев. В этом немалую роль сыграло, на наш взгляд, то обстоятельство, что ислам здесь утвердился позднее чем в других областях. Возможно, что мусульманские завоеватели, затратив немало сил на внедрение ислама среди даргинцев решили учредить в селении Акуша что-то вроде патриаршего престола, который должен был способствовать утверждению ислама. А чтобы престол имел достаточный авторитет, ему присвоено было право венчания дагестанского падишаха-шамхала. Ничем другим нельзя объяснить отмеченный наблюдателями обряд надевания папахи на вновь избранного шамхала представителями акушинского кадия, причем после этого он «уже признан будет от всех народов шамхалом»[31].

Вопрос о факторах, задерживавших в горной Даргинии рост феодального землевладения, очень сложен и требует, конечно, специального исследования. Видимо, большую роль в этом сыграли недостаток земель и особенности общинного землепользования. Главная из них заключалась в том, что пользование общинными землями носило, ввиду их недостаточности, активный характер. Иными словами, община постоянно пользовалась почти всем фондом своих земель. А в условиях становления феодальной собственности это имело огромное значение, ибо нарождающийся феодал часто начинает с того, что захватывает никому, как будто, не нужные земли, различные лесные, покосные и пастбищные угодья. Но уже через одно поколение выясняется, что земля эта нужна общинникам, однако, пользоваться ею они не могут — это надо оплачивать.

Подобная ситуация в горах была почти невозможна ввиду интенсивного использования наличного фонда земель. К этому следует добавить тот факт, что в горах рано сложилось частное землевладение, в каждой общине имелись принадлежащие отдельным общинникам участки. В окультуривание этих небольших участков горцы вкладывали очень много сил и такая собственность, конечно, была трудно отделима от самого мелкого собственника и яростно им защищалась.

Остановимся на формах общинного землевладения у даргинцев. При первом же взгляде бросается в глаза его универсальность — от лесных угодий и вод до токов для молотьбы хлеба. Вторая черта — в общинном владении осталось мало земель основных категорий (пашни, покосы); они находятся уже в частном владении; третья — сельский, соседский характер общинного землевладения и землепользования; четвертая — община выступает как верховный собственник земли, и подчас даже частная собственность вынуждена бывала отступить перед ней.

Рассмотрим это на конкретных примерах. В с. Гапшима общине принадлежали все пастбищные и покосные угодья. Каждое угодье делилось на три (по числу кварталов) участка, которые каждый год переходили от квартала к кварталу. Говоря о таком способе раздела общинных земель, К. Маркс отмечал, что члены общины, «не пройдя курса наук по теории земельной ренты, поняли, что одинаковая сумма труда, затраченная на полях различных по своему естественному плодородию

---

[31] Д. И. Тихонов. Указ. соч., ИГЭД, стр. 131.

и местоположению дает и различные результаты», «что это (перераспределение. М. О.) делалось «с целью уравнять шансы своего труда».[32]

Была еще общинная пашня, но она не делится по кварталам, а разбивается на число паев, равных числу всех членов общины; затем эти паи распределялись по жребию.

Охрану общинных земель осуществляли сторожа, по три от каждого квартала. Они же делили общинный лес на три участка, по одному на квартал; эти участки потом делились на паи между жителями квартала. Пережитком родовых институтов следует считать тот факт, что участки отдельных кварталов оставались неизменными по величине, независимо от числа их жителей. Это наталкивает на мысль, что Гапшима был вначале территориально-родовым селением и вся земля принадлежала нескольким родовым коллективам, проживавшим в отдельных кварталах. С течением времени кварталы перестали быть родовыми, но пережиточные явления такого деления сохранились.[33]

Большой интерес вызывает наличие в общинном владении некоторых селений пахотных участков. Этому могло способствовать несколько причин. В Кадаре, например, половина этой пашни оставлялась каждый год для выпаса скота, что наталкивает на мысль, что когда-то в связи с ростом селения, община решила запахать общими силами часть общинных пастбищ и распределять ее паями между всеми членами общины каждый год.[34] Это подтверждается тем, что в Гапшима все угодья делятся по кварталам, а пашня — нет, что может свидетельствовать о ее позднем происхождении. Об этом свидетельствует и прямое указание в аварском селении Кулецма на то, что общинная пашня — это запаханное в виду роста села пастбище.[35] Могло быть и так, что этот массив принадлежал раньше какому-либо крупному землевладельцу, изгнанному или ушедшему в связи с изменением политической обстановки, или же какому-либо вымершему или выселившемуся роду, селению.

В громадном же большинстве селений пашня находилась в частном владении, а остальные угодья — в общинном. Это наиболее распространенный путь эволюции общинной собственности, когда на землях, которыми владеют «сообща как собственностью общины» выделяются отдельные частные участки, возникшие в результате индивидуального запахивания («после того, как кто-нибудь обработал кусок земли, он имеет на нее личное право, которое может продать другому члену общины»).[36]

Следующим этапом эволюции общинной собственности является захват в частное владение общинных покосов. Это связано с дальнейшим развитием производительных сил, распадом больших патриархальных семей, развитием товаро-обменных связей и процессом дифференциации. Переход покосов в частное владение был еще одним шагом по пути социального развития общества, по пути разложения соседской общины и феодализации.

Для позднего этапа разложения общины характерно усиление другой системы пользования общинными угодьями — открытой. Это значит, что больше выкашивали те, у кого больше скота, кто мог больше накосить, больше привезти, привлечь помощь со стороны во время косовицы. В данном случае община уже отказалась от своих уравнительных тенденций и общесельская собственность оказывается достоя-

---

[32] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 696.
[33] Полевой материал 1961 г. Инф. О. Алиев, 80 лет, Рук. фонд ИИЯЛ, д. 3020.
[34] Полевой материал 1962 г. Инф. Я. Абасов. 73 года.
[35] Полевой материал 1963 г. Инф. А. Абакаров, 81 год.
[36] Г. Морган. Древнее общество, Л., 1935, стр. 321.

нием богатой сельской верхушки. На плоскости и предгорье эта «открытость» угодий привела в конечном счете к тому, что их постепенно приобрели к рукам феодалы. Такое превращение общинной собственности произошло, например, в селениях Ахмедкент, Джавгат и др.[37] В некоторых горных селениях, находящихся на оживленных торговых путях в XIX веке также происходит разрушение общинного землевладения. Так, например, в сел. Цудахар имелись уже не только частные пашни и покосы, но и частные пастбища.[38] Это показатель явно усилившейся поляризации богатств среди населения. Часто уже сама община помогает складыванию частных владений, уступая отдельным лицам за плату общинных угодий. Характерно, что в некоторых селениях частное владение сохраняло иногда форму коллективной тухумной собственности.

Были и другие формы использования богатой верхушкой сельских угодий. Так, например, очень часто сельские горные пастбища использовались несколькими барановодами, которые вообще ничего не платили за это общине или же платили так мало, что плата эта была скорее символическая, чем реальная.

Так, например, в сел. Мекеги крупным барановодам отдавали на выпас сельские пастбища, а с них брали плату баранами, которых распределяли среди общинников.[39]

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что в предгорье и на плоскости были налицо сравнительно развитые феодальные отношения, имелись феодалы и феодальная собственность категории феодально-зависимых крестьян, иными словами здесь были налицо основные институты феодального строя.

В горной же части Даргинии феодальные отношения были менее развиты и сильно переплетены с патриархально-общинными пережитками. Однако такие институты, как развитые формы частной собственности, соседская община, уплата плоскостным феодалам феодальной ренты, обязанность выставлять военную силу, мечетская собственность, использование общинных угодий местной верхушкой, эксплуатация крестьян духовенством, использование верхушкой в своих целях различных обычаев, в частности, обычая взаимопомощи и пр. свидетельствуют о преобладании феодальных отношений.

2. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И САДОВОДСТВО

Хозяйственная деятельность даргинцев в XIX веке была весьма разнообразна. Основными занятиями с древнейших времен было земледелие и скотоводство, причем всегда, начиная с энеолита и кончая XIX веком, они сосуществовали, не только дополняя друг друга, но и обеспечивая возможность совместного существования. С XIX века, с усилением товарообменных отношений и углублением местной специализации намечаются тенденции, свойственные товарному хозяйству, но укрепляются эти тенденции только с присоединением к России.

Ближайшее знакомство с земледелием даргинцев показывает его развитость и давность. Подтверждение этому мы находим в археологических материалах, письменных источниках и пр.

Археологически земледелие фиксируется в горном и предгорном Дагестане в позднем неолите. В эту эпоху микролитоидный инвентарь,

---

[37] Полевой материал 1961 года. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 3020.
[38] Полевой материал 1962 года. Инф. К. Муртузалиев, 80 лет. Рук. фонд ИИЯЛ.
[39] Полевой материал 1961—1962 гг. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 3020.

свойственный хозяйству охотников и собирателей предшествующих эпох, сменяется макролитоидным[40], а такое резкое изменение инвентаря могло быть вызвано, как и в других областях Азии и Кавказа, только коренными изменениями в хозяйственной деятельности населения, а именно переходом к земледелию в сочетании со скотоводством.[41]

В энеолитическую эпоху земледельческо-скотоводческий тип хозяйства получает дальнейшее развитие, о чем свидетельствуют находки в поселениях близ Гапшима и Мекеги кремневые вкладыши серпов, зернотерки, сосуд с отпечатками голозерного ячменя, кости крупного и мелкого рогатого скота.

Остатки жилищ, мощный культурный слой, значительное количество костных остатков, орудий и пр. на Мекегинском поселении свидетельствуют об устойчивости оседлого быта хозяев поселения, наравне с другими факторами, являются убедительным доказательством существования здесь земледельческо-скотоводческого хозяйства.[42]

Эпоха бронзы показывает дальнейшее развитие и укрепление земледельческо-скотоводческого типа хозяйства. Об этом свидетельствуют зернотерки, каменные мотыги, кремневые вкладыши серпов, обугленные зерна, их отпечатки на обломках керамики и другие находки.[43]

Эпоха железа и средневековье характеризуются упрочением и дальнейшим развитием земледельческо-скотоводческого хозяйства. Характерной чертой этой эпохи являются крупные изменения в земледельческой технике и появление железных орудий. Наиболее убедительными доказательствами этого процесса являются такие находки, как железный серп,[44] молотильные доски и вкладыши от них,[45] а также уникальное металлическое зеркальце, на оборотной стороне которого можно видеть сцену пахоты с помощью бычьей упряжки.[46]

Таким образом, археологические материалы с достаточной убедительностью показывают как древность оседлого земледельческо-скотоводческого типа хозяйства в предгорном и горном Дагестане, так и непрерывность его и эволюцию от собирательского до пашенного земледелия с развитым скотоводством. Древность и значительность удельного веса земледелия в хозяйстве дагестанцев доказывается и рядом других фактов.

Взять к примеру архитектурные традиции дагестанцев, Дагестанское поселение известное еще с эпохи бронзы, озокальное по характеру с его своеобразной ступенчатой архитектурой, с многоэтажными слож-

---

[40] В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. МАД II, Махачкала, 1961, стр. 19—23.

[41] В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 23; его же. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. УЗ ИИЯЛ, т. IX, Махачкала, 1961, стр. 283—284.

[42] В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, стр. 24; его же. Отчет о работе 2-го Чиркейского (I-го горного) отряда Дагестанской археологической экспедиции ИИЯЛ в Дагестане в 1959 году. РФ ИИЯЛ, д. 2643, л. 32; его же. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане, стр. 285.

[43] В. М. Котович. Верхнегунибское поселение. Предварительное сообщение о раскопках 1958 г. МАД, II, стр. 107; В. Г. Котович. Отчет о работе 2-го Чиркенского (I-го горного) отряда Дагестанской археологической экспедиции (ДАЭ), л. 64—65; К. А. Бредэ. Новые поселения на Сулаке. Тезисы докладов на научной сессии ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959, стр. 25—27; В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. УЗ ИИЯЛ, т. III, Махачкала, 1957, стр. 158.

[44] М. И. Пикуль. Хабадинский могильник, МАД, II, стр. 158.

[45] В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане, стр. 288; А. А. Русов. Отчет о летних и осенних археологических работах в Южном Дагестане. V археологический съезд, т. I. Труды предварит. комитетов, М., 1882, стр. 542—544.

[46] В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, стр. 47; его же. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане, стр. 289.

ными ансамблями, с большими высокими башнями не могло сложиться без длительной исторической эволюции, иными словами без глубоких традиций оседлого быта, который мог опираться только на земледельческо-скотоводческий тип хозяйства.

Некоторые данные в пользу данного тезиса имеются и в неписьменных источниках. Так, например, в эпоху арабских завоеваний в дани, которой облагались земли дагестанцев, фигурирует, главным образом зерно. Такова дань, наложенная Мерваном (середина VIII в.) и состоящая только из рабов и зерна [47]. Если даже сами цифры преувеличены, важно, что размеры дани исчисляются в зерне — факт сам по себе симптоматичный. Об этом же свидетельствуют реестры податей аварского нуцала и казикумухского шамхала более позднего времени. В перечне доходов нуцала характерно, что зерно берется с каждого дома, а бараны берутся только с тех, «кто имеет стадо» [48], что косвенно говорит о незначительности овцеводства. В другом перечне, шамхальском, Кайтаг, Акуша, Цудахар, Усиша обязаны платить дань быками или буйволами [49].

В этом плане обращает на себя внимание тот факт, что в адатах дагестанцев единицей измерения штрафов часто являлся бык, причем порою и в тех случаях, когда провинность небольшая и можно было бы ограничиться, например, бараном [50]. А то, что этого не делали, говорит о том, что быки издавна стали наравне с зерном мерилом экономической жизни, хозяйственных отношений.

Следует учесть также, что в горах Дагестана «хлебопашеством занимаются все без исключения»[51]. Это свидетельствует о том, что хлебопашество являлось не только необходимым занятием, но даже в какой-то степени внутренней потребностью горцев. Поэтому горец прилагал все усилия, чтобы создать или приобрести участок пашни. Не случайно в горах цена пахотного участка доходила до огромных сумм — до нескольких тысяч рублей за десятину [52].

В быту горцев, в их повседневной жизни мы также находим немало штрихов, которые говорят в пользу нашего тезиса. Так, например, большинство даргинцев, заготавливая мясо на зиму, обычно режут быка или корову («ккула»). Если же бедняк не был в состоянии зарезать быка (что случалось, конечно, часто), то объединялось несколько человек, которые совместно откармливали одного быка. Интересно отметить, что заготовка мяса в любом виде называется «ккула», хотя фактически так называется именно убойный бык. Это может свидетельствовать как о преимущественном разведении крупного рогатого скота, связанное с земледелием, так и о том, что бык, возможно, являлся жертвенным животным во время различных обрядов, в том числе земледельческих.

Не менее важен и тот факт, что в рационе даргинцев земледельческая пища преобладает настолько, что выражения «кушать» вообще и «кушать хлеб» являются синонимами. Другой факт — обилие названий хлеба — (кьацI, цIулхIе, диква, мучари и др.).

---

[47] В. М. Котович. Указ. соч., стр. 107—108; В. Г. Котович. Отчет о работе 2-го Чиркейского (1-го горного) стряда ДАЭ, л. 64—65; его же. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане, стр. 287.

[48] Мухаммед Рафи. Извлечение из истории Дагестана, ССКГ, V, Тифлис, 1871, стр. 11. Дербент-Наме. Прил. IX, Тифлис, 1898, стр. 167—168.

[49] Мухаммед Рафи. Указ. соч., стр. 23; А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 53.

[50] Адаты даргинских обществ. ССКГ. VII, Тифлис, 1873, стр. 34—123.

[51] Н. Абельдяев. Сельское хозяйство у дагестанских горцев. «Журнал Министерства государственных имуществ», 1857, ч. 64, № 8, стр. 25.

[52] Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан в 1882 г., стр. 399; М. Владыкин. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу, ч. II, М, 1885, стр. 215; С. Габиев. Лаки, их прошлое и быт, стр. 100.

Много подобных фактов мы находим в языке и фольклоре. Например, заздравный тост у даргинцев «дерхьаб» означает «да будет урожай», причем отвечающий на тост говорит «хъу дерхъаб», т. е. «да будет на пашне урожай». Или, например, когда хотят пожелать человеку чего-нибудь очень хорошего, тоже говорят «хIела хъу дерхъ» («чтобы твои пашни дали обильный урожай»), «хIела къали анкIили бицI («чтобы твой дом наполнился пшеницей») и т. д.

Показательно также обилие пословиц и поговорок, связанных с земледелием и, что особенно важно обилие пословиц, выражающих посредством земледельческих терминов многие отвлеченные мысли: «У старого быка борозда больше», «Веешь зерно, знай размеры гумна», «Если посадить на молотильную доску, даже заяц смолотит зерно», «Кто не оказал почета гостю, у того поля не заколосятся», «Нежданный урожай голову кружит», «Поле словом не засеешь», «Посеяв ячмень—пожинает пшеницу», «У кого земли много, у того быки тощие»[53]. Или, например, культ солнца, проявляющийся во многих аспектах (ориентация поселения, клятва именем солнца, господство изображений солнца в орнаментике и пр.). Это является общепризнанным показателем древности и важности в хозяйстве земледельческих традиций[54].

Другим серьезным показателем этого является наличие лексической общности основных земледельческих терминов у горцев Дагестана, особенно таких как серп, соха, ячмень, овес, пшеница, просо, горох, чечевица, бык, просяной хлеб, пашня, мотыга, ярмо и др.[55]

Перечислять подобные примеры можно очень долго. К ним относятся, например, наличие развитого земледельческого календаря и многочисленных аграрных культов, преобладание земледельческих продуктов в ритуальной пище, наличие специальных названий для пшеничной, ячменной, просяной муки («бетIу», «мухъуре», «мучуре»), развитое террасовое земледелие, существующая в ряде селений традиция измерять покосы и пастбища единицами посева, принятыми для пашни и пр.

Выше нам уже приходилось говорить о земельном голоде в горах Дагестана, что служило тормозом для развития здесь земледелия[56]. Одним из средств увеличения пашни было создание террас.

Террасы — один из показателей высокой земледельческой культуры — имеют в Дагестане многовековую историю. Предположительно следует отнести их распространение к железному веку. Вначале террасы были небольшие, они представляя из себя, по-видимому, отдельные клочки земли рядом с поселением, подготовленные с помощью топора и мотыги. Не исключена возможность, что террассовое земледелие взаимосвязано со ступенчатой архитектурой жилища и поселения.

Появление плуга привело в горах к использованию крупных естественных террас и к созданию больших искусственных террас. Но подлинный расцвет террасового земледелия приходится на эпоху существования родственных соседствующих поселков, т. е. на I тысячелетие н. э. С этого времени и вплоть до XVI века, когда в основом завершает перераспределение географического разделения труда (связанное с образованием устойчивых политических объединений, территориальных поселений и установлением постоянных обменных связей) террасовое зем-

---

53 М. О. Османов. Даргинские пословицы и поговорки. «Пословицы и поговорки народов Востока». М., 1961, стр. 207—213. Сходные пословицы и поговорки мы находим и у других народов Дагестана. См. А. Назаревич. Отобранное по крупицам. Из дагестанской коллекции пословиц и поговорок. Махачкала, 1958.

54 Ср. С. В. Киселев. Поселение. РАНИОН, Ин-т АИ, Труды секции теории и методологии. II, М., 1928, стр. 55.

55 Ср. А. П. Генко. О названии плуга в северо-кавказских языках. Доклады АН СССР, М., 1930; С. М. Хайдаков. Очерки по лексике лакского языка. М., 1961, стр. 10—25.

56 Ср. Н. А. Абельдяев. Указ. соч., стр. 25.

леделие развивалось по восходящей линии как в отношении освоения все новых площадей, так и в отношении конструктивных изменений и улучшений. С XIV века, когда с окончанием нашествий кочевников ведущим земледельческим районом становятся плоскость и нижнее предгорье, террасовое земледелие начинает идти на убыль, продолжая развиваться только в горно-долинной зоне, где оно явилось основным рычагом в расширении садовых насаждений.

Естественно, что обилие террас в Дагестане, где не хватало своего хлеба и где животноводство играло значительную, а местами и главную роль, вызывало удивление русских наблюдателей XVIII—XIX вв. При этом было сказано немало слов об огромном «невероятно кропотливом» труде горцев, их упорстве, настойчивости, прилежании, «чрезвычайном тщании» и т. д. Не обошлось и без экзотических картинок, показывающих, как горцы взбираются с крюками на скалы и приносят сюда землю мешочками, иногда «из-за десятка верст» и пр.[57].

Классифицировать террасы затруднительно. Сами даргинцы имеют два названия — «тIалтIи» и «барк». Раньше, нам думается, термином «тIалтIи» называли искусственную, а «барк» естественную террасу. Этому можно верить не только потому, что и сейчас почти все естественные террасы называются «барк», но и потому, что это название могло произойти от слова «баргес», «баркис» — «найти». Простейший вид террасы — это небольшое поле, расположенное на относительно ровном месте на вершине горы, на плоскогорье и на некрутых травянистых склонах. На некаменистых склонах террасы почти не имеют каменных стенок, их заменяли естественные откосы («хяри»), чему способствовали две взаимосвязанные причины: не было особой необходимости в этом и не было под рукой камней. Поэтому данный вид террас можно назвать откосным.

Второй вид — укрепленные узкие террасы крутых и каменистых склонов. Иногда они создаются даже на скальных основаниях, с искусственным созданием почвенного слоя. Поскольку нанесенная почва, так же, как почва каменистых склонов, легко смывается, большое внимание уделяют здесь укреплению террасы и отводу воды при сильных ливнях. Особое внимание уделяется укреплению стенок, когда терраса готовится под садовые насаждения, чтобы терраса не осела под тяжестью деревьев. Этот вид более всего походит на террасы, распространенные в Европе и Азии, на Дунае, в Афганистане, Йемене, Ливане и др.[58].

Третий вид, сравнительно мало распространенный, можно было бы назвать приречным, или пойменным. Техника создания такой террасы заключается в следующем. В русле реки, благодаря паводковым водам, образуются невысокие террасы из наносного ила, песка, гальки. Постепенно они зарастают травой, кустарником и, следовательно, создаются условия для почвообразования. Такую террасу со временем используют под насаждения, оградив ее крепкими валами от проникновения паводковых вод. Затем, после ограждения, вся растительность выжигается для удобрения почвы золой и наносятся азотные удобрения.

---

[57] Например, Н. Абельдяев. Указ. соч.; А. П. Ермолов. Записки, ч. II, М., 1868, стр. 101; М. Я. Ольшевский. Воспоминания. Кавказ с 1841 по 1866 гг. СПб., 1894, ч. I, стр. 193; В. А. Аедоницкий. Из поездки в Дагестан летом 1914 года. «Естествознание и география», 1916, № 8—10, стр. 2; А. Зиссерман. 25 лет на Кавказе, ч. II, СПб., 1879, стр. 32; М. Владыкин. Указ. соч., стр. 239.

[58] А. П. Ермолов. Указ. соч., стр. 21; Н. И. Вавилов, Д. Д. Букинич. Земледельческий Афганистан. Избранные труды академика Н. И. Вавилова, т. I, М.—Л., 1959, стр. 109, 136; Народы Передней Азии. Этнографические очерки. М., 1957, стр. 110, 421, 484.

Подобные террасы можно встретить в руслах Койсу, Акушинки, Левашинки, Гамри-озени и др.[59].

Следует остановиться еще на одной исторической особенности террас. Для пашен верхних высот, расположенных вокруг средневековых поселений, более характерны террасы без фундаментальных каменных стен-подпорок. Это объясняется, по-видимому, следующими обстоятельствами: во-первых, для поселений этого времени характерны зерновые посевы, террасы для которых не делались громоздкими. Во-вторых, строительство террас шло сверху вниз, и камни просто скатывались вниз и не было необходимости складывать их на границе участка. Поэтому каменная стена строится только в случае прямой необходимости. Для поселений же нижних склонов, где террасостроительство шло снизу вверх (от реки), создание террас со стенками иногда было вызвано тем, что камень нельзя было бросать вниз, на уже засеянные террасы.

Отдельные виды террас распространены по зонам неодинаково. В предгорье вообще мало террас, а имеющиеся чаще всего — естественные. В верхнем предгорье их больше; в горной зоне преобладают откосные, в горно-долинной — укрепленные.

В настоящее время, когда в террасостроительстве можно использовать современную технику, оно приобрело некоторые особенности. В частности, террасированию подвергаются сразу большие массивы склонов, причем ныне террасы более широкие и поэтому появляется возможность делать их без высоких опорных стенок, требующих больших затрат. Но террасирование ныне не единственное средство увеличения пашни.

Вспахивание производилось раньше с помощью горского плуга («дурац»), влекомого бычьей упряжью. В целом горская система земледелия может считаться паровой, с элементами плодосменной. Наиболее употребительными были зябь, ранний пар, занятой пар. Применение того или другого метода зависело от местных условий, достатка земли, пастбищ и пр. Если земли было достаточно, то под пар оставляли половину пашни, если же ее было мало — треть. Часто наблюдались случаи, когда из-за незначительности пашни применяли занятой пар и даже не оставляли никакого пара.

Зябь вспахивали сразу же после уборки урожая, до весны вспахивали еще раз и весной при севе — третий.

Наиболее распространенным видом пара был весенний (ранний) пар. Вспашка производилась первый раз в марте, затем в разгар лета и осенью перед севом. Трехкратное вспахивание считалось необходимым минимумом, а часто случалось, что пахали 5—7 раз в течение весны и лета. Это делалось для того, чтобы солнце выжгло землю с дерном. Считалось, что выжженная вместе с органическими остатками почва становится более плодородной и чем сильнее выжжешь, тем мягче и жирнее земля, тем больше влаги она удержит. Это мнение подтверждается практикой земледелия и в других местностях. Н. И. Вавилов указывал, что во многих странах с недостаточной увлажненностью применяется высушивание почвы на солнце как эффективный способ восстановления плодородия почвы [60].

Если было много земли, весенний пар применяли и вместо зяби с многократным вспахиванием. Имеющие много пашни применяли и перелог: пахотная земля делилась пополам, одна часть оставлялась невспаханной и использовалась для пастьбы скота, другая — под сев. Через год-два положение менялось. Такие переложные пары были и общесель-

---

[59] Приблизительно такую же классификацию предлагает на материале аварских террас М. Агларов. — Техника сооружения террасовых полей и вопрос об эволюции форм собственности на землю у аварцев до XX в. УЗ ИИЯЛ, т. XII, Махачкала, 1963.

[60] Н. И. Вавилов Указ. соч., стр. 180.

ского масштаба. В этом случае общество делило пашню в определенных местах на две половины и решало засевать эти половины попеременно. При этом желание хозяев участков не учитывалось — они подчинялись традиционной очередности. В год, когда пашня оставлялась для перелога, она использовалась в качестве общесельского пастбища. Мера эта повсюду вызывалась недостатком сельских пастбищ. Сам характер этого установления указывает на то, что данная пашня была в прошлом сельским пастбищем и недостаток земли вынудил использовать его на пашню, но с условием использования и для пастьбы скота.

Выпас скота на паре имел и другой смысл — топча и поедая растительность, скот уничтожал сорняки и одновременно удобрял почву. Если нехватало покосов, то переложенный пар оставляли и как покос.

Земельный голод вынуждал принять и занятой пар (сеяли на пару свеклу, картофель).

Знакома была даргинцам и плодосменная система. Иногда наблюдалось сочетание пара с правильным плодосменным севооборотом.

Пахоте, ее качеству уделялось большое внимание. Часто применялось многократное и перекрестное вспахивание. Один старик рассказывал, как он в молодости, наслушавшись пожилых людей, вспахал свой участок 6 раз. После сева он часто ходил смотреть свое поле, так как по словам этих людей оно должно было выделяться среди участков. Но после не отличалось от соседних. Однако, когда наступила летняя пора, соседние поля (кукурузы) стали желтеть, а его поле становилось тем зеленее, чем больше усиливалась жара. Существовал обычай зарывать на пашне кувшин с водой — если вода не испарится, значит почва доведена до необходимых кондиций. В связи с этим рассказывают предание о крестьянине, который решил проверить обычай. В первый раз он вспахал поле два раза и нашел в зарытом кувшине очень мало воды. Во второй раз он вспахал семь раз и нашел сосуд полным, чем и доказал значение многократного вспахивания для удержания влаги.

Опытные земледельцы даже брались определять по урожаю, сколько раз поле было вспахано. Рассказывают, что некий пахарь ослеп и когда пахать стал его сын, то пахарь строго наказывал вспахивать 7 раз. Однажды отец пошел с сыном в поле, сел на землю и сжал хлеб вокруг себя, не двигаясь с места. Вышло 6 снопов. «Ты вспахал поле только 6 раз», заявил он сыну и тот признался в этом.

Глубина пахоты была от 8 до 15 см, ширина борозды — 15—25 см, плуг не переворачивал пласта, а только взрыхлял землю. Вспахивали за день от 0,25 га до одного гектара в зависимости от состояния почвы, рельефа и т. д.

Даргинский «дурац» является разновидностью общедагестанского плуга[61], он принадлежит к полозному типу пахотных орудий, свойственному горным странам Европы, Передней Азии, Кавказа. Отличительными особенностями его являются устойчивость рабочей части полоза) и дополнительная работа, исполняемая им, когда его волокут по взрытой земле (боронование).

Неглубокие каменистые почвы наряду с этой особенностью плуга и привели, по-видимому, к отсутствию бороны в нагорном Дагестане.

---

[61] Название «плуг» в некоторой степени условно. Называя горское пахотное орудие плугом, мы исходим из того, что оно имеет полоз и отвал, которые являются отличительными признаками плуга. Кроме того, мы исходили из традиционного описания таких орудий в русской литературе, в которой как кавказские пахотные орудия, так и сходные с ними русские, переднеазиатские, европейские называются плугами. Ср. Н. Н. Клинген. Среди патриархов земледелия народов Ближнего Востока. М., 1960, стр. 236—237, 491—493; Н. И. Вавилов, Г. Д. Букинич. Указ. соч., стр. 177; Народы Передней Азии, стр. 63, 157—161, 318—319, 389, 4338, 500, 513; Ю. Ф. Тихонов. Генезис плуга и этнография. СЭ, 1963, № 2, стр. 103.

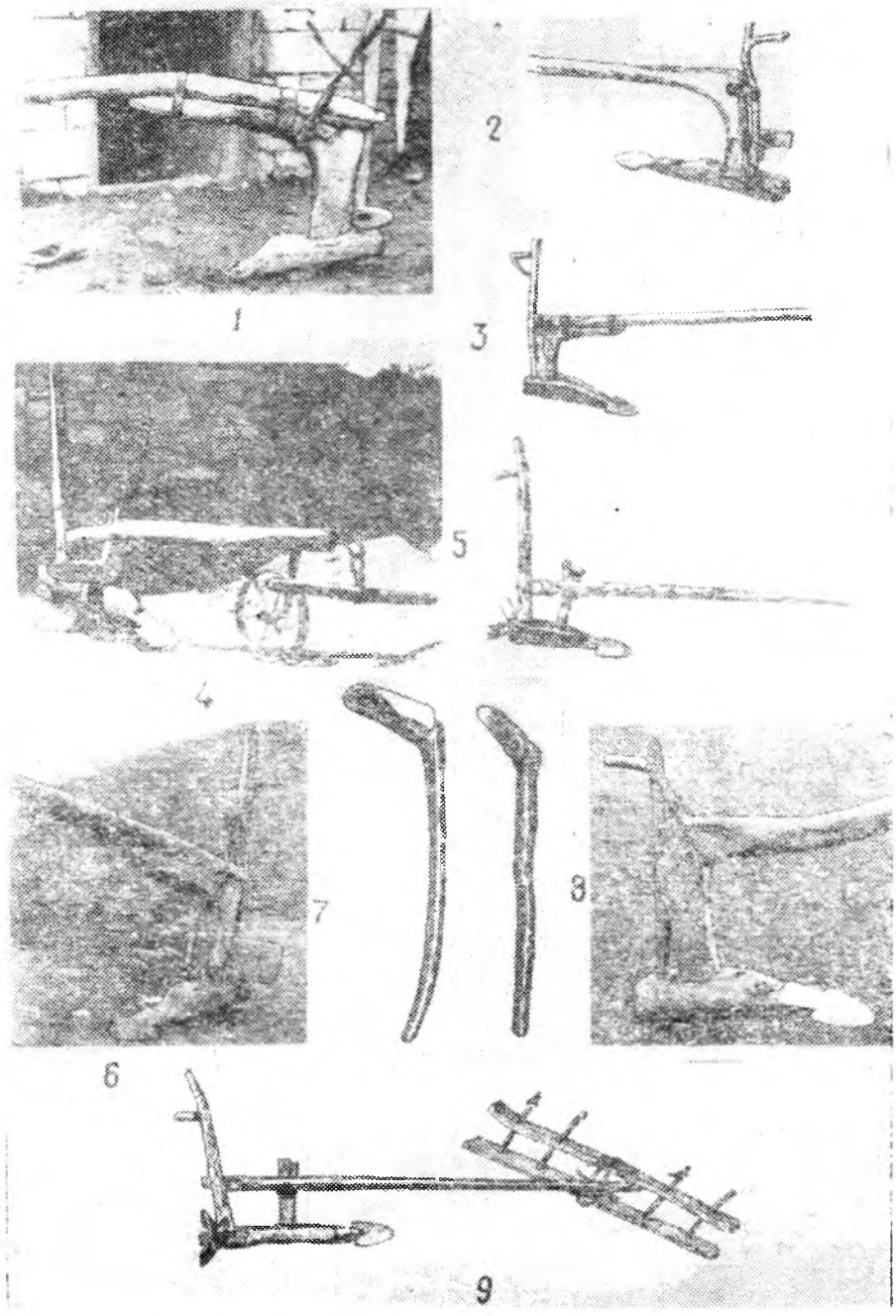

Рис. I. Даргинские плуги и мотыги:

1 — горный плуг. с. Аштьі, 2 — предгорный плуг. с. Трисанчи, 3 — плуг горных долин. с. Хаджалмахи, 4 — кубачинский плуг с колесом, 5, 6 — горные плуги. сс. Усиша (5), Урцаки (6), 7 — мотыги для обработки почвы, 8, 9 — горные плуги. сс. Чирах (8), Харбук (9).

«Дурац» является простым и в то же время мудро сконструированным орудием, восходящим к мотыге первобытного огородничества.

Дальнейшее развитие плуга шло в следующих направлениях: 1) совершенствование режущей части; 2) нахождение наилучшей формы полоза, обеспечивающей боронование, устойчивость, регулировку глубины, легкость волочения; 3) создание специального устройства для регулирования глубины вспашки. В восстанавливаемых образцах, сохранившихся только частично, мы встречаем, в основном, два типа: яремные с грядилем и без грядиля. Первый тип состоит из следующих частей: полоз, рукоять, грядиль, сошник. Во втором отсутствует грядиль, но имеется дышло. Более древним и конструктивно более простым типом является грядильный — результат разделения первобытной суковатой жерди на полоз и коленообразный грядиль. Дальнейшее развитие привело к разделению грядиля на колено и дышло. Со временем вместо колена стали практиковать соединение этих звеньев под прямым углом, что привело в конечном счете к исчезновению грядиля и превращению его в соединительную стойку и к появлению дышла. Дышло вставляется горизонтально в рукоять, с подошвой его соединяет стойка.

Окончательный вариант орудия имеет следующие элементы: полоз — «кьяш» (нога), наконечник полоза — «мухIли» (рот, острие); отвал или скорее бороздильник — «ляхIи» (ухо), сошник — «гъваб», рукоять — «дуцелт» (от «дуцес» — держать), соединительная стойка между дышлом и полозом — «дурекка» (гребень), дышло — «марза», ярмо — «дукI».

Для регулировния глубины пахоты служат выгнутость грядиля, перестановка ярма, что изменяет угол положения сошника, закрученная веревка, натянутая между грядилем и ручкой, соединительная стойка между полозом и дышлом. Средние размеры плуга: длина от отвала до конца дышла — 2,2—2,5 м, длина полоза от отвала до сошника — 45 см, сошник — 15×12 см, ширина отвала — 30 см, высота рукоятки — 0,9—1 м, высота соединительной планки — 20—30 см.

Ярмо у плуга бывает двух типов: одноствольное и двуствольное. Последнее — это ярмо обычной конструкции, встречающееся почти повсеместно в Европе и Азии. Одноствольное ярмо представляет собой верхнюю половину двуствольного. Оно специально предназначено для пахотных орудий, ибо с ним легче маневрировать в процессе пахоты на небольших участках.

Своеобразная конструкция плуга сложилась в сел. Кубачи. Здесь усовершенствовали безгрядильный плуг, причем даже присоединили к нему колесо, регулирующее глубину пахоты.

В нижнем предгорье применяли фабричные и харбукские железные плуги, в которые запрягали несколько пар быков или буйволов. Ввиду широкого внедрения фабричных плугов местные не сохранились. Однако местные плуги—двухколасные, с громоздкими деревянными колесами, в которые впрягали по несколько пар быков — существовали еще в начале XIX века [62].

В верхнем предгорье применяли деревянный плуг. Он отличался простотой конструкции, небольшим числом составных частей. Здесь еще сравнительно недавно можно было встретить плуг, состоявший только из трех частей — полоза с грядилем, рукояти и сошника. По существу перед нами одна часть — первобытный плуг с добавлением сошника и рукояти, которые ни в одной конструкции органически не сливаются с основным корпусом.

Такой анахронизм объясняется, по-видимому, тем, что здесь всегда были в изобилии лесные материалы, дававшие возможность находить подходящие кривые деревья, чем уменьшалась необходимость поисков,

---

[62] Полевой материал 1962 г. РФ ИИЯЛ, д. 3020, стр. 41, 145.

комбинирования и т. д. Имело значение и то обстоятельство, что почвенный пласт был глубоким, часто встречались целинные земли, на которых регулировка глубины пахоты была более или менее постоянной и нужен был плуг особой конструктивной прочности.

Следует отметить еще одну особенность горского плуга — наличие резака — специального резца, который устанавливался при вспашке особенно трудных, задернованных, залежных или целинных почв. Плуг с резцом «сип» очень напоминает соху. Полоз с него снимается и непосредственно к грядилю прикрепляется вертикальный резак. Отвал также снимается. Задача этого видоизмененного орудия — вспороть почву, разрезать дерн, остатки корней и пр. Как самостоятельное пахотное орудие он не употребляется, его назначение — подсобное. Иногда резак прикрепляли к дышлу на деревянном стержне, который свисал перед сошником. В этом случае орудие одновременно выполняло обе операции — надрезание и вспахивание.

Вспашку производил, как правило, один человек.

Супряга существовала у всех даргинцев. Анализ этого института показывает, что он возник из чисто хозяйственных, экономических соображений, но в повседневной практике принимались в расчет и родственные или тухумные связи. Об этом свидетельствуют и названия супряги в разных наречиях даргинского языка «мизугI» (от слова сладкий), «цахIна» (вместе), «кумха» (сообща, складчина), «уртахъ бицурле» (ставшие товарищами), «гъамад аги» (легкий способ).

Случалось и так, что объединялись бесскотный крестьянин и владелец быков. В этом случае первый должен был заготовить сено второму или выполнить за него другие работы. Нечего и говорить, что супряга стала со временем одной из удобнейших форм эксплуатации крестьянской бедноты.

Пахота была целиком делом мужчин. Вообще в земледельческих работах замечается преобладание мужского труда, особенно в той их части, которая требует использования скота.

Поэтому следует решительно отвергнуть весьма распространенное в XVII—XIX веках утверждение, что в Дагестане «женщины стерегут и пасут скот, а мужчины занимаются разбоем»[63]. Конечно, многие авторы были правы, когда говорили о неимоверном труде и тяжкой доле горянки, но они ошибались, указывая, что сельскохозяйственные работы выполняются только женщинами, а мужчины бездельничают. Эту ошибку можно объяснить в основном неосведомленностью, «скольжением по поверхности вещей». Отметим, например, что проезжающим наблюдателям прежде всего бросается в глаза труд женщины, ее хлопоты по домашнему хозяйству, ибо в поле или на пастбища, где главным образом протекает труд мужчин, эти наблюдатели не выходили. Во-вторых, указание на леность мужчин во многом обязано существованию годекана — здесь собирались все мужчины, которым в данное время нечего было делать, и это сразу замечалось.

Рассмотрим конкретно вопрос о разделении труда между мужчинами и женщинами. Только мужскими считались следующие работы — вспашка, сев, полив, косьба, снятие урожая с деревьев, уход за деревьями, работа со скотом и упряжью, уход за скотом вне дома и его пастьба, изготовление орудий труда, оружия и вообще всякой металлической и деревянной утвари, уход в чужие края для обмена продуктами (тарща) и пр.; только женскими — сбор фруктов под деревьями, прополка, мотыжение, уход за скотом дома, приготовление пищи, заготовка впрок продуктов, поддержание порядка в доме, тканье, изготовление одежды, приготовление кизяка, обеспечение семьи водой и пр.;

---

63 Я. Стрейс. Три путешествия. Л., 1935, стр. 219.

общими — уборка хлеба, сена (мужчина косой, женщина серпом), доставка сена — мужчина привозит на транспорте (осел, арба), женщина приносит на себе, молотьба, заготовка дров (сходить в лес, срубить дерево — дело мужчины, наломать веток, собрать валежник — женщины) и т. д.

В этом разделении труда обращают на себя внимание некоторые закономерности. Работы, связаные с уходом на дальнее расстояние от дома, в основном выполняются мужчинами, а внутри селения большая часть работ лежит на женщине. Женщине часто приходилось носить на спине значительный груз, а мужчина никогда этого не делал. По-видимому, это пережиток, оставшийся от тех времен, когда мужчина постоянно носил оружие и был на стороже и груз мог помешать его боевым действиям.

Характерно, что, несмотря на преобладание мужчины в земледельческих работах, мотыжение считается исключительно женским делом. Это явный архаизм, сохранившийся со времен первобытного мотыжного земледелия.

В целом, конечно, повседневного труда, забот по дому и хозяйству больше у женщин, и не удивительно, что такое положение замечалось многими. Однако сложилось оно в конкретных исторических обстоятельствах—тревожной военной жизни на протяжении всего средневековья—закрепленным патриархальными отношениями.

Учитывая все это, мы должны присоединиться к словам М. Владыкина, который, перечислив тяжелые работы, выполняемые дагестанцем, добавляет: «И вы тогда усумнитесь, когда услышите, что лезгин ничего не делает, а работают все за него женщины. Правда, что на последних падает большая часть трудов, но в этом виновата не леность, а прежняя постоянная военная жизнь» [64].

Возвращаясь к описанию полевых работ, отметим применение различных удобрений. Наиболее распространенным из них был навоз, иногда смешанный с золой. Вносили удобрения поздней осенью и давали ему перепреть зимой в кучах, а весной, перед вспашкой — разбрасывали. Возили навоз на арбах, колокушах, санях, ослах, а случалось, его переносили на своей спине женщины.

Применялись и другие удобрения, в частности ил и птичий помет, который собирали на специальных башенках, помостах, подобных переднеазиатским [65], позднее и на боевых башнях.

В горах существовал еще один способ удобрения почвы «цIукIа». Он заключался в том, что пласты земли с дерном складывали в кучу, свыше двух метров высотой, снизу подкладывали солому, потом навоз и сжигали. Полученный таким образом порошок красновато-бурого цвета разбрасывали на пашне [66].

Навоз и «цIукIа» ценились очень высоко и поэтому ими удобряли тот участок, который являлся главным, на который возлагались наибольшие надежды. Урожай с удобренного навозом участка был сам 15—20, а с «цIукIа» и того больше. При существовавшем безземелье, навоз и «цIукIа» использовались также для уплотненного севооборота.

Высевали даргинцы самые разнообразные культуры. В горнодолинской зоне в XIX веке преобладала кукуруза (хIежланчIи — пшеница хаджа), которую сеяли вместе с фасолью (хъара). Раньше здесь имели место гораздо большие посевы ячменя (нухъи) голозерного ячменя (махIер), конопли (хъама), льна (урбеш), пшеницы (анкIи).

---

[64] М. Владыкин. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу, ч. II, стр. 239.

[65] Н. И. Вавилов, Д. Д. Букинич. Указ. соч., стр, 115, 181.

[66] Описание «цIука» у левашинцев имеется у Е. И. Козубского. — Дагестанский сборник, I, Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 22.

В горной зоне кукурузы почти не было, т. к. кукуруза требует много воды и тепла. Здесь выращивали много ячменя, пшеницы, моркови (житIа, набадар), картофеля (кIартIашкIа), ржи (сусу), свеклы (кьягьни).

В предгорье гораздо большее место занимали озимая пшеница и ячмень; кроме них здесь сеяли полбу (перуш), а также просо (мичи) кукурузу, овес (нихъя). В верхнем предгорье была также свекла, картофель.

Время посева зависело от климатических условий и различалось по зонам. В горной зоне осенний сев проводился в августе — сентябре, в предгорье это делали чуть позже, начиная с сентября. Весенний сев — производился примерно с апреля в горах и долинах, с мая — в предгорье. Сев в горах производили своеобразно: вначале делали борозду по окружности участка, затем руками разбрасывали зерно и наконец пахали. Зерно при вспашке уходило вглубь, чему в значительной степени способствовали полоз и отвал.

Такой способ применялся для того, чтобы зерно поглубже ушло в землю и не замерзло. В бороновании надобности не было; только, когда сеяли просо или морковь, сзади отвала прикрепляли связку колючек, так как эти семена, очень мелкие труднее закрывались после вспахивания.

В предгорье прибегали к другому методу — сначала вспахивали землю, затем разбрасывали семена, потом бороновали. Борона (бирхла) представляла собой однорядную конструкцию, имевшую от 6 до 12 зубьев. Применялась она только в тех случаях, когда вспахивание производилось отваливающим плугом. К верхним торчащим концам зубьев прикреплялась волокуна из колючек. Борону из 12 зубьев могли волочить только буйволы.

Вначале сеяли колосовые, потом пропашные. Вообще все даргинцы оказывали особое предпочтение колосовым.

Овощные культуры были очень мало распространены. Некоторые из них — лук (ззерхьи), чеснок (итанззерхьи) сеяли в предгорье. С присоединением Дагестана к России сортимент овощных культур значительно расширился, но в горы они все-таки не проникли вплоть до коллективизации сельского хозяйства Дагестана.

Еще меньше выращивались бахчевые культуры, особенно в горах. Раньше других проникла тыква (вакья, къабакъ). Арбузы (хъарпуз) и дыни (пастIан).

Уход за колосовыми заключался в основном в прополке (арцIи). Пропашные по возможности поливали. За лето осуществляли два полива, иногда — три. Мотыжение проводилось один-два раза. Сроки уборки урожая определялись в зависимости от созревания хлебов; как правило, уборка проводилась в горах в июле — августе (озимые), августе — сентябре (яровые); в предгорье — июне — июле (озимые), августе — сентябре (яровые).

Жали хлеб только серпом, причем эту работу выполняли мужчины, а в некоторых селениях и женщины. В предгорье мужчины с серпом не работали, здесь издавна сложилась система найма на время жатвы даргинцев, живших в горах.

Богатые землевладельцы нанимали и местных крестьян, причем условия найма были очень жесткие. Так, например, в сел. Губден крестьянин И. Мусакаев нанялся к местному богачу на весь цикл работ от пахоты до молотьбы за 25 мерок. Но при этом было оговорено, что в случае, если Мусакаев не выйдет на работу в страдную пору, он теряет по мерке в день. Во время жатвы он заболел, в результате чего он ничего за свой труд не получил.

Если хлеба были очень низкие, их убирали руками. Таким же способом убирали лен, коноплю, иногда просо. Считают, что это делалось для предупреждения осыпания зерен, а также для использования вырванных с корнем стеблей в качестве топлива.

Местный серп отличался от русского большей закругленностью, меньшей величиной и пилообразным лезвием. Кроме того, имелся серп, напоминающий косу в миниатюре. Сжатый хлеб связывали в снопы (багьами), а через некоторое время складывали в копны. Существовали самые разнообразные виды копен, они складывались в зависимости от величины участка, зажиточности владельца, погоды и пр.

С завершением жатвы постепенно свозили хлеб к току, где укладывались скирды до молотьбы, иногда чуть ли не до середины зимы. Скирды тоже были разнообразные. Наиболее распространенная форма их в горах — круглая, а наиболее употребительное название «хIинтIа». В предгорье, где скирды бывали крупнее и вообще хлеба было больше, сложилось больше названий скирды: «халар», «хIинтIа» — круглые; и «хIяпал», «цу» и «гьаба» — продолговатые.

Уборка кукурузы проводилась в осенние месяца, до наступления ненастной поры в предгорье и осенних заморозков в горах. В уборке по зонам существовали некоторые различия. В горах и долинах, где проблема кормов была очень острой, стебли кукурузы скармливались скоту и поэтому ее убирали со стеблями серпом.

В предгорье початки срывали со стеблей еще в поле. Стебли же оставлялись и сжигались весной при вспашке.

Сено косили в предгорье до наступления жатвы, в горах и долинах — во время жатвы, после нее, или после сбора абрикосов. Приблизительно эти сроки определяются для предгорья маем — июнем, для гор и долин — июлем — августом. В горах и долинах, где можно убирать сено косой, работали мужчины, а на прочих участках — женщины (местами и мужчины) серпами.

Покосные участки в горах часто невелики, круты, обрывисты, поэтому здесь во время уборки сена обычно впереди шла умудренная опытом женщина (мархутIа — ведущая, от слова марх — полоса), задача которой заключалась в том, чтобы выбрать участок, показать, в каком направлении, как убирать и пр.

В некоторых селениях применялись небольшие косы, предназначенные для женщин (архьла от ирхьиз» (жать). В предгорье, где сенокосов было больше и они не были расположены на крутых склонах, все сено убирали косами мужчины, а женщины помогали при копнении.

Траву собирали руками, но это делалось походя, например, во время жатвы, мотыжения или сбора фруктов, когда женщины для своей коровы или теленка старались вечером принести немного свежей травы. Во время мотыжения или сбора фруктов нельзя было выносить на угодья серп, ибо он стал символом уборки сена и жатвы, а к таковым можно было приступать только сообща. Этот факт прямо указывает на то, что в свое время, когда все покосы были общими, приступать к косовице можно было только в назначенный общий день. А когда возникла чересполосица угодий, разных как по своему назначению, так и по виду собственности, закон «запрета серпа» стал не только мерой защиты общинных угодий, но и своеобразной мерой предупреждения воровства, взаимных обид и столкновений.

Коса, видимо, тоже древнее орудие. Укажем на то, что название косы, как и серпа обнаруживает поразительное единство названий у всех даргинцев (къялкъя, къулкъу, къялкъи» и т. п.), причем все они происходят от слова «полоса», «линия», подчеркивающем отличие косы от серпа. Не менее серьезным фактом является то, что существовало местное производство кос, значительно отличавшихся от привозных, в

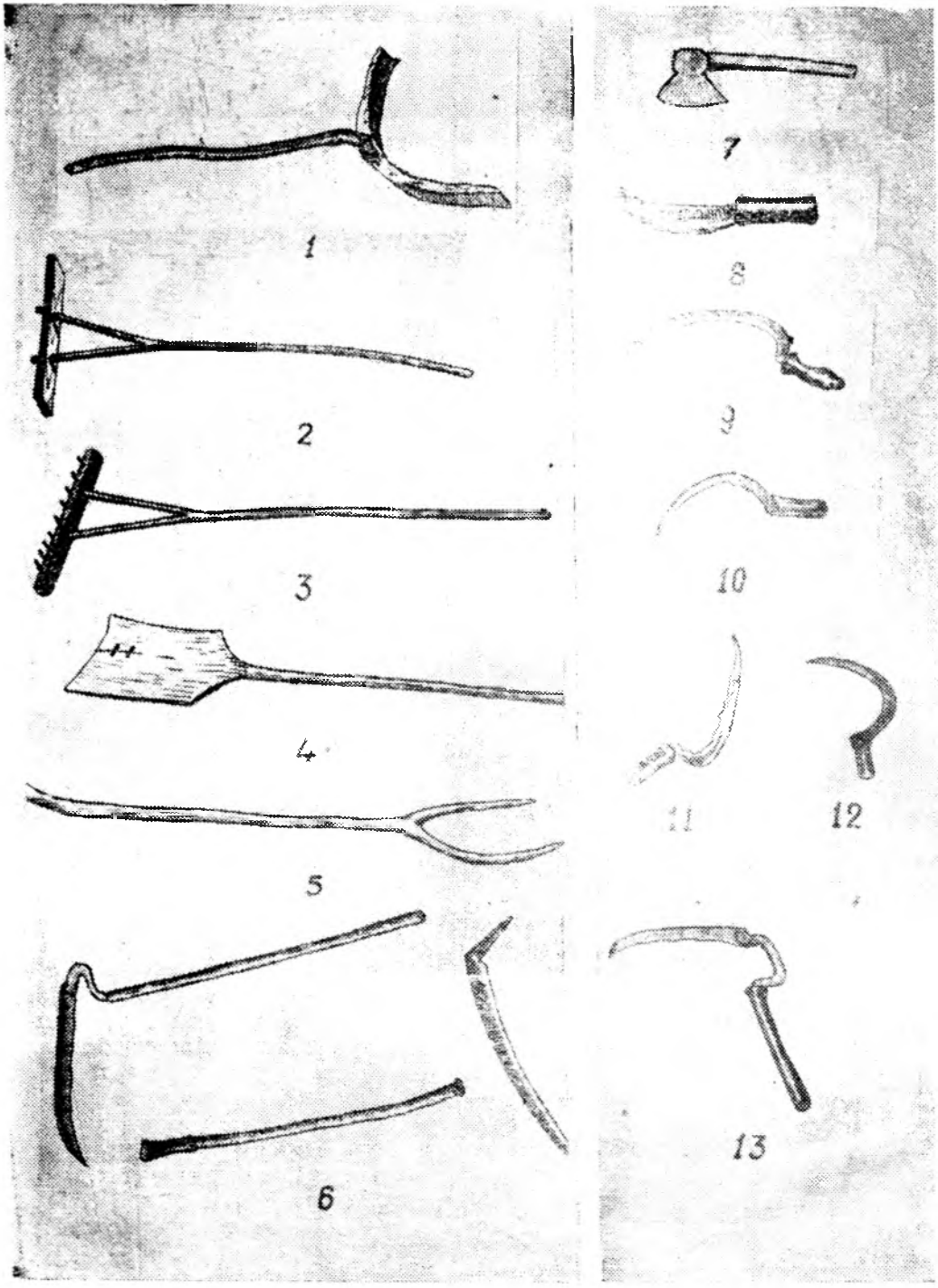

Рис. II. Ручные сельскохозяйственные орудия местного производства:
1, 2 — грабли без зубьев, 3 — грабли, 4 — деревянная лопата, 5 — деревянные вилы, 6 — коса, 7 — топор, 8 — секач, 9 — серпы.

частности, производство «двуручных» кос, т. е. кос, которыми можно было косить и справа и слева — качество, незаменимое на неудобных горных угодьях.

Кроме косы и серпа на косовице применяли грабли (диргъла) от слова «собирать» или «деревянные вилы» (кьяга).

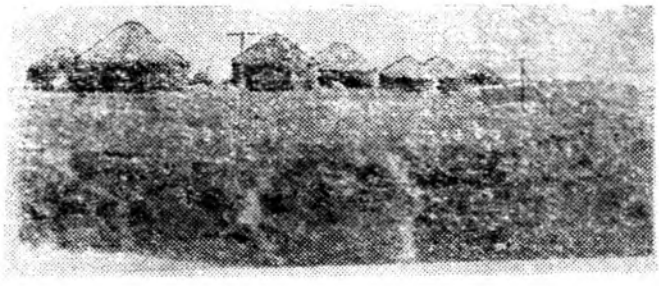

Рис. III. Скирды в горах с. Уркарах.

Осенью сено свозили домой. Способы доставки (арбой, волокушей) и хранения его были разнообразны. В горах привозили сено как можно раньше и досушивали его на открытых с юга сеновалах, находящихся на дворе или на одном из этажей дома (цуга). В горной долинной зоне, где бывает много солнечных дней, оно высушивается быстро и хранится в закрытых сеновалах (муруцI).

В предгорье существовали сеновалы открытые с одной или нескольких сторон плетневые с конической крышей, круглые или прямоугольные в плане, а также закрытые сеновалы. Иногда сено хранили на дворе, в специальных конусообразных стогах (гIиппа), которые складывали вокруг длинной жерди — «гIяпнуцI». В ряде горных селений, отличавшихся сильной теснотой, сеновалы располагали группами на краю села. Видимо, кроме тесноты здесь учитывалось и то, что сено обдуваемое здесь со всех сторон, высушивается быстрее, чем в самом селении.

Рис. IV. Скирды в предгорье с. Карацан.

Молотьба хлеба — один из важнейших этапов в цикле земледельческих работ даргинцев. Проводится она на токе (дурази, дургIи).

Для молотьбы применялись молотильные доски, имеющие аналогов на всем Кавказе и в Передней Азии. Назывались они «иргми», «иркме» и употреблялись в количестве двух-трех, причем характерно, что в единственном числе их название вообще не употребляется.

Делаются они из одного большого бруска дерева, твердых пород (орех, дуб, бук), иногда и мягких (липа). Доска имеет вид полоза, приподнятого спереди в виде шейки. В передней части она более узка и чуть тоньше. Размеры самые разные; наиболее крупные встречаются в

предгорье. Длина доски 1,4—1,7 м, ширина—15—45 см, толщина 5—9 см, приподнятость шейки 7—10 см.

В горной и горно-долинной зонах они применяются попарно, причем не скрепляются между собой, а просто подвязываются на длинной веревке к ярму бычьей упряжки; в предгорье встречаются соединенные между собой втулками по две и по три.

Рис. V. Работы на току в предгорье.

Жесткость молотильной конструкции в предгорье зашла еще дальше. Здесь применялось интересное орудие, сочетающее в себе элементы пахотного оружия и молотильной доски; изогнутый под углом грядиль оканчивается раздвоенным концом с отверстиями, к которому с помощью втулок прикрепляются доски.

Это орудие «ирчихан» (доски тянущая) похоже на плуг, только вместо полоза у него молотильная доска[67]. Важный элемент доски — камни, как правило, кремни, которые забиваются в гнезда на днище доски. На одну доску прибивают от 100 до 400 камней. Они увеличивают трение и режут ссломy, в результате чего она вся уходит в мякину. В условиях недостатка кормов это хорошее подспорье, ибо мякина как корм лучше соломы. Другой результат, достигаемый этим — улучшение качества навоза, ибо использованная на подстилку мякина гораздо лучше смешивается с навозом и лучше преет. Недаром такой знаток сельского хозяйства, как И. Н. Клинген, говорил о досках, что они «позволяют превосходно утилизировать самую грубую солому как кормовой материал, и что по его мнению «кавказские доски с кремнями при некоторых усовершенствованиях годились и у нас в экстенсивном

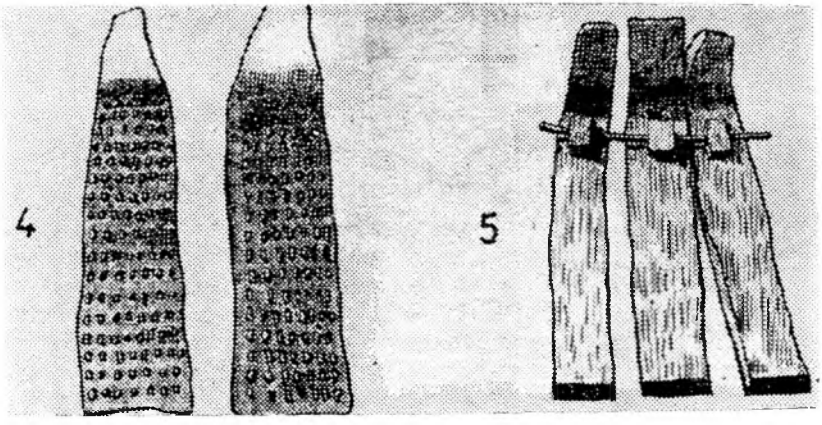

Рис. VI. Молотильные доски.

[67] Полевой материал 1961 г. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 3020, стр. 127.

хозяйстве на юге и юго-востоке, где корма дороги, а солома слишком груба для корма»[68].

При работе мужчина становился на доски и погонял быков.

Следующей операцией является веяние: «зак даркьес» (подбросить), «пяхI дарес» (потрясти), «гIигIиз».

Широкой деревянной лопатой (кура, кIатIа) подбрасывают обмолоченную массу и при падении из нее от сопротивления воздуха (особенно при слабом ветре) отделяется зерно (цIули), мякина (нек, кен) и отходы (кьяркь). Через несколько взмахов помощник (нередко им являлась женщина) сметал с зерна мякину и отходы метлой («бушкала»), потом собирал ее специальным орудием (гьара), напоминающим грабли без зубьев. Катки при обмолоте применялись очень редко и делалось это только при обмолоте льна. Видимо, немалую роль играло в этом то обстоятельство, что стебли льна шли не на корм, а на топливо и поэтому их не надо было крошить.

В некоторых селениях предгорья просо молотят вытаптыванием, для чего пускают по кругу быков без досок.

Видимо, следует предполагать наличие определенной эволюции в способах молотьбы. Первоначальным способом надо считать выбивание палками, по времени он должен соответствовать первобытному огородничеству. Второй способ — вытаптывание скотом — связан с началом использования скота при земледельческих работах; третий — досками, видимо, распространился благодаря своей большей эффективности при молотьбе таких культур, как ячмень или пшеница. Не исключена возможность, что само возникновение досок связано с подражанием конструкции пахотного орудия. Появление камней на днищах досок, видимо, можно связать с решением проблемы кормов для скота, с увеличением его количества.

Обмолачивание кукурузы проводилось двумя способами: выбиванием палками и лущением. Преобладал второй, ибо выбивание не очень эффективный способ, да и зерна при этом повреждаются.

Хранение земледельческих продуктов до нового урожая — важный момент в хозяйственной жизни горца. При этом хранение зерна являлось особенно важным делом.

Для этой цели употреблялись самые разнообразные средства. Из них в первую очередь следует назвать большие лари, искусно сделанные из дерева, раскрашенные причудливой резьбой (уси), деревянные лари поменьше (кьани), большие сапетки, обмазанные изнутри глиной — «кIартI», большие глиняные сосуды (кIвара). Наиболее емкие из них — «сандуг» и «кIартI» (в предгорье), вмещающие от 20 до 100 мер зерна (500—2500 кг); «кьани» — от 3 до 6 мер (75—150 кг). Кроме того, были бочкообразные сосуды из цельного дерева или планок (барха) для хранения муки и настаивания бузы (гьаруш)[9]. Лари и вообще средства хранения зерна являются важными показателями как зональных различий в хозяйстве, так и социального неравенства внутри зоны.

В предгорье были еще зерновые ямы, вмещающие по нескольку тонн зерна. Яму выкапывали обычно внутри двора, ее густо обмазывали глиной и тут же до просыхания накладывали на стену тонкие ветви с листьями, создавая нечто вроде обоев. Это предупреждало осыпание земли и загрязнение зерна, а также защищало от сырости.

Хранение кукурузы имело свои особенности. В предгорье для початков кукурузы строили специальные плетневые постройки (чяли), которые располагали в наиболее солнечном, обдуваемом ветром месте. В горной и особенно горно-долинной зонах гроздья початков — гури,

---

[68] И. Н. Клинген. Среди патриархов земледелия народов Ближнего и Дальнего Востока, стр. 225.

сплетенные из оставленных листьев, развешивали на жердях или крючьях.

Помол производили на водяных мельницах. Кроме них существовали ручные мельницы, но их роль сводилась к приготовлению крупы (хъархъар). Древность водяной мельницы, как и водяной турбины, в Дагестане не подлежит сомнению, а это является общепризнанным признаком древности и развитости земледельческой культуры народа[70]. Вспомним хотя бы о том, что здесь издавна известны разнообразные виды муки, известно применение турбины для обработки деревянных и металлических изделий. Показательны и местные названия мельницы и ее элементов. Сама мельница называется «шилкьан», «шункьа» (от шин — вода — и лукьан — мелющий, т. е. — водой мелющее). Это название говорит о том, что термин является достаточно древним и местным, так же как о том, что до мельницы должно было быть другое мелющее орудие. Это — ручная мельница, состоящая из двух небольших каменных жерновов. Достойно удивления то, что мы встречаем в названии подчеркивание ручного характера орудия (няхъла урхаб — ручной жернов). Видимо, этот факт также свидетельствует о древности мельницы. Когда водяная мельница прочно вошла в быт даргинцев, а это должно было случиться с началом пашенного (плужного) земледелия, ручной мельницей пользовались редко и только для приготовления крупы, а помол муки стал повседневным явлением. Поэтому названия переместились, и не водяную мельницу стали определять по ручной, а ручную стали определять по водяной, в результате чего ручная мельница получила вторичное название «ручной жернов», в отличие от просто «жернова».

Водяные мельницы у даргинцев встречаются двух типов: с вертикальным колесом и с горизонтальным колесом. Первый тип является заимствованным у русских и встречается только в некоторых селениях предгорья, например, Губден и мы не будем на нем останавливаться.

Второй тип разделяется на два вида: с резервуаром и без него. В первом случае вода из канавы поступает в большой вертикально установленный резервуар. Резервуаром служил выдолбленный ствол большого дерева (барха, къат), поэтому такую мельницу часто называют — «бархала шинкьа» (резервуарная мельница).

Во втором случае вода из канавы подается на постановленный под уклон желоб (шинтир, мукьлукь), который подводит воду к турбине.

Турбина — «чарчараг» (от чар — вокруг, кругом, обратно, — т. е. вертящийся), лопасти — кIаппи (лист) и др. изготовляются местными мастерами. Турбина соединена с жерновом; над ним устроен резервуар для зерна, от которого к жернову идет подающее устройство.

При безостановочной работе на полной воде одним жерновом можно было смолоть от 15 до 25 мер зерна (300—500 кг) за сутки.

Мельницы были частные и коллективные. Происхождение такой собственности было разным. Например, человек, имеющий мельницу, оставлял ее своим наследникам, а они, поскольку ее нельзя было разделить, пользовались ею, сообща деля доход. Или же это были люди, внесшие паи деньгами, скотом и пр. при строительстве и получающие «дивиденды».

В заключение остановимся на садоводстве. В целом можно сказать, что садоводство и виноградарство у даргинцев в XIX веке были слабо развиты. Лишь в отдельных местах сады и виноградники занимали

---

[69] Ср. В. Вильер де Лиль Адам. Две недели в Даргинском округе. ССКГ, VIII, Тифлис, 1875, стр. 5.

[70] Ср. Н. И. Вавилов, Д. Д. Букинич. Земледельческий Афганистан, стр. 103.

большую площадь и давали значительный доход. Слабое развитие садоводства в горах обусловлено, на наш взгляд, следующими причинами. Разведение садов требовало наличия удобных путей для торгового общения, ибо без обмена садоводство не могло существовать — нагорная же Даргиния была сравнительно более оторвана от других районов Дагестана. И хозяйство здесь имело более натуральный характер. Другая причина — суровость климата, что при тогдашней агротехнике служило серьезным препятствием для продвижения в горы садовых насаждений. Немалое значение имело и то, что в нагорной Даргинии было трудно наладить орошение, ибо речек, из которых можно было бы отвести воду, было очень мало.

Поэтому более или менее развитое садоводство у даргинцев было только в нижнем предгорье и горных долинах (в Кайтаге и у цудахарцев).

Следует сказать, что в Кайтаге было развито также виноградарство, чему в немалой степени способствовала близость Дербента. Уже Н. Гербер отмечал, что у кайтагов «довольно садов виноградных и прочих овощей»[71]. В описании Ф. Гене мы также находим упоминание о том, что в «провинциях», лежащих ближе к морю, занимаются уже садоводством и огородами», и что здесь «растет виноград и другие фрукты»[72]. О том, что кайтагцы «имеют хорошие сады» свидетельствуют и другие наблюдатели[73].

Но наибольшее развитие получило садоводство у цудахарцев, особенно в XIX веке, с укреплением обменных связей и складыванием общедагестанского рынка.

Полагать, что садоводство и виноградарство имелись в долинах еще в средние века, мы можем только на основании косвенных данных. К ним могут быть отнесены: сравнительная древность долинных террас, которые ввиду жары могли засеваться только в сочетании с фруктовыми деревьями; наличие на склонах небольших рощ из диких и одичавших фруктовых деревьев, которые могут существовать только в местах, где сильны традиции садоводства, а также наличие лоз одичавшего винограда на склонах и терресах и дичков основных видов фруктов; исключительное многообразие местных сортов плодов. Одним из самых древних плодовых деревьев у даргинцев была, видимо, груша. Не случайно, что наибольшее количество сортов местного происхождения у цудахарцев имеет груша. Не случайно, видимо и то, что в числе постоянных товаров дербентского рынка наряду с самыми распространенными дагестанскими товарами указываются «горские сушеные груши»[74].

Развитость садоводства во многом связана с орошением. В предгорье оно было легче осуществимо[75], а в горных долинах дело обстояло значительно сложнее, ибо склоны были круты, скалисты, подводить же воду приходилось издалека.

Горцы достигли значительных успехов в проведении каналов. При этом они строили большие акведуки, пробивали туннели в скалистых грунтах, ложи в скалах и т. д. При поступлении на участок, вода разделялась на несколько рукавов, с необходимым количеством воды в каждом. Такой рукав назывался «иркла» (видимо от иркес, икес, ирчиз —

---

[71] Н. Г. Гербер. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.» Архивные материалы под редакцией М. О. Косвена Х. О. Хашаева ИГЭД, М., 1958, стр. 83.

[72] Ф. И. Гене. Сведения о горном Дагестане. ИГЭД, стр. 344.

[73] М. К. Ковалевский, И. Ф. Бларамберг. Описание Дагестана, ИГЭД, стр. 310.

[74] А. А. Кремский. Выдержки из описания Дагестана и Ширвана. ИГЭД, стр. 234.

[75] М. К. Ковалевский, И. Ф. Бларамберг. Указ. соч., стр. 307.

поливать). Обычно говорили: канава из стольких-то «иркла», даже родники измерялись этой единицей, что может свидетельствовать о давности этого термина, а, следовательно, и самого орошения.

Такую оросительную систему видел в сел. Хаджалмахи Д. Анучин, который пишет: «около аула достоин внимания водопровод, доставляющий воду по трубам и желобам с другой стороны реки на довольно значительное расстояние с гор. Такие искусственные системы орошения устраиваются жителями часто весьма искусно, при помощи простых приспособлений, на общественный счет» [76].

Тем не менее, если сравнивать масштабы орошения в горах с масштабами предгорья или плоскости, то первые окажутся очень небольшими. В целом на весь Даргинский округ к началу XX века было 4 канавы в 20 верст, с площадью орошения в 20 десятин [77]. Для сравнения укажем, что в Кайтаго-Табасаранском округе было канав 147 верст с площадью орошения в 11700 десятин [78]. Правда, сады в горных долинах были урожайнее, а плоды лучше. В горах сады создавались с неимоверным трудом и поэтому от сада ожидали многого. Отсюда и тщательный уход за ним, хорошо разработанный календарь садовых работ, селекция и пр.

В предгорье сады создавались без террасостроительства, без огромных затрат средств и труда, иногда просто путем окультуривания рощ, состоявших из дичков. Поэтому и уход за садами здесь был менее тщателен, часто деревья оставлялись на произвол судьбы и о них вспоминали только во время сбора урожая.

Это объяснялось, конечно, не большим трудолюбием горцев по сравнению с жителями предгорья, а самой природой этих садов, особенностями их разведения, а также тем, что в предгорье у крестьянина больше работ, связанных с полевым земледелием, доставкой дров и пр.

Видимо поэтому сады цудахарцев привлекали особое внимание наблюдателей, чему способствовало также и то, что кроме них вблизи не было садов. Укажем некоторых из многочисленных наблюдателей, восхищавшихся садами селения Хаджалмахи, наиболее крупного садоводческого селения даргинцев и по сию пору: В. Сидоров («аул утонул в фруктовых садах») [79]. А. Зиссерман («нельзя не удивляться разбросанным на террасах фруктовым садам») [80]. Н. Абельдяев («известны здесь сады хаджалмахинские») [81], А. Берже («из горных деревень одна только Хаджалмахи имеет значительные сады, груши ея славятся во всем крае» [82], В. Вильер де Лиль Адам [83], А. Нисченков [84], М. Владыкин [85], Д. Н. Анучин [86], П. Надеждин, И. Пантюхов, Е. И. Козубский, В. А. Аедоницкий [87].

---

[76] Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан в 1882 году, стр. 430. Об этом водопроводе говорят и другие наблюдатели. В. А. Аедоницкий. Из поездки в Дагестан летом 1914 года, стр. 2; М. Владыкин. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу, стр. 213.

[77] Е. И. Козубский. Дагестанский сборник, т. I, Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 53.

[78] Е. И. Козубский. Указ. соч., стр. 53.

[79] В. Сидоров. По России Кавказ. Путевые заметки и впечатления. СПб., 1897, стр. 374.

[80] А. З. (Зиссерман). 10 лет на Кавказе. «Современник», 1854, т. 48, № 11, стр. 28.

[81] Н. А. Абельдяев. Сельское хозяйство у дагестанских горцев, стр. 28.

[82] А. Берже. Прикаспийский край. Кавказский календарь на 1857 г., стр. 332.

[83] В. Вильер де Лиль Адам. Две недели в Даргинском округе, стр. 20.

[84] Н. Нисченков. Путеводитель по Дагестану. Тифлис, 1871, стр. 22.

[85] М. Владыкин. Указ. соч., стр. 213.

[86] Д. Н. Анучин. Указ. соч., стр. 430.

[87] П. Надеждин. Кавказский край. Природа и люди. Тула, 1895, стр. 246; И. Пантюхов. Современные лезгины «Кавказ», 1901, № 228; Е. И. Козубский. Указ. соч., стр. 70; В. А. Аедоницкий. Указ. соч., стр. 2—4.

Чем суровее была природа, чем безнадежнее казались усилия окультурить землю, тем упорнее и настойчивее становится труд горца. Прав был в этом смысле Ф. Боденштедт, когда указывал, что суровая природа только закалила дагестанских горцев и что они покорили ее и заставили плодоносить[88]. В цудахарских селениях сады давали крестьянам основной доход, или говоря словами того же автора, «главное богатство тем, что дают хлеб, дрова для сжигания, вкусные фрукты — короче, все, в чем нуждаются эти нетребовательные горцы для своего существования»[89].

Работ в садах было много. Сразу же после осеннего сбора урожая производилась обрезка ветвей и полив на зиму. К началу холодов свозили навоз и укладывали его у стволов деревьев. Весной производили еще одну обрезку и полив, а потом поливали в течение лета столько раз, сколько позволяла очередность. Вода являлась общественным достоянием и очередность полива регулировалась жребием. Каждый новый член общества не из пришельцев, т. е. женившийся сын члена общества имел право на полив. Если у человека было даже 7 сыновей, каждый из них в качестве самостоятельного хозяина становился владельцем такого же «иркла», как и его отец. Такой «иркла» называли «бумккур» (т. е. воспроизводящая поливалка).

Для «чужаков», поселившихся на территории общества с его разрешения иногда выделяли «гъябумккур иркла» (не вопроизводящая поливалка).

Сбор урожая начинался с абрикосов, в конце июня—июле. Затем поспевали сливы, летние груши и т. д.

Сортов фруктов было очень много, часть из них названы по именам людей, впервые выведшие данный сорт, или завезших его из чужих краев. Особенного много было сортов груш, абрикосов, яблок.

Специальный садовый инвентарь был немногочисленный: лестницы для сбора плодов, состоящие из одной длинной жерди с перекладинами — втулками, торчащими по обе стороны; рогатина с мешочком для сбора гимринской груши и др. Охраны садов не было, есть плоды со своего участка разрешал каждый, но уносить не разрешалось, да это и не практиковалось.

К концу XIX века в садоводстве намечаются изменения принципиального характера. Присоединение Дагестана к России, включение его во всероссийский капиталистический рынок послужило сильным толчком для развития в крае садоводства и виноградарства. А усиление торгового плодоводства сопровождалось возникновением зависимости мелких производителей от торгового и ростовщического капитала. Это усилило процесс поляризации; появились безземельные крестьяне, которые стали работать батраками у богатых садоводов. Последние начали скупать плоды и отвозить их в Центральную Россию, устраивать небольшие заводы и принимать фрукты на переработку, а поскольку скоропортящиеся косточковые нужно было сбывать немедленно, богатые предприниматели пользовались этим обстоятельством, чтобы сбить цены.

Налицо, таким образом, отчетливо видимые капиталистические отношения «в форме зависимости мелкого товаропроизводителя от торгово-ростовщического капитала» и в «форме эксплуатации наемного труда сельскими кулаками и другими предпринимателями»[90].

---

[88] F. Bodenstedt. Die Volker des Kaukasus und ihre Freiheitskampfe gegen die Russen. Berlin, 1885, S. 302.

[89] F. Bodenstedt Ibid. S. 303; Ср. о том-же А. Т. Васильев. Тавлинцы. «Новое обозрение», 1889, № 1919.

[90] В. Д. Мочалов. Крестьянское хозяйство в Закавказье к концу XIX в. М., 1958, стр. 350.

Все это не сопровождалось какой-либо ломкой в развитии производительных сил — база, техника, методы садоводства оставались прежними. Только лишь в советское время в организации садоводства Дагестана произошли коренные изменения.

* *

Огородов как таковых даргинцы раньше не знали и огородных культур здесь почти не было. Еще в XIX веке Ф. Гене отмечал, что жители селений Акуша и Сюргя «об огородах понятия не имеют, к разводу коих и климат неблагоприятен, почему принуждены лук, огурцы, морковь и другие огородные овощи покупать у своих соседей»[91].

Однако в такой категорической форме это утверждение представляется неверным. Конечно, огородов в буквальном смысле этого слова, у горцев не было, но выращивались некоторые огородные культуры, причем именно там, где не было ни ягод, ни фруктов — в горной зоне. Это было проявлением стихийного крестьянского практицизма, горец чувствовал необходимость каких-то продуктов для организма и пытался обеспечить себя ими. Ведь не случайно, что в горах, где невозможно было засушить на зиму ягоды или фрукты, закладывали в ямы свеклу и морковь, сушили травы в измельченном виде.

В нижнем предгорье огородные культуры были более распространены, в горно-долинной же зоне их не было совсем.

В итоге следует отметить, что в целом земледелие даргинцев, несмотря на древние его традиции и значительное развитие, было до революции отсталой, слабой, технически низковооруженной отраслью хозяйства и не обеспечивало потребностей земледельца в самых необходимых продуктах. Лишь с установлением Советской власти, когда на смену единоличному труду стал труд людей, спаянных в социалистический коллектив, когда примитивный серп и коса уступили место комбайнам, молотильные доски — машинам-молотилкам, осел и бык — трактору и автомобилю, когда правительство стало оказывать всемерную помощь крестьянину, создавая ему все условия для нормальной жизни и работы — лишь тогда земледелие поднялось до уровня современных требований.

3. ЖИВОТНОВОДСТВО.

Животноводство — вторая издревле основная отрасль хозяйства даргинцев. Начало скотоводства в Дагестане относится к мезолиту[92], а несомненный расцвет его относится к эпохе бронзы.

В целом для Дагестана было характерно преобладание крупного рогатого скота над мелким, о чем свидетельствуют остеологические материалы археологических раскопок, показывающие соотношение по количеству особей 1 : 1,6 и 1 : 2,5[93]. Это преобладание, характерное вплоть до второго тысячелетия н. э., связано во многом с пашенным земледелием и характеризует оседлый тип земледельческо-скотоводческого хо-

---

[91] Ф. И. Гене. Указ, соч., стр. 344. Ср. также Н. Абельдяев. Указ. соч., стр. 27; А. В. Пастухов. Поездка по высочайшим селениям Кавказа и восхождение на вершину горы Шахдаг. «Земледелие», II, 1894, стр. 37.

[92] К. Н. Золотов. Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности (по остеологическим данным). МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 291.

[93] В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. УЗ ИИЯЛ, т. IX, Махачкала, 1961, стр. 292.

зяйства. В пользу оседлости говорит и нахождение на Верхнегунибском поселении костей домашней свиньи.

Тенденция преобладающего роста крупного рогатого скота продолжается, по-видимому, и в небольших поселениях родственных коллективов, существовавших до XII—XIV вв. Об этом свидетельствует тот факт, что каждое из этих поселений расположено с таким расчетом, чтобы иметь вокруг себя минимум пахотных и покосных земель и пастбищ. Подавляющего превосходства в пастбищах, что неизбежно при овцеводстве мы не наблюдаем. Более того, сам факт наличия огромных (для небольшого поселения) площадей возделанных земель в достаточной мере свидетельствует, что здесь было много крупного рогатого скота.

Со времени образования крупных территориально-родовых поселений, приходящемся на период складывания устойчивых крупных политических объединений, наблюдаются изменения в специализации. Если по археологическим данным до этого времени мы знали плоскость как область преимущественного овцеводства[95], то, примерно с XV века, с окончанием вторжений и переселений, она вместе с нижним предгорьем начинает превращаться в очаг земледелия с разведением крупного рогатого скота.

Не удивительно, поэтому, что сообщения наблюдателей XVIII—XIX вв. о хозяйстве дагестанцев противоречат данным археологических материалов и средневековых источников[96]. Именно эти сообщения способствовали складыванию мнения, что горцы Дагестана всегда были по преимуществу овцеводами. Правильное для изучаемого времени, это положение не выдерживает критики в применении ко второму тысячелетию нашей эры.

К XIX веку скотоводство даргинцев уже давно прошло этап перераспределения географического разделения труда. Нагорье, охватывающее значительную территорию даргинцев стало преимущественно зоной скотоводства. В части этой территории наблюдается подавляющее преобладание овцеводства, в части (Сюрга, Буркун) значительная роль принадлежит разведению крупного рогатого скота.

В предгорье, особенно в нижнем, мы видим сочетание сильно развитого земледелия с не менее развитым разведением крупного рогатого скота: овцеводство здесь незначительно.

В горных долинах в целом преобладало овцеводство, но с развитием садоводства и террасостроительства, здесь стали уделять внимание и разведению крупного рогатого скота и ослов, в виду их приспособленности к работам в садах.

В русских источниках XVIII—XIX вв. мы находим подтверждение этой зональной специфики. Например, И. Гербер говорит об акушинцах, что они «пашни много не имеют» и «содержат великое число баранов»[97].

Овцеводство принимало все большее значение в условиях усиливавшихся товарно-денежных отношений. Денежный доход при содержании двух-трех десятков овец можно было легче получить, чем при содержании крупного рогатого скота. Поэтому овца считалась более доходной. Это определялось еще тем, что польза от крупного рогатого скота (зем-

---

[94] В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 293.

[95] В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 290—292; А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э. МИА, 68, 1958; стр. 25, 36.

[96] А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 22, 35—36, 77; В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 279—297; Баладзори. Книга завоевания стран, стр. 18—19; Мухаммед Рафи. Извлечение из истории Дагестана, стр. 11; А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам, Баку, 1926, стр. 53 и др.

[97] И. Гербер. Указ. соч., стр. 101.

ледельческие работы, транспорт) не так бросалась в глаза. Отсюда стремление горцев иметь хотя бы несколько овец, чтобы не чувствовать себя беспомощным в условиях растущих товарно-денежных отношений.

И все-таки овцы имелись далеко не у всех (обычно называют от 1/10 части хозяев до 1/2), в то время как крупный скот был у большинства. Вообще бросается в глаза, что овцы являлись больше признаком нализия излишков в хозяйстве. Однако поскольку накопления имели немногие, число владельцев овец было сравнительно небольшим. Это подтверждают и наблюдатели. Например, Н. Абельдяев указывает, что «овец только богатые имеют значительное количество, прочие же совсем не держат или имеют их только по несколько штук»[98].

Овцеводство было отгонным, и в этом надо видеть еще одну причину отсутствия овец в маломощных хозяйствах. Поскольку селения каждой зоны нуждались в пастбищах других зон (зимние, летние), в отгонном скотоводстве были заинтересованы животноводы всех зон, откуда и согласованность в их действиях и взаимопонимание. Обычно соглашение осуществлялось по принципу взаимных услуг — предгорные селения уступали свои пастбища зимой, горные — летом. Но ранний захват плоскости феодалами привел к тому, что горные селения оказались в большей экономической зависимости. Этим не преминули воспользоваться феодалы, требуя за зимнюю пастьбу большую плату и даже обязательной военной помощи.

В XIX веке отношения встали на чисто экономическую почву. Существовало два способа продажи пастбищ: или брали плату поштучно с овец, пропущенных на пастбища или продавали участки пастбищ (кутаны) на сезон.

Крупные барановодческие хозяйства напоминают хозяйства кулацкого, капиталистического типа, богатевшие за счет эксплуатации наемного труда чабанов, присоединившихся к ним из-за незначительности отары крестьян и даже общины в целом (используя бесплатно и за мизерную символическую плату сельские пастбища). Плата за тяжелую работу чабана была очень незначительной: 2—5 овец с приплодом за год, причем падеж (случайный) высчитывался с чабана. Часто мелкие собственники, не имея возможности перегнать овец на зимние пастбища, вынуждены были держать овец дома или пасти на пригревах. Это затруднялось тем, что местные пастбища-пригревы предназначались для крупного рогатого скота (коров) и овец не всегда разрешали там пасти. Отара овец называется «ттурзан», овца «музала мас» (овцы овец, создания овец).

Районом наибольшего разведения крупного рогатого скота в XIX веке можно считать предгорье. В этом сыграли роль как природные факторы, так и экономические. Угодья с густыми большими лесами не могли использоваться под пастбища для овец, в то же время, эти угодья даже с небольшими полянами были прекрасным местом для пастьбы крупного рогатого скота и для сенокоса. Преимущественное развитие пашенного земледелия с тяжелым плугом на несколько пар быков и эти природные особенности привели к тому, что здесь наметился сильный крен в сторону разведения крупного рогатого скота, особенно быков. Процент быков в стаде примерно в 2, а местами и 3—4 раза выше процента коров.

В горной зоне было меньше крупного рогатого скота. Пастбища горной зоны были более приспособлены для выпаса овец, а в быках здесь нуждались меньше, чем в предгорье. Однако в некоторых районах нагорья (Сюрга, Буркун) разведение крупного рогатого скота было довольно сильно развито. Е. И. Козубский, говоря о хозяйстве даргин-

---

[98] Н. Абельдяев. Сельское хозяйство у дагестанских горцев, стр. 25.

цев, отмечал, что «больше всего скотоводство развито в Сюргинском участке, коровы которого пользуются некоторою известностью»[99]. Еще более решительно отмечает это Б. Ф. Добрынин. Говоря о скотоводстве в Дагестане, он указывает, что «в особенности хорошие молочные горские коровы разводятся в Сюргинском участке Даргинского округа, Аштынском[100] участке Лакского округа»[101].

Преобладание коров в стаде объясняется тем, что в XIX веке здесь было мало посевов и много пастбищ, а из-за плохих дорог население не испытывало надобности в большом количестве рабочего скота. С другой стороны, пастбища были только летние, поэтому бычков часто продавали после первого же отгула на летних пастбищах.

Осенью, когда у горцев начинался сезон заготовки мяса на зиму, на базарах продавали много сюргинских бычков и коров. Надо полагать, что именно традиция резать на зиму быка, поддерживая постоянный спрос на бычков и коров, способствовала определенному направлению скотоводства у сюргинцев.

Бедность покосов, нехватка сена зимой, отсутствие правильной селекции, вообще суровые условия гор, способствовали складыванию малорослого, малоэффективного, но выносливого и неприхотливого скота. Разумеется, «нерадение хозяина» и его «леность»[102] была здесь не при чем.

Разведение крупного рогатого скота имело большое значение для обеспечения горцев пищей, коровье молоко и продукты из него (масло, сыр и др.) занимали большое место в пищевом рационе горца. Из овечьего же молока делали только сыр, правда, очень высокого качества. Из ведра молока получали 5 фунтов сыра, а ведро молока надаивали за день от 60—80 овец. Интересно, что сыр, сделанный из коровьего молока называется просто «нусягI» (сыр), в то время как сыр из овечьего молока «мазала нусягI», т. е. «овечий сыр», что лишний раз подчеркивает большую давность молочных продуктов, полученных от крупного рогатого скота.

Буйволов (галмуш; теленок — гудег) держали только в нижнем предгорье, так как они теплолюбивы. Ценились они за огромную силу — в большие предгорные плуги часто запрягали именно буйволов.

Лошади («урчи»), бурхIер» (конь), «булхъар» (мерин), «газа» (кобыла), «тяй» (жеребенок) в Дагестане были очень почитаемы. Но число их в горах было невелико (в 5—9 раз меньше крупного рогатого скота[103]. В качестве рабочего скота они употреблялись редко, а, следовательно, основная масса крестьян жизненной необходимости в них не чувствовала. Основное назначение их заключалось в использовании для верховой езды и изредка, в труднодоступных аулах в качестве вьючного животного.

Незначительность местного коневодства объясняется и природными условиями нагорного Дагестана. Недостаток пастбищ и зимних кормов, грубость кормов сковывали разведение лошадей и крестьянин разводил скот тех видов, которые нужны были в крестьянском хозяйстве.

Следует отметить, что в предгорье, где условия жизни были более терпимыми и где имелось больше покосов и кормового зерна, лошадей было гораздо больше.

---

99 Е. И. Козубский. Дагестанский сборник, II, стр. 82.

100 Буркунцы.

101 Б. Ф. Добрынин. География. Дагестанской АССР, Махачкала, 1926, стр. 95.

102 П. Абельдяев. Указ. соч., стр. 25.

103 В 1886 г. их насчитывалось в Даргинском округе 4542, крупного рогатого скота — 40097. «Даргинский округ. Свод статистических данных». Тифлис, 1887, стр. 80.

Ослов (осел — амхIе, ослица — хъари, осленок — дяга) у даргинцев было больше, чем коней, но не намного. Осел применялся в качестве рабочей силы или там, где с быками нельзя было работать, или же такими хозяевами, которые по бедности не в состоянии были купить быков. В разведении ослов очень заметна зональность. В предгорье, где был нерасчлененный рельеф и имелись дороги для колесного транспорта ослов не было совсем; и иметь их считалось даже предосудительным. В горах ослов было больше, основная масса их сосредоточивалась у сюргинцев и цудахарцев.

Из домашней птицы даргинцы разводили, в основном, только кур (гIяргIя — курица, дадухъ — петух, чIикIа — цыпленок). Вот что говорит наблюдатель о разведении здесь птицы. «В верхнем Дагестане домашней птицы, исключая кур, никакой нет... случилось мне видеть только двух гусей, которых для редкости держут; уток же и индеек вовсе не видно»[104].

В предгорье птицы было гораздо больше, причем не только кур, но и уток (бяд), гусей (къаз), индеек (гургур).

Таким образом, мы видим, что животноводство являлось одним из главных и древнейших занятий даргинцев. В разведении отдельных видов скота, в способах содержания, в традициях связанных с уходом, пастбой, хозяйственным использованием и пр. мы видим много общего с животноводством других народов Дагестана. В тоже время, мы наблюдаем и специфические различия в животноводстве самих даргинцев, связанные с проживанием в разных естественно-исторических зонах.

4. ДОМАШНИЕ ПРОМЫСЛЫ И ОТХОДНИЧЕСТВО

Суровость природы, бедность края, недостаток земли и средств, поличаемых от земледелия и животноводства, избыток рабочих рук и пр. издавна приводили к сильному развитию у дагестанцев домашних промыслов и ремесел. Другая причина заключалась в несовпадении рабочего периода в сельском хозяйстве с периодом производства. В XIX веке возникла еще одна причина: присоединение к России устранило набеги и междоусобицы, а это высвоводило определенную часть мужских рук. Бывшие наездники превратились в мирных кустарей, и место воинственных участников набегов заняли отходники.

Несмотря на повсеместное распространение промыслов, вызванное причинами общего характера, можно говорить об их зональном распределении. Эта зональность вызвана причинами как природно-географического, так и социального порядка. В целом же можно считать, что зональность в промыслах возникла в большей степени в зависимости от причин природно-географического порядка.

Предгорье разделяется в этом отношении на две части: нижнее и верхнее. В нижнем земледельческих работ: избыток рабочего времени здесь невелик, поэтому и промыслы возникли, в основном, из собственных потребностей. Это, собственно, даже не промыслы, а домашнее производство необходимых семье орудий и предметов (шелк, хлопчатобумажные ткани, большие чувалы для зерна, сыромятная обувь).

В верхнем предгорье земли было мало, но было много лесов, поэтому в этих местах развились промыслы, связанные с использованием лесных богатств. Простейшим из них было сваливание леса, который отвозился на плоскость и обменивался на зерно.

Здесь, особенно в Верхнем Кайтаге, сложилось и производство (земледельческие орудия, колеса, лари, кровати, различная утварь и пр.).

---

[104] Ф И Гене. Сведения о горском Дагестане, стр. 345.

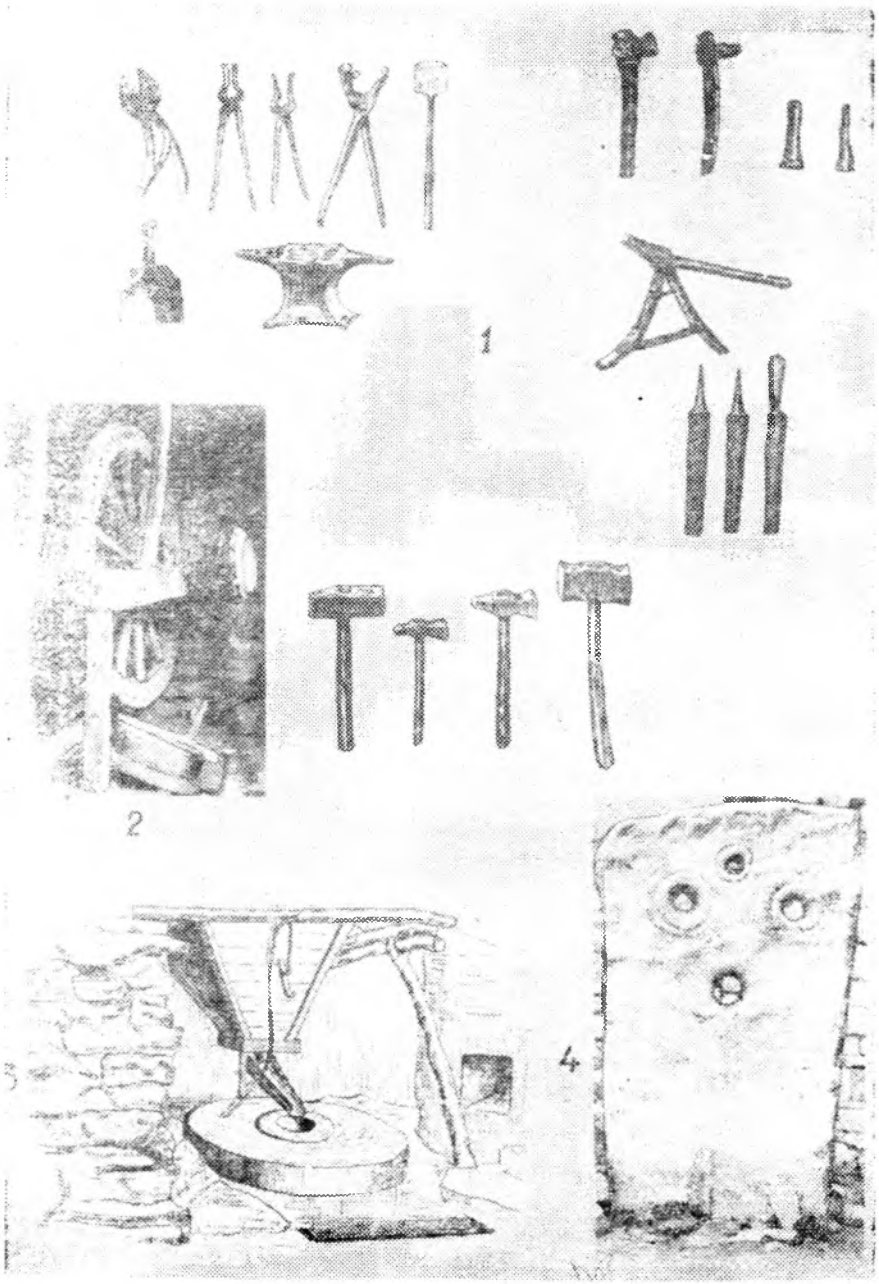

Рис. VII. Домашние промыслы:
1 — инструментарий ремесленника-харбукца, 2 — маховое колесо для обработки изделий с. Кубачи, 3 — мельница, 4 — камень для мягчения кожи.

Изготовление предмета начиналось с выбора и рубки дерева, затем его расщепляли на заготовки необходимой формы, которые привозились домой. В некоторых селениях, где изготовляли крупные предметы, чурки подвергались первичной (а порой и полной) обработке недалеко от леса, на берегу речки. Так поступали, например, мастера по производству больших круглых корыт (шикир), подносов (кIабатI) и тому подобных предметов из липы, дуба, бука. Чурки определенной толщины скатывали к речке, где имелись небольшие помещения с водяной турбиной; к ней было прикреплено колесо, с помощью которого обрабатывали и полировали предмет.

Инструментарий мастеров был очень ограниченный — кроме резцов и выдалбливателя было несколько видов топоров, тесак, нож, секач. Здесь изготовляли также стулья, люльки, лари, кровати, метлы, лопаты, грабли, деревянные вилы, меры для зерна, шкафы и др. Следует отметить, что мелкие деревянные изделия изготовляли почти во всех аулах, но это производство носило потребительский характер, в то время как Кайтаг выступал как своего рода центр ремесленного производства на рынок. Кроме того, в верхнем предгорье было развито производство растительных тканей, древесного угля на продажу и т. п.

Горная зона являлась центром наиболее прославленных промыслов даргинцев: оружейного, ювелирного, гончарного, суконного, кожевенного. Наличие сырья в виде шерсти, шкур и овчин наталкивало на производство сукон и кож; оторванность от внешнего мира требовала создания собственной базы изготовления металлических предметов, а земельный голод заставлял искать выхода из положения в ремесле. Все это создало условия для выделения ремесла как самостоятельной и главной отрасли хозяйства в ряде селений (Кубачи, Харбук, Сулевкент). Так, например, в сел. Харбук почти 80 процентов крестьян вовсе не имело земли или скота. Хозяйств, которые могли существовать на доходы от земледелия и животноводства, было примерно 5 процентов.[105]

Так же плохо обстояло с землей и в Кубачи. В XIX веке между этими двумя селениями сложилось своеобразное разделение труда в производстве металлических изделий. Харбук специализировался на изготовлении орудий труда и оружия, которые затем окончательно отделывались и украшались в Кубачи. Таким же поставщиком для Кубачи было и селение Амузги, клинки которого считались лучшими в Дагестане.

Железо в XIX веке доставлялось из России или переплавлялось из старых орудий труда, в особенности фабричных. Раньше же здесь было собственное литейное производство, правда весьма примитивное. Руду привозили в Харбук из сел. Дигбук. Ремесленники делали специальную яму, выложенную камнем и обмазанную глиной; яма была соединена с мехами. В яму сначала засыпали уголь, затем руду, а затем снова уголь. Для одной плавки над было нагнетать воздух с утра до вечера, причем меха и здесь были особые, парные, приводимые в действие последовательно обеими руками, что обеспечивало непрерывность дутья. На следующий день, после перерыва дутье возобновлялось. Затем огромными клещами доставали кусок затвердевшего железа.

Древесный уголь доставляли харбукцам жители верхнепредгорных селений Диблук и УркIмуц (Кала-Корейш). Харбукцы производили сошники для плугов, серпы, косы, топоры, своеобразные, похожие на мачете секачи (сатIякь) для хвороста, лопаты, мотыги, кирки, подковы и гвозди к ним, замки, печи и др. Изделия харбукцев были распространены не только у даргинцев, но и у остальных народов Дагестана.

---

[105] Полевой материал 1961 г. Информатор М. Яхьяев, 90 лет.

Незначительное кузнечное производство было и в некоторых других аулах (Дайбук, Чидик, Тама, Баршамай, Адага).

Немалое развитие получило в горной зоне и производство оружия. Амузги был издавна центром производства клинков, а в Кубачи больше занимались отделкой, хотя в прошлом и здесь изготовляли оружие. Харбук же стал в XIX веке центром производства огнестрельного оружия, хотя здесь продолжали также изготовлять кинжалы, сабли, ножи и пр.

Слава харбукских оружейников была очень велика. По существу это был общедагестанский центр производства оружия. Продукция их имела настолько широкое распространение, что у даргинцев и аварцев однозарядный пистолет называли «харбукинцем». По всей Даргинии и даже Аварии был известен в XIX веке мастер-оружейник Алимах. Его кремневые ружья стали эталоном совершенного оружия. Каждое свое ружье он отдавал покупателю лишь после того, как сбивал установленный на противоположной горе еле видимый пятак. Он славился также тем, что умел пристреливать и исправлять ружье, изготовленное любым мастером. Рассказывают об одном аварце, который попросил Алимаха пристрелять ружье. Алимах взял его, повертел в руках, положил под себя, потом встал и, вскинув его, сбил с первого выстрела пятак. Восхищенный аварец воскликнул: «У других мастерство только в руках, а у Алимаха оказывается и в бедрах».

В годы гражданской войны в Дагестане харбукцы изготовляли винтовки и маузеры, ничем не уступающие заводским. При этом инструментарий харбукских мастеров был довольно небольшим: молоты и молотки всевозможных форм и размеров (кьякь), набор стержней (ттанак) разной длины, толщины и формы с подставкой (укабилцан — подставляемый) для пробивания дыр или выбивания отметин на металле, ножницы для резки металла (ляпIцIи), ручные и большие на специальной стойке клещи (къямцIа), разных форм и размеров, в том числе клещи с особыми обхватами для раскаленных кусков металла, набор напильников (мехлукан — железо стирающий), набор зубил (бурусса), наковальни (уцца) различных форм и размеров, лопатообразная кочерга с деревянной ручкой (кваххи), ковшик для угля, мехи всякого рода (пущикI — надуваемое), одинарные и двойные.

Кубачинцы, как уже отмечалось, стали в XIX веке по преимуществу ювелирами и златокузнецами, производство же оружия и орудий труда приняло у них потребительский характер. Продолжалось только оформление и украшение оружия, произведенного в селениях Харбук и Амузги. Кубачинское производство очень хорошо и подробно описано Е. М. Шиллингом.[105]

В XIX веке в этих селениях далеко зашло расслоение крестьян и поляризация имущества. Отношения между мастером и подмастерьями, перекупщиками и торговцами можно назвать капиталистическими. Однако имели место и некоторые патриархальные пережитки. Так, например, среди работников одной мастерской доход распределялся следующим образом: из 45—50 коп. около половины (20—25 коп.) получал мастер (хула уста — старший мастер), 10 — подмастерье (шигирт), столько же молотобоец (кьякьрута) и 5 коп. — поддувальщики (пушикчи).

Богатые мастера иногда нанимали много подмастерьев, которые фактически являлись наемными рабочими. Случалось, что богатые кубачинские мастера нанимали мастеров из Харбука, Амузги для работы как в Кубачи, так и в городах Дагестана, Северного Кавказа, Грузии

---

[106] Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды, М.—Л., 1949.

и Азербайджана. В XIX веке уже имелся и сложившийся институт скупщиков, скупавших изделия у мастеров и развозивших их.

Кроме Кубачи серебряным делом занимались в селениях Сутбук, Хаджалмахи, Урцаки, Цудахар.

Горная зона отличалась также сильным развитием домотканого промысла. В части селений, где было много шерсти, сложилось суконное производство, а там, где было много конопли, ткали полотно. В селениях Акуша, Леваши, Хаджалмахи, Цудахар, Абдалая, Хулелая, Наскент изготовляли сукна, в Мекеги, В. Мулебки, Жангамахи — паласы, в селениях Киша, Ицари, Цугни, Меусиша, Дийбук, Чидик и других — полотно.

На границе верхнего предгорья и гор, в Шулерчи (Сулевкент) сложилось гончарное производство даргинцев. Изделия сулевкентцев были очень распространены в южном Дагестане, у южных даргинцев, кайтагцев, кумыков. Наряду с Балхаром Сулевкент являлся основным поставщиком гончарной посуды для даргинцев. Больше того, Сулевкент, видимо, был более крупным, чем Балхар, поставщиком гончарной посуды (6 тыс. изделий на сумму в 500 руб. против 300 в Балхаре).[107]

Камнерезный промысел был сосредоточен в селениях Сутбук и Хулелая (Улуая). В Хулелая изготовляли надмогильные стеллы почти для всех даргинских селений, входивших в Акушинский союз «вольных обществ», в Сутбуке делали также красивые каминные плиты, украшенные резьбой в стиле кубачинского художественного орнамента.

Следует указать, что не всегда тот или иной промысел бывал связан с особенностями природы, тут играли роль и такие факторы, как наличие свободных рабочих рук, сложившиеся традиции, падение спроса на традиционные изделия данного производства и необходимость в связи с этим перейти на другой промысел, складывание новых рынков и новых потребностей у населения и пр. Например, в горно-долинной зоне не было серебра, однако, серебряное дело здесь развивалось. Видимо вопрос заключался в том, что это была наиболее удаленная от Кубачи область даргинцев и местный рынок требовал больше серебряных изделий, чем их поступало из Кубачи.

В этой зоне было меньше шерсти чем у акушинцев, но сукна здесь делали лучше. Это объясняется тем, что жители долин, имевшие меньше шерсти, сосредоточили все свои усилия на улучшении качества своих сукон. Это же обстоятельство способствовало складыванию здесь производства тканей из верблюжьей шерсти.

Такие же факторы способствовали тому, что в отдельных селениях, не отличающихся богатством сырья, складывались промыслы, не требующие большого количества сырья, но требующие значительных трудовых усилий, например, производство музыкальных инструментов в Киша, Хаджалмахи, поставцов — в Ирганимахи, шапок и обуви — в Цугни и т. д.).

Одним из важнейших занятий даргинцев в XIX веке были отходные промыслы. Это было обусловлено обстоятельствами социально-экономического характера. Следует сказать, что отходничество как постоянный институт существовало в виду бедности края и до XIX века. При этом отходничество не вызывалось такими причинами, какие имели место, например, в крепостной России (необходимость уплаты оброка).

Естественно, что подавляющий процент отходников падал на горные районы, отличавшихся наибольшей бедностью.

---

[107] Е. И. Козубский. Дагестанский сборник. I, стр. 93.

Отходничество принимало самые разнообразные формы. Часто имел место уход горцев на плоскость и в предгорье в период сезонных работ, причем богатые жители предгорья нанимали батраков и на круглый год.

В XIX веке, после присоединения Дагестана к России, в отходничестве произошли глубокие изменения принципиального характера. Теперь дело было не в общей бедности края, а в более быстром процессе классового расслоения крестьянства, ускоренным развитием товарно-денежных отношений.

Другая сторона этого вопроса заключалась в том, что присоединение к России привело к появлению большого спроса на отходников для сезонных работ. Многие старики из горных селений рассказывают, что строительство железной дороги и создание крупных рыбных промыслов явилось очень большим подспорьем для беднейших горцев, которые массами уходили туда на заработки.

И, наконец, развитие денежных отношений привело к увеличению потребности крестьянина в деньгах, а для бедного горца, которому своих продуктов не хватало даже для прокормления семьи, отходничество и промыслы были единственным способом добывания денег.

Основными видами отходничества в XIX веке были круглогодовое батрачество, сезонное батрачество, уход на работы в города, на рыбные и нефтяные промыслы, на строительство железной дороги.

Специализация по зонам наблюдалась и в отходничестве. Из предгорья отходники уходили только на плоскость, чаще всего зимой и большей частью на работы в промышленности. Сельскохозяйственный отход не получил здесь большого развития. Зимой горцы занимались и извозом. Отходников-ремесленников из предгорья почти не было.

В горной зоне отходничество было наиболее развито и в XIX веке. Формы его здесь были самые разнообразные. Сельскохозяйственный отход занимал здесь одно из важных мест, причем он был направлен не только в полеводческие районы предгорья и плоскости, но и в горно-долинную зону.

В отличие от предгорья, разгар сезонного батрачества в горах, особенно в животноводческих селениях, приходился на летний период.

Своеобразной формой было круглогодовое отходничество. Горец уходил со своими быками в богатые землею предгорные селения (Губден, Карабудахкент, Манас и др.) и по договоренности с владельцем земли выполнял на пустошах весь цикл работ от пахоты до веяния хлеба исполу (дият).

Как и в предгорье, в горах было и зимнее отходничество, причем главным образом ремесленное. Издавна горная зона поставляла каменщиков и подсобных рабочих как в плоскостные, так и в горно-долинные районы. Много горцев работали шапочниками, сапожниками, кузнецами, плотниками. Большое развитие получил у горцев и извоз (кира), особенно в бедных землею селениях, расположенных у больших дорог. Так, например, о селении Леваши наблюдатель сообщал, что «жители занимаются больше отхожими промыслами и извозом»[108].

В горно-долинной зоне летом, в период созревания фруктов, отходников не было. Другая особенность этой зоны заключалась в том, что отходничество отсюда имело как бы более специализированный характер, в частности отсюда шло немало кожевенников, шапочников, сапожников. Батрачество же здесь было развито меньше, чем в горной зоне.

К концу XIX века в горно-долинной зоне получил распространение и извоз, причем не только грузовой, но и пассажирский. Однако в це-

---

[108] В. А. Аедоницкий. Из поездки в Дагестан летом 1914 года, стр. 121.

лом отходничество было развито здесь слабее, чем в горной зоне и верхнем предгорье и сильнее чем в нижнем предгорье.

Разнообразие форм отходничества, отсутствие всякой системы и порядка в этом деле затрудняли учет отходников. По данным Е. Козубского, в 1901 году по Даргинскому округу насчитывалось 11837 отходников из общего числа в 76336 по Дагестану,[109] по более поздним данным их было 11763 из 93313.[110] Обращает на себя внимание, что в предгорных округах отходников было гораздо меньше (например, в Кайтаго-Табасаранском — 3828, в Темир-Хан-Шуринском — 5240).[111]

В советское время кустарные промыслы и отходничество коренным образом изменились. Большинство промыслов стало падать еще в дореволюционное время под ударом конкуренции фабрично-заводской промышленности. Между прочим, падение кустарных промыслов также послужило одной из причин увеличения отходничества — тот, кто раньше изготовлял кустарные изделия, вынужден был бросать это дело и уходить на заработки. Так, к началу XX века резко упало производство полотна, отчасти сукна, оружия, металлических орудий труда, искусство кубачинцев получило другое направление.

В целом, изучение кустарных промыслов и отходничества показывает, что они исторически существовали издавна, во всяком случае со времени последнего крупного географического разделения труда (XV—XVI вв.). В XIX веке ряд причин социально-экономического характера вызвали их подъем, а в послереволюционный период новые общественные и экономические причины привели к упадку кустарных промыслов и полному исчезновению многих из них.

5. ТРАНСПОРТ И ТОРГОВЛЯ

Транспортные средства даргинцев были сравнительно невелики, но довольно многообразны.

Транспортом для езды служили верховые лошади, но они имелись далеко не у всех, ибо были дороги (в 5—7 раз дороже быка, который в хозяйстве был гораздо нужнее). Даже приобретший лошадь не всегда мог ее прокормить. Сравнительно больше было лошадей в предгорье, а также у цудахарцев,[112] у муэринцев и сюргинцев в горной зоне.[113] В общем в горах наблюдался факт преобладания лошадей в овцеводческих селениях, что связано, видимо, как с большей товарностью овцеводческого хозяйства, так и с тем, что лошади особенно нужны чабанам.

Значительно разнообразнее были грузовые транспортные средства. Из них в первую очередь следует назвать наиболее распространенный транспорт — арбу в бычьей упряжи (уркура).

Она целиком изготовлялась из деревянных деталей и только во второй половине века появились в ней металлические детали. Важнейшие составные части ее: «барк» (остов), «арк» (ось), «хIулри» (колеса), хъяртбе», (боковые стойки), «гадамухри» (продольные планки, вдеваемые в стойки), «битабяхъе» (соединительные планки между обоими дышлами, образующие дно арбы), «кIянцIни» (ограничители оси) «Мурга» (дышло), «аврумн» (обод колеса), «чехникке» (спицы колеса).

---

[109] Е. И. Козубский. Указ. соч., стр. 89.

[110] Х. О. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961, стр. 107.

[111] Там же.

[112] Даргинский округ, стр. 34—36, 78—80.

[113] Там же, стр. 78—80. Дагестанская область. Свод статистических данных. Тифлис, 1890, стр. 164—165.

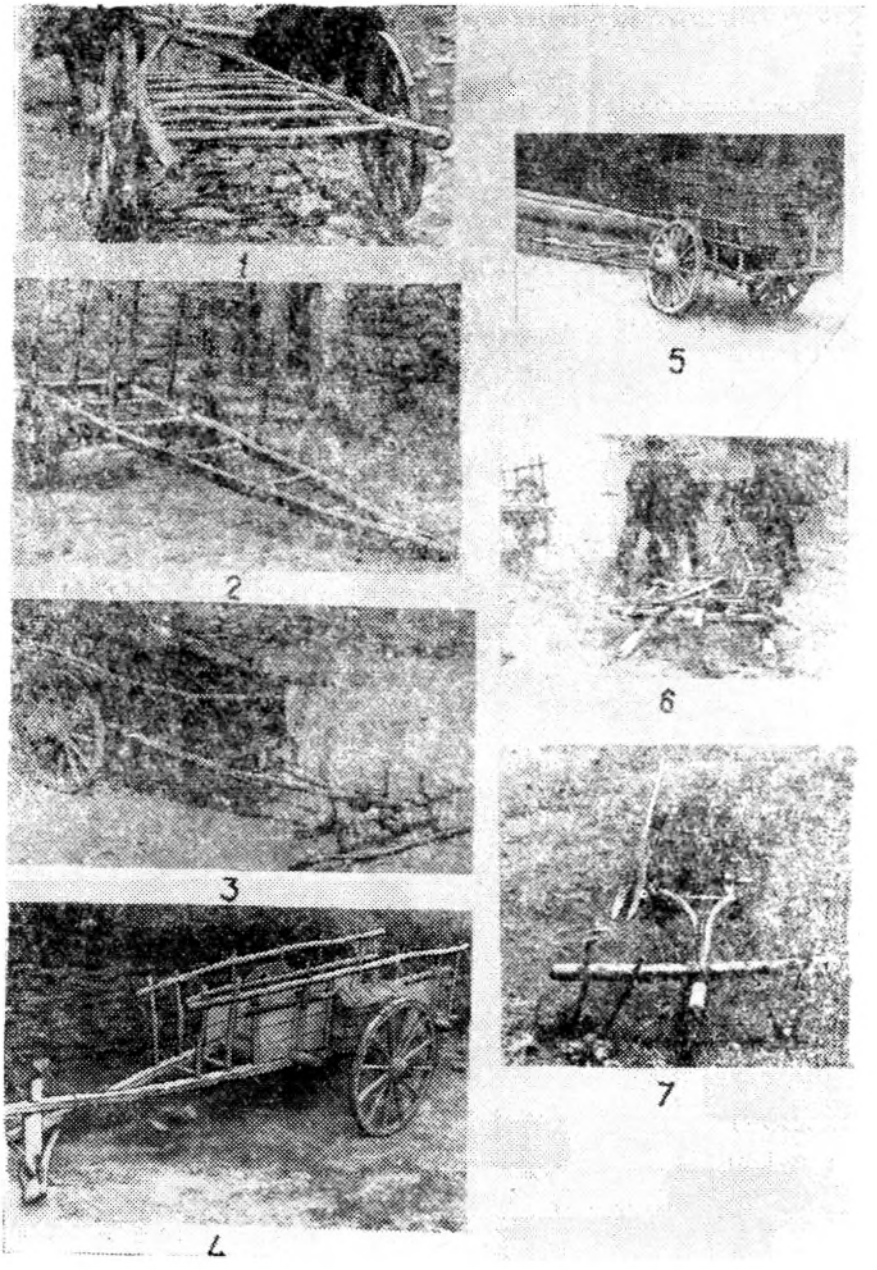

Рис. VIII. Арбы и волокуши:
1 — горная арба с широким остовом. с. Чирах, **2** — верхнепредгорная арба. с. Адага, **3** — горнодолинная арба с сапетками для фруктов с. Хаджалмахи, **4** — предгорная арба. с. Баршамай, **5** — верхнепредгорная арба с сапеткой для половы. с. Гулли, **6** — предгорная волокуша. с. Гулли, **7** — волокуша с сапеткой для перевозки навоза и специальные вилы для навоза. с. Дуреги.

Арба отличается значительными зональными особенностями. В нижнем предгорье, где имелся рослый и сильный скот и неплохие дороги, она была большой и длинной, на высоких колесах. В верхнем предгорье, где дороги были узкие, окаймленные лесом, где часто приходилось пробираться с арбой через кустарник, она была низкой, массивной с маленькими толстыми колесами.

Горная и горно-долинная арба представляет собой нечто среднее между ними. В некоторых селениях, где сельскохозяйственные угодья расположены на некрутых косогорах и плато, сложился вид арбы с огромными колесами на очень широком остове. Она служит для перевозки грузов по косогорам: ширина делает ее устойчивой, а высокие колеса обеспечивают преодоление неровностей.

В верхнем предгорье для таких же целей служат волокуши (гъял). Независимо от времени года волокуша является здесь основным грузовым транспортным средством, что вызвано особенностями местных условий — лесистые горы и холмы, обилие осадков, особенно снега. Для перевозки навоза, мякины и т. п. на нее ставили специальную, сплетенную из прутьев, сапетку.

Перевозка на ослах, конях, мулах, проводилась несколькими способами: вьюками (дех), в сапетках, а также на специальных рогатинах (хъяйме), которые использовались для перевозки цельных предметов — неразделанных туш скота, больших камней, кизяка, сосудов. У чабанов они имеют наибольшее распространение, что вызвано удобством использования ослов с «хъяйме» в чабанском хозяйстве.

Подводы для лошадей, фургоны, фаэтоны появились у даргинцев только под влиянием русских.

В целом транспорт не был развит, особенно в сфере обменно-торговых отношений, в чем не последнюю роль играло бездорожье.

Торговля во все времена зависела от состояния транспорта и наличия необходимых путей сообщения. У даргинцев в прошлом не было ни хороших дорог, ни приличного транспорта, но обмен, торговля как внутри даргинской территории, так и с другими народами и странами были довольно оживленные и имели большие традиции.

Мы уже отмечали выше, что обмен у даргинцев находился в прямой связи с географическим разделением труда.

При этом в XIX веке мы видим такую специализацию по зонам (конечно, приблизительную): нижнее предгорье — зерно и крупный рогатый скот; верхнее предгорье — крупный рогатый скот, но меньше зерна, горная зона — овцы, крупный рогатый скот, зерно, горно-долинная — сады, овцы, крупный рогатый скот, зерно. Таким образом, основные отрасли хозяйства имеются во всех зонах, но степень их развития и товарности далеко не одинакова.

Другим элементом географического разделения труда и стимула для торговли является разделение труда по ремесленным производствам как в целом между зонами, так и между отдельными аулами.

Все эти обстоятельства явились причиной того, что несмотря на натуральное хозяйство в Дагестане сложился довольно оживленный обмен продуктами, способствовавший общению дагестанцев, разрушавший их хозяйственную, а следовательно, также политическую и культурную замкнутость. В этом плане большую роль сыграло, на наш взгляд, и то обстоятельство, что в Дагестане по ряду причин рано сложилась частная собственность на пашню, что увеличивало частновладельческие тенденции и стремление к обменным связям.

В обменных связях даргинцев отчетливо отражается зональная специализация хозяйства и промыслов. У жителей нижнего предгорья

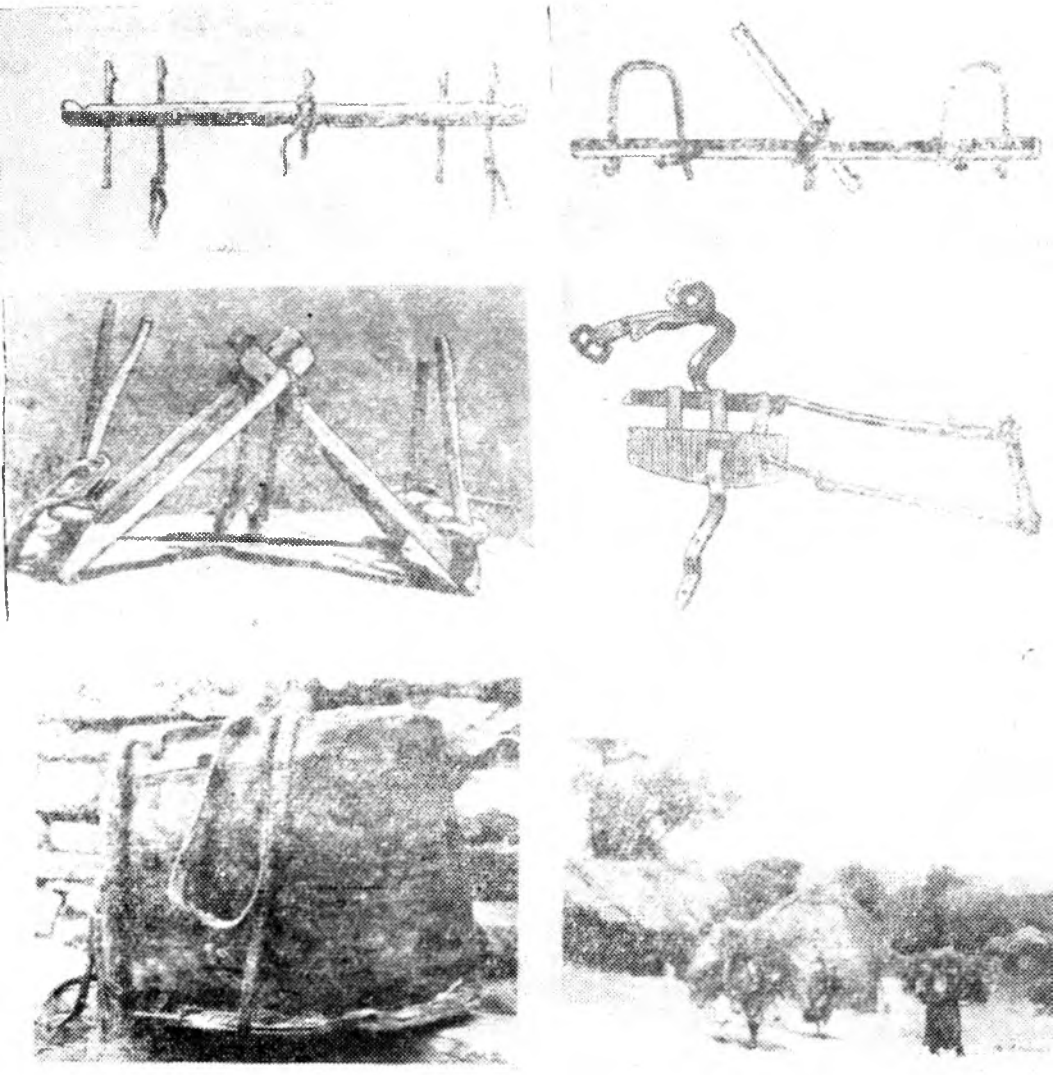

Рис. IX. Транспортные средства:

1—2 — формы одноствольного ярма, 3 — рогатины для перевозки цельных предметов на ослах, 4 — седло для осла, 5 — сапетка из липовой коры для переноски груза на спине, 6 — переноска сена женщинами.

главным продуктом обмена было зерно, причем характерно, что они почти не возили его на продажу. Тот, кому требовалось зерно, сам шел за ним. Эту особенность отметил И. Гербер в описании кайтагов: «Пшеницею и ячменем удовольствуют многих в горах живущих народов, которые для покупки того хлеба сюда приезжают».[114] Продавали здесь и лошадей, и крупный рогатый скот, а в некоторых селениях шелковую ткань, фрукты, лесные ягоды.

Кроме того, из предгорья в XIX веке даргинцы вывозили товары и в города (мед, воск, марена, шелк, строительный лес, дрова), а покупали железные сельскохозяйственные орудия, оружие, сукно, овчины, украшения, папахи, отчасти деревянную утварь и орудия труда, в не-

[114] И. Гербер. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. ИГЭД, стр. 83.

которых селениях фрукты. Обмен совершался на базарах. У каждого базара была своя специфика, определяемая в первую очередь занятиями жителей селения и окружающего его населения. Так, например, было известно, что лучшие украшения и оружие можно найти на базаре в Кубачи, железные изделия — в Харбуке, овчины — в Акуша и Урахи, зерно — в Маджалисе, Манасе, Губдене, сыр — в Акуша, фрукты — в Цудахаре и т. д.

В XIX веке большая часть торговых операций совершалась уже при помощи денег, хотя продуктообмен как таковой существовал. В большей степени он сохранился в отношении сельскохозяйственных продуктов.

С продвижением в горы обменные связи не ослабевают, а даже в некоторых отношениях становятся более интенсивными. Это связано с бедностью продуктами питания, обилием промыслов и распространением отходничества.

В верхнем предгорье одной из важнейших статей торговли являлась деревянная утварь и орудия труда. Продавали также ягоды, скот, отчасти сыр, полотно, бурки, дрова, лес.

Среди покупных предметов здесь фигурировали железные орудия труда и оружие, а также сукно, паласы, соль, одежда. Некоторые селения верхнего предгорья, имевшие достаточно пашни, продавали и зерно (Кадар, Урахи и др.).

Районами наиболее развитой торговли являлись горная и горно-долинная зоны. Здесь находились и крупнейшие базары даргинцев (Акуша, Цудахар, Хулелая, Кубачи, Харбук и др.). Горцы продавали здесь наибольший ассортимент товаров, но количество каждого из них было сравнительно невелико. Если в предгорном Губдене, например, продавали только зерно, то продавали его большими партиями и таким образом обеспечивали себя всем необходимым. В горах же продавали овец, коров, сукно, масло, сыр, овощи (свекла, морковь), картофель, железные орудия труда, оружие, украшения и пр. Товары горной зоны доставлялись на все базары Дагестана. Это объяснялось не только разнообразием продукции, но и большой зависимостью горцев от продажи своих товаров, что побуждало их искать новые рынки.

Гораздо меньше список приобретаемых горцами товаров: зерно, деревянная утварь и деревянные орудия труда, фрукты. Главные усилия горцев были направлены на приобретение необходимого количества зерна, этому в большой степени была подчинена вся их промысловая и торговая деятельность.

В горно-долинной зоне главным предметом продажи были фрукты и виноград,[115] получившие широкую известность во всей Даргинии и Кумыкии, сукно, в том числе знаменитые шали из верблюжьей шерсти, серебряные изделия и пр. Покупали жители горно-долинной зоны зерно, скот, орудия труда и оружие, лес.

Таким образом, в каждой из зон была своя торговая специфика, способствовавшая складыванию единого даргинского рынка.

Нам думается, что постоянные обменные связи могли возникнуть только с образованием крупных политических объединений, т. е. со второго тысячелетия н. э.

Наличие постоянных «довольно значительных базаров»[116], установившийся перечень традиционных товаров в обмене между селениями разных зон, сложившийся на основе хозяйственной и промысловой специализации зон и отдельных аулов позволяют говорить о сравнительной давности обменных связей у даргинцев.

---

[115] Обзор виноделия Кавказа. ССК, III, Тифлис, 1875, стр. 330.

[116] Н. Абельдяев. Сельское хозяйство у дагестанских горцев, стр. 29.

Однако несмотря на наличие обменных связей, о складывании единого общедагестанского рынка до присоединения Дагестана к России говорить трудно. Скорее можно наблюдать появление зонально-этнических рынков, взаимные связи которых можно было бы изобразить в виде пересекающихся, взаимно-вписанных частично кругов. Такими были предгорный даргино-кумыкский рынок, объединяющий кайтагов, часть даргинцев и кумыков с юга до Дженгутая, горный даргинский, горно-долинный даргино-аварский, горный даргино-лакский и др. Базары, как правило, находились на границах общих секторов этих концентрических кругов и охватывали товары разных округ.

Присоединение к России нарушило структуру мелких рынков. Оружие перестало быть необходимостью; местные ткани и орудия труда вытеснялись фабричными и т. д. К концу XIX века Дагестан в целом уже включается в орбиту русского капиталистического рынка, хотя, конечно, не все уголки Дагестана были вовлечены в этот рынок в равной степени.

Естественно, что новые формы торговли, победа товарно-денежных отношений ускорили процесс расслоения в даргинском ауле, поляризацию богатств.

В заключение остановимся на основных единицах измерения, применявшихся даргинцами. Для измерения сыпучих тел, овощей, фруктов, картофеля применялся «барха» — мера, составляющая от 16 до 35 литров, в зависимости от природно-экономических зон. Самые большие меры были в нижнем предгорье, где «барха» составлял 25—29 кг пшеницы, т. е. примерно столько же, что и бушель. В верхнем предгорье и горах чаще встречалась мера в 25—26 литров (20 кг), в горно-долинной зоне немногим меньше (22—24 литра, 18—19 кг), в некоторых горных селениях еще меньше (18—20 литров). Мера делилась на малые меры «сах» самой разной величины — от 2,5 литра до 12. В «барха» входило от 4 до 10 сахов.

Меры веса у даргинцев более однообразны. В прошлом, видимо, к взвешиванию прибегали редко, а когда это бывало необходимо, пользовались весом, выведенным их «саха», его половины, четверти и т. д. Самым малым разновесом являлссь куриное яйцо. С появлением русского фунта его заменила осьмушка. Следующий вес — «читвар» две осьмушки — видимо произошел от четверти русского фунта. Затем идет «баяхъал гилавка» (полфунта), «гилавка» (фунт), «шигарт» (3 фунта), «ратIал» (6 фунтов), пуд. «РатIал» и «шигарт» раньше по всей вероятности были производными от «саха». В этом нас убеждает и тот факт, что «ратIал» в тех селениях, где «сах» меньше, тоже маленький (5 фунтов). Такой же дорусской мерой веса являлся по-видимому и «вакье», равный приблизительно половине фунта, а в некоторых селениях — четверти.

Меры длины также имели самостоятельное значение. Самая распространенная единица — «декI», которую принято называть «локтем». Впоследствии это название перенесли на половину метра. Четверть локтя — «чирак», пядь «хъяшкIим», расстояние между растянутыми большим пальцем и мизинцем называлось — просто «кIим». Для измерения земли применяли чаще всего шаг — «кьяш» (нога), «кканц» (шаг). Существовала еще одна мера длины — «чIукьяй» (расстояние между раздвинутыми ногами).

Обращает на себя внимание, что у горцев нет крупных единиц измерения ни объема, ни веса. Это лишний раз показывает как бедность горца, так и отсутствие продуктообмена в больших количествах. С приобщением Дагестана к российскому рынку единицы измерения стали русскими, сначала старыми русскими, затем метрическими.

6. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ И АГРАРНЫЕ КУЛЬТЫ

Даргинцы, как и все народы, подвергшиеся культурному влиянию более цивилизованного народа, утеряли многие из своих народных обычаев и культов.

Так, народный календарь даргинцев, несомненно существовавший когда-то, был заменен мусульманским. В XIX веке все даргинцы пользовались мусульманским лунным календарем. Однако в сельском хозяйстве еще сохранялись некоторые пережитки народного календаря.

Основная особенность его — тесная связь с земледельческими работами. Об этом свидетельствует тот факт, что в календаре лучше разработан весенний период, время наиболее важных земледельческих работ.

Какое время даргинцы считали началом года, сказать трудно, хотя по аналогии с другими народами с развитым земледельческим календарем следует полагать, что этим временем являлась весна [117].

Наступление весны узнавали обычно по положению солнца или звезд. В сел. Мекеги, например, таким определителем являлась звезда «кьарла уръи («звезда травы», научного названия ее установить не удалось). Когда эта звезда выходила на уровень горы «хIекьла дубура» в момент ночной молитвы, считалось, что пришла весна. В Харбуке на горе «ЦIурме гIела» был специальный, сложенный из камней, столб, который служил для определения времен года (по солнцу).

В начале весны шли дни «мардух», (примерно с середины марта), затем «тIакьракь», «хилла», цIярхъни», каждый по 12 дней.

После «цIярхъни» идет «гIяргIни» (время сева в предгорье) и вслед за ними «дукIрукIла» (все три падают примерно на май).

В промежутке между «хилла» и «цIярхъни» в горной зоне было три дня, когда нельзя было пахать и сеять. Эти дни назывались «дни червей». Считалось что посевы этих дней уничтожают черви.

Период «дукIрукIла» считался наиболее подходящим для окулировки.

Начало лета также определялось по положению солнца и звезд. В сел. Мекеги оно определялось с помощью созвездия Тельца — «улахIяри» (сито). Время, когда оно всходило с рассветом, считалось началом лета. На 30-й день лета появлялось созвездие Орион «хIебургъне» (три звезды), эти дни до «тIурщи» считались самыми жаркими днями. «ТIурщи» наступал на 45-й день лета, в среду. О том, что это такое, горцы толком не знают. Известно лишь, что оно наступает в определенные дни и что это — звезда, которая появляется со стороны моря. На плоскости в эти дни не спали на воздухе, чтобы не увидеть этой звезды, ибо увидев ее, человек якобы смертельно заболевает. Дни до и после появления звезды вообще считались опасными для здоровья. Появление ее определялось по листьям липы, считалось, что они желтеют после этой ночи.

Вообще лето (и осень) не разбивается на такие дробные периоды, как весна. По этому поводу в сел. Карацан нам говорили, что весенняя периодизация переносится на другие времена года.

Начало зимы определяли по созвездию «кьарла уръи». Если оно зашло за час до рассвета, значит началась зима. Через 25—30 дней

---

[117] На связь календаря с важнейшими сельскохозяйственными работами указывали многие этнографы. Ср. Д. Фрезер. Золотая ветвь, вып. IV, М., 1928, стр. 161 и др.

наступает «холод звезды», после которого идет средний месяц зимы», а затем «последний месяц зимы».

В большинстве селений с «холода звезды» начинается «чилла» длительностью в 40 дней. Это самое суровое время года.

После «чилла» идут «тIакьракьни», уже встречавшиеся весной, а после них в некоторых селениях еще «мардух», половина которых приходится на зиму.

В горах в заключительные дни зимы протекает период ненастных дней, связанный с неустойчивостью погоды. Горцы настолько привыкли к этому ненастью, завершающему относительно спокойную зиму, что у них сложилось мнение — если в эти дни не будет ненастья, значит оно будет во время пахоты, жатвы или молотьбы. Этот период у горцев следует сразу после «чилла» и продолжается 7 дней («няс бурхIне» — ненастные, плохие дни).

Разумеется, установленные таким способом времена года являлись не просто отрезком времени, а исчислением его для наилучшего эффекта при производстве сельскохозяйственных работ.

Кроме того, существовала большая конкретизация отдельных периодов.

Одна из форм такой конкретизации заключалась в том, что каждый из периодов имел свое практическое назначение, как-то: время сева, уборки, окулировки, вывоза навоза, запрета работ и т. д.

В целом даже эти далеко не полные данные свидетельствуют, что у даргинцев был довольно развитый сельскохозяйственный, преимущественно земледельческий, календарь, говорящий о древних земледельческих традициях.

Особенно убедительно свидетельствуют о таких традициях различные аграрные обряды, культы, церемонии и праздники даргинцев. Наиболее распространенным и значительным из них является праздник первой вспашки «хъу бяхIруме» — «выход на пашню», «хъуча къилла» — «борозда на пашне», «къил агъни», «гъарш агъни»—«проведение борозды», «хъуя булхъни» — «праздник пашни», «хъу дерхъ» — «чтобы был урожай на пашне» и т. п. Почти в каждом селении они имели свои особенности, но подоснова у них была общая.

Прежде всего наиболее опытные люди селения устанавливали по календарю и состоянию погоды день первой вспашки и объявляли его. Готовились к празднику все (угощение, нарядные одежды, тренировка участников бега, скачек и пр.).

В назначенный день все жители аула во главе с избранным для проведения первой борозды человеком, который назывался «хула хъубзар» (старший землепашец) шли к месту вспашки.

Процессия выглядела очень праздничной. Запряженных быков вели многие крестьяне, на рогах быков были большие баранки, их украшали разноцветной материей, а уши обматывали шелковыми нитками. В некоторых местах делали баранки на шею быка и даже в обхват всего его туловища.

Самые большие баранки и пироги делал «старший». Размеры пирога и разнообразие его начинки были делом престижа не только самого «старшего», но и общества в целом. Например, в селении Хаджалмахи в пирог диаметром до одного метра и высотой 0,5 м клали сотни яиц, мясо, курдюк, колбасу, изюм и пр. Такой пирог видел здесь И. Пантюхов. Он пишет: «Как приз, более зажиточными приготовляется громадный, диаметром в аршин, начиненный мясом, жиром, изюмом пирог» [118].

---

[118] И. И Пантюхов. Современные лезгины. «Кавказ», 1901, № 233.

Изготовлялась и огромная баранка для детей. Ее давали человеку, который пользовался у них популярностью. Задачей его было отвлечь детей, увести их в сторону и потом скатить баранку с горы, чтобы дети бросились за ней.

В ряде селений (например, Харбук) встречался более архаичный приз — кукла, изображающая девушку. Глаза ее делали из серебряных монет, зубы — из фасоли. Голову утыкали несколькими прутьями (вероятно вначале это были соломинки). Ее несли перед толпой на вытянутых руках. Возможно, в этом сказывался пережиток древнего представления о том, что у пашни, хлеба имеется дух, хозяин, и он должен быть женского рода, ибо только женщина обладает способностью воспроизводства. Поэтому первобытные земледельцы стремились умилостивить этого духа, чтобы он позволил зерну воспроизвести зерно. Разделение куклы между многими людьми должно было приобщить их к таинству воспроизводства, дать им силу, заключающуюся в духе хлеба.

Сходные мотивы наблюдались и у других народов. Так, например, Д. Фрезер отмечает, что у американских индейцев божеством маиса являлась женщина и во время праздника, посвященного ей, наряжали девушку, приносимую в жертву, уподобив ее маису, что «свидетельствует о том, что она олицетворяла дух хлеба»[119].

Главный акт праздника заключался в проведении борозды. В это время на «старшего» обрушивался град комьев земли, снега, даже грязи, иногда его ловили и вываливали в снегу или грязи. Этот обряд видимо также имел магический характер. Окружающие как бы хотели показать божеству, что осмелившийся тронуть землю не чужой ей, что он сотворен из нее. В пользу такого предположения говорит и то, что все, кого коснулась грязь, не должны были смывать ее до следующего утра.

Такого же рода действием можно считать и выливание воды из кувшинов на пашню, на «старшего» и других людей. Это своего рода подражательная магия, которой горцы хотели вызвать обилие осадков.

В некоторых селениях назначали сразу несколько «старших», которые должны были готовиться к обряду первой пахоты, начиная с окончания текущего праздника. Местами эти люди имели право на получение в свое распоряжение в течение всего года всех штрафов аула, которые должны были быть употреблены на подготовку и проведение общесельского праздника.

После проведения борозды начинались игры. Одним из центральных событий являлся бег наперегонки, причем участвовали только юноши и неженатые мужчины. В этом тоже можно усмотреть определенный смысл — к церемонии, связанной с почитанием божества, могли быть допущены только «чистые» и «непорочные». В последующем это правило было забыто и в XIX веке во многих селениях к бегу допускались все, кто желал этого. Было много и других игр и состязаний: бой специально подготовленных быков, петухов, борьба юношей, скачки, прыжки, метание камня, качание на качелях и т. п.

Главный приз — пирог или куклу получал прибежавший первым. Причем характерно, что пирог отдавался победителю целиком, в то время как кукла делилась между почти всеми участниками бега, а победитель получал только голову ее. В некоторых селениях победителю бега или скачек предоставлялось право выкосить на общинном покосе несколько десятков ослиных вьюков сена до отдачи покоса на поток всем сельчанам.

В сел. Киша готовили еще специальное небольшое дерево, которое должно было, по-видимому, символизировать обильный урожай. Оно (бахча) утыкалось яблоками, грушами, куклами из хлеба, пирогами,

яйцами и пр. Устроители праздника брали его и несли к месту проведения борозды. По дороге дети делали все для того, чтобы разграбить дерево, устроители же с неменьшим усердием пытались оградить дерево от детей. Причем нападения детей считались законными и наказывать их за это нельзя было. Кстати отметим, что праздник борозды — один из немногих праздников, в которых участвуют дети и вообще все жители аула поголовно, в том числе женщины. Один этот факт может свидетельствовать о глубокой древности праздника.

Иногда случалось, что на роль «старшего землепашца» претендовали многие. Но такие случаи были редки и представляли собой позднее наслоение, когда отдельные зажиточные люди в поисках популярности и материальных выгод (штрафы, помощь продуктами родственников, право выкоса общинных угодий и пр.) нарушали сложившийся порядок и добивались звания «старшего».

Во время праздника вспашки пели песни заклинающего характера. К сожалению, почти все они забыты под влиянием ислама. Хорошо сказал об этом нивелирующем воздействии ислама И. Пантюхов: «Выработанные тысячелетиями обычаи, нравы, народные развлечения и даже язык в последнее время подвергаются заметным изменениям. Самая страшная, все нивелирующая сила, грозящая обезличить эти своеобразные прекрасные племена — ислам. Полному порабощению исламом сопротивлялся и сопротивляется весь строй народной жизни».[119]

В большинстве селений проведение первой борозды в XIX веке сопровождалось криками «дерхъаб» («да будет урожай»). В этой связи можно вспомнить, что местами этот праздник называется «хъу дерхъ» («чтобы пашня была урожайной»), а также то, что такое же название носят и баранки, испекаемые для этого праздника.

Нам удалось записать некоторые слова заклинания в сел. Гапшима:

О аллах, да будет урожай на пашнях,
Да будет урожай, да будет урожай.
Лиса чтоб с хвостом.
Волк чтоб с лапами
Чабанов овцы да размножатся.
Неба дарами (т. е. осадками) земля да насытится.
Земли дарами народ да насытится.
Землепашца пашни да урожай дадут
Да будет урожай, да будет урожай.

Со следующего дня, когда земля была «умилостивлена», разрешалось приступить к пахоте на индивидуальных участках. Начать вспашку до выполнения обряда считалось серьезным преступлением и не столько потому, что совершивший его навлекал на себя немилость божества, сколько потому, что гнев мог обрушиться не на него одного, а на весь коллектив, связанный круговой порукой. Поэтому такое нарушение обычая строго каралось. В сел. Мекеги, например, еще в XIX веке у нарушителя тут же резали быка.

Праздник этот распространен не только у даргинцев, но и почти по всему Дагестану. Встречается он и у многих народов Кавказа и всей Азии, почти во всех ее уголках. Так, например, у черкесов существовал праздничный церемониал с жертвоприношением по случаю первой пахоты, до совершения которого никто не мог приступить к весенним по-

---

[119] И. И. Пантюхов. Указ. соч., «Кавказ», 1901, № 233.

левым работам».[120]. Такие же «земледельческие ритуальные церемонии первой пахоты» отмечены у таджиков, афганцев, китайцев, народов Индокитая и др.[121]

Следует отметить, что обряд первой борозды в южных и предгорных частях даргинской территории наименее развит. Нам думается, что это связано с тем, что данный праздник сложился здесь очень рано. Если вспомнить, что на зеркале из Галлинского могильника V—VII веков н. э. скорее всего изображен праздник первой пахоты, то ясно, что он должен был сложиться гораздо раньше самого могильника.[122] Предположительно можно сказать, что праздник первой борозды возник в I тысячелетии до н. э. В дальнейшем плоскость подверглась нашествиям кочевников и праздник здесь, естественно, забылся. Его возобновление относится, видимо, ко времени нового географического разделения труда, причем он идет с гор через предгорье на плоскость.

Из других обрядов укажем на обряд вызывания солнца, который совершался, когда затянувшееся ненастье грозило погубить урожай. Для этого женщины собирались и мастерили чучело женщины (кIатIакIуш), затем ходили по домам и собирали муку. Из нее делали пышки, которые раздавали, собрав людей у кладбища. В это же время несколько женщин очищали от грязи участок дороги, где обычно большую часть дня не бывает солнца. Видимо в результате применения этого своеобразного средства солнце должно выглянуть и высушить грязь даже там, где оно бывает недолго.

Существовал обряд вызывания дождя, но в нем уже почти ничего домусульманского не осталось, и в XIX веке инициаторами его бывали муллы.

Некоторая обрядность сохранилась и при выполнении других сельскохозяйственных работ. Так, например, перед началом сенокоса или жатвы один уважаемый человек (часто старший землепашец) должен был сделать почин. И только на второй день после этого разрешалось приступать к уборке всем членам общины. Местами до этого дня даже не разрешали выносить в поле серп для уборки травы на откосах своих террас (за нарушение штрафовали). Необходимое количество травы для теленка или ягненка вырывалось на своем участке только руками.

По окончании жатвы устраивался праздник (деччухъар). Как только заканчивалась жатва, жнецы бежали к главе семьи и вешали серпы ему на шею. При этом ему говорили «деччухъар», а во время трапезы — «урчIяхIле деркаб», т. е. «с радостной душой чтобы съели».

Часто в конце жатвы несколько колосьев оставляли несжатыми, связывали их вместе как сноп и оставляли в поле. Это было своеобразное жертвоприношение силам природы и называлось «хъудерхъ» (урожайник, буквально — пашне чтобы урожай дали).

«Деччухъар» устраивался и после сенокоса и обмолота. Был он гораздо проще и заключался в выставлении угощения и танцах.

Интересный обряд «выражения благодарности» (хъулиз баркалла ари — пашне спасибо говорение) сохранился у цудахарцев. Он заключался в том, что состарившийся земледелец приходил на свою пашню в последний раз специально для того, чтобы посидеть там, попрощаться с пашней и сказать ей спасибо за все, что она дала.[123]

---

120 Л. И. Лавров. Земледелие на Северо-Западном Кавказе. Материалы по истории земледелия СССР, М., 1952, стр. 216.

121 Д. Фрезер. Указ. соч., стр. 127; М. Р. Рахимов. Следы древних верований в земледельческих обычаях и обрядах таджиков Каратегина и Дарваза в XIX—начале XX в. КСИЭ, XXIX, стр. 80; «Современный восток», 1960, № 1, стр. 56 и др.

122 В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в Дагестане, стр. 289.

123 Информация К. Баркуева, сел. Кулибухна.

Праздник пахоты в селениях нижнего предгорья в какой-то степени заменил праздник весны (гIевла байрам). Непременной принадлежностью этого праздника были костры, через которые прыгали дети и молодежь. Разжигая костры, говорили «подожжем хвост зиме». Существовал рассказ о встрече весны и зимы, в которой они ругали друг друга.

Весна укоряла, например, зиму в том, что та поглотила все запасы, накопленные в теплое время, а зима обвиняла весну в том, что она своей жарой губит продукты, особо подчеркивая, что она делает мясо червивым.

Характерно, что весна говорит от имени всего теплого периода, зима — холодного, и то, что зима упоминает именно мясо. Такое членение года на две половины (теплую и холодную) имеет в своей основе деление, связанное с использованием пастбищ и содержанием скота[124], что также подтверждает значительное развитие здесь в прошлом скотоводства. В какой-то мере это подтверждается и весенней песней, распеваемой во время праздника, в которой главное внимание уделено скоту и его приплоду.[125]

В некоторых селениях Кайтага, издавна занимающихся виноградарством, сохранился еще один древний праздник «ахърарцIила байрам» — (праздник прополки). Он был самым большим праздником и проводился примерно в середине мая, обязательно от субботнего дня до субботнего.

В назначенный день утром все жители селения высыпали на площадь или на окраину аула, плясали и пели. Сразу после этого все мужчины в возрасте от 16 лет обязаны были направиться к виноградникам, расположенным далеко от аула. Весь скот также угонялся. В селении разрешалось оставаться только женщинам и детям. Мужчина, оставшийся в ауле, подвергался штрафу в 6 рублей (цена одной коровы), а женщины после этого заявляли, что перестали считать его мужчиной. Задержавшийся по каким-либо причинам мужчина имел право выехать из аула только одев женскую одежду. Всю неделю мужчины работали на прополке, а женщины веселились — днем они танцевали, а вечером — пели. В следующую субботу мужчины возвращались, причем только все вместе и только с восходом солнца.

Возможно, в этом празднике наблюдается наслоение различных обрядов. Нам думается, что в нем слились летний праздник скотоводов, которые уходили летом со скотом на пастбища, и земледельцев. Основа его скотоводческая, о чем свидетельствует увод всего скота и оставление женщин. Но с внедрением интенсивного земледелия он получил земледельческую окраску (прополка), однако с использованием ее опять-таки для скота (вырванная трава — скоту).

Из специально скотоводческих праздников укажем на торжества по случаю возвращения скота с плоскости в горную и горно-долинную зоны. Обрядность его невелика, названия он не имеет, но в XIX веке с увеличением товарного скотоводства он получил большое распространение и отличался пышностью, богатством и в то же время бедностью обрядов, игр и пр.

В целом, говоря о празднике и обрядах, связанных с сельскохозяйственными работами у даргинцев, можно отметить следующее: сравнительное богатство и развитость обрядности, явное преобладание земледельческих обрядов, меньшая развитость их ближе к плоскости и к югу, большой процент обрядов скотоводческого происхождения в предгорье, исключительно коллективный характер обрядов и пр.

---

124 Ср. об этом — Д. Фрезер. Указ. соч., стр. 161.

125 Полевой материал 1961 г. Информатор Абакаров А. 67 лет, РФ ИИЯЛ, д. 3020, стр. 97.

* * *

В советское время хозяйственная деятельность даргинцев претерпела огромные изменения. Своеобразие этих изменений заключалось в том, что они начались прежде всего сверху — в формах землевладения. Передача земли крестьянам явилась одним из мощных толчков экономического развития. Особенно благоприятно сказалась на состоянии экономики даргинского села коллективизация сельского хозяйства. Коллективизация дала возможность решить самую серьезную проблему дагестанского земледелия — вопрос о земле.

Ныне террасирование не является единственным средством увеличения земельной площади, ибо горные колхозы получили возможность осваивать новые массивы на плоскости, где освоение не требует капитальных затрат и гораздо более прибыльно. Политика организованного переселения на плоскость и сочетание горного хозяйства с плоскостным (кутанным) для непереселившихся, значительно уменьшили земельный голод в горах Дагестана и способствовали вместе с современной техникой и агрономией крутому подъему экономики горных селений. Приведем некоторые сравнительные данные:

Увеличение фонда земель, сочетание двухсезонного хозяйства. современная агробиология, машины, постоянная помощь государства, современная агробиология, машины, постоянная помощь государства, политика переселения на плоскость особо малоземельных селений и т. п. — все это в корне изменило как характер основных отраслей хозяйства даргинцев, сделав их более эффективными и доходными, так и обеспеченность крестьян продуктами сельского хозяйства и способность снабжать ими город.

Сказались эти изменения и на садоводстве. Отметим, что прежде всего изменилась география садоводства. Создание мощных сельскохозяйственных артелей, вооруженных современной техникой и агробиологической наукой, устранили рабскую зависимость крестьянина от природных условий и обусловили появление новых районов садоводства, причем сады создавались в таких местах, где раньше об этом и думать не могли. Так, например, в горном селении Хуршни, сейчас имеется 12 гектаров садов и виноградников, а ведь это одно из самых высокогорных селений и здесь раньше даже кукурузу не высевали из-за ранних холодов, не говоря уже о том, что не было ни одного фруктового дерева. В сел. Усиша, где также совсем не было садов, ныне имеется 108 га садов, в с. Бутри — 21 га, в с. Гапшима — 30 га, в с. Мекеги — 57 га, с. Гулли — 24 га.[127]

Другой факт — дальнейшее развитие садоводства в старых садоводческих районах. До революции (в 1886 году) во всех цудахарских селениях числилось всего 29 десятин садов и виноградников (правда, это явно преуменьшенные данные), а в настоящее время в одном колхозе «Дагестан» сел. Хаджалмахи имеется свыше 700 га садов, а в нижнекайтагском сел. Барщамай — 331 га вместо 11 дес., в сел. Карацан — 376 га вместо 15 дес.

Естественно, что такой рост был бы невозможен, если бы горцам не была обеспечена всемерная помощь техникой, кадрами, льготными условиями, созданием на месте фруктово-консервных заводов и т. д.

Изменения в хозяйстве сильно отразились на состоянии и характере кустарных промыслов и отходничества и вызвали их падение. Основной причиной этого явилось повышение общего жизненного уровня трудящихся, что почти уничтожило главный стимул и корни промыс-

---

[127] Полевой материал 1961 г. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 3020, стр. 13, 25, 26, 39.

Таблица экономических показателей [126]:

№№ п. п.	Селение	Пашня		Покосы		Крупный рогатый скот		Овцы		Автомобили		Тракторы	
		1886	1961	1886	1961	1886	1961	1886	1961	1886	1961	1886	1961
1.	Хуршни	80	186	33	195	160	643	1400	2333	—	2	—	—
2.	Киша	467	729	121	357	1591	1413	622	4151	—	4	—	—
3.	Усиша	217	765	70	2100	1035	1760	7202	11674	—	7	—	4
4.	Бутри	135	480	33	396	300	1100	4115	4958	—	4	—	2
5.	Гапшима	40	444	33	2180	300	1843	5000	12246	—	8	—	3
6.	Баршамай	500	772	70	165	656	891	328	3072	—	8	—	4
7.	Карацан	311	751	111	400	545	1024	704	1477	—	5	—	4
8.	Чирах	85	300	—	—	540	2150	10220	14800	—	6	—	1
9.	Адага	114	216	95	224	819	653	—	575	—	1	—	1
10.	Тебек	61	801	—	133	173	656	3570	7925	—	6	—	2
11.	Харбук	167	441	—	—	435	961	—	1710	—	3	—	2
12.	Герга	65	618	32	5	590	348	1150	5410	—	10	—	5
13.	Первомайское	—	1955	—	14	—	2403	—	7932	—	22		11

[126] Даргинский округ. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис, 1887, Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис, 1880; Полевой материал 1961 года. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 3020.

лов и отходничества. Другая причина — создание советской промышленностью изобилия тех изделий, которые раньше изготовлялись кустарным способом и улучшение доставки этих изделий в горы.

В наше время за кустарными промыслами сохранилось лишь культурно-историческое значение, т. е. некоторые из них существуют не потому, что этот промысел является средством существования для занимающихся им, а потому, что кустарные изделия сохраняют культурную, эстетическую ценность в жизни современного общества. Таковы, например, изделия кубачинцев, унцукульцев, ковровое производство и др. В Кубачи, например, ныне работает художественный комбинат, который выпускает широкий ассортимент изделий.

Из остальных промыслов сохранились в очень неразвитом виде производство обуви, шапок, утвари. Собственно, это уже не промыслы, а лишь слабые намеки на них. Более других сохранился промысел каменщиков, ввиду исключительно большого сельского строительства, а также камнерезов (производство памятников).

Что касается отходничества, то как социальная категория оно умерло давно, и лишь иногда встречаются его пережитки.

В нескольких направлениях происходят в советское время и изменения в транспорте. Плановое строительство дорог увеличило возможности использования колесного транспорта, а успехи развития промышленности позволили обеспечить горцев автомашинами. Новые дороги, тракторы и автомобили не только облегчили труд горца и горянки, но и расширили связи, взаимное общение, разорвали существовавшую хозяйственную замкнутость. О том, насколько велика вооруженность горцев современным транспортом можно судить по данным прилагаемой таблицы.

селение	автомобили	тракторы
Хуршни	2	1
Усиша	7	4
Бутри	4	2
Гапшима	8	3
Мекеги	6	7
Варсит	1	1
Джавгат	5	4
Баршамай	8	4
Карацан	5	4
Гулли	2	1
Чирах	6	1
Аштынь	7	3
Трисанчи	3	2
Адага	1	1
Первомайское	22	11
Герга	10	5
Кадар	2	7
Хаджалмахи	25	15
Гурбуки	20	25

Следует отметить, что в таких селениях, как Адага, Варсит, Гулли, раньше и арба-то почти отсутствовала, а в селении Хуршни вообще колесного транспорта не было из-за отсутствия дорог.

Использование машин снизило, а местами уничтожило транспортную роль лошадей, быков, ослов. Пока что при наличии основного машинного транспорта в предгорье преобладают быки, в горах — быки и отчасти ослы, роль же лошадей и вообще их численность падает с каждым годом.

---

[128]Даргинский округ, стр. 34—37; Дагестанская область, стр. 182; Полевой материал 1961 г. Рукоп. фонд ИИЯЛ, стр. 88, 92.

Такие же большие изменения претерпела и торговля. Эти изменения преобразовали самую сущность торговли, превратив ее из орудия эксплуатации горцев в инструмент улучшения их жизни. Прежде всего в торговле были ликвидированы все промежуточные эксплуататорские элементы, стоявшие между производителями и потребителями, поскольку торговля была взята в руки государства и кооперации. Еще больший переворот заключался в том, что советское государство обеспечило горцев всеми необходимыми товарами, открыло по всему Дагестану широкую сеть торговых точек, где горец по государственным ценам приобретает нужные ему товары.

Естественно, что в этих условиях роль базаров пала, и они, хотя и сохранились, но уже не в качестве центров экономических связей, а в роли дополнительных средств местного товарооборота; сейчас это нечто вроде колхозных рынков.

* * *

Изучение хозяйственной деятельности даргинцев показывает, что они имеют богатые традиции в занятиях земледелием и скотоводством.

Земледелие даргинцев охватывает различные его отрасли от зернового хозяйства до виноградарства. Анализ полевых работ, основных культур, местных терминов и пр. показывают древность земледелия, причем она подтверждается и археологическими и лексикологическими материалами.

О древности местного земледелия говорит террасостроительство, (расцвет которого падает на I тысячелетие н. э), а также этнографические детали быта даргинцев. Некоторые косвенные факты позволяют, в частности, говорить и о довольно значительных традициях в садоводстве и виноградарстве.

Несмотря на свою многовековую историю земледелие даргинцев оставалось в XIX веке примитивным. Лишь после Октябрьской революции и особенно в результате коллективизации сельского хозяйства произошел коренной перелом в земледелии, заключающийся как в становлении социалистических производственных отношений свободных тружеников, так и во внедрении в хозяйство современных машин и достижений агробиологической науки.

Скотоводство является у даргинцев также древней отраслью хозяйства. Особенности природных условий нагорного Дагестана привели к складыванию земледельческо-скотоводческого типа хозяйствования, в котором разведение скота в некоторой степени подчинено земледелию (преобладание крупного рогатого скота).

Так же, как и в земледелии, в скотоводстве отдельных зон наблюдаются существенные различия, позволяющие говорить об известном географическом разделении труда. Соотношение между земледелием и скотоводством как внутри зон, так и между зонами изменялось в зависимости от природных и особенно общественно-политических факторов неоднократно, приводя каждый раз к перераспределению географического разделения труда. Одно из таких крупных изменений в географическом разделении труда произошло в XIV—XVI вв. и достигло наивысшей точки своего развития в XIX веке.

В советское время сдвиги в области животноводства выразились в следующем: обеспечение летними и зимними пастбищами всех селений, улучшение породности скота путем завоза и селекции, создание большой армии зоотехнических и ветеринарных работников, обеспечивающих правильное содержание скота, и как результат этого — повышение продуктивности скота.

Что касается кустарных промыслов даргинцев и отходничества, то наблюдаются длительные традиции их существования, важность их в жизни даргинцев. Здесь мы тоже находим зональные особенности, в частности отчетливо заметно преобладание промыслов и отходничества в горной зоне.

Транспорт и торговля были мало развиты. Основным видом транспорта являлись колесная арба с бычьей упряжкой и ослы, причем и в транспорте мы находим различия по зонам. В целом он был лучше развит в предгорье, в горах его развитию мешали как отсутствие дорог, так и бедность горцев.

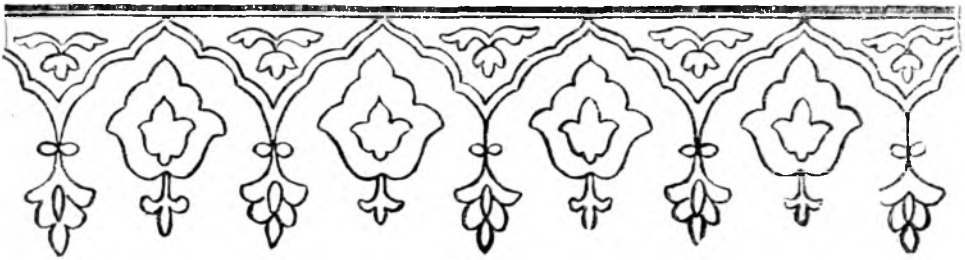
Особенность торговли заключалась в том, что наряду с натуральным хозяйством существовало известное географическое разделение труда, которое способствовало складыванию продуктообмена. Развитие его относится к последнему крупному перераспределению географического разделения труда, связанному с образованием как поселений нового типа, так и устойчивых политических объединений.

В советское время транспорт сложился на совершенно новой основе — использовании машин, а прежние основные виды транспорта превратились во вспомогательные.

Точно так же и торговля получила новую основу — плановое снабжение населения всем необходимым через государственную и кооперативную торговую сеть.

Анализ обрядов и сельского календаря даргинцев показывает, что у них имелось много земледельческих культов, обрядов, церемоний, которые достаточно убедительно свидетельствуют о древних земледельческих традициях.

В целом хозяйство даргинцев в XIX веке, несмотря на тяжелый труд горцев, на богатые традиции и опыт, не обеспечивало удовлетворения насущных потребностей трудящихся; только в советское время благодаря коренным социалистическим преобразованиям оно стало мощным многоотраслевым хозяйством, способным обеспечить продуктами питания жителей селений и городов, а сельскохозяйственным сырьем — советскую промышленность.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОСЕЛЕНИЯ

При исследовании материальной культуры даргинцев, как и любого другого народа, встает вопрос о принципе описания, т. е. о том, что брать во главу угла при описании — этнический принцип или зональный (т. е. по природно-экономическим зонам). Наш опыт в изучении поселений и жилища показал, что более продуктивным является принцип описания и исследования по зонам. Это объясняется двумя факторами. Во-первых, различия в материальной культуре, связанные с проживанием в разных природно-экономических зонах оказались гораздо существеннее различий этнических. Проживание в одной зоне порождает у разных этнических групп большую степень общности, и это особенно относится к поселениям и жилищу. Во-вторых, оказалось, что материальная культура обнаруживает большее единство и гораздо менее дробна чем язык[1], причем эта дробность больше связана с природно-экономическими зонами, чем с этническими группами.

Разумеется, это не означает, что материальная культура не обнаруживает этнических различий, они существуют, и довольно большие, но внутри даргинской народности (как и любой другой) зональные различия превалируют и поэтому описание по зонам оказывается более целесообразным. Поэтому в нашей работе мы будем придерживаться классификации, основанной, главным образом, на принципах природно-географического и экономического порядка.

С середины XIX века у даргинцев в связи с окончанием Кавказской войны шло большое строительство, что было вызвано необходимостью восстановления многих разрушенных селений и жилищ.

Это строительство шло на основе вековых традиций народной архитектуры и потому в какой-то мере отражает историю даргинского домо- и селостроительства. С другой стороны изменение общественно-политической обстановки, прекращение войн и междоусобиц, интенсификация сельского хозяйства и промыслов в связи с подключением к всероссийскому рынку, влияние русской культуры и т. п. сильно повлияли на характер поселений и на архитектуру домов. Поэтому поселения и жилище даргинцев этого времени представляют особый интерес, так

---

[1] Ср. об этом у Е. М. Шиллинга в отношении аварцев. — Е. М. Шиллинг. Дагестанская экспедиция 1946 года. КСИЭ, IV, М., 1948, стр. 33.

как они являются синтезом архитектурных традиций, сложившихся в результате векового национального домо- и селостроительства с известным отпечатком русского влияния.

* *
*

Прежде чем приступить к непосредственному описанию поселений и жилища необходимо остановиться на истории их изучения.

К сожалению, приходится констатировать, что специальных исследований, или хотя бы небольших этнографических описаний даргинского жилища и поселений не знает ни дореволюционная, ни советская этнография; а те материалы, которые имеются в источниках и литературе, трудно назвать историографией — она сводится к фрагментарным материалам, которые можно найти в работах этнографического характера, описаниях путешествий, отчетах и пр.

Однако даргинское домо- и селостроительство возникло и развивалось не изолированно, а в прямом взаимодействии и взаимовлиянии с таковыми же других дагестанских народов, и являются столько же дагестанскими, сколь и даргинскими, в силу чего и историография их тесно переплетена с историографией жилища и поселений других дагестанских народов. Ввиду этого историографию даргинского жилища и поселений нельзя рассматривать в отрыве от историографии дагестанских жилищ и поселений вообще. Впрочем, не только нельзя, но и почти невозможно, ибо в большинстве случаев источники (особенно дореволюционные), говорят вообще о дагестанском жилище и поселении, совершенно игнорируя национальные и локальные особенности. Это значительно снижает ценность многих источников и создает известные трудности при пользовании ими.

Историография даргинцев, строго говоря, началась с XVIII века, когда Дагестаном заинтересовались русские ученые и офицеры, до этого же она сводится к отдельным упоминаниям. Главная трудность в нахождении, фиксации и интерпретации данных о даргинцах в ранних источниках заключается в том, что этническое наименование «даргинцы» установилось сравнительно поздно (XIX в.),[2] а раньше в отношении различных групп даргинцев применялись самые разнообразные термины («татары», «горцы», «тавлины», «дагестанцы», «лезгины», «кумыки», «акушинцы» и др.).[3] Лучше обстоит дело с двумя этническими группами даргинцев (кайтагами и кубачинцами), этнические наименования которых не менялись с древнейших времен.

Конечно, главная трудность даргинской историографии заключается в том, что даргинцы в прошлом не имели своей письменности, а следовательно, и своей исторической литературы и летописных традиций. Лишь с усвоением арабской письменности у даргинцев появились некоторые источники (записи отдельных событий, адатов, история отдельных аулов, переписка отдельных лиц и обществ), но цельной исторической картины, они, конечно, не создают.

---

[2] Если не считать сообщения путешественника XII в. ал-Гарнати, который упоминает о народе «Дархах». Об этом названии А. Н. Генко говорит: «сомнительная форма, по-видимому относится к одному из современных даргинских обществ». — А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение. Труды II-й сессии ассоциации арабистов. М., 1941, стр. 102—103, 108.

[3] Ср. А. М. Дирр. Современные названия кавказских племен. СМОМПК, X, Тифлис, 1909, стр. 11. Также, например, автор XVII в. Н. Витсен говорит только об Акуша, Хайдаке и Кубачи. N. Witsen. Noord en Oost Tartarye. Tw. Deel. Amsterdam. MDCCV, s. 559. В XVIII в. Я. Рейнегс также говорит — «все эти племена называют лезги, леки, а русские — лезгины», I. Reineggs. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha und St. Peterburg. Er. th. 1796, s. 100.

Такое отсутствие источников у народа, находящегося в стадии разобщенности и раздробленности, характеризующейся отсутствием понятия о нации («не существует общего названия для обозначения народа и области» его проживания)[4] не могло не привести к путанице «страшной»[5] и «величайшей»[6] в этнографической номенклатуре.

В самом деле, первые известия о народах Дагестана мы встречаем у античных авторов, затем идут византийские, арабские, грузинские, армянские, русские источники. Одни из авторов писали со слов западных соседей Дагестана, другие — восточных, третьи — южных, четвертые — северных. Причем во многих случаях название племени или народа усваивалось соседское, инсязычное, ибо, как указывал еще Г. Морган, цивилизованные пришельцы узнавали этническое название определенного племени или народа «обыкновенно не непосредственно от него самого, а от других племен, которые давали ему имя иное, чем его действительное имя», и поэтому «значительное число племен стало известно под именами, которых они сами не признают.[7]

Это также способствовало складыванию разнобоя в наименованиях. Нужно учесть еще и тот фактор, что фонетика и система письма каждого народа имели свои особенности и поэтому даже в написании одного и того же названия могут быть большие различия. Все это усугублялось и фактически существующей этнической пестротой всего Дагестана.

Поэтому объединяющий термин «даргинцы» нашел свое применение только с присоединением Дагестана к России, когда начинается процесс консолидации даргинских племен и зарождается историография собственно даргинцев. Поначалу русские авторы тоже не знали этого термина и поэтому было распространенным мнение, что «даргинские племена не имеют своего общего названия, и каждое из них называется особо, преимущественно по названию главного селения».[8] Даже употребляя термин «даргинец», «даргинские племена», русские авторы не считали его законным этническим наименованием, признавая его скорее «географическим или политико-административным»[9]. П. К. Услар, а вслед за ним и Е. Козубский выводили этот термин от слова «дарг — внутренность, в противоположность внешнему, иноязычному».[10] Это объяснение нам кажется правдоподобным по некоторым причинам: термин «дарга» сравнительно позднего происхождения, даже в источниках XVIII века мы не находим упоминания о «дарга», а только о кайтакцах, акушинцах и цудахаринцах.[11] С другой стороны ряд фактов, и прежде всего топонимических, говорят о том, что в прошлом даргинцы занимали земли гораздо дальше на восток, вплоть до плоскостного Дагестана.[12] Об этом говорят и многие исторические преда-

---

[4] Ср. А. М. Дирр. Указ. соч., стр. 11.

[5] Там же, стр. 1.

[6] Е. Г. Вейденбаум. Очерк этнографии Кавказского края «Весь Кавказ», № 1, Тифлис, 1903, стр. 94.

[7] Г. Морган. Древнее общество. Л., 1935, стр. 67. О несовпадении кавказских племенных самоназваний с принятыми говорили многие ученые. Ср. например, П. К. Услар. Древнейшие сказания о Кавказе. ССКГ, т. X, Тифлис, 1881, стр. 391.

[8] Н. В. Воронов. Состав населения Дагестанской области. ССКГ, VIII, Тифлис, 1875, стр. 6. См. также А. М. Дирр. Указ. соч., стр. 13, 15, 16.

[9] А. М. Дирр. Указ. соч., стр. 15.

[10] П. К. Услар. Хюркилинский язык, стр. 326; Е. И. Козубский. Дагестанский сборник Вып. I, Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 43.

[11] Ср. История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под редакцией М. О. Косвена и Х. О. Хашаева. М., 1958.

[12] Ср. С. Ш. Гаджиева. Кумыки. Историко-этнографическое исследование, М., 1961, стр. 42—44; К. Ф. Ган. Опыт объяснения кавказских географических названий. СМОМПК, XI, Тифлис, 1909, стр. 69; Х. О. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961, стр. 167.

ния даргинцев.[13] Поэтому нам кажется, что даргинцы, проживавшие на плоскости и в предгорье стали называть своих соплеменников, живущих в горах «дарга», т. е. «внутренними». В пользу этого говорит и тот факт, что еще в XIX веке это наименование больше употреблялось по отношению к центральным нагорным даргинцам (напр., предгорными даргинцами). Немаловажное значение имеет и то, что соседи даргинцев по плоскости — кумыки, называют даргинцев «даргилар», в то время как аварцы и лакцы этого термина не знают, ибо они соседствуют с даргинцами в горах, где термин «внутренние» в даргинской среде не был распространен.

Первые известия о Дагестане мы встречаем у античных авторов, которые правда говорят очень обще, ограничиваясь указанием на иберов и албанов и на многочисленность их племен.[14] Кроме них указываются леги[15] (по-видимому, общее название горцев Дагестана) и дилуры[16], отождествляемые советскими учеными с дидойцами.[17] Интересно отметить, что уже Страбон говорит о малоземелье и бедности соседей иберов и албанов.[18]

В арабских источниках мы находим уже более подробные сведения. Автор IX века Баладзори перечисляет Зирихгеран, Хайзан и Синдан в связи с событиями VI—VII вв.[19], о Хайзане говорит и Ибн-Руст (X в.), причем у него мы встречаем любопытное описание поклонения дереву.[20] Масуди (X век) также говорит о Зерихгеране и объясняет происхождение этого термина,[21] у Ибн-ал-Факиха мы находим Хайзан и Джанзан,[22] у Якута — опять-таки Шензаны, Хайзаны, Зерихгеран, причем он тоже указывает на обилие племен и языков в Дагестане — «на вершинах гор, простирающихся в смежности с Баб-ул-Абвабом, живет более семидесяти различных племен и у каждого племени особый язык, так что они не понимают друг друга».[23]

Заслуживает также внимания анонимный источник «Тарих ал Баб», относящийся к XI столетию, опубликованный В. Ф. Минорским и замечательно им прокомментированный.[24] В этом источнике очень часто упоминаются Хайдак и Шандан, причем правитель Хайдака назван здесь Салифаном,[25] а у Масуди Салифаном назван царь Джидана. В обоих случаях это не имя, а скорее титул («Мне кажется, что имя его

---

[13] Например, предание об основании Цудахара, в котором говорится, что некогда даргинцы имели 13 больших, главных селений и занимали кроме гор и плоскость. Полевой материал 1959 г. Инф. К. Муртузалиев, 70 лет. Или же предания селений Тама, Чумлы, Варсит и др. Полевой материал, 1961 г. Инф. А. Мутуков, 72 лет, К. Ахмедов, 70 лет.

[14] Страбон. География. XI, 4, 6; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. I, СПб., 1890, стр. 143.

[15] Указ. соч., XI, 5, 1. Там же, стр. 144.

[16] Плиний. Естественная история. VI, 33; В. В. Латышев. Указ. соч., т. II, СПб., 1904, стр. 182.

[17] Очерки истории Дагестана, т. I, Махачкала, 1957, стр. 23.

[18] Страбон. География. XI, 2, 19; В. В. Латышев. Указ. соч., т. I, стр. 138.

[19] Баладзори. Книга завоевания стран. Выдержки. Баку, 1927, стр. 7, 14, 18.

[20] Н. А. Караулов. Сведения арабских географов IX и X вв. по Р. Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане. Ибн-Руст э. Книга драгоценных камней. СМОМПК, XXXII, Тифлис, 1903, стр. 49.

[21] Н. А. Караулов. Указ. соч.; Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней. СМОМПК, XXXVIII, Тифлис, 1908, стр. 52.

[22] Н. А. Караулов. Указ. соч., Ибн-ал-Факих. Книга о странах. СМОМПК, XXXI, Тифлис, 1902, стр. 29.

[23] Н. А. Караулов. Указ. соч.; Якут. Алфавитный реестр стран. СМОМПК, XXIX, Тифлис, 1901, стр. 13, 15.

[24] A. History of Sharwan and Darband in the 10 th. 11 th centuries by V. Minorsky. London, 1958.

[25] Ibid. p. 43.

общее для всех царей в этой области»).[26] Ряд таких соответствий и особенности арабского написания слов Хайдак и Джидан дали право В. Ф. Минорскому утверждать вслед за Д. Оссоном, что написания подобные Джидан и т. п., встречающиеся и в других источниках (Масуди и др.), являются ошибочным написанием Хайдака.[27] Встречается в этом источнике и «Аль-Карах», отождествляемый В. Ф. Минорским с современным Уркарахом.[28]

Следует учесть, видимо, и то, что арабские источники часто «арабизировали» местные термины. Так из Ур-караха они могли сделать Аль-карах.[29]

Наконец, ряд фактов (походы правителей Ширвана на Шандан и его ответные походы, некоторые географические названия, отсутствие названия большой области, занятой даргинцами, и пр.) дают В. Ф. Минорскому серьезные основания считать Шандан даргинским владением.[30] Шандан часто фигурирует в тексте рядом с Сериром и Хайдаком, причем наравне с Сериром и аланами выступает оплотом неверных («Среди неверных жители Шандана были наиболее ярыми врагами мусульман, живших в пограничных районах Аль-Баба»),[31] и причиняет большие неприятности правителям Ширвана и Аль-Баба.

Особенность арабских источников — их лаконичность. Иногда они носят династический характер, иногда это краткие реестры стран или народов исторического или географического характера. Для нашей темы мы кроме географического расселения даргинцев могли узнать из них очень немногое, а именно, что средневековье было в Дагестане очень беспокойным временем, с постоянными военными столкновениями, походами, набегами, карательными экспедициями. А это не могло не привести к возникновению поселений укрепленного характера, строительству мощных крепостей. Источники так часто говорят о крепостях, что иногда даже страну называют по имени главной крепости, как это случилось, например, с Хайдаком — Хамзином.[32] Сильной крепостью является согласно источникам и Аль-Карах, о которую в 1033 году разбились объединенные силы аланов и русов.[33]

Арабские источники говорят и о характере жилищ на плоскости (турлучные постройки),[34] что подтверждается и археологическими материалами плоскостной и предгорной части Дагестана.[35]

В источниках, относящихся к XIV—XV вв., мы встречаем то же обилие упоминаний о крепостях.[36] В XIV в., уже упоминается Ушкуджа

---

[26] Н. А. Караулов. Указ. соч.; Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней. СМОМПК, XXXVIII, стр. 51.

[27] V. Minorsky. Ibid. p. 92.

[28] Ibid. p. 95.

[29] Ср. об этом Н. А. Караулов. Указ. соч., СМОМПК, XXIX, стр. 65; XXXII, стр. 52.

[30] V. Minorsky. Ibid. pp. 42, 43, 101—102, 103—104.

[31] Ibid. p. 26. Даже еще в XVII в. Н. Витсен указывая, что дагестанцы — мусульмане, добавляет — «но не очень религиозны». N. Witsen. Ibid. s. 558.

[32] Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 38.

[33] V. Minorsky. Ibid. p. 47.

[34] Н. А. Караулов. Указ. соч.; Ал-Истахрий. Книга путей царств. СМОМПК, XXIX, стр. 47; Ал-Мукадассий, Лучшее из делений для познавания климатов. СМОМПК, XXXVIII, стр. 5.

[35] Н. Д. Путинцева. Северо-восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2591, л. 24.

[36] В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, М.—Л., 1941; Низам ад дин Шами. Книга побед, стр. 123—124; Шереф-ад-дин Иезди. Книга побед, стр. 174—175, 181—187.

(Акуджа),[37] отождествляемая почти всеми историками с Акушой.[38] В источниках, связанных с походами Тимура, мы находим также упоминание о Кайтаге и Зирихгеране, причем Кайтаг подвергся страшному разгрому и опустошению («из тысячи не спасся ни один; всех ограбили и деревни их сожгли»).[39] Тем не менее в источниках XV века Кайтаг упоминается как большая страна, «народ, занимающий все пространство между Мингрелиею и Каспийским морем».[40] Если даже сделать поправку на преувеличение и незнание других племенных наименований, следует полагать, что Кайтаг занимал тогда земли от моря до высоких гор и что в страну Кайтаг включалась, по-видимому, и большая часть территории остальных даргинцев. О том, что кайтаки занимали в XV веке плоскость и Кайтаг простирался до самого Тарки, свидетельствует и русский путешественник А. Никитин («и Булатбег послал скоро да к Ширванбегу, что судно русское разбило под Тарки и кайтаки пришед людей поймали, а товар их разграбили»),[41] причем вполне возможно, что речь идет не о современных кайтаках, а об одном из даргинских племен. Правда, представлению о кайтаках как о исконных даргинцах противоречило свидетельство турецкого путешественника XVII века. Э. Челеби, который утверждал, что виденные им кайтаки говорили на монгольском языке. Долгое время это вводило в заблуждение ученых и даже таких авторитетных, как В. В. Бартольд[42], но впоследствии выяснилось, что это утверждение Челеби представляет собой мистификацию и это мнимые кайтагские слова являются транскрипцией монгольских слов из «Космографии» Хамдулы Мустафи, никакого отношения к Кайтагу не имеющих[43].

XVIII—XIX века, время активного проникновения России на Кавказ, являются переломными в историографии даргинцев.

Большинство источников этого времени, за некоторыми исключениями (Главани, Стрейс и др.)[44] являются русскими и можно уже говорить о русской историографии Дагестана. Началом ее можно считать «Описание» И. Г. Гербера, «первого этнографа Дагестана» (М. О. Косвен). Из даргинских племен И. Гербер указывает Кубеша, Акуша и Хайтак, причем Кубеша входит в Дагестан, Акуша — в Лезгистан, а Хайтаки с Карахайтаками выделены в самостоятельную провинцию, наравне с Дагестаном, Лезгистаном, Таулистаном и Авари.[45] Остальные даргинцы включены, по-видимому, в уезды Кубеша и Акуша. Ценность работы И. Гербера в том, что он довольно четко указывает границы провинций и уездов, дает как бы сжатый этнографический очерк каждого народа или племени, указывает крупнейшие селения и крепости. Так, говоря о Карахайтаке, он указывает, что среди многих «великих деревень» имеется «одна деревня великая, крепкая и сильная, она

---

[37] Там же, стр. 123, 185.

[38] А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение, стр. 99; V. Minorsky. Ibid p. 104; Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 71. Еще более четкие и ясные указания на ряд даргинских сел мы находим у Мухаммеда Рафи. Извлечение из истории Дагестана. ССКГ, V, Тифлис, 1871, стр. 23.

[39] В. Тизенгаузен. Указ. соч., т. II, стр. 175.

[40] Путешествие в Гану И. Барбаро, венецианского дворянина. Библиотека иностранных писателей о России. Отделение первое, т. I, 1836, стр. 45.

[41] А. Никитин. Хождение за три моря. М., 1956, стр. 28.

[42] В. В. Бартольд. К вопросу о происхождении кайтаков. ЭО, кн. XXXI—XXXII, 1910, № 1—2.

[43] V. Minorsky. Ibid. pp. 92—93.

[44] К. Главани. Описание Черкесии. СМОМПК, XVII, Тифлис, 1893, Я. Стрейс. Три путешествия. ОГИЗ, М., 1935.

[45] И. Г. Гербер. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. История, география и этнография Дагестана», стр. 60—120.

[46] И. Гербер. Указ. соч., стр. 84.

называется «Карагураш», и она имеет крепкую ситуацию».[46] Большинство других авторов также отмечают неприступность даргинских аулов. Так, А. Лопухин говорит о Кубачи, что «есть около его стена каменная, а особливо сказывали очень крепок положением места»;[47] Д. И. Тихонов указывает, что даргинцы живут «в непроходимых почти горах и чрезвычайных стремнинах».[48] Любопытно утверждение Д. И. Тихонова, что название «дарго» произошло как раз по причине этой отдаленности и неприступности.[49]

Следует отметить, что русские авторы всегда интересовались вопросами общественного устройства горцев. Эти вопросы затронуты Н. Гербером, а потом вплоть до XX века были одними из животрепещущих вопросов русского кавказоведения. Первым пытался теоретически осветить этот вопрос С. Броневский, который находил в Дагестане три главные вида правления: монархическое, аристократическое и демократическое, причем к демократическому он причислял «Акушинские общества и республику Кубачинскую, Лезгинские федеративные республики Анди, Зудахара».[50] Все остальные авторы вплоть до XX века указывают на то, что даргинские общества являлись «вольным народом»[51] и «подданными себя числить не дают»;[52] но, подчеркивая вольность даргинцев, почти все они в то же время указывают на их зависимость от уцмия и шамхала, связанную с их бедностью и малоземельем.[53]

Представление о географическом и племенном делении Дагестана также претерпело изменения в течение двух веков. Если у Гербера было 5—6 провинций, то с течением времени их стало две — Дагестан и Лезгистан, причем почти все даргинцы оказались в Дагестане, за исключением Цудахара.[54] В XIX веке и это разделение было устранено и вошло в употребление современное понятие Дагестана.

В целом для историографии XVIII века характерно большое внимание к вопросам географии края, племенного разделения и расселения, языковой классификации, общественного устройства, политических взаимоотношений и т. п. Работ по конкретной этнографии и особенно материалов по поселениям и жилищу еще очень мало. Впрочем, такая направленность вполне понятна для историографии, только-только начавшей вплотную заниматься отсталой, плохо изученной страной.

---

47 А. Лопухин. Журнал путешествия через Дагестан. «История, география и этнография Дагестана», стр. 30.

48 Д. И. Тихонов. Там же. Описание северного Дагестана, стр. 131.

49 Д. И. Тихонов. Там же.

50 С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. I, М., 1823, стр. 40.

51 Ф. И. Ртищев. Сведения о Дагестане. «История, география и этнография Дагестана», стр. 248.

52 И. Гербер. Там же. Указ. соч., стр. 101: Я. Рейнегс говорит об их предводителях, что они «могут только советовать, но приказывать не могут». I. Reinegg s. Ibid. s. 100.

53 Ср. «История, география и этнография Дагестана» А. Лопухин. Указ. соч., стр. 30; И. Г. Гербер. Указ. соч., стр. 83, 85, 101; Д. Ф. Еропкин. Реестр горским владельцам, стр. 123; Д. И. Тихонов. Указ. соч., стр. 131, 133; П. Г. Бутков. Выдержки из отчета о персидской экспедиции, стр. 201; Ф. Р. Ртищев. Указ. соч., стр. 248; Ф. И. Гене. Сведения о горном Дагестане, стр. 346; К. Главани. Указ. соч., стр. 161; Я. Стрейс. Указ. соч., стр. 219; П. Зубов. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель, ч. 3, стр. 247, 252; С. Броневский. Указ. соч., стр. 302, 307; М. Я. Ольшевский. Воспоминания. Кавказ с 1841 по 1866 гг., ч. I, СПб., 1894, стр. 291; В. Линден. Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав Тифлис, 1917 и др.

54 Ср. К. Главани. Указ. соч., стр. 161; С. Броневский. Указ. соч., стр. 308; П. Зубов. Указ. соч., стр. 240; N. Witsen также делит эти земли на Дагестан и Лесгов. Ibid. ss. 559—562.

Следует сказать, что уже в XVIII веке в русской историографии намечаются как бы два течения, два русла изучения Дагестана: «гражданскими» учеными и военными. Вначале последние составляют подавляющее большинство, а в XIX веке число первых увеличивается, и появляется еще третье русло — разные случайные люди, журналисты и пр.

Еще одна особенность дореволюционной историографии даргинцев. Внимание к племенному делению ограничивалось классификацией языковых различий между ними, группировкой их, выяснением этнических наименований, а дальше этого, в особенности в смысле изучения материальной культуры, дело не шло. В известной степени это имеет под собой почву, так как различия в материальной культуре отдельных народов Дагестана не так резки, у них гораздо больше общего, словом, дробность материальной культуры не так велика как языковая.[55] Поэтому дореволюционная историография говорит больше о «дагестанцах», «лезгинах» вообще, чем об отдельных народах, что особенно наглядно видно на примере поселений и жилища. Положение несколько меняется, когда мы обращаемся к историографии, посвященной быту, характеру, обычаям, нравам и пр. Здесь конкретизации больше, в особенности при изучении адатов, и тут мы подходим еще к одной особенности дореволюционной историографии — крен в сторону изучения духовной культуры. Это объясняется по-видимому тем, что представители русской науки и военного ведомства пытались выяснить характер столь упорного и мужественного народа, пытались найти истоки подобного характера. В свете этого понятен скачок в дагестанской этнографии, связанный с усилением проникновения царизма в Дагестан, а затем и с Кавказской войной. Война даже изменила лицо этнографии, крен стал выравниваться, так как в войне, оказывается, дагестанцам помогали и горы, и аулы, и дома, и весь уклад их простой, суровой жизни. Интерес к Дагестану необычайно возрос[56] и, что особенно важно для нас, обострился интерес к материальной культуре дагестанцев и в особенности к поселению, жилищу, оружию. Усиленный интерес к дагестанскому поселению был вызван особой ролью его во время войны, когда каждый аул и каждая сакля превращались в грозные крепости, занятие которых «представляло всегда затруднения для осаждающих»,[57] и при занятии которых «истреблялись целые отряды храбрецов-солдатиков».[58] Это наложило своеобразный отпечаток на описание аула и жилища, так как большое внимание уделялось описанию их с военно-топографической и военно-инженерной точек зрения. При этом сохранялся общий недостаток, свойственный дореволюционной этнографии — нивелирование особенностей аула и жилища отдельных народов, в силу чего и в историографии XIX века специфические особенности материальной культуры отдельных дагестанских народов не были зафиксированы и описаны. В этом отношении работы немногочисленных авторов, выходцев из местной среды, выгодно отличаются от остальных, так как их описания характеризуются лучшим знанием местного быта, более точной фиксацией фактов, конкретностью.[59]

---

55 Е. М. Шиллинг. Дагестанская экспедиция 1946 г., стр. 33.

56 Как выразился F. Bodenstedt Дагестан «захватил львиную долю истории последнего времени». Die Wolker des Kaukasus und ihre Freiheitskampfe gegen die Russen. Berlin. 1885, s. 302.

57 А. П. Берже. Горные племена Кавказа. «Живописная Россия», т. IX, «Кавказ», СПб., М., 1883, стр. 80.

58 Е. Марков. Кавказ в его настоящем и прошлом. «Живописная Россия», IX, стр. XLIII.

59 Г. М. Амиров. Среди горцев Северного Дагестана. (Из дневника гимназиста). ССКГ, VII, Тифлис, 1873; А. Омаров. Как живут лаки. ССКГ, IV, Тифлис, 1870.

Разношерстность описателей, отсутствие устоявшихся традиций общения с внутренним Дагестаном, часто лишь поверхностное знакомство с местными материалами, приводили наравне с нивелировкой и к большой противоречивости как в описании дагестанского аула и жилища, так и в их оценке. Единодушие наблюдалось только в одном — все источники дают им очень высокую оценку как оборонительным сооружениям. В оценке же аула и сакли с точки зрения архитектурной, хозяйственной, санитарно-гигиенической имеются резкие разногласия. Одни авторы отмечают прочность и долговечность жилища,[60] доведенную до совершенства хозяйственную приспособленность, практичность и сравнительную чистоту как внутри жилища, так и в ауле[61] Эта группа авторов даже считает возможным говорить об особой дагестанской цивилизации, «которой внешнею отличительною чертою служит искусство в горном домостроительстве»[62]. Но были и такие, которые считали, что в дагестанском домостроительстве нет ни искусства, ни архитектуры и даже нет собственно строительства. Примером утверждения такого рода являются слова Е. Маркова: «Голые черные плиты, сваленные в кучу, заваленные землею, прикрепленные к груди исполинской скалы, чуть освещенные узкою дырою первобытного, ничем не прикрытого окна, чуть согреваемые дымом вонючего кизяка, сожигаемого прямо на камне среди комнаты — вот сакля лезгина».[63]

Говоря о дореволюционной этнографии, нужно учесть, что она не имеет развернутых и глубоких работ по конкретным темам, содержит очень мало специальных описаний поселения или жилища[64] (тем более отдельно даргинского), и состоит в основном из беглых зарисовок, содержащихся в разного рода статьях, заметках, сообщениях, воспоминаниях.

Нужно иметь в виду также и тот факт, что внутренний, нагорный Дагестан был гораздо менее доступен для путешественников и исследователей и поэтому был гораздо менее изучен чем плоскостной.

В целом, основная заслуга дореволюционной этнографии состоит в том, что она накопила известный фактический материал, осветила и описала некоторые явления материальной и духовной культуры, ныне не существующие, зафиксировала расселение и племенное деление дагестанцев в отдаленные времена, показала наличие укрепленных поселений в средневековье и пр.

Советская этнография имеет, конечно, гораздо большие достижения в изучении, описании и исследовании поселений и жилища дагестанцев.

Особое значение имело то обстоятельство, что этнографическое изучение являлось частью проводимой Советской властью широкой программы экономической и культурной помощи народам Дагестана.

Решающее значение имело и развитие археологического изучения Дагестана. До революции это изучение также носило случайный, эпи-

---

[60] Н. Глиноецкий. Поездка в Дагестан. «Военный сборник», 1862, № 1, стр. 123.

[61] А. А. Неверовский. Краткий взгляд на северный и средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847, стр. 31; И. И. Пантюхов. Современные лезгины. «Кавказ», 1901, № 233; А. З. (Зиссерман) — 10 лет на Кавказе. «Современник», т. 48, № 11, стр. 27; Записки А. П. Ермолова, ч. II, М., 1868, стр. 101.

[62] Н. И. Воронов. Из путешествия по Дагестану. ССКГ, т. III, Тифлис, 1870, стр. 24.

[63] Е. Марков. Указ. соч., стр. XXXV.

[64] Напр., М. И. Ткешелов. О географических и других условиях характера построек применительно к Кавказу. Известия КОРГО, т. X, № 1, Тифлис, 1888; Н. Ф. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871, т. I, кн. 1, 2, 3; И. И. Пантюхов. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис, 1896.

зодический характер и особых достижений не имело.[65] Хуже того, выводы некоторых крупных ученых о том, что Дагестан не был заселен в каменном веке и его заселение происходило гораздо позднее,[66] способствовали распространению ошибочных теорий и задержали изучение исторического прошлого народов Дагестана. Ошибочность этого утверждения была доказана советскими археологами, в особенности работами, опубликованными в послевоенный период. Заслуга советских археологов состоит в том, что их исследования дают возможность проследить непрерывность исторического процесса на территории Дагестана, начиная с нижнего палеолита. Работами археологов в Дагестане доказано, что на протяжении даже одной археологической эпохи характер поселений жилища может вопреки утверждениям буржуазных ученых меняться, в зависимости от экономических, политических и других условий.[67]

Важным является и установление археологами единства и преемственности в архитектурных традициях и выборе места поселений. В условиях Дагестана, края не имевшего в прошлом своей письменности, археологические работы особенно важны. Без помощи археологии совершенно невозможно, в частности, исследовать историю поселений и жилища.

Значительны и достижения советской этнографии. Теперь это целенаправленная, вооруженная передовой марксистско-ленинской методологией наука. В советское время этнография становится более конкретной, она обнимает гораздо больший материал, появляется много специальных работ, посвященных вопросам дагестанской этнографии. В области изучения исследования жилища и поселений Дагестана занимался ряд ученых, давших немало ценных работ. Изучение шло по нескольким руслам и каждое имело свою специфическую направленность. Часть исследователей вела работу по линии изучения дагестанского поселения и жилища в целом[68], другие наряду с этим занимались исследованием отдельных компонентов жилища[69], третьи проделали большую работу по изучению поселений жилища и отдельных народов Дагестана: кумыков, лезгин, аварцев, табасаран, агулов и др.[70] Кроме того, материалы по жилищу как описательного, так исследовательского характера, имеются в работах С. А. Токарева, Е. И. Крупнова, Л. И. Лаврова, М. И. Артамонова, М. М. Ихилова. А. А. Алиева, Р. М. Мунчаева, В. Г. Котовича, Д. М. Атаева и многих других авто-

---

65 Р. М. Мунчаев. К истории археологического изучения Дагестана. МАД, т. I, Махачкала, 1959.

66 Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. Изв. РГО, 1884, т. XX, вып. 4.

67 Ср. В. Г. Котович. Отчет о работе I-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1957 году. РФ ИИЯЛ, д. 1481, л. 61.

68 Напр., Н. Б. Бакланов. Архитектурные памятники Дагестана. Л., 1935; его же. Архитектурные сооружения Дагестана. Доклады III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. М.—Л., 1939.

69 Напр., А. С. Башкиров. Деревянные двери дагестанского аула Кала-Курейш. «Труды секции археологии Института археологии и искусствознания». Вып. 2, М., 1928; его же. Резьба по камню и дереву в Дагестане». Художественная культура советского Востока. М.-Л., 1931; его же. Средневековый памятник дагестанского аула Кала-Курейш. «Труды отделения археологии Института археологии и искусствознания», вып. 1, 1926.

70 С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961; С. С. Агаширинова. Поселения лезгин в XIX — начале XX века. УЗ ИИЯЛ, т. VI, Махачкала, 1959; Г. Я. Мовчан. Из архитектурного наследия аварского народа. СЭ, 1947, № 4; З. А. Никольская. Из истории аварского жилища. СЭ, 1947, № 2; Г. Н. Любимова, С. О. Ханмагомедов. Народная архитектура южного Дагестана. М., 1956; Б. А. Калоев Поселение и жилище агулов. КСИЭ, XXIII, М., 1955 и др.

ров, писавших по различным вопросам кавказской и дагестанской этнографии и археологии [71].

Советские этнографы, собрав и обобщив за сравнительно короткий период огромный фактический материал, создали ряд ценных исследований, в которых поставлен и разработан ряд сложных проблем истории поселений и жилища народов Дагестана.

Советская этнография отличается от дореволюционной также тем, что она избавилась от болезни старой этнографии — нивелирования особенностей, смешения материальной культуры отдельных народов Дагестана — и стала на путь изучения поселений и жилища отдельно по народам, но в сравнительно-историческом плане. Правда, сравнительно-исторический метод описания и исследования применяется не всеми авторами и не всегда достаточно последовательно.

Советская этнография избавилась и от других недостатков старой этнографии, например, от крена в сторону изучения духовной культуры, от описания и исследования жилища и поселений преимущественно с военной точки зрения, от противоречивости и путаницы в оценке жилища и аула и т. п.

В изучении поселения и жилища народов Дагестана советской этнографией имеются и отдельные недостатки. Это некоторая бессистемность в изучении и узость привлекаемого материала, отсутствие единого плана в изучении, планомерности и системы, а также иногда наблюдающийся недостаток сравнительно-исторических аналогий и некоторая слабость обобщений.

Что касается даргинских поселений и жилища, то они изучены весьма недостаточно — единственным специальным описанием даргинского поселения и жилища является выборочное описание Ю. В. Вадковской, сделанное в 1927 году [72], да и то только в плане санитарно-гигиенического обследования.

Наша работа является попыткой хотя бы в некоторой степени восполнить этот пробел и дать этнографическое описание и исследование поселений и жилища даргинцев.

1. РАССЕЛЕНИЕ (ТИП ЗАСЕЛЕНИЯ).

В расселении даргинцев, как и всякого народа, имеются свои закономерности.

Принципы выбора места для поселения во всех зонах во многом одинаковы и поэтому можно говорить об общих принципах расселения, не забывая в то же время и специфики каждой из зон.

Рассмотрим конкретно какими принципами руководствовались даргинцы при выборе места поселения, какие факторы прежде всего влияли на это.

---

[71] С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; Л. И. Лавров. Формы жилища у народов северо-западного Кавказа. СЭ, 1951, № 4; М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Соцэкгиз, 1936; А. Алиев. Социалистическое преобразование культуры и быта даргинцев. Автореферат. М., 1952; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа. МИА, 100, М., 1961; В. Г. Котович. Новые археологические памятники южного Дагестана. МАД, 1, Махачкала, 1959; его же. Каменный век Дагестана. Диссертационная работа. Махачкала, 1961. РФ ИИЯЛ, д. 2929; Д. М. Атаев. Средневековые памятники центральной Аварии. РФ ИИЯЛ, д. 2532; его же. Средневековая Авария. Диссертационная работа, Махачкала, 1961, РФ ИИЯЛ, д. 2916.

[72] Ю. В. Вадковская. Планировка и застройка селений Даргинского округа. «Даргинцы».

Одним из важнейших вопросов является проблема водоснабжения. Поэтому поселения располагаются или вблизи рек, на приречных террасах, или недалеко от крупного источника. Эта тенденция выработалась в течение тысячелетий, доказательство чему мы найдем в поселениях любой эпохи. Например, все палеолитические и неолитические стоянки бассейна реки Акушинки расположены на речных террасах, поблизости от реки [73]. То же самое можно сказать о поселениях энеолита («почти исключительно поселения, расположенные у рек») [74], эпохи бронзы (например, Верхнегунибское поселение) [75], средневековых [76] и поздних поселениях [77].

Другой важный фактор — оборонительный; даргинские (и вообще дагестанские) селения создавались с таким расчетом, чтобы в них трудно было проникнуть, овладеть ими, т. е. селения представляли собой естественные крепости. На эту особенность, присущую дагестанским поселениям, на единство методов строительства поселений указывали русские наблюдатели. Так, например, Н. Воронов указывал, что «в Дагестане все, что может служить для защиты страны, находится в целесообразном порядке: тропинки едва существуют, аулы неприступны, каждое жилище в отдельности неудобопроницаемо и все эти кажущиеся неудобства дагестанской жизни носят один стиль, созданы по плану как бы одного архитектора» [78].

С Вороновым перекликаются Ф. Байерн — «в Дагестане я бывал в деревнях, имеющих доступ единственно через одни узкие ворота... такие аулы прилеплены к скалам на крутых стенах ущелий и к скалистым хребтам» [79], Е. Марков — «засели в местах, к которым не проберешься ни сверху, ни снизу» [80], Ф. Гене—«каждая деревня составляет крепость, представляющую весьма крепкую оборону» [81].

На оборонительный характер дагестанских поселений указывали и наблюдатели XVIII века [82], и более ранние авторы, обычно констатировавшие в Дагестане обилие укрепленных поселений [83]. Стремление к недоступности и неприступности поселений вызывалось многими причинами социально-политического характера. Например, в условиях распада первобытно-общинного строя и зарождения феодальных отношений существовало огромное количество различных политических объединений, больших и малых, находившихся в состоянии войны всех против

---

73 В. Г. Котович. Палеолитические и неолитические местонахождения бассейна реки Акушинки. РФ ИИЯЛ, д. 2588, л. 70.

74 Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа. МИА, 100, М., 1961, стр. 31.

75 В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. РФ ИИЯЛ, д. 2630, л. 12.

76 Н. Д. Путинцева. Поселения эпохи раннего средневековья на Сулаке. РФ ИИЯЛ, д. 2591, л. 11; М. И. Пикуль. Некоторые сведения о средневековых поселениях Дагестана. РФ ИИЯЛ, д. 2298, л. 5; Д. М. Атаев. Средневековые памятники центральной Аварии .РФ ИИЯЛ, д. 2532, Л. 45.

77 Ср. напирмер, Ф. И. Гене. Сведения о горном Дагестане. «История, география и этнография Дагестана». М., 1958, стр. 346.

78 Н. И. Воронов. Из путешествия по Дагестану. ССКГ, III, Тифлис, 1870, стр. 24.

79 Ф. Байерн. О древних сооружениях на Кавказе. ССК, т. I, Тифлис, 1871, стр. 300.

80 Е. Марков. Кавказ в его настоящем и прошлом. «Живописная Россия», IX, СПб., — М., 1883, стр. XLIII.

81 Ф. И. Гене. Указ. соч., стр. 346.

82 Напр., А. Лопухин. Журнал путешествия через Дагестан. «История, география и этнография Дагестана, стр. 30; Л. Стрейс. Три путешествия. ОГИЗ, М., 1935, стр. 219.

83 Напр. Низам-ад-дин Шами. В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. т. II, М.-Л., 1941, стр. 123—124. Об этом же свидетельствует и тот факт, что во многих селениях и доныне наиболее труднодоступные части (кварталы) аула называются «къалаг. (крепость).

всех. При таких условиях естественным было располагать поселения в неприступных местах, тем более в Дагестане, где этот переходный период растянулся на гораздо большее время, чем в обычных условиях. В условиях, когда в одних местах уже сложились феодальные объединения, в других они еще только начинали складываться, а в третьих задерживались, войны как между отдельными феодалами, так и между ними и «вольными» обществами были постоянны и весьма отрицательно влияли на быт и хозяйство населения.

К этому надо добавить и тот факт, что по соседству с Дагестаном находились крупные феодальные владения Азербайджана и Грузии, с которыми также не прекращалась война за добычу и за землю со взаимными набегами, походами и разорением.

Положение усугублялось тем, что Дагестан был этнически очень пестр и это также способствовало разобщению и разъединению племен Дагестана, вызывая многочисленные столкновения. Некоторые исследователи даже считали этот фактор единственной причиной неприступности дагестанских аулов [84].

Не последнюю роль в этом сыграло географическое и стратегическое положение Дагестана, который несмотря на труднодоступность своих гор испытал много вторжений. Через Дагестан лежал великий путь из Азии в Европу, которым прошли бесчисленное количество племен и народов. Он был удобным трамплином для вторжения как с севера на юг, так и с юга на север. Бедный и суровый край не привлекал завоевателей к переселению, но они грабили и разрушали все на своем пути. Плоскость и предгорья видели это в большей степени, горы — в меньшей. Достаточно вспомнить походы монголов через нагорный Дагестан, поход Тимура против даргинцев, аварцев и лакцев, или учиненное им варварское истребление кайтагов [85], походы Надир-шаха [86]. Поэтому местные племена старались оградить себя от завоевателей, а для этого в условиях отсутствия единства и сильных государственных образований был один выход — забираться в труднодоступные места и всячески укреплять аулы.

Недоступность селений даргинцев следует рассматривать и с хозяйственной точки зрения. Население, построившее старые даргинские аулы оставляло внизу удобные ровные площади, где можно было завести хорошую усадьбу и тянулось вверх по крутым склонам и скалам. Объясняется это тем, что земля ценилась так высоко, что не могло быть и речи о том, чтобы занять пригодную для посева землю для чего бы то ни было другого, в том числе и под поселение. Дело доходило до того, что люди вгрызались в скалы и строили там дома, лишь бы сохранить клочок земли, годной для посева (например, Ирга, Арши). Приведем несколько цифр, иллюстрирующих малоземелье в бывшем Даргинском округе: при средней плотности населения в целом по Дагестану 20,1 чел. на 1 кв. км. на Даргинский округ приходилось 46,9 чел., а при среднем количестве десятин на один дым в целом по Дагестану 27,1, на Даргинский округ приходилось только 8,3 [87]. Естественно, что

---

[84] Например, М. И. Ткешелов. О географических и других условиях характера построек, применительно к Кавказу. Известия КОРГО, т. X, № 1, Тифлис, 1888, стр. 117.

[85] См. А. Р. Шихсаидов. О пребывании монголов в Рича и Кумухе. УЗ ИИЯЛ, IV, Махачкала, 1958; Шереф-ад-дин Иезди. В. Тизенгаузен. Указ. соч., т. II, стр. 175.

[86] См. А. И. Тамай. К вопросу о провале дагестанской кампании шаха Надира (1741—1743 гг.). УЗ ИИЯЛ, т. V, Махачкала, 1958.

[87] Дагестанская область. Свод статистических данных. Тифлис, 1890, стр. V. Об остром безземелье ср. также. М. Владыкин. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу, ч. II, М., 1958, стр. 215, а также С. Габиев. Лаки, их прошлое и быт. СМОМПК, XXXVI, Тифлис, 1906, стр. 100.

такая теснота вынуждала прибегать к строжайшей экономии земли. Скудость земли приводила к скудости средств, а это в свою очередь в известной мере приводило к стремлению поживиться за счет более богатых соседей [88]. Соседи же отвечали карательными действиями, в результате чего появлялась еще одна причина для столкновений и, как следствие этого, для возникновения аулов — крепостей.

Малоземелье имело еще одну сторону: часто (особенно в позднее время) селение карабкалось в гору, на скалы не только из-за оборонительных потребностей, сколько из-за малоземелья, а раз так, то неприступность селения бывала связана не со стремлением к недоступности, а с экономией земли. Показательны в этом отношении слова В. Аедоницкого о селении Куппа: «В виду крутости склона сакли подперты каменными стенками, иногда очень внушительных размеров, благодаря чему весь аул Куппа производит впечатление замурованного в камень укрепления с башнями и бойницами» [89].

Безземелье и скудность средств влияли на характер поселения еще в одном плане — ограниченность средств вызывала стремление делать жилище крепким и долговечным, чтобы часто не отстраиваться, чтобы дом не поддавался разрушительному действию как времени, так и человека.

Таким образом, главным факторами, повлиявшими на неприступность даргинских поселений, являются стремление к недоступности и безземелье, вызванные рядом обстоятельств и в то же время породившие ряд факторов, в свою очередь, повлиявших на характер поселения.

Эти несколько отвлеченные положения можно подтвердить фактическим материалом. Поселения, возникшие до XX века всегда расположены или на «гребнях гор при соединении двух речек, обмывающих подошвы оных» [90], или на крутых склонах (напр., Танты, Харбук, Кубачи) или на больших скальных плитах (Ирга, Арши, Гулатты), на пологих склонах гор и их вершинах (Акуша, Усиша др.), или на высоких горных хребтах, близко к гребню (Ургани, Урари, Наци, Дуакар и др.).

Стремление к неприступности часто превалировало над другими факторами. Так, например, часто встречаются аулы, которые расположены на гребне горы, в то время как вода есть только в речке или роднике находящемся далеко внизу у подножия.

Древность оборонительного фактора подтверждается археологическими материалами, однако, они доказывают и то, что фактор этот не вечен, не действует всегда с одинаковой силой. Это и понятно, ибо оборонительный фактор зависит от общественно-политического строя, от взаимных вторжений и установление мира на более или менее длительный период приводит к ослаблению его действия. Так, например, в позднем неолите для стоянки характерно стремление быть ближе к воде и пастбищам, но «уже отпала необходимость располагать стоянку в укромном, естественно защищенном и труднодоступном месте», что связано по всей вероятности, с уменьшением роли фактора безопасности [91].

В неолите и в эпоху бронзы мы опять встречаемся с превалированием оборонительного фактора над другими [92]. Раннее средневековье

---

88 Ср. об этом И. Пантюхов. Современные лезгины. «Кавказ», 1901, № 228.

89 В. А. Аедоницкий. Из поездки в Дагестан летом 1914 года. «Естествознание и география», 1916, № 8—10, стр. 5.

90 Ф. И. Гене. Указ. соч., стр. 346.

91 В. Г. Котович. Отчет о работе 1-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1957 г. РФ ИИЯЛ, д. 2481, л. 61.

92 В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана, л. 12; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа, стр. 32; В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 году. УЗ ИИЯЛ, III, Махачкала, 1957, стр. 158.

также характеризуется преимущественным влиянием оборонительного фактора[93], но уже в позднее средневековье, с развитием феодальных отношений и увеличением числа крупных политических объединений оборонительный фактор опять отступает на задний план[94]. В XVIII—XIX вв. когда усилилась экспансия на Кавказе со стороны Турции, Ирана и царской России и увеличился размах освободительных войн дагестанцев, оборонительный фактор вновь стал играть решающую роль[95] и укреплению поселений стали уделять особое внимание. С окончательным присоединением Дагестана к России, когда сильная центральная власть ликвидировала постоянные феодальные междоусобицы и столкновения между феодалами и «вольными» обществами, оборонительный фактор опять отступил на задний план и на этот раз навсегда. Все аулы, возникшие в конце XIX века и позже совсем не знают этого фактора, а те, которые возникли раньше на крутых склонах, стали разрастаться в сторону более пологой, открытой части. Так разрослись селения Акуша, Губден, Цудахар, Хаджал-Махи, Мекеги и др.

Но зато в XIX веке и даже в XX веке приобретает решающее значение другой фактор — стремление экономить землю. Теперь, если селения стремятся освоить скалы, значит сельчане хотят экономить пригодную для посевов землю, соглашаясь ради этого идти на целый ряд неудобств. Стоит взглянуть на любой разросшийся аул наших дней и это станет очевидным. Особенно ярко видно это на примере цудахарских аулов, где более длительные традиции садоводства обусловливают особую расчетливость при использовании земли. Возьмем, к примеру, аул Арши. Он основан на скальной плите довольно крутого склона и представлял собой настоящую естественную крепость, закрывающую доступ к Цудахару с северо-запада. Селение оставалось таким вплоть до победы колхозного строя, затем некоторое время аршинцы жили на плоскости, а с 1953 года стали возвращаться назад. За время пребывания на плоскости они подверглись воздействию культурных традиций русских, кумыков, чеченцев и стали применять архитектуру городского типа — одноэтажные дома со стеклянными галереями. Но место, на котором строят дома, по-прежнему скальная плита, в то время как рядом имеются хорошие участки, где можно было бы построить дом с приусадебным участком. Объяснение здесь только одно — аршинцы экономят землю, где можно разводить сады и где отчасти они уже существуют. Они резонно рассуждают, что дом можно построить и на скале, а сады пусть остаются садами. Примерно такая же картина сложилась в Хаджалмахи: аул быстро растет, но площадки под новое строительство отводятся довольно далеко от аула, хотя рядом с аулом имеются участки хорошей земли. Однако на этих участках расположены лучшие сады колхоза и поэтому колхозники создают для себя большие трудности, расселяясь на неудобных склонах гор лишь бы сохранить лучшие земли под общественными садами. Такая экономия заметна, и в других селениях и не только в горах, но отчасти и в предгорье.

Такая жесткая экономия земли не является уделом одних даргинцев или дагестанцев. Использование для поселения крутых склонов и скал с оставлением лучших участков для посевов характерно для многих гористых стран, где чувствуется острый недостаток земли, а также для тех стран, где к этому побуждали обстоятельства и испытывалось сильное влияние оборонительного фактора.

---

[93] Н. Д. Путинцева. Поселения эпохи раннего средневековья на Сулаке. л. 11.

[94] Д. М. Атаев. Средневековые памятники центральной Аварии. РФ ИИЯЛ, д. 2532, л. 45.

[95] Ср. об этом у Е. Маркова, как он расписывает трудность овладения «орлиными», «разбойничьими гнездами» дагестанцев. Е. Марков. Указ. соч., стр. XIX—XIV.

При этом подчас бывает трудно определить, почему поселение основано на крутых склонах—из-за малоземелья или из соображений обороны. Чтобы правильно определить это, надо хорошо знать географию и историю данной страны. Группы родовых башен — крепостей сванов, скученные скопления домов на крутых склонах Западной Армении, террасообразные поселения из каменных жилищ восточной Грузии, нагорной Осетии, прилепившиеся к скалам «многоярусные ансамбли» поселений Сирии, Ливана, Иемена [96], «расположенные на малодоступных скалах» и «из-за малоземелья врезанные в склоны гор» поселения кафиров, ширани и хазарейцев в Афганистане не занимающие «ни пяди годной для обработки земли» [97] — для всех этих поселений характерны как недоступность и неприступность, так и экономия земли, причем в большинстве случаев оба эти момента переплетаются, затушевывая определяющий фактор и сливаясь как бы в один.

В то же время известно, что поселения многих племен северо-западного Кавказа, поселения из срубных построек в Альпах, села карпатских крестьян и многих других горских народов строятся в сравнительно доступных местах и не требуется особых усилий для военного захвата их.

Все это свидетельствует о том, что недоступность и неприступность поселений бывают вызваны в каждом отдельном случае конкретными природно-географическими, экономическими и общественно-политическими условиями.

С хозяйственной деятельностью связана еще одна особенность топографии даргинских поселений, их расположение. Из археологических и иных полевых материалов известны многие средневековые поселения даргинцев, характерной чертой которых является то, что они располагались на недоступных и неудобных для жизни местах [98]. Это такие поселения, как например, Канцалабек, Харбатла Ханалабек, Аялассале, Рагилидиркьа и другие вокруг Хаджалмахи [99], Билала Калъа у Цудахара, Тамдирхъла бек у Куппа, Аяла муза у Хуршни, Къалала бек у Усиша и многие другие. Отличительная особенность этих поселений — их небольшой размер, расположение на большой высоте. Небольшие размеры поселений объясняются тем, что они являются родовыми [100] поселками, а также тем, что постоянная нужда в пастбищах заставляла создавать небольшие поселения [101]. Здесь сильно развито террасовое земледелие — достаточно посмотреть на сплошь террасированные горы вокруг этих поселков, чтобы убедиться в этом. Таким образом, для выбора места поселения и определения его размеров, наряду с фактором оборонительным, существенное влияние имеет здесь стремление быть поближе к горным пастбищам и террасам, а также стремление иметь вокруг себя побольше свободного пространства.

В XIII—XV вв. некоторые обстоятельства как внутреннего, так и внешнего порядка, вносят серьезные изменения в расселение даргинцев. Разложение родовых отношений делало все более неустойчивыми эти

---

[96] Народы Передней Азии. М., 1957, стр. 426, 464, 489.

[97] Там же, стр. 77, 112, 142.

[98] Ср. Д. М. Атаев. Указ. соч., стр. 44.

[99] Ср. у Артамонова. Отчет о работах Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК в Дагестане. РФ ИИЯЛ, д. 1602, л. 37. Характеристику этих поселений см. также у В. Г. Котовича — Отчет о работе 2-го Чиркейского (I-го горного) отряда Дагестанской археологической экспедиции. РФ ИИЯЛ, д. 2643, лл. 37—45, который в 1959 году исследовал часть из них.

[100] Термин «родовой» является условным и применяется нами для удобства изложения. Под «родовыми» поселками имеются в виду поселения коллектива родственников, возможно, тухумов.

[101] Ср. Н. Харузин. История развития жилища у кочевых и полукочевых народностей России. М,. 1895, стр. 20.

родовые поселки, которые были на грани распада. Монголо-татарские нашествия XIII—XV вв. окончательно разорили и разрушили эти поселки и вызвали группирование отдельных родовых поселков (очень часто их остатков) в более далеких, укромных местах, менее доступных для завоевателей. Необходимость решительной борьбы с последними, покушения феодалов на независимость сельских общин привели к тому, что новые селения, образовавшиеся уже на территориальной основе, были гораздо больше по размерам, хорошо укрепленные, но расположенные несколько ниже, чем родовые поселки, и с большей последовательностью тяготеющие к речкам[102]. Не исключена возможность, что оборонительный фактор этого времени уже не был постоянно действующим, а имел большей частью только значение противодействия внешним пришельцам, завоевателям. Может быть именно этим и объясняется тот факт, что население вновь возникших аулов не столько пряталось высоко в горах, сколько выбирало естественно укрепленные места в долинах рек, ущельях, у важнейших перевалов, как бы закрывая и контролируя пути проникновения в собственные земли. Характерно, что остатки многих средневековых поселений указывают на большое значение, которое придавалось укреплению поселения со стороны плоскости, закрытию проходов в горы[103]. Такие сооружения, вернее их остатки, сохранились в окрестностях сел. Губден, крупнейшего даргинского аула, закрывающего один из проходов с плоскости в горы по руслу реки Манас-озень.

Таким путем образовались, по-видимому, крупнейшие современные даргинские селения, такие как Акуша, Цудахар, Губден, Усиша, Урахи и др. Надо отметить и тот факт, что у даргинцев, как и у всех дагестанцев, было много крупных селений. Даже после разорительных войн XVIII—XIX вв. у даргинцев насчитывалось свыше 30 селений с населением, превышающим тысячу человек, причем некоторые имели от 3 до 5 тысяч и больше жителей (Усиша, Губден)[104].

Большинство наблюдателей всегда подчеркивали это, указывая, что «дагестанцы живут большими селениями»[105], большими ауламн»[106], иногда называя их даже городами. Например, «довольно большой аул», «значительный аул» (о Хаджалмахи[107]), «значительное селение» (об Акуша)[108], «большая богатая деревня» (о Губдене)[109], «в горах есть один город, именуется Кубачи»[110], «Макагу можно уподобить нашему уездному городу»[111], «город Кадар, имевший от 7 до 8 тысяч семейств»[112], «скорее небольшой городок, чем обычный горский аул»[113] о Чирахе.

---

102 Д. М. Атаев. Указ. соч., лл. 44—45.

103 Н. Д. Путинцева. Указ. соч., л. 11.

104 Список населенным местам Кавказского края, имеющим более 1000 душ обоего пола. ССК, т. IV, Тифлис, 1878, стр. 11—12; То же. КК на 1884 г., Тифлис, 1883, стр. 153—169.

105 Ф. И. Гене. Сведения о горном Дагестане, стр. 346.

106 Ф. Байерн. О древних сооружениях на Кавказе, стр. 300.

107 А. С. Заметки о северном и среднем Дагестане в военно-инженерном отношении. Инженерный журнал, 1856, № 3, стр. 89; А. Зиссерман. 25 лет на Кавказе, ч. II, СПб., 1879, стр. 32.

108 П. Зубов. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель, ч. III, СПб., 1835, стр. 253.

109 А. З. (Зиссерман). 10 лет на Кавказе. «Современник», 1854, т. 48, № 11, стр. 35.

110 А. Лопухин. Журнал путешествия через Дагестан, стр. 30.

111 Воспоминание о службе на Кавказе. Отрывок из записок офицера. «Москвитянин», 1851, ч. I, кн. 4, стр. 500.

112 А. Бакиханов. Гюлистан Ирам. Баку, 1926, стр. 64.

113 Н. И. Кузнецов. В дебрях Дагестана. Изв. РГО, т. XLIX, 1913, вып. I—III, стр. 132.

Картина топографии даргинских поселений была бы неполной без рассмотрения вопроса об ориентации поселений, ибо этот фактор также играл существенную роль в выборе места поселения. Причем следует отметить, что вопрос об ориентации поселения в условиях нагорного Дагестана имел гораздо большее значение, чем это обычно бывает.

Главным, определяющим в ориентации даргинских поселений является стремление расположить поселение в таком месте, где оно было бы обращено к солнцу большую часть дня. Поэтому после того, как выбрано место, удовлетворяющее всем другим требованиям, рассматривается вопрос об ориентации, о возможности обращения селения в южную, солнечную сторону. Поэтому даргинские поселения в большинстве случаев располагаются на южных склонах гор, лицом к солнцу. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить расположение большинства селений. Например, Цугни, Бутри, Харбук, Киша, Леваши, Гапшима, Урахи, Бурдеки и др. Правда, русские наблюдатели очень часто указывали на охват селением нескольких склонов, на расположение его амфитеатром[114]. Но в большинстве случаев это происходило за счет занятия разросшимся селением соседних склонов. Таковы, например, селения Усиша, Хаджалмахи, Куппа, Хуршни, Харбук, Уркарах и др.

Иногда, когда заселить южный склон не представлялось возможным, селение располагалось на других склонах, но с сохранением южной ориентации. Примером такого расположения может служить селение Ирга. Оно построено на северном склоне горы, в котором имеется впадина. Дома стоят на крутых склонах, обращенных как на север, так и на юг, восток и запад. Но сами дома во всех этих случаях обязательно имеют южную, солнечную ориентацию.

Такое настойчивое стремление строиться лицом к солнцу должно иметь, конечно, серьезные причины. Главной из них является стремление получать от солнца как можно больше тепла и света. То, что солнечная ориентация характерна для многих северных стран[115], доказывает ее связь с солнечным теплом.

Солнечная ориентация гораздо последовательнее проводится в нагорье, чем в предгорье, и особенно на плоскости. Это объясняется тем, что здесь мало лесов[116] и «солнцеприем» приобретает особое экономическое значение. Отсутствие топлива приводит к тому, что отапливать помещение горцы не могут и поэтому в холодные осенние и зимние дни они ограничиваются тем, что максимально используют солнечное тепло. Большую роль при этом играет веранда или лоджия, где семья проводит все время, пока светит солнце, за различными домашними работами. Таким образом, веранды и лоджии в домах даргинцев служат своеобразными «солнцеприемниками». Интересное описание этого «солнцеприема» у горцев Дагестана (на примере аварцев) дал Н. Львов, который писал, что «горцы во время сильных морозов, засев в свои темные сакли, обогреваемые лишь по утрам скудным огнем для вскипячения галушек, не показываются на улице до тех пор, пока не проглянет солнце. Когда же оно обогревает немного зимний воздух, тогда все прятавшиеся от стужи мужчины, женщины, старики, молодежь — ос-

---

[114] Например, Ф. И. Гене. Указ. соч., стр. 346.

[115] Ср. например, М. В. Витов. Формы поселений европейского севера и время их возникновения. КСИЭ, XXIX, М., 1958, стр. 31; Н. Харузин. Указ. соч., стр. 105.

[116] См. например, Добрынин. Даргинский округ. Физико-географический очерк. «Даргинцы. Социально-гигиеническое исследование народностей Дагестана». Выпуск I-й. М.—Л., 1930, стр. 42; Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. Известия РГО, т. XX, выпуск 4, стр. 432.

тавляют сакли и размещаются на крышах, галереях или где-нибудь в затишье, на солнечной стороне»[117].

В хозяйственной деятельности горца солнцу также отводилась весьма большая роль. В частности, солнечные лучи нужны были горцам для сушки и вяления. У цудахарцев, которые имели много садов, а таких заводов как теперь, которые перерабатывали бы эту продукцию, не имели, почти все летние фрукты подвергались сушке и роль обращенной к солнцу крыши и веранды в этом деле была очень велика. У цудахарцев же, занятых производством лучших на Кавказе сукон, солнечная веранда нужна была для подготовки шерсти и обработки ее.

В горной зоне, у акушинцев, сюргинцев, муэринцев, разводивших в больших количествах крупный рогатый скот и запасавших много сена, солнечная сторона нужна была кроме всего прочего для сушки сена в открытых сеновалах, приготовления кизяка, сушки сыра и пр.

В предгорье солнечная сторона нужна примерно для тех же целей, в особенности для сушки сена, только здесь это не так ярко выражено, особенно в нижнем предгорье, где летом веранды даже закрывают от слишком жаркого солнца дубовыми ветками.

Словом, солнце стало своего рода экономическим фактором в хозяйственной деятельности даргинца, фактором, который с течением времени не обязательно осознается во всем его значении и объеме, но тем не менее становится обязательной традицией и сильно влияет на сельское строительство, на планирование селений.

Не исключена возможность, что солнечная ориентация имела в свое время и определенное ритуальное значение. Видимо во времена язычества солнце играло в пантеоне божеств далеко не последнюю роль[118]. Некоторые пережиточные явления в культуре даргинцев позволяют проследить это. Например, при украшении жилища одним из самых распространенных мотивов является изображение солнца. У всех даргинцев высшая степень красоты выражается сравнением с солнцем, высшая степень радости и радушия — тоже. Сохранилась у даргинцев и клятва, высоко ценимая даже в годы расцвета ислама и даже употребляемая сейчас — «клянусь солнцем».

Из всего вышеизложенного следует, что в расселении даргинцев, топографии их поселений главную роль играли такие факторы, как близость воды, пашен, пастбищ, солнечная ориентация, оборонительный фактор, малоземелье, особенности рельефа и др., причем действие их было неодинаково как в сравнении между собой, так и в различные исторические эпохи.

2. ТИПЫ ПОСЕЛЕНИЙ

Типология даргинских поселений в XIX—XX вв. отражает историю селообразования у даргинцев, его исторические этапы. Поскольку в основе типологии лежит социально-экономическая природа поселения, естественно, что типология затрагивает и вопросы социального развития. Поэтому вопрос о типах поселений это вопрос, в котором яснее всего обнаруживается тесная связь материальной культуры с социально-экономическим строем, его особенностями.

В XIX в. встречаются два основных типа поселений «ши» (селение) и «маши», «махи», «ая» (отселок, хутор). Различия в названиях

---

[117] Н. Львов. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени. СКГ, III, Тифлис, 1870, стр. 6.

[118] Ср. о главном языческом боге — солнце у лакцев. С. Габиев. Как живут лаки, стр. 12.

связаны с особенностью образования этих поселений. «Ши» — это селения, которые возникли самостоятельно, т. е. такие селения, в отношении которых не сохранилось конкретных указаний на поселение или местность, откуда вышли его основатели. Таковы, например, Акуша, Урахи, Хуршни, Муги, Усиша, Мекеги, Цудахар, Губден и др. «Маши», «махи», «ая» — это отселки или хутора, основанные выходцами из определенных, существующих поселений, выходцами из «ши», например, Хаджал-ая, «Хулел-ая, Ванаши-махи, Арши-махи, Абдал-ая, Кака-махи, Урхучи-махи и др.

Оба типа поселений отражают определенные исторические этапы в селообразовании, связанные с социально-экономическим развитием. «Ши» — это более раннее поселение, оно образовалось повсеместно в XI—XIV вв. и являет собой этап перехода от родовых поселений через территориально-родовые к территориальным. «Маши» же образовались в XVII—XIX вв. и представляют собой поселения, образовавшиеся в результате развития производительных сил и распада патриархальных семей, на чисто территориальной основе. Так, например, у цудахарцев имеется только один «ши» — Цудахар, остальные же селения считаются отселками Цудахара. Однако, если тщательно проанализировать весь материал, имеющийся в различных преданиях и легендах и привлечь на помощь археологический материал, мы можем найти еще один тип поселений — небольшие родовые поселки, выходцами из которых и основаны крупные территориально-родовые поселения — «ши». Выше мы уже указывали на то, что в средние века определенные обстоятельства вызвали слияние и превращение небольших родовых поселков в крупные аулы, расположенные в важных стратегических пунктах. При этом мы отмечали как внутренние причины (разложение рода, нехватка свободной земли поблизости и пр.), так и внешние (нашествия). В числе таких причин, следует указать и усиление общения между племенами, появление новых путей и новых связей. Так, например, селение Цудахар возникло, по-видимому, из средневековых поселений, сохранившихся ныне в виде развалин и разбросанных по всей территории цудахарцев, с тяготением к северу. Это такие поселения, как Рагъила диркьа, Аяла Элла, Аяла салле, Харбатла ханала бек, Тамдирхъла бек, Билала калъа. Обращает на себя внимание тот факт, что селение Цудахар расположено почти в самом юго-восточном углу цудахарских земель, на самой границе лаков. По всей вероятности вытеснившие их пришельцы шли по Кутишинскому хребту и, разорив находящиеся здесь поселения, вынудили остатки населения бежать от них в противоположную сторону. Если вспомнить, что поздние арабские источники называют предполагаемых даргинцев (Шандан) самыми ярыми врагами мусульман[119], а персидские, времен Тимура, указывают, что Ашкуджа были неверными и им на помощь пришли казикумухи и аухары (аварцы)[120], то становится понятной картина беспощадного разгрома всех этих поселений и то, что остатки их населения укрылись на границе лаков, своих союзников, которые как мусульмане не подверглись столь сильному разгрому и опустошению. В пользу этого говорят и предания цудахарцев, согласно которым цудахарцы жили до переселения гораздо северо-восточнее, занимая вместе с остальными даргинцами единую компактную территорию от моря до Акуша и от Кадара до Кайтага[121]. Подобные предания, говорящие о заселении плоскости даргинцами, имеются в селениях Варсит, Гулли, Тама и др.

---

119 V. Minorsky. Ibid. p. 26.

120 В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, ч. III, стр. 123, 185.

121 Полевой материал 1959 г. Инф. Муртузалиев К. (Цудахар).

В предании об основании Цудахара мы также находим мотивы, подтверждающие нашу версию. Согласно этому преданию в местности Чаххи (в переводе с даргинского — «водопад») на вершине одной из огромных скал, имелось селение, которое называлось Суахар (в переводе с тюркского тоже «водопад»). Селением правил хан, известный своей жестокостью и развратностью. В частности, он практиковал нечто вроде права первой ночи, след которого сохранился в нынешнем названии остатков этого поселения и места, где оно находится («Харбатла ханала бек», т. е. «Вершина скалы развратника»). Однажды, когда настала очередь одной из самых красивых девушек селения два брата этой девушки решили спасти свою сестру от надругательства и бежали из Суахара вместе с ней и ее женихом. Дойдя до места, где ныне расположен Цудахар, они остановились на ночлег, а утром обнаружили, что на их шатре за ночь свила гнездо ласточка. Братья усмотрели в этом знамение и обратились к хану лаков с просьбой истолковать его, на что получили ответ, что место ночлега будет хорошим для поселения. Братья вняли этому совету и остановились здесь, основав селение. Так возник Цудахар [122].

Эпизод с ласточкой и обращением к хану отражает, по-видимому, тот факт, что беглецы из разоренных Тимуром селений нашли здесь убежище. Надо полагать, что это устраивало обе стороны: беглецы получили от хана место для поселения, землю и приобрели его покровительство, а хан заполучил верных союзников которые запирали ущелье и тем самым проход в земли лаков с этой стороны.

Со временем, когда новый аул разросся, укрепил свое хозяйственное и политическое положение, и когда рост производительных сил поставил вопрос об использовании северо-западных земель и их охране от соседей, начинается обратный процесс, процесс расселения из Цудахара и образования большого числа хуторов и отселков.

То, что все современные селения цудахарцев основаны выходцами из Цудахара почти не вызывает сомнений. В пользу этого говорят многие обстоятельства: во-первых, как селение Цудахар, так и его обитатели имеют среди цудахарцев (этнической группы) особое наименование, отличающее их от жителей всех других цудахарских поселений: селение Цудахар называют «ши», «ша» (селение), а жителя Цудахара — «шикан» (сельчанин). Такое выделение могло возникнуть только потому, что у цудахарцев раньше было только одно селение Цудахар, а все остальные были отселками и хуторами — «ши» в противоположность «маши» (хутор, отселок), «шикан» — в противоположность «машикан», «аякан» (хуторянин).

Во-вторых, жителей любого цудахарского селения называют цудахарцами как все остальные даргинцы, так и их соседи, превратившие таким образом это название в этнический термин. Например, аварцы называют их «цадахар», а лакцы — «цакъар»; селения же цудахарцев, исключая Цудахар, лакцы называют «цакъар-маши».

В-третьих, все местные предания и легенды не только подтверждают это, но и говорят об этом, как о само собой разумеющемся факте.

Что касается причин возникновения отселков, то они не всегда ясно указываются. Чаще всего говорится, что отселки были созданы для охраны земель. Согласно преданию общество Цудахара вынесло решение о том, чтобы каждая семья, имеющая несколько сыновей, поселила по одному из них на пограничных землях Цудахара для защиты от соседей [123]. В этом решении выражено главное: разрастание и постепен-

---

[122] Полевой материал 1959 г. Инф. Пакаев А., 70 лет (Хаджалмахи). Вариант этой легенды приводится Д. Анучиным. Указ. соч., стр. 429.

[123] Полевой материал 1959 г. Инф. Пакаев.

ный распад больших патриархальных семей, развитие производительных сил и отсюда потребность в использовании новых, ранее пустовавших земель (которые до этого и не охранялись), поселение на них «лишних сыновей». Все это звенья единой цепи, означающей новый шаг в социально-экономическом развитии цудахарцев.

Характерный факт — община Цудахара ни в коем случае не признавала за этими отселками каких-либо прав и даже ввела для них ограничения в хозяйственной жизни (в размере земельной площади, количестве скота), а также запретила хоронить на месте и пр. Это говорит о том, что община Цудахара хотела сохранить за собой все земли, оставив за отселками роль сторожей. Конечно, она не смогла остановить естественного роста и экономического, а, следовательно, и политического усиления этих отселков, которые постепенно становились независимыми в своей внутренней жизни. Дело дошло до того, что даже в легенду об основании Цудахара два других крупнейших селения внесли свои коррективы, по которым трое бежавших мужчин основали три селения — Цудахар, Куппа, Хаджалмахи[124]. Мы не знаем, насколько глубоко зашел бы этот процесс приобретения независимости, если бы на сцене не появилась новая моральная и политическая сила в лице мусульманской религии, которая выступила в качестве группирующей силы и признала Цудахар главным селением и центром цудахарцев, поскольку там был кадий «вольного» общества. Авторитет цудахарского кадия задержал децентралистские тенденции растущих отселков и сохранил главенствующее положение Цудахара.

Процессы, происходившие в других местах даргинской территории, были сходными. Так, например, селение Верхнего Кайтага Лиша образовалось, по преданию, из остатков населения семи аулов, пострадавших от сильной эпидемии. Развалины некоторых из этих средневековых поселений можно видеть и сейчас. Эти поселения назывались, согласно легенде, Магли Хасан, Магли Ган, Маггудираз, Ацахъри, Амалци, Борщага и седьмой — сам аул Лиша. Основателями нового селения явились парень из Борщага и девушка из Магли Ган[125]. Видимо, здесь также происходил процесс разложения рода и распада родовых поселков, а стихийное бедствие в виде эпидемии ускорило этот процесс и способствовало созданию нового селения, уже не родового, а территориального характера.

Аналогичное предание имеется и о сюргинском селении Хуршни, которое образовалось согласно легенде, из пяти селений: Аяла муза (I), Аяла муза (II), Чибил аяла муза, Хула бучри и Хула ши. Последний аул — это нынешний Хуршни. Возможно, что в то время инициатором объединения этих селений выступило крупнейшее из них — Хуршни (старое название его Хула ши означает в переводе «Большое селение»). Даже до сих пор некоторые соседние селения называют Хуршни Хула ши, а его жителей Хула шанти (шанти — «сельчане»)[126].

Такие же легенды имеются и об основании сюргинского селения Бутри, которое образовалось из шести поселков — Эла бурке, Урчала Э, Маллачикъалла Э, Мухур Умаркъала Э, Гъумрела Э, Талхъанна Ирбагьинна Э[127], где «э» означает, по-видимому, «хутор», «поселок»; об основании Верхнекайтагского Жирбачи, акушинских Гапшима и Усиша и многих других.

В поселениях, где в XIX веке наблюдались более развитые феодальные отношения селообразование происходило так же. Отличие здесь

---

124 Полевой материал 1959 г. Инф. Пакаев.
125 Полевой материал 1960 г. Инф. А. Салихов, 60 лет.
126 Полевой материал 1961 г. Инф. Р. Разиев, 85 лет.
127 Полевой материал 1960 г. Инф. И. Закарьяев, 65 лет.

заключалось не в происхождении и образовании селений, а в их дальнейшем развитии. Возьмем, к примеру, селение Губден. В легенде об образовании этого крупнейшего даргинского селения указывается, что оно возникло в результате слияния нескольких селений по инициативе главы одного из них — Губдена. Этот человек, славившийся своим умом и дальновидностью, призвал все эти небольшие селения объединиться, дабы легче было сохранить свою независимость. Старик Губден фигурирует во многих местных преданиях, особенно в преданиях, связанных с нашествиями Тимура [128].

В дальнейшем история Губдена приобрела свои особенности. Будучи близок к плоскости и имея обширные земли рядом с шамхальскими владениями, Губден не мог сохранить своих земель, не поступившись своей независимостью. Вначале это было, видимо, только покровительство на договорных началах, которое постепенно превратилось в более ощутимую экономическую и политическую зависимость. Немалую роль сыграло и то, что расположенный близко к плоскости, Губден больше нуждался в покровительстве шамхала для противодействия притязаниям крупных государств вроде Персии или России, назначавших шамхала даже валием (правителем) Дагестана. Случай подобного подчинения своему влиянию акушинцев в 1725 году со стороны уцмия, опиравшегося на русские войска, приведен И. Гергебером [129]. В 1732 году Д. Еропкин в своем «Реестре горским владельцам» указывает в Губдене шесть владельцев [130], причем имена их свидетельствуют о сильном кумыкском влиянии на губденцев.

Другая особенность развития Губдена заключается в том, что здесь до присоединения к России не развилась система отселков, поэтому аул сильно вырос, став крупнейшим селением в Дагестане. Причина этого, по-видимому, близость к плоскости и постоянная опасность нападения.

В XIX веке, когда шамхал с помощью русских войск укрепил свое влияние и даже расширил свои владения [131], Губден уже числится без всяких оговорок «деревней шамхальского владения» [132]. Этим, видимо, объясняется и указанная выше ошибка А. Бакиханова и Г. Алкадари, повторенная затем многими учеными, принимавшими Губден за кумыкское селение.

То же самое можно сказать о нижнекайтагских селениях, которые образуются также путем объединения многих селений в одно. Так, например, селение Рука образовалось из трех селений Гехни, Эшичи, Чикьижи, развалины которых сохранились и поныне. Как и в отношении большинства случаев селообразования, в легенде указывается, что селения эти были покинуты после какого-то большого бедствия. Селение Рука иногда даже называют Эвши (Три селения), намекая на его происхождение [133].

Таким образом, полевой и отчасти археологический материал позволяет нам выделить в даргинских поселениях три типа — родовые поселки, территориально-родовые («ши») и чисто территориальные («маши»), каждый из которых представляет определенный этап в истории селообразования даргинцев. В XIX веке различия между «ши» и «ма-

---

128 Полевой материал 1960 года. Инф. Р. Карабдагов, 60 лет. Эпизод с Губденом и Темуром приводится у А. Бакиханова — Гюлистан-Ирам, стр. 65 и у Гасана Алкадари-Асари Дагестан, Махачкала, 1929 г., стр. 30, причем у обоих старик Губден ошибочно назван кумыком и селение считается кумыкским.

129 И. Г. Гербер. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. «История, география и этнография Дагестана», стр. 101—102.

130 Там же. Д. Ф. Еропкин. Реестр горским владельцам, стр. 121.

131 Ср. об этом — В. Линден. Высшие классы коренного населения Кавказского края. Тифлис, 1917, стр. 107.

132 А. З. (Зиссерман). 10 лет на Кавказе, стр. 35.

133 Полевой материал 1961 года. Инф. М. Абакаров, 70 лет.

ши» во многом стираются, но зато увеличиваются различия между типами поселений предгорья и гор. Эти новые различия были вызваны особенностями исторического развития этих территорий, которое определялось такими факторами, как экономическая мощь селения, его стратегическое положение, близость к крупным феодальным владениям, географическое положение по отношению к другим даргинским селениям и к плоскости и т. д.

Каждая эпоха накладывала свой отпечаток и на образующееся селение и на его облик. В эпоху родового строя существовали небольшие родовые поселки, в которых жил один родовой коллектив (тухум). Начавшееся разложение родового строя и зарождение феодальных отношений привело к образованию территориально-родовых поселений, постепенно превращавшихся в территориальные, а развитие производительных сил и увеличение товарности хозяйства привело к образованию чисто территориальных поселений. В социалистическую же эпоху меняется не только социальная сущность процессов селообразования (например, переселение на плоскость), но и старые селения подвергаются коренной социальной ломке, превращаясь в социалистические поселения коллективов, занятых в одном производстве.

Поселения, образовавшиеся в советскую эпоху, это уже новый, четвертый тип поселений, ибо здесь живут новые люди, с новым общественным хозяйством, с новой, народной властью.

Совершенно новым для даргинцев процессом, носящим черты нового, социалистического расселения, является, например, переселение части даргинских селений на плоскость. Так, например, переселяются горцы из Дахадаевского, Левашинского и Акушинского районов. В Каякентском районе выходцами из этих районов основано селение нового типа «Первомайское», качественно отличающееся от обычных даргинских поселений. Возьмем, к примеру, хотя бы тот факт, что его основателями явились горцы из разных селений горной Даргинии, ничего за эту землю не заплатившие и никому за нее не обязанные, кроме своей, Советской власти. А ведь земли, где сейчас расположено это селение, раньше горцы арендовали у феодалов за большую плату для зимнего содержания скота.

В заключение несколько слов о существующей у даргинцев (и повсеместно в Дагестане) традиции связывать с пришельцами происхождение некоторых старейших селений. Народные предания и легенды часто относят такие селения к какому-либо крупному и известному чужеземному народу. Так, например, происхождение Губдена связывают с армянами, Мекеги—с евреями, Цудахара—с грузинами и т. д. Это, конечно, не соответствует исторической действительности, однако должны были быть какие-то обстоятельства, способствовавшие складыванию такого рода преданий.

В отношении еврейского происхождения Мекеги и других селений даргинцев можно сказать, что здесь налицо распространенное в народе смешение религии с ее носителями-завоевателями. Во времена хазаров, когда большая часть Даргинии входила в их державу[134], видимо, в некоторых селениях в результате тесных связей с правящей иудейской верхушкой имел некоторое распространение иудаизм, из-за чего эти селения могли впоследствии получить у соседей название еврейских. Точно так же, по-видимому, в отнесении Губдена к армянам надо видеть факт существования здесь грегорианской религии, рас-

[134] Ср. например, у Якута, который называет Шандан «одной из земель хазаров». Цит. по V. Minorsky. Ibid. p. 101. Сам Минорский считает, например, в отношении кайтаков, что «существует тесная зависимость, их от хазаров, от которых они получали титулы и инвеституру». Ibid. p. 93.

пространенной в свое время армяно-албанскими миссионерами. О миссионерской деятельности албанских епископов в Дагестане, к северу от Дарбанда, в Варачане, в частности о деятельности епископа Израиля, «который многие страны хазаров и гунов обратил в христианство», мы встречаем рассказ у Моисея Каганкатваци [135].

Несколько сложнее обстоит дело с цудахарцами. В предании об основании Цудахара говорится, что его основатели — грузины, а прародина носит тюркское название. По-видимому, тюркское название связано с их пребыванием в этих местах. Весьма возможно, что в период своего похода в нагорный Дагестан Тимур создал здесь свои опорные пункты, и один из них, основанный над водопадом, получил название «Суахара». Само же население Суахара, как указывают источники, было христианским, и это христианство, надо полагать, было распространено здесь во времена Давида и Тамары, так же как у соседей даргинцев, аварцев [136]. Естественно, что народная память легче сохранила в сознании факт былой религиозной принадлежности предков цудахарцев, на основании которой они были причислены к грузинам, чем название прародины, которое к тому же было изменено пришельцами. Такое смешение религиозной принадлежности с этнической и национальной довольно характерно для Дагестана, впрочем не только для Дагестана.

В свете всего изложенного можно считать, что поселения даргинцев проделали длинный путь развития от родовых поселков до современных колхозных селений.

Социально-экономическая структура селений за это время менялась в каждую данную эпоху, соответственно этапам общественно-экономического развития даргинцев. Соответственно этому для периода родового строя характерны небольшие родовые (тухумные) соседящие поселки; для эпохи его разложения и развития феодальных отношений — крупные территориально-родовые поселения, с постепенным превалированием территориального принципа; для периода дальнейшего развития феодализма и расширения товарных отношений — чисто территориальные поселения, основанные выходцами из крупных селений; для эпохи социализма — советское колхозное селение. В XIX веке, в силу неравномерности развития отдельных частей даргинской территории (горы и предгорье) в поселениях встречаются некоторые различия по зонам. Это — поселения «вольных» общинников с некоторой зависимостью общества в целом от феодала, поселения лично зависимых крестьян (в предгорье) и поселения, находящиеся в отношении зависимости в промежуточном между обоими типами положении.

3. ГРУППИРОВКА ПОСЕЛЕНИЯ

Группировка даргинского поселения является типичной для всего Дагестана. Обычно это скученное поселение, центром которого служила небольшая площадь — годекан («гимай», «кумаси»), где происходили сельские сборы, собирались мужчины и мальчики для бесед, игр и т. д. Площадь эта не обязательно располагалась в центре селения, наоборот, она тянулась к такому месту, где имелась ровная площадка для устройства годекана. Вокруг площади, особенно под деревьями, если они имелись, располагались места для сидения, сделанные из огромных камней или бревен. Устанавливали их отдельные члены общины, осо-

---

[135] Моисей Каганкатваци. История Агван. СПб., 1861, стр. 192, 209, 238.

[136] Ср. А. Р. Шихсаидов. О проникновении христианства и ислама в Дагестан. УЗ ИИЯЛ, Махачкала, 1957; Д. М. Атаев. Христианские древности Аварии. УЗ ИИЯЛ, т. IV, Махачкала, 1958.

бенно хозяева близлежащих домов, так как завезти большой камень или бревно для сидения считалось благородным, богоугодным делом.

Со временем, когда у даргинцев утвердился ислам, таким аульским центром стала мечеть, вернее площадь вокруг нее, так как центральную мечеть аула строили на месте бывшего годекана. Здесь получается сочетание годекана с мечетью.

Таким образом, геометрического центра даргинский аул почти не имел, за исключением некоторых селений, где общественный центр аула случайно совпадает с топографическим, геометрическим центром. Такое положение объясняется тем, что даргинские селения раньше строились на крутых склонах, сильно кучились из-за тесноты и не могли оставлять свободных площадей. Даргинский аул прошлого представлял собой очень скученное поселение с ярко выраженной вертикальной зональностью, т. е. террасообразное поселение. О том, насколько велика была скученность поселения свидетельствуют следующие данные: в аулах Цудахар, Куппа, Хаджалмахи, Ташкопур, Акуша, Урахи, Мекеги только у 10% дворов коэффициент застройки колебался от 25% до 38%, а у остальных он был значительно выше — до 82%[137], причем речь идет об аулах, расположенных на некрутых горных склонах. А в аулах, расположенных на крутых скальных склонах или гребнях гор (Наци, Цугни, Гуладты, Дуакар, Хуршни, Мирзитта, Тама и др.), наблюдается уже 100% застройка участка[138], иными словами дома расположены впритык и налезают один на другой как ступени гигантской лестницы. Неудивительно, поэтому, что улицы аула, этого «скопища саклей»[139] (о Харбуке) были «узкие, кривые, шириною два-три аршина»[140], что «дома несколькими этажами стоят друг над другом»[141], (о Чирахе), или же «нагромождены одна сверх другой крепости — сакли»[142] (о Куппа).

Образное описание такого дагестанского аула мы встречаем у Е. Маркова: «Улицы нет в ауле; каменные, двухярусные бойницы, которые горец называет саклями... отступают друг от друга ровно настолько, чтобы человек с трудом мог протиснуться среди них... Над крышей одной бойницы торчит другая, над другой третья и ножом расколотая щель, заменяющая улицу, вьется и лепится, как змея, по отвесной круче, у подножия всех этих, без порядка насыпанных в кучу каменных редутов...[143].

Следует отметить, что вертикальная зональность или ступенчатая архитектура характерна для Дагестана, начиная с бронзового века. Ярким примером ступенчатого поселения являются поселения бронзового века Кумрала када близ сел. Усиша и Верхнегунибское поселение[144].

Лишь с конца XIX века, когда вопросы обороны перестали играть существенную роль, стал внедряться принцип горизонтального селостроительства, который особенно распространился в советское время. Таким образом, по группировке домов внутри поселения даргинские аулы можно разделить на два вида: вертикальной и горизонтальной зональ-

---

137 Даргинцы. Социально-гигиеническое исследование народностей Дагестана. М.-Л., 1930, стр. 136—137; Полевой материал 1959—1961 гг.

138 Полевой материал 1959, 1960, 1961 гг. Ср. также «Даргинцы», стр. 136—137.

139 П. Ф. Свидерский. К антропологии даргинцев. «Весь Кавказ», № 1, Тифлис, 1903, стр. 11.

140 И. И. Пантюхов. Современные лезгины. «Кавказ», 1901, № 233.

141 Н. И. Кузнецов. В дебрях Дагестана, стр. 132.

142 М. Владыкин. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу, ч. II, стр. 214.

143 Е. Марков. Кавказ в его настоящем и прошлом, стр. XLIII.

144 В. Г. Котович. Отчет о работе 2-го Чиркейского (1 горного) отряда Дагестанской археологической экспедиции ИИЯЛ в Дагестане, л. 64; В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана, лл. 12, 66; ее же. Верхнегунибское поселение. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 94, 108.

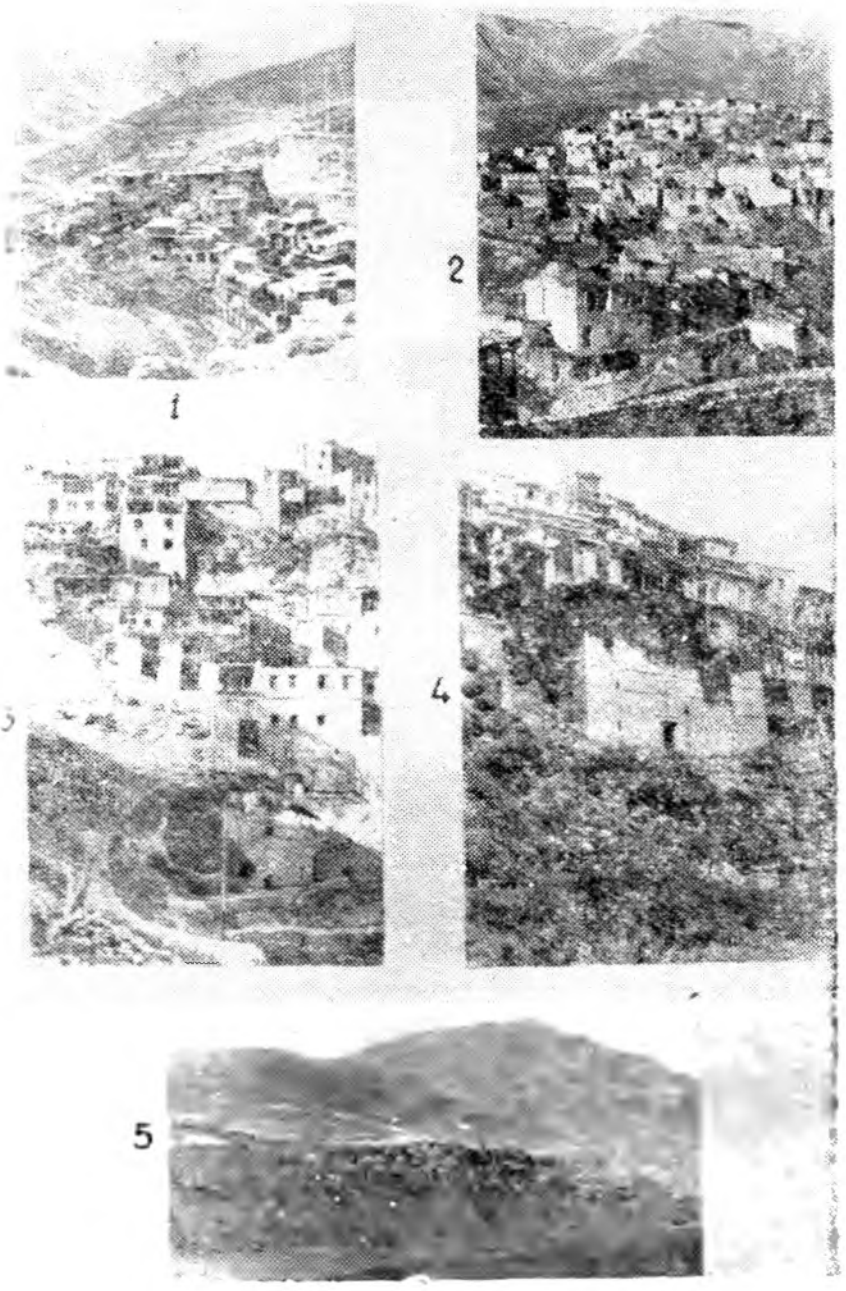
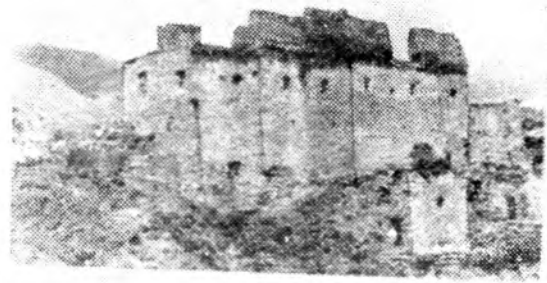

Рис. 1. Горные селения:
1 — с. Сурсбук, 2 — с. Чирах, 3 — с. Кубачи, 4 — с. Кубачи, 5 — с. Худуц.

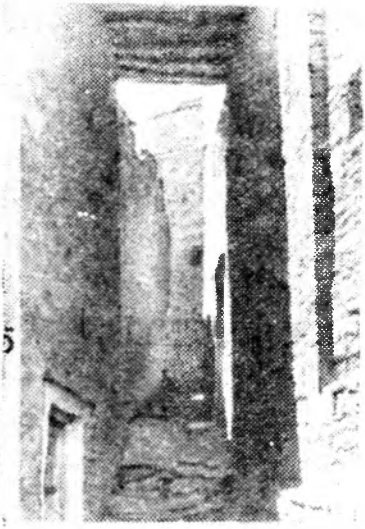
2

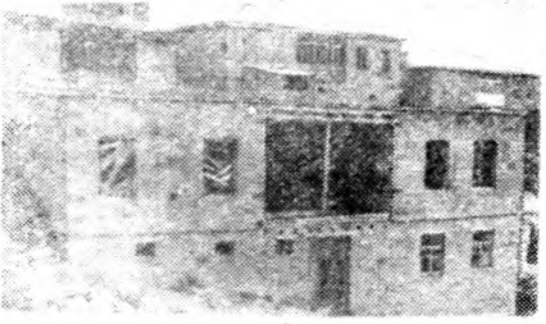
3

4

5

6

Рис. II. Горные селения:
1 — центр с. Чирах, 2 — арочный туннель с каналом с. Ашты, 3, 4 — с. Акуша. Верхний, старый аул (3), нижний, новый (4), 5 — улица в с. Кубачи, 6 — новый квартал в с. Кубачи.

ности. Поселения второго вида возникли только после присоединения к России (единицы) и в советское время, большинство же аулов относится к первому виду. Убедительным доказательством того, что поселения с горизонтальной зональностью не могли возникнуть во времена постоянных военных столкновений, является история Цудахара. Старый Цудахар, расположенный на крутом склоне горы, с налезающими друг на друга домами, был аулом с ярко выраженной вертикальной зональностью. После 1878 года Цудахар, почти полностью разрушенный в ходе восстания, был перенесен по распоряжению царских властей на ровное место, чтобы в будущем он не мог явиться «крепостью, представляющей весьма крепкую оборону»[145], как говорил о дагестанских аулах Ф. Гене.

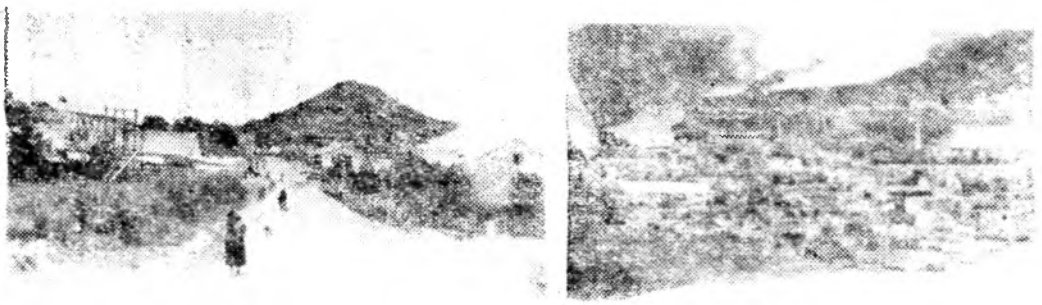

Рис. III. Горные селения:
1 — с. Леваши, 2 — с. Гинта.

Впрочем, надо отметить, что среди поселений первого вида есть много аулов, которые в XX веке и особенно в советское время стали переходить на принцип горизонтальной зональности. Связано это как с изменением политической обстановки, так и с экономическим процветанием, когда колхозники уже не хотят ютиться на скалах и гребнях гор. Поэтому многие даргинские селения сочетают ныне оба принципа зональности. Обычно старая часть аула остается, как и раньше, скученным террасным поселением, а на окраинах его, внизу или наверху, там, где имеются ровные участки, возникают новые кварталы, застраиваемые уже по плану, с широкими озелененными улицами, площадями. Такие аулы с новыми кварталами можно назвать поселениями вертикально-горизонтальной зональности. Это Акуша, Леваши, Губден, Санчи, Мекеги, Танты, Арши, Гапшима, Кубачи, Киша и др.

Следует указать, что новые поселения, возникшие в основном в советское время, отличаются не только горизонтальной зональностью. Здесь мы видим уже и другую группировку домов. Если в старом ауле скученность домов доходила «до такой степени, что между ними вместо улиц остаются узкие и кривые проходы»[146], то новое селение отличается равномерным группированием домов, широкими и прямыми улицами, с зелеными насаждениями и даже парками (например, Сергокала, Гурбуки, Первомайское и др.). В новых селениях мы имеем и нечто вроде топографического центра аула, причем он часто совпадает с его общественным центром (например, в Гурбуки). Новые поселения нельзя назвать и разбросанными поселениями хуторского типа, правильнее всего их будет называть компактными поселениями усадебного типа.

---

[145] Ф. И Г е н е. Сведения о горном Дагестане, стр. 346.
[146] Дагестанская область в 1891 г. КК на 1893 г. Тифлис, 1892, стр. 177.

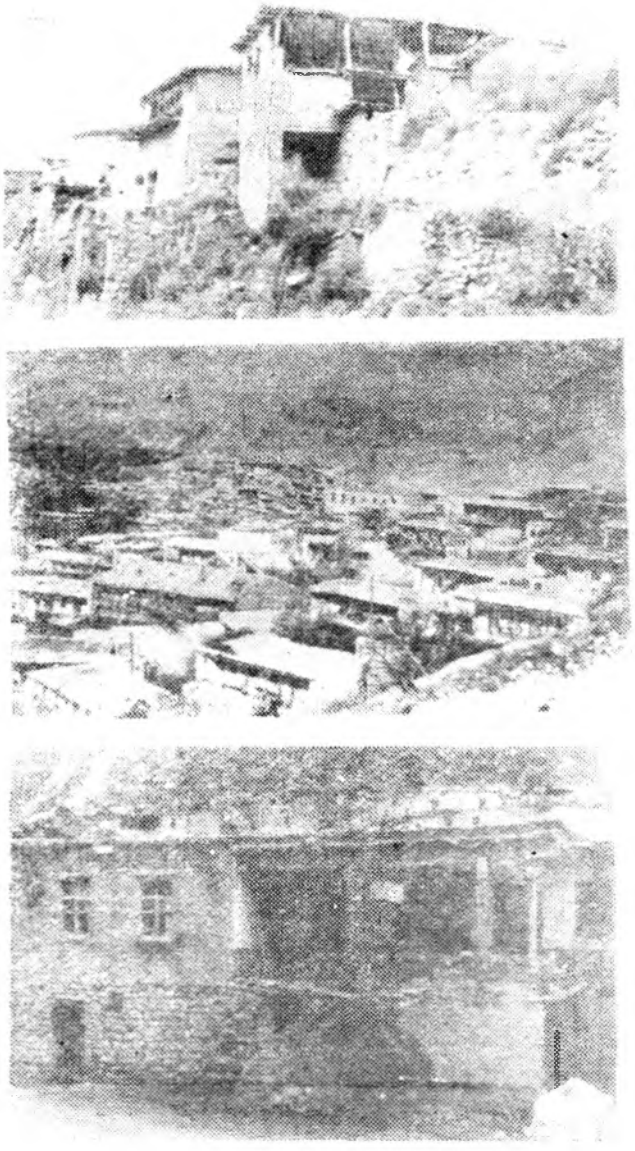

Рис. IV. Горные селения:
1 — Урцеки, 2 — горнодолинное с. Хаджал-Махи, 3 — с. Гапшима.

Тесно связано с группировкой домов санитарное состояние аула. В этом вопросе наблюдатели не единодушны. Мы склонны присоединиться к мнению И. И. Пантюхова, который, отмечая и отрицательные стороны, тем не менее считал, что «устройство поселений и жилищ лезгин вполне целесообразно», что «типы лезгинской сакли и аула выработались рядом многих поколений и вполне приспособлены к данным условиям» [147].

Среди русских авторов было много наблюдателей, которые преувеличивали недостатки в санитарном состоянии аулов Дагестана. Введенный ими в заблуждение И. И. Пантюхов до поездки в Дагестан писал: «Грязь внутри и кучи навоза и домашних отбросов, отсутствие отхожих мест, улиц, площадей, зелени дополняет антисанитарную картину аулов» [148]. Но уже через несколько лет, после того как он побывал в Дагестане, и в частности у даргинцев, И. Пантюхов резко изменил свое мнение — он заявлял, что «грязи и нечистоты на улицах, об которых так распространялись некоторые наблюдатели, мы не наблюдали» [149]. Точно так же говорит о чистоте в ауле Чирах биолог Н. Кузнецов [150]. Однако высокий коэффициент застройки не мог не сказаться на санитарном состоянии аула. Скученность вызывала скопление испарений, так как вентиляция была

[147] И. И. Пантюхов. Современные лезгины. «Кавказ», 1901, № 233.
[148] И. И. Пантюхов. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис, 1896, стр. 106.
[149] И. И. Пантюхов. Современные лезгины. «Кавказ», 1901, № 233.
[150] Н. И. Кузнецов. Указ. соч., стр. 132.

очень плохая. Отрицательно сказывалось на состоянии атмосферы аула и отсутствие зеленых насаждений, которые имелись только в предгорье и в горно-долинной зоне.

Все это увеличивало заболеваемость в аулах, повышало смертность, особенно детскую, а появление какой-либо эпидемии в этих условиях представляло собой чуть ли не катастрофу. И. Пантюхов писал: «целесообразное в климатическом и хозяйственном отношении устройство аулов и жилищ очень опасно в случаях появления инфекционных заболеваний»[151]. Дело ухудшалось тем, что специальной уборки улиц дореволюционный аул, за редкими исключениями, не знал, весь навоз оставался во дворе для выноса на поле, причем делались специальные стоки для жижи прямо на улицу, а в некоторых селениях места хранения навоза представляли собой открытые с улицы ниши с люком для выбрасывания навоза из хлева (например, в Урахи). Если сравнить загрязненность по зонам, то наименьшая загрязненность была в цудахарских аулах, так как здесь было меньше скота, больше солнца и не было улиц-туннелей; далее идет предгорье, наибольшая же загрязненность наблюдается в горных аулах, где много крупного рогатого скота и наблюдается сильная скученность поселения с его улицами-туннелями, на которых никогда не бывает солнца и не просыхает грязь.

Антисанитария даргинского аула смягчалась некоторыми обстоятельствами: во-первых, в горных и горно-долинных безлесных аулах навоз на улицах регулярно собирался для приготовления кизяка; во-вторых, естественным дворником для горных аулов, расположенных на крутых склонах, служили дождевые потоки во время ливней, которые смывали с улиц аула всю грязь и отбросы.

В наше время санитарное состояние аулов коренным образом изменилось. Разрежение аулов, выход застройщиков на свободные окраины, озеленение, создание специализированных подсобных помещений, вынесение за пределы аула колхозных построек для скота и хранения продуктов, постоянный санитарный надзор, повышение общей культуры населения — все это не могло не улучшить санитарное состояние аула.

Что касается общественной группировки даргинского аула, то он делится обычно на кварталы. Вопрос о квартальном делении даргинских и вообще дагестанских селений, и особенно о совпадении кварталов с родовыми группами, тухумами, очень неясен и запутан. В дореволюционной историографии, для которой вообще характерна архаизация общественных отношений в Дагестане, было принято считать, что кварталы в аулах являются местом проживания отдельных тухумов и что, следовательно, разделение селения на кварталы соответствует разделению на тухумы[152]. В ходе полевых исследований мы на примере многих селений пытались выяснить этот вопрос. Мы очень редко встречали селения, где тухумы проживали по отдельным кварталам, или где хотя бы сохранилась память о таком потухумном расселении внутри аула. Из обследованных нами селений только в Джирбачи, Бутри, Цудахаре и Гулли мы нашли следы поквартального расселения тухумов.

В Джирбачи старики помнят о потухумном расселении, когда каждый тухум имел в ауле свой участок для строительства, причем и угодья аула также разделялись по тухумам и между участками пашни, например, имелись межи из нераспаханных полос. Тухумы имели следующие

---

[151] И. И. Пантюхов. Современные лезгины. «Кавказ», 1901, № 233.

[152] Так, например, М. Ковалевский, правильно отметив, что в XIX в. дагестанский аул не является родовым, и что налицо уже слободское и хуторское поселение, тем не менее считал, что соседская сельская община состоит из нескольких тухумов, которые, занимая каждый свой квартал, составляли территориально-соседское селение, т. е. то, что уже находилось в XIX веке в состоянии разложения, было пережиточным. «Закон и обычай на Кавказе». М.,—1890, ч. II, стр. 158—160.

названия: «Мардаки», «Бачатай», «Къамати», «Мамадай», «Уцмала Хасан», «Къалайти», «Чунтухъи»[153].

В селении Бутри было четыре тухумных квартала (къат), названия которых забыты (кроме одного). И здесь у каждого квартала были свои сенокосы, угодья, причем переход их от одного квартала к другому не допускался. Поэтому уменьшение числа членов одного квартала приводило к увеличению пая в сене и пр. у оставшихся членов тухума, так как если даже в тухуме оставался только один человек, все угодья тухума сосредотачивались у него[154].

В селении Гулли утверждают, что у них не было поквартального деления, но было деление на жинсы (тухумы), а каждый из них занимал в ауле свой отдельный участок[155].

В старом Цудахаре имелось четыре квартала (кьат), и каждый из них заселяла одна родовая группа (жинс). Название квартала происходило от человека, основавшего его, или наиболее прославившего свой род: «Хусенна та» (жинс), «Самурла та», «Нуриловла та», «Зурила Махамадла та». И здесь у каждого тухума (квартала) были свои отдельные угодья, правда, основные из них (пашни, сады) уже давно стали частной собственностью[156].

Этими примерами ограничивается число селений, сохранивших квартально-тухумное деление, причем их даже нельзя признать достаточно убедительными примерами такого деления, ибо в них встречаются противоречащие тухумному делению факты, как например, частная собственность на сенокосные и прочие угодья, что свидетельствует о далеко зашедшем разложении родового строя.

Гораздо многочисленнее примеры селений, не сохранивших квартально-тухумного деления, но делящихся на кварталы, не связанные с родовой принадлежностью их жителей. Так, например, в старом Усиша было 9 кварталов (кьукья), причем никакого отношения к тухумам они не имели и по уверениям старожилов созданы были для удобства при различных разделах, переделах, работах. Это кварталы — «Къарагул», «Шарликунт», «Абаргул», «Къаттикунт», «Бугъалагул», «Къачул», «Руткьукья», «Хьаршикунт», «Илашакунт». Многие из этих кварталов имеют территориальное, топографическое название — «Къаттикунт» («Жители ущелья», «Хьаршикунт» («Нижнее»), «Къарагул» («Верхний квартал»), «Илашкаунт» («Задние») и др. Никакой тухумной собственности здесь нет, все общественные сенокосные угодья считались собственностью всех девяти кварталов и подлежали переделу каждый год, причем делились они по жребию по кварталам, а затем внутри кварталов делились на участки[157].

Аналогичная картина имелась в селении Гапшима, которое делилось на три соседских квартала. Каждый квартал получал свою долю общественных угодий по очереди: угодья были разделены на три пая, которые ежегодно менялись. Общественная пашня по кварталам не распределялась, а делилась между всеми членами общества поровну по жребию, что доказывает соседское происхождение кварталов. Но с другой стороны тот факт, что размеры угодий для каждого квартала независимо от числа членов в каждом из них были неизменны, показывает, что территориальное расселение сочеталось раньше с родовым. Совпадение тухумов с кварталами старожилами отрицается, все три квартала носят территориальные названия — «Чебях кьат» («Верхний

---

[153] Полевой материал 1960 г. Инф. А. Салихов.
[154] Полевой материал 1961 г. Инф. Н. Закарьяев.
[155] Полевой материал 1961 г. Инф. М. Казиханов, 80 лет.
[156] Полевой материал 1961 г. Инф. Муртузалиев.
[157] Полевой материал 1961 г. Инф. Г. Асхабов, 90 лет.

квартал»), «Убях кьат» (Нижний квартал») «Арус кьат» («Обращенный к России», т. е. «Северный квартал»)[158].

Территориальные названия носят кварталы и в других даргинских селениях. Например, в большом старом ауле Мекеги имелось двенадцать кварталов, также не имеющих отношения к тухумному делению. Это — «Къапула Элала» («Находящийся за воротами»), «Къапула бухнала» («Находящийся внутри ворот»), «Энжукъла къада» («Земляное ущелье»), «Шурмела» («Скальный»), «Девла Ургила» («Стрелоустые», т. е. Остроумные), «Шарала хъяб» («Озерная вершина»), «Къала» («Укрепление»), «Жангала къадала» («Солончаковое ущелье»), «Дургмела хъяб» («Вершина токов»), «Мулебкила кьяли» («Мулебкинская ветвь»), «Гажавевла кьят», («Кричащей самки квартал»), «Джабраилла кьат» («Квартал Джабраила»). Таким образом, только два из двенадцати кварталов имеют какой-то намек на тухумное происхождение– «Квартал Джабраила» и «Мулебкинский», основанный, видимо, выходцами из соседнего Мулебки[159].

В нижнекайтагском селении Чумлы имеется 4 квартала территориального происхождения: «Вяхъни», «Хъарша» («Верхний квартал»), «Хьарша» («Нижний») и «Эла кьят» («Задний квартал»)[160]. Из четырех частей состоит также и Акуша: «Хъарша» («Верхний квартал»), «Хъарша» («Нижний»), «Дайша» («Средний») и «Пандша»[161].

В Хаджалмахи, которое является сравнительно молодым селением (300—350 лет) насчитывается шесть кварталов и все они имеют территориальные названия: «Хьарша» («Нижнее селение»), «Хъарша» («Верхнее селение»), «Уркакьат» («Средний квартал»), «Мяхла», «Элакьат» («Задний квартал»), «Къала» («Крепость»). Это деление не совпадает с тухумным делением, так как тухумы — «Эбне», «Бяхъне», «Чимчне», «Вартинте» расселены по всем кварталам, но все же известное группирование тухумов замечается[162].

Все приведенные примеры свидетельствуют о том, что большинство даргинских селений образовалось по территориально-квартальному принципу, но есть основание предполагать, что часть селений сохранила в квартальном делении черты родового деления, что каждый квартал составлял в средневековье место жительства одного родового коллектива. По-видимому, некоторые селения на втором этапе селостроительства, когда селения образовались по территориальному принципу создавались из родовых коллективов, которые еще сохраняли какое-то единство и селились отдельно. В дальнейшем, даже после разложения рода, это деление могло сохраниться как традиция, как память о былом потухумном образовании кварталов.

Естественно, что такая традиция имела место не во всех аулах, а лишь в тех, где этому способствовали определенные условия (многочисленность родовых коллективов, незначительный приток населения со стороны после основания селения, некоторая оторванность селения, малая затронутость нашествиями и т. д.).

Обращает на себя внимание тот факт, что почти во всех селениях число кварталов четное, а в большинстве из них оно равно четырем. Это тоже является предположительным доказательством того, что первоначально при образовании селения соблюдались принципы дуально-

---

158 Полевой материал 1961 г. Инф. О. Алиев, 80 лет.

159 Полевой материал 1961 г. Инф. И. Курбанбагандов, 98 лет; М. Чанкуров, 70 лет.

160 Полевой материал 1961 г. Инф. А. Мутуков.

161 Полевой материал 1961 г. Инф. М. Алиев, 60 лет. Ср. также В. Вильер де Лиль Адам. Две недели в Даргинском округе. ССКГ, VIII, Тифлис, 1875, стр. 18.

162 Полевой материал 1959 г., инф. М. Дибиралиев, 55 лет.

родовых поселений, в которых каждый тухум селился вместе со своим бывшим соседом, состоявшим с ним в дуально-родовых связях[163].

Разумеется, не обязательно было одновременное заселение и не обязательно с бывшим соседом по родовым поселкам, важен сам принцип первоначального образования территориальных поселений — территориальный, но пока еще с большим пережитком родовых отношений. С такой точки зрения становится понятной и повсеместно наблюдающаяся традиция приписывать основание селения одному человеку — Микхану (Мекеги), женщине Ус (Усиша), Хожа (Хаджалмахи), Акушу (Акуша)[164]. Такое селение мог основать наиболее предприимчивый, изгнанный или бежавший представитель какого-либо тухума, вокруг которого начинали группироваться другие представители этого тухума и жены, а также других тухумов, образуя территориально-родовое поселение, превращавшееся с развитием производительных сил в чисто территориальное.

В пользу данного предположения говорит и принцип расположения в таких аулах домов рабов (лагов). Первоначально, когда еще были сильны родовые традиции, совместное проживание с лагами не допускалось даже в территориальном селении. Поэтому для лагов отводили отдельный участок, где все они и должны были селиться. Как правило, им отводился наиболее неудобный участок, находящийся в стороне от селения, не на южном, а на других склонах. Так как другие склоны бывали как бы в стороне, сзади южного, где располагалось селение, то очень часто лагский квартал носил название «Эла къат», т. е. «Задний квартал». Например, в Цудахаре был склон, специально отведенный для лагского квартала, так называемый «Цили тар», а в Хаджалмахи лагские дома сосредотачивались в квартале «Эла къат»[165].

Такого же типа названия в прошлом имели «Илаща» («Заднее селение») в Усиша, «Къапула элала» («Заворотный») в Мекеги, «Эла кьат» в Чумлы и др. Характерно, что в поселениях третьего этапа, т. е. образовавшихся сравнительно недавно в результате окончательного разложения родовых коллективов и развития производительных сил («маши»), лагские кварталы уже не выделяются; во всяком случае выделить их уже трудно. (Например, в отселках Губдена, Мекеги, Цудахара, Урахи и др.).

Отдельное расселение лагов подтверждается еще и тем, что во многих селениях еще можно найти следы их отделения и в других отношениях. Например, в том же Цудахаре имелось специальное, отведенное для лагов урочище Абучай, где общество выделяло участок земли для освобожденного лага.

В целом следует считать установленным, что даргинское селение XIX—XX вв. имеет территориально-квартальное деление, причем в советское время его можно даже назвать территориально-производственным (по бригадам) квартальным делением. С топографической точки зрения старые селения — скученные, террасообразные, а новые — усадебные селения компактной группировки.

4. ФОРМА ПОСЕЛЕНИЙ.

Даргинские поселения в большинстве своем это скученные, террасообразные поселения с вертикальной зональностью. Тем не менее можно заметить некоторые особенности, которые позволяют говорить

---

[163] Ср. об этом М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961, стр. 35—36.

[164] Полевой материал 1961 г. Инф. М. Курбагандов, Г. Асхабов, М. Дибиралиев, М. Закарьяев.

[165] Полевой материал 1959 года. Инф. Муртузалиев К., Пакаев А.

о различных формах. В зональном плане можно различать нижнее предгорье с плоскостью и верхнее предгорье с нагорной частью.

Для первой зоны характерны более разреженное заселение, отсутствие террас из домов (каждый дом имеет свой двор), пологость склона, иногда горизонтальная зональность, большее тяготение к речкам. Плоскостное селение, возникшее в советское время, учитывает удобства населения с хозяйственно-бытовой точки зрения и является поселением, созданным по предварительному плану с учетом современных требований — прямые, широкие улицы, правильное водоснабжение, освещение, зеленые насаждения и пр.

Горное поселение характеризуется скученностью, вертикальной зональностью, террасообразным расселением, крутостью склона, тяготением к скальным склонам и гребням гор, некоторой отдаленностью от речек.

Говорить о планировке даргинского аула затруднительно, так как планировки, как таковой, не было и аул скорее можно назвать непланированным поселением. Однако известные принципы при селообразовании здесь соблюдались.

Прежде всего следует отметить, что даргинский аул не имеет внутри больших площадей. Особенно это относится к аулам, образовавшимся в период разложения родового строя, когда уже была частная собственность на земляные участки. В селениях, относящихся к более раннему времени, к периоду коллективной, родовой собственности, отводилось место как для годекана, так и для игрищ. Однако наиболее распространенной является площадь, расположенная на краю селения, в верхней или нижней его части, в зависимости от расположения дорог и близлежащих селений. Если в селении имеется базар, то он располагается чаще всего именно на этой площади, хотя не исключено и то, что он может находиться вместе с площадью в центре селения. Это во многом зависит от того, какая дорога проходит мимо селения или через него, от значения этой дороги. В части селений, расположенных на крутых склонах и гребнях гор, магистральная дорога чаще всего проходит по краю селения, так как ни рельеф, ни топография самого поселения не дают возможности провести дорогу через селение.

Немаловажную роль играло и то обстоятельство, что в неспокойные времена аул предпочитал не иметь дороги, идущей через селение и не оставлял для нее места. Таковы селения Акуша, Урахи, Кубачи, Харбук, Цугни, Танты, Арши, Бутри и другие. В этих случаях базар располагался на краю селения на самой дороге, у развилки, как это было, например, в Кубачи, Акуша, Урахи и др. Но есть и такие аулы, через центр которых проходит магистральная дорога. Таковы, например, аулы Губден, Гапшима, Хаджалмахи, Цудахар, Киша, Мекеги, Куппа и др. В этом случае площадь аула, базар, годекан, водоразборная будка тяготеют к дороге. Но дома на этой дороге обычно обращены к улице своими глухими стенами, а дворами и верандами внутрь; такое положение может изменить только стремление строиться фасадом к солнцу (югу). Остальные улицы аула отходят от главной, как ветви от ствола дерева, правда, под большим углом. Прямых улиц, которые образовывали бы правильные фигуры, не бывает, так как проведение улиц регулировалось такими факторами как рельеф, топография селения, тухумные связи и пр. В селениях, расположенных амфитеатром на крутых горных склонах, две улицы, идущие по краям аула, как бы являются радиусами, идущими или от вершины аула, или от его подножья (в зависимости от особенностей и формы склона) и заключающими аул в рамку, а между ними в меридиональном направлении идут другие улицы, отрезки — окружностей, где-нибудь в центре пересекая еще один-два радиуса, и образуя отдельные, самых различных форм сег-

менты — кварталы. Длина кварталов бывает самая различная, от нескольких метров до двухсот, наиболее частая — от двадцати до пятидесяти[166].

Часто главная, магистральная улица запиралась воротами, и здесь ставились сторожевые башни. Это наблюдалось еще в XIX веке. Так, например, Ф. Гене писал, что «обыкновенно имеют в селениях только два выхода, стараясь для сего избрать самые крепкие от природы места, кои нередко обороняются башнями или стенами»[167]. Память о таких воротах, а иногда и следы их, сохранились и поныне. Например, место таких ворот, через которые входили в крепость, имеется в Мекеги, Урахи, Гапшима, Хаджалмахи и других аулах. Так, селение Гапшима было расположено в теснине, которую очень легко было запереть. По рассказам старожилов аул имел крепкие стены и ворота с обеих сторон. Вечером, когда стадо возвращалось в селение, ворота запирались и у них ставились караульные. У северного выхода из селения, на скалах была крепость с высокой наблюдательной башней.

В случаях, когда селение занимало несколько склонов, располагаясь амфитеатром, более или менее широкие улицы образовывались у подошв склонов и на их границах. Объясняется это тем, что у подножий и на границах склонов легче было оставлять улицу, а кроме того, такие места служили руслом для дождевых потоков, и строиться здесь не любили. Это имело положительное значение, так как подобные улицы сильно не суживали и они служили своеобразными канализационными отводами, поскольку другие улицы, вернее, переулки, проулки, в большинстве своем выходили к ним. Вся эта система улиц, проулков, тупиков, кварталов и т. д. носила очень запутанный характер и приезжему ориентироваться в ауле было очень трудно. В 1914 году В. Аедоницкий, побывавший в Хаджалмахи писал о нем: «аул с плоскокрышими саклями, наполовину врытыми в скалу, узкими крутыми улочками, проходами, неожиданными тупиками, где нужно переваливать через крыши или двор, так что пройти в намеченное место без посторонней помощи совершенно невозможно»[168].

Следует также сказать о расположении кладбища. В кавказоведческой литературе часто говорилось о том, что у народов Кавказа кладбище находилось в центре селения[169]. Участница экспедиции 1927 года в Даргинский округ Ю. В. Вадковская также утверждает, что «кладбища во многих случаях были расположены в черте самого населенного пункта, занимая большую площадь близко к центру селений»[170]. Это явное недоразумение. В даргинских аулах кладбище всегда располагалось на краю аула, у подножия горы, где лежит селение, или на соседнем холме, или горе, но никак не внутри селения. Это и понятно — земля в черте аула ценилась слишком высоко и составляла вначале тухумную, а затем частную собственность. Единственным свободным участком, который оставался в центре селения, был участок для сельских сборов, впоследствии часто занимаемый мечетью. В условиях такой тесноты и скученности, когда все стремились строиться в черте аула, создание кладбища внутри аула было практически нецелесообразно, не говоря уже о такой стороне дела, как страх перед душами умерших. Мы не знаем ни одного даргинского селения, где кладбище находилось бы внутри аула и тем более в центре его. В самых старых селениях, которые насчитывают сотни лет своего существования, клад-

---

166 Ср. «Даргинцы», стр. 132.

167 Ф. И. Гене. Сведения о горном Дагестане, стр. 346.

168 В. А. Аедоницкий. Из поездки в Дагестан летом 1914 г., стр. 1.

169 См. например, Б. Е. Деген-Ковалевский. Сванское селение как исторический источник, СЭ, 1936, № 4—5, стр. 41.

170 «Даргинцы», стр. 140.

бища расположены на окраинах. Правда, в некоторых случаях встречаются кладбища, расположенные в черте селения, даже близко к его центру (например, Леваши, Хаджалмахи, Урари, Акуша и другие), но дело в том, что это такие селения, которые сильно разрослись после своего основания и рост которых мог идти только в сторону кладбища. Тогда, естественно, при существующем почитании памяти умерших, кладбище оставлялось нетронутым и оно оказывалось, поэтому, как бы в середине аула. Например, селение Леваши было расположено на крутом склоне горы. Кладбище было у основания горы и селения, в самом низу. Когда селение стало разрастаться, то для расширения его оставалось место только впереди по склону, ибо сзади был обрывистый северный склон. Разрастаясь, аул как бы дошел до кладбища, потом обошел его, расширился по бокам и охватил кладбище. В Хаджалмахи тоже кладбище вначале было на окраине селения, потом, разрастаясь, аул охватил кладбище с трех сторон. Но даже в этих селениях при первом же взгляде становится ясно, что кладбище было вначале на краю селения, а потом оказалось внутри в результате разрастания его. Этот охват кладбища во многих случаях становился неизбежным в силу того, что кладбище издавна располагали на солнечной стороне и селение в своем росте по южному склону как бы догоняло и перегоняло кладбище.

Надо полагать, что расположение кладбища на солнечной стороне имеет еще доисламские корни и является еще одним отголоском существовавшего здесь культа солнца. В этом плане большой интерес представляет средневековое поселение близ Хаджалмахи — Берла мик[171]. Возможны два варианта истолкования этого названия «Лучина солнца» и «Солнечный дуб». Но дуб в этих краях неизвестен и не имеет оригинального названия, а слово «мик» означает не дуб, а лучину, дуб же, получил название «диркьала мик», т. е. «плоскостная лучина» (это связано, видимо, с тем, что в предгорье, где не было сосны, делали лучину из дуба). Поэтому есть все основания предполагать, что «Берла мик» означает в переводе «Лучина солнца», и что, следовательно, в этом поселении имелся, наверное, какой-то жертвенный огонь, или были какие-то светильники, посвященные солнцу. Этой цели отвечает и местоположение поселения — на солнечной стороне склона у небольшой речки, впадающей в Казикумухское Койсу, на стыке дорог, ведущих в Казикумух, Акушу, Аварию[172].

Что касается другого культового места, где поклонялись деревьям, то оно было расположено, как правило, вне поселения, на возвышенном месте, чаще всего на холме, открытом со всех сторон, у группы огромных дубов или же у одного дуба. Поклонение деревьям в Дагестане зафиксировано и в письменных источниках. Так, автор X века М. Каганкатваци рассказывает, что в Варачане епископ Израиль во время своей миссии, «приказал срубить старейшину и так сказать, мать высоких дерев, которое почитали «жизнеподателем и дарователем всех благ», причем поклонялись именно густолиственным дубам[173]. Аналогичное свидетельство мы находим у арабского историка X века Ибн-Рустэ, который говорит о городе, в котором «находится громадное дерево, не приносящее никаких плодов, собираются к нему жители города

---

171 Археологическую характеристику поселения см. В. Г. Котович. Отчет о работе 2-го Чиркейского (1-го горного) отряда Дагестанской археологической экспедиции ИИЯЛ в Дагестане, лл. 37—45.

172 Еще в начале века на этом поселении «находили посуду, бусы, браслеты», и что особенно интересно, «точеные круглые кремневые камни», «металлические фигурки людей и т. п.». Е. И. Козубский. Дагестанский сборник. Вып. I, Темир-Хан-Шура, 1902, 158.

173 М. Каганкатваци. История агван, стр. 200.

каждую среду, вешают на него разного рода плоды, поклоняются ему и приносят жертвы»[174]. Этот город В. Минорский довольно убедительно отождествляет с даргинским селением Дигбаша[175]. В селениях Кайтага и доныне можно встретить огромные дубы, у которых еще в XIX веке и даже теперь верующие мусульмане устраивали сходки, приносили жертвы, вешали на ветви продукты, лоскутья и пр. и ни в коем случае не сжигали с такого дерева ни одной веточки. Это характерный пример объединения домусульманских и мусульманских верований. Такие культовые дубы мы видели в селениях Джирбачи и Карацан.

В наше время планировка даргинских селений существенно изменилась, однако, в старых селениях она не могла измениться коренным образом, ибо они сохраняли свою конфигурацию, разве только становились несколько просторнее. Планировка изменяется только в селениях, которые имеют разросшиеся окраины, и названы нами поселениями вертикально-горизонтальной зональности. Окраины эти обычно строятся по строго разработанному плану и имеют вполне современный вид со своими прямыми, широкими улицами, просторными усадьбами, с новыми крупными зданиями школы, больницы, клуба, административных учреждений. Несмотря на то, что это окраины, общественный центр аула перемещается сюда и даже замечается постепенное переселение жителей из старого аула в новый. Отличительной чертой новых аулов является также обязательная планировка зеленых насаждений и даже устройство парков. Таковы окраины аулов Санчи, Уркарах, Кубачи, Акуша, Хаджалмахи, Леваши, Губден и других.

Совершенно иную картину представляют поселения нового типа, образовавшиеся в советское время на плоскости. Эти селения отличаются тем, что застраиваются с самого начала по плану, имеют широкие прямые улицы (даже с названиями), много зеленых насаждений, парки, красивые современные дома. Планировка таких селений обычно уличная, причем, поскольку они расположены в нижнем предгорье или на плоскости, солнечная ориентация не всегда соблюдается. Улицы идут от центра селения, где расположены административные здания, клуб, парк и пр., в основном в радиальных направлениях или же в меридиональных, с запада на восток. Во всех случаях у домов одного ряда фасады обращены на улицу, другого — во двор, т. е. дома на всех улицах обращены в одну сторону.

Ярким примером такого селения является Гурбуки. В центре его расположены здания правления колхоза и сельского клуба с парком вокруг. Отсюда радиусами расходятся улицы, обсаженные деревьями; часть улиц находится на холме. Разрастаясь к окраинам, селение как бы отказывается от радиальных улиц и переходит к меридиональным улицам в несколько рядов, поэтому план селения несколько напоминает форму буквы «Ж».

На холме на краю селения находятся школа, дом учителя и крупнейшая в Дагестане сельская больница, построенные колхозом.

На противоположной окраине расположены обширный гараж и механизированные МТФ, на двух других окраинах — птицеферма и механические мастерские. Селение имеет электрическое освещение, свой кинотеатр, магазин, буфет, электромельницу, лесопилку, кирпичный завод. Местный колхоз — один из крупнейших и самых передовых в Дагестане.

---

[174] Н. А. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении, Азербайджане; Ибн-Рустэ. Книга драгоценных камней. СМОМПК, XXXII, Тифлис, 1903, стр. 49.

[175] V. Minorsky. A history of Sharvan and Darband, p. 102.

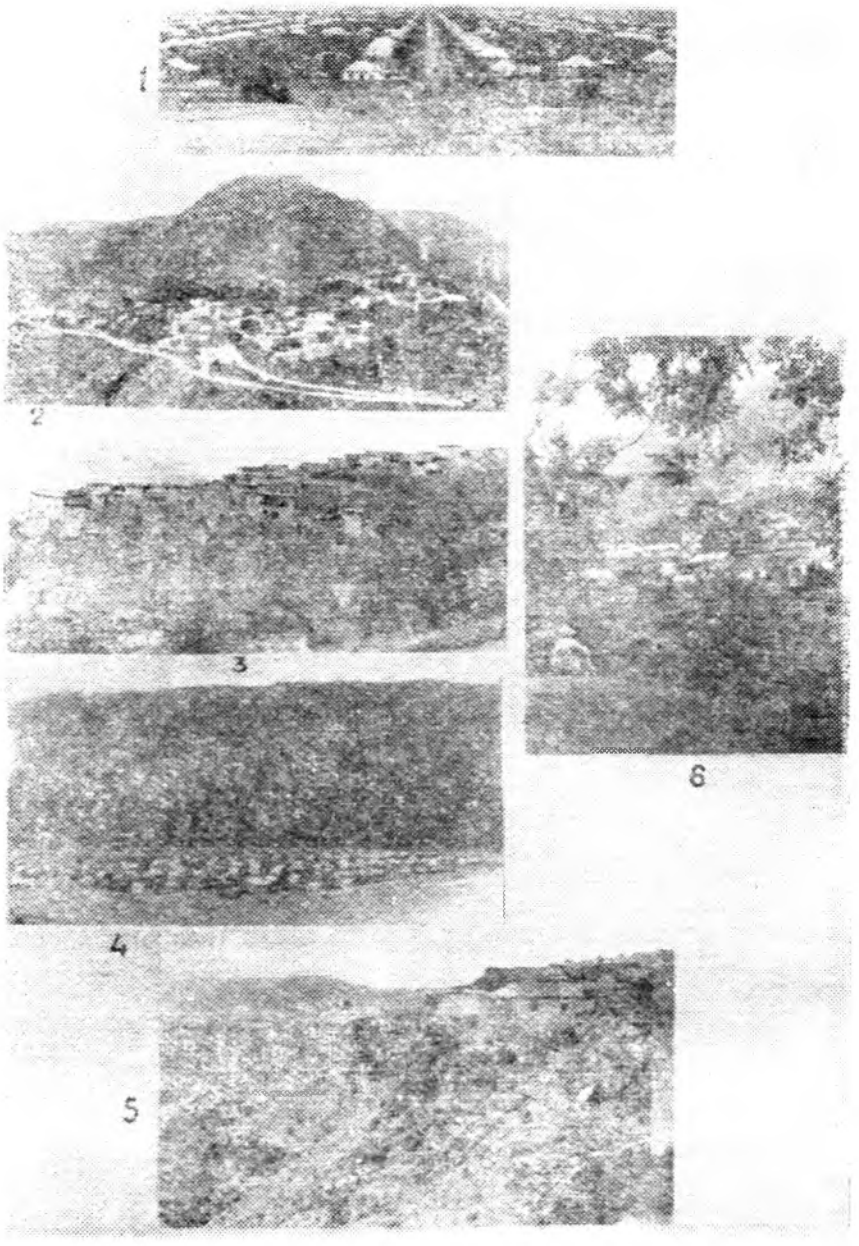

Рис. V. II. [illegible] и предгорные селения:

1 — переселенческое с. Первомайское, 2 — с. Сарсикак, 3 — с. Адага в верхнем предгорье, 4 — квартал переселенцев-даргинцев в с. Маджалис, 5 — с. Кадар в верхнем предгорье, 6 — нижнепредгорное с. Санчи.

Из всего сказанного следует, что для даргинских поселений были наиболее характерными скученность и террасообразность, а в планировке беспланость, с некоторыми, правда, традициями определенного порядка. В советское время эти черты как бы сглаживаются, а во вновь основанных поселениях мы видим и план и систему, и порядок, и благоустройство.

5. О НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХ ЧЕРТАХ ПОСЕЛЕНИЙ НАРОДОВ КАВКАЗА.

Поселения народов Кавказа, бок о бок прошедших многовековой исторический путь, имеют как общие, так и специфические черты, объясняющиеся особенностями исторического развития каждого народа и спецификой природно-географических условий. Фактор этнической или национальной принадлежности отступает, в данном случае на задний план, ибо как уже указывалось, «этнографическая дробность не столь велика как языковая»[176], особенно если речь идет об этнических группах внутри данного народа. Ввиду этого в кавказской этнографической литературе поселения классифицируются по природно-географическим зонам, а не по этническим группам. Наиболее распространенная классификация—это разделение всех поселений на три формы в соответствии с тремя природно-географическими зонами: горы, предгорье, равнина[177].

Такое разделение можно сделать и в отношении даргинцев, правда, с некоторыми оговорками. Так, у даргинцев до революции не было поселений на равнине. Место равнинных поселений могут занять у даргинцев поселения нижнего предгорья. Поселения же верхнего предгорья во многом сходны с поселениями горцев.

Рассмотрим эти вопросы на конкретном материале. Прежде всего нужно отметить, что наиболее резко отличающейся стороной поселений является их социально-экономическая природа.

В этом смысле поселения народов Кавказа дают образцы всех поселений от поселений свободных общинников с зачаточными формами зависимости до поселений крепостных крестьян классических феодальных государств.

В отношении формы и планировки поселений, их топографии материалов сравнительно много. Возьмем равнинные поселения. Здесь мы найдем, прежде всего, различия в отношении типологии, так как даргинское равнинное поселение, возникшее уже в советское время и представляющее собой советское колхозное селение, коренным образом отличается от поселений, например, чеченцев, кумыков или грузин, т. е. поселений, имевших вековую историю и видевших гнет, войны и разорение.

Форма равнинных дагестанских поселений отличается от них коренным образом. Для поселений Западной Грузии, равнинной Осетии, Чечни и Ингушетии, для адыгейских, абхазских и других поселений характерен усадебно-хуторской тип расселения, когда в поселении каждое хозяйство образует отдельно расположенную усадьбу — хутор, или же хутор из нескольких усадеб. Такие поселения очень разбросаны, тянутся на 10—15 км и иногда бывает трудно определить границу между двумя соседними селениями. Какое бы из этих поселений мы не взяли, каждое из них «представляет собою скорее систему хуторов, стоящих посреди своих участков», и тянущихся «на всю длину своих земель»[178].

Даргинские же равнинные поселения, хотя и не похожи на скученные поселения горцев, все-таки являются поселениями компактного ти-

---

176 Е. М. Шиллинг. Дагестанская экспедиция 1946 г. КСИЭ, IV, М., 1948, стр. 33.

177 Ср. например, Г. С. Читая. Грузинский этнографический атлас. Тезисы докладов на научной сессии, посвященной вопросам грузинского этнографического атласа. АН Груз. ССР, Тбилиси, 1960, стр. 17.

178 Б. Е. Деген-Ковалевский. Указ. соч., стр. 27—28. Об этом же ср. С. А. Токарев. Этнография народов СССР, М., 1957, стр. 243 (чеченцы и ингуши), стр. 249 (адыгейцы), стр. 276 (грузины); Н. В. Гильченко. Материалы по антропологии Кавказа. I. Осетины, СПб., 1890, стр. 43 (осетины) и др.

на, уличной формы, с небольшими приусадебными участками. Основная масса земли находится как и в горных аулах, за чертой селения, а при усадьбе имеются только небольшие клочки. Нам думается, что в этом сыграли свою роль два обстоятельства. Во-первых, равнинные даргинцы, не имеющие традиций обитания на равнине, заимствовали при ее заселении форму своих горных поселений, во-вторых равнинные поселения даргинцев возникли уже в советские годы во времена сельскохозяйственных машин, когда большие участки под усадьбами и растянутость аула означает крайне непроизводительный расход земли, ибо на приусадебных землях трудно применять современную агротехнику и машины и поэтому лучше создавать небольшие усадьбы, а землю иметь в форме крупных массивов.

В предгорье у вышеуказанных народов картина поселения примерно такая же. Часто у них между этими обеими зонами даже не проводится резкая граница, так как равнина со своими холмами совсем незаметно переходит в предгорье.

У даргинцев и вообще в Дагестане эта граница гораздо резче и определеннее. Даргинский аул предгорья — это то же скученное, террасообразное поселение, но эта скученность здесь выражена слабее, отдельные усадьбы просторнее, дворы больше и вертикальная зональность нередко сочетается с горизонтальной. В нижнем предгорье все это еще более заметно. Исключение составляют селения предгорья, выросшие в советское время; они подобны равнинным поселениям даргинцев и вообще дагестанцев. Сходную картину мы наблюдаем и у аварцев, где поселения предгорья (Салатавии) имеют такую же форму и группировку, как и даргинские. Значительно отличаются от них предгорные поселения лезгин, которые возникли сравнительно поздно (конец XIX—начало XX века). Своей группировкой и формой, «отсутствием тесноты и скученности, характерной для горных аулов», «широкими прямыми» улицами, домами, окруженными садами и расположенными на некотором расстоянии друг от друга»[179] они напоминают поселения даргинцев и аварцев на плоскости и отчасти в нижнем предгорье.

В горных поселениях мы находим больше сходства. У многих кавказских народов горные селения расположены в неприступных местах, на крутых склонах и представляют собой «скопища саклей»[180]. Знаменательно, что эталоном таких поселений наблюдатели выбирают как правило, дагестанский горный аул, в котором наиболее ярко и типично выражены эти черты. В самом Дагестане у всех народностей горные аулы почти не различаются, разве только у аварцев наравне с компактным, большеаульным расселением встречается хуторское расселение. Это могло быть вызвано как задержкой образования территориальных поселений из родовых поселков, так и образованием отселков крупных селений.

В горных поселениях соседей Дагестана мы находим те же два вида селений. В самом деле, как у горной Осетии, скученные села восточной Грузии и западной Армении, поселения пшавов, хевсуров, тушинов, мтиулов и др. представляют собой горные селения компактного скученного типа и «напоминают дагестанские горные аулы»[181]. С другой стороны поселения горных чеченцев, ингушей, карачаевцев, балхарцев, еванов «разбросаны по склонам и ущельям», но уже «небольшими

---

179 С. С. Агаширинова. Поселения лезгин в XIX — начале XX вв. УЗ НИИЯЛ, т. VI, Махачкала, 1959, стр. 243.

180 П. Ф. Свидерский о Харбуке. «К антропологии даргинцев», стр. 11.

181 С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 290. Ср. также стр. 243, 263, 206, 282 и А. З. (Зиссерман) «10 лет на Кавказе» — о пшавских деревнях («деревни висят как гнезда над крупными обрывами», «сакли... построены ярусами»). «Современник», т. 47, № 9, стр. 32.

поселками и хуторами»[182]. Часть исследователей считает эти поселки родовыми («поселения карачаевцев и балкарцев еще недавно представляли собой небольшие родовые поселки»)[183], другие считают, что образование территориальных поселений началось у них (сванов, например) еще в XIII веке, и что сванские поселения являются территориально-родовыми поселениями[184]. Наши материалы по даргинским поселениям заставляют нас склоняться ко второй точке зрения.

В отношении оборонительного фактора селения нагорного Дагестана обнаруживают между собой полное единство. Селения лезгин, лакцев, аварцев, даргинцев, агулов, цахуров и др. являются поселениями, при образовании которых оборонительный фактор играл решающую роль[185].

Можно даже найти очень похожие друг на друга селения. Таковы, например, лезгинское селение Гельхен и даргинское Гапшима. И там и тут селение группируется вокруг одной продольной улицы, окружено стенами, а «оба конца улицы имели запирающиеся ворота»[186]. Планировка площадей, базаров, мечетей — все это тоже имело в основном, единые принципы. Несколько различается система башен. У лезгин и даргинцев мы не встречаем башен, расположенных внутри селения, они находятся только на его окраинах, а у аварцев башни имеются в самом центре селения, что свидетельствует, по-видимому, о большей сохранности тухумных кварталов и соответственно тухумных башен.

Оборонительный характер свойственен и тем поселениям народов Кавказа, которые расположены в горах, на крутых склонах и имеют сходную с дагестанскими аулами форму. Могут быть, правда, некоторые местные отличия. Например, сванские поселения не располагаются на крутых склонах или скалах и легко доступны для тех, кто уже находится на этом склоне. Башни, существующие внутри селения, не преграждают пути в селение и являются скорее порождением внутренних столкновений. Нам кажется, что Б. Деген-Ковалевский прав, объясняя это явление «исключительной природной неприступностью сванской территории» в целом, «замкнутой снежными и скалистыми хребтами», которая «естественно, переводила боевую энергию сванов на защиту не столько отдельных селений, сколько снежных и скалистых перевалов и отвесных каменных дефиле речных проходов»[187]. Еще одну форму своеобразной обороны мы находим в лесистых предгорьях Закавказья и Северного Кавказа, тоже вызванную особенностями поселений. Предгорные поселения хуторского типа, построенные в большинстве своем из дерева, не могли служить для обороны в них самих, поэтому здесь сложилась особая тактика обороны, заключающаяся в оставлении поселений и ведении партизанской войны из укрытий в лесах. Такая тактика практиковалась, например, грузинами при нашествиях турецких и персидских полчищ или чеченцами и адыгейцами в Кавказскую войну.

---

[182] С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 281, также 243.
[183] С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 270, ср. также Б. Е. Деген-Ковалевский. Указ. соч., стр. 35, 39.
[184] А. И. Робакидзе. Указ. соч., стр. 57.
[185] «Народы Дагестана», М., 1955; Н. Глиноецкий. Поездка в Дагестан. «Военный сборник», 1862, № 1, стр. 149; А. С. Агаширинова. Указ. соч., стр. 241—242; Б. А. Калоев. Поселение и жилища агулов. КСИЭ, XXIII, М., 1955, стр. 35.
[186] Л. Б. Панек. Жилище лезгин. РФ ИИЯЛ, д. 1779, л. 3.
[187] Б. Е. Деген-Ковалевский. Указ. соч., стр. 27.

Приведенные аналогии показывают, что в поселениях даргинцев очень много общего с поселениями других народов Дагестана и в меньшей степени народов всего Кавказа. Они же показывают, что даргинское поселение имеет ряд специфических особенностей, связанных как с национальными традициями, так и с различиями в природно-географических условиях и историческом развитии. Все это подтверждает правильность установок советской этнографической школы, в противовес историко-племенной и антропо-географической школам буржуазной этнографии.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЖИЛИЩЕ

1. УСАДЬБА

Жилище даргинцев, как и жилище всех горцев Дагестана, прошло долгий исторический путь от примитивного почти неосвещаемого и неотапливаемого сооружения до современного многокомнатного, хорошо приспособленного для удовлетворения бытовых и культурных нужд дома. В XIX веке их жилище сохраняло еще много особенностей, перешедших от средневековья (например, отсутствие участка, окон, печей, земляные и каменные полы и т. п.), и в то же время именно во второй половине XIX века жилище горца претерпело большие изменения. До XIX века развитие производительных сил шло сравнительно медленно, обменные связи были слабы, а хозяйственные и культурные потребности населения, ввиду бедности и отсутствия постоянных связей с внешним миром, малы. В силу этого горцев удовлетворяло сложившееся у них жилище, с которым они прошли через все средневековье.

Несмотря на известное единство даргинского жилища, разница в природно-географических условиях и путях исторического развития не могла не сказаться на жилище в отдельных природно-экономических зонах. В этом отношении жилище делится, так же как и поселения, на горное, горно-долинное и предгорное, с разделением предгорья на подзоны — нижнее предгорье с плоскостью и верхнее. Типов же даргинского жилища мы находим четыре: одноэтажное, двухэтажное, многоэтажное, приподнятое.

В горах преобладают двухэтажные и многоэтажные дома, в горных долинах — двухэтажные, в верхнем предгорье — двухэтажные и одноэтажные, в нижнем предгорье и на плоскости одноэтажные и приподнятые.

Для жилища всех зон, исключая нижнее предгорье на границе с плоскостью, характерны многие общие черты. В частности, для жилища и усадьбы даргинцев, как и всех горцев Дагестана, особенно в нагорной зоне характерна теснота. Усадьбы здесь жмутся друг кдругу так тесно, что и усадьбы-то, собственно, нет, а есть только одинокое строение без приусадебных участков и пристроек. На это обращали мнимание многие русские наблюдатели. Так, в обзоре Дагестанской области за 1891 год указывалось, что «во многих домах, преимущественно в нагорной части области, не имеется вовсе дворов, а домашний скот помещается под жилыми комнатами или рядом с ними»[1]. Эту тесноту отме-

[1] Дагестанская область в 1891 году. КК на 1893 г., Тифлис, 1892, стр. 177.

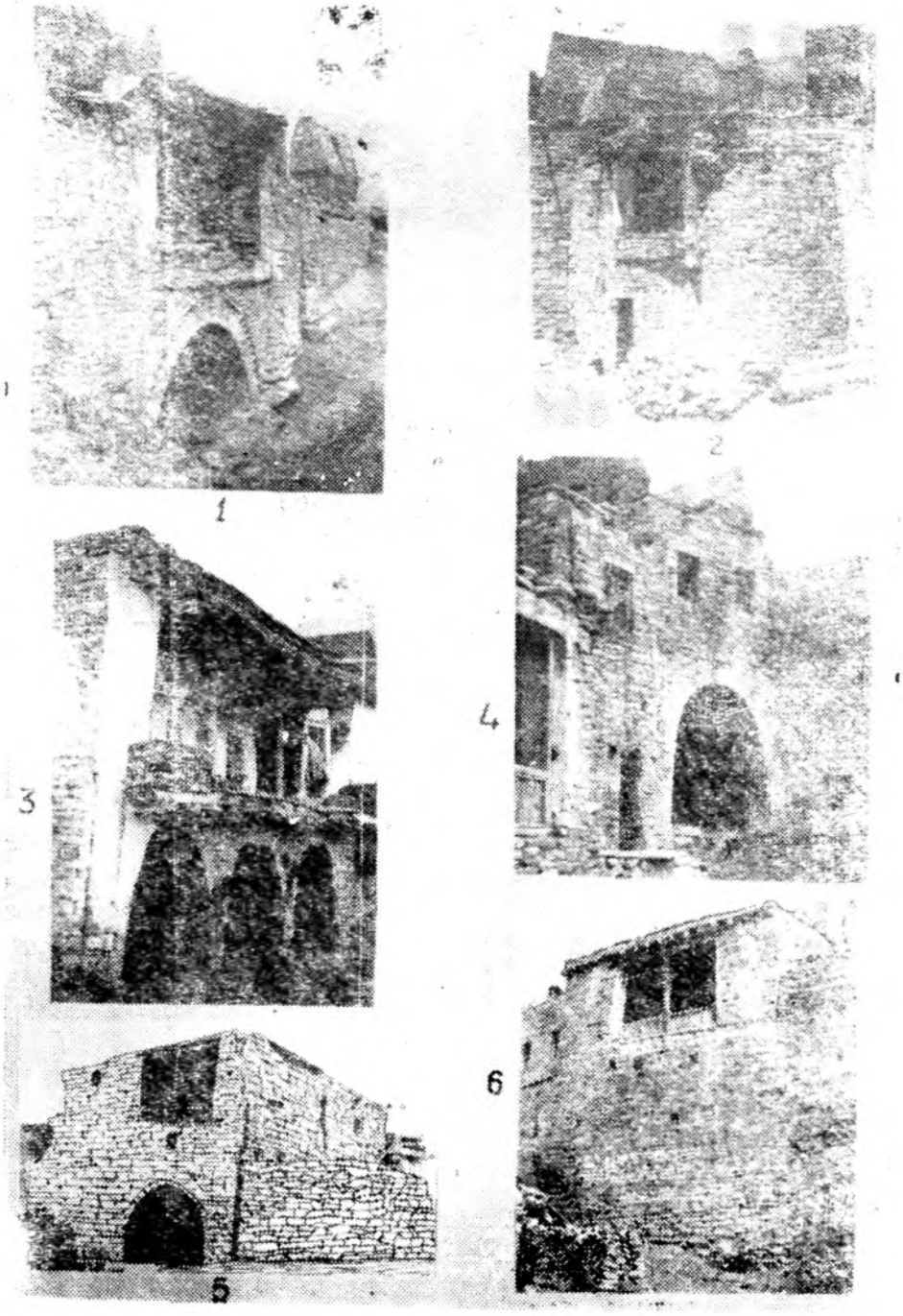

Рис. 1. Старые двухэтажные жилища гор.
1 — дом с закрытым двором на арке с. Чирах, 2 — д. с круглоплановым помещением с. Чирах, 3 — д. с верандой на арочном навесе с. Ашты, 4 — д. с арочным проходом для улицы с. Ашты, 5 — д. закрытого типа с лоджией с. Цугни, 6 — д. закрытого типа с боковым входом и лоджией с. Чирах.

чала и Ю. В. Вадковская[2]: «из-за экономии места чаще всего наблюдалась 100% застройка участка, когда возводилось двухэтажное здание с расположением скотного двора и хозяйственных построек на 1 этаже и жилых помещений во 2-м»[3]. Это дом-усадьба, без приусадебного участка. Наиболее тесными селениями являются Цугни, Харбук, Наци, Ургани, Танты, Кубачи, Санамахи, Иргамахи, Аршимахи, Тебекмахи и др.

В статье Вадковской имеются интересные данные относительно размеров усадебных участков, которые нелишне здесь привести[4].

Название селений	Число обследований	Минимальн. размер участка	Максимальный размер участка	Средний размер участка
Цудахар	19	102	646,24	290,42
Куппа, Хаджалмахи, Ташкопур, Акуша, Урахи, Мекеги . . .	51	17,9	450,9	188,48
В. Санамахи, Тебекмахи, Усиша, Танты, Ургани, Наци, Дуакар.	32	15,6	366,96	166,68

Эта таблица наглядно показывает разную степень тесноты селений в различных зонах. Первым по величине участков идет Цудахар, и это закономерно, так как он возник в 80-е годы XIX века и основан на ровном месте, указанном властями. Затем следуют предгорные и горно-долинные селения; самые же тесные — это селения, расположенные на высоких крутых склонах близко к гребням гор.

Многие причины вызвали эту тесноту — интересы обороны, малоземелье, рельеф, тухумные связи, экономическая слабость, бедность природных ресурсов (в частности, недостаток леса) и др. При этом на первый план выступают интересы обороны, малоземелье и тухумные связи.

Приведенная нами таблица иллюстрирует это положение, ибо из нее видно, что усадьбы аулов, которые выросли после присоединения к России (Цудахар, Хаджалмахи, Куппа) больше усадеб старых селений. Объясняется это тем, что интересы обороны во второй половине века почти отпали, тухумные связи ослабли, хозяйства экономически стали сильнее благодаря росту производительных сил и товарно-обменных и культурных связей, лес, железо, стало легче доставать и т. д.

Характер поселений и причины тесноты даргинских усадеб станут еще более ясными, если мы сравним их с расселением и планировкой поселений и усадеб некоторых кавказских народов.

У адыгейцев, например, аул — «широко раскинутое на значительном пространстве, иногда на несколько километров, поселение, состоящее из отдельных усадеб, довольно просторных, окруженных садом из плодовых деревьев и виноградником»[5]; у кабардинцев для «усадьбы характерен огромный двор»[6], у западных грузин «преобладает хуторской тип расселения: отдельные усадьбы, хутора, обнесенные изгородью

---

[2] Даргинцы. Социально-гигиеническое исследование народностей Дагестана. Выпуск I-й, М.—Л., 1930, тр. 136.

[3] Там же, стр. 137.

[4] Там же, стр. 133.

[5] С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1957, стр. 249.

[6] Е. Н. Студенецкая. Современное кабардинское жилище. СЭ, 1948, № 4, стр. 106.

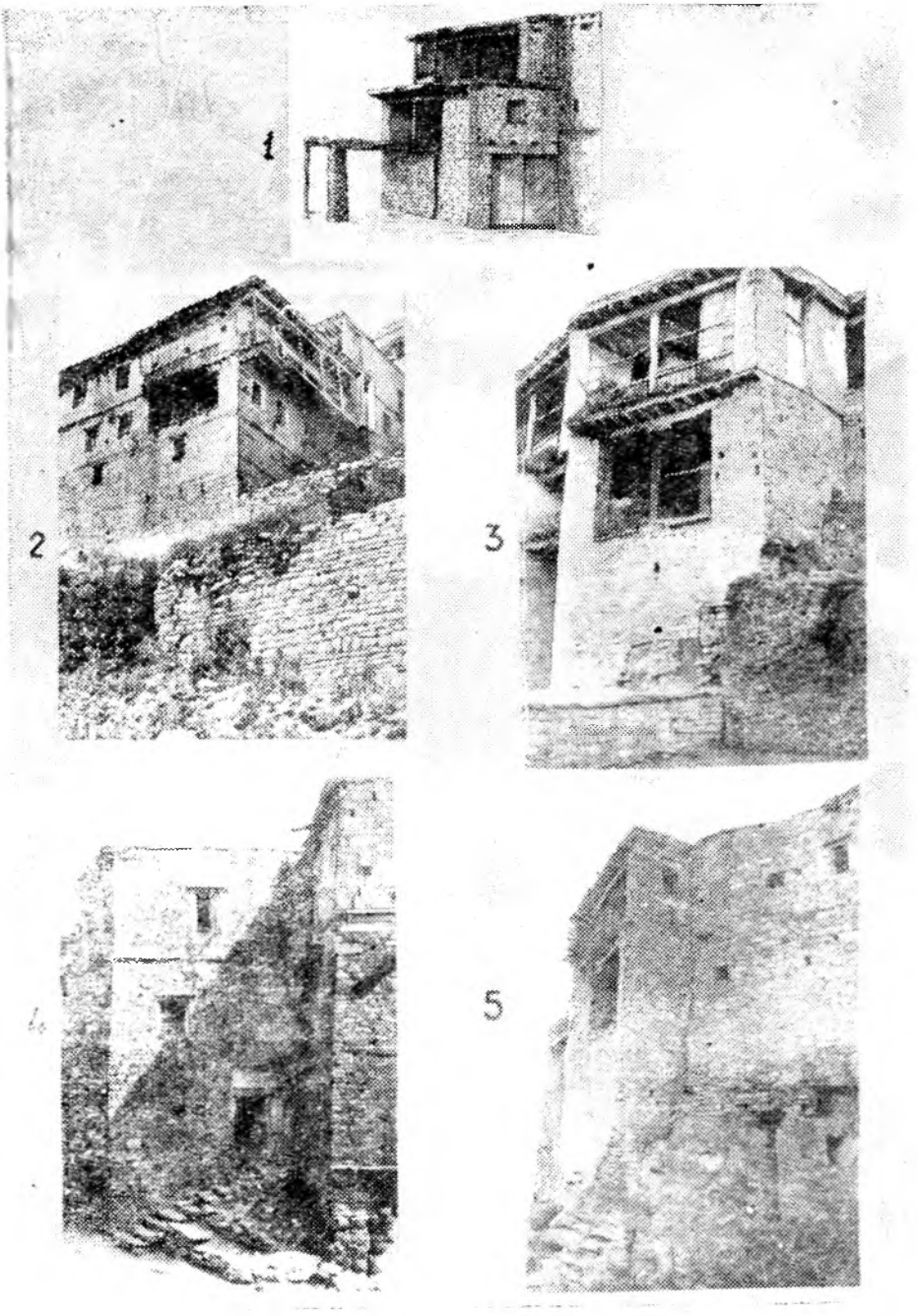

Рис. II. Старые многоэтажные жилища гор:
1 — ступенчатый дом с. Усиша, 2, 3 — многоэтажные ансамбли с. Кубачи (2) и Ашты (3), 4 — многоэтажный дом с закрытым двором с. Кубачи, 5 — дом с открытыми в пропасть хозяйственными помещениями с. Урцаки.

и утопающие в зелени»[7], в предгорье и на плоскости у осетин та же картина, что и у адыгейцев[8], у равнинных чеченцев и ингушей поселения тоже раскинуты на большом пространстве и «каждая усадьба окружена садом, огородом, обнесена оградой»[9]. В то же время усадьбы горных осетин, чеченцев, ингушей, горцев Грузии, Армении отличаются теснотой, недоступностью и очень схожи с дагестанскими. Здесь придерживаются того же принципа экономии земли. Так, например, у горных чеченцев и ингушей мы встречаем двух-трех этажные каменные дома, с приспособлением нижнего этажа для содержания скота[10].

Все эти примеры еще раз подтверждают распространенное мнение о том, что усадьбы горцев бывают небольшими и жмутся тесно друг к другу из-за причин природно-географического и экономического характера, ибо если бы не такие причины, то у двух групп одного народа расположенных рядом, не могли бы возникнуть разные традиции в расселении и селостроительстве.

В условиях предгорья и равнины отпадают многие причины слабого развития усадеб. Хозяйства здесь экономически гораздо более мощные, многоотраслевые, здесь сильно развито и земледелие, и скотоводство, и садоводство, и даже птицеводство. Поэтому экономически мощные хозяйства могут позволить себе как большие размеры усадьбы, так и многочисленность построек в ней, тем более, что леса здесь вполне достаточно. Но остается еще одна сторона вопроса — стремление к усилению обороноспособности селения или квартала. У горцев Дагестана, Чечни, Кабардино-Балкарии, Осетии, Грузии усадьбы окружены каменными заборами, все постройки сделаны из камня, по возможности основательно и крепко, часто имеют даже боевые башни и, таким образом, представляют собою усадьбы-крепости. Усадьбы же на равнине и в предгорьях у тех же народов, у адыгейцев и др. представляют собой усадьбы, расположенные на ровном месте, целиком застроенные деревянными строениями, с такой же оградой, очень легко разрушаемые и сжигаемые. Это явление характерно не только для Кавказа, но и для других стран. Так, например, в Афганистане у кафиров-горцев все дома тоже из камня и они «лепятся по скалистым склонам горы, располагаясь террасами один над другим», а у жителей предгорья, где больше земли и леса, усадьбы большие и все постройки деревянные[11].

Следовательно, дело в причинах или закономерностях всеобщих, действующих не только на Кавказе.

Крестьянин везде строит свою усадьбу из того материала, который у него имеется под рукой, который ему легче доставить[12]. Поэтому в скалистых горах, где мало леса, горец старается как можно меньше его применять и заменять его камнем не только в опорных сооружениях (арки), но и в перекрытии крыш, как это делают в нагорном Дагестане.

Напротив, в предгорьях, где много лесов, крестьянин строит свое жилище исключительно из дерева и земли, совсем не используя камень, которого здесь мало. На плоскости же где нет ни леса, ни камня, основным строительным материалом становится земля (саманные постройки). Японцы употребляли бамбук, карпатские крестьяне бук и граб, на юге России хлебную солому, в низовьях рек Кубани, Терека, Сулака применяют камыш, в Гиляне его место заменяет рисовая солома, в тро-

---

[7] С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 276.
[8] Там же, стр. 253
[9] Там же, стр. 243.
[10] Там же.
[11] Народы Передней Азии, М., 1957, стр. 142.
[12] Ср. И. И. Пантюхов. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис, 1896, стр. 13.

пиках — банановые листья. После этого не приходится удивляться, что горцы Дагестана стараются обойтись одним камнем, а, например, адыгейцы — одним лесом. Следовательно, крепкие каменные усадьбы горцев Дагестана объясняются не особым стремлением к неприступности, а природными, экономическими и общественными условиями.

Северо-кавказские предгорные усадьбы, построенные из леса и земли (турлучные), недолговечные, огороженные просто плетнем, тоже имеют свои исторические корни. Во-первых, адыгейские племена сохраняли некоторую тягу к перекочевке, еще в XIX веке они время от времени меняли места своих поселений, во-вторых, близкий и легкодоступный лес за долгие годы стал почти единственным строительным материалом [13]. Защищать такие усадьбы и поселения от нашествий было, конечно, невозможно, поэтому влияния оборонительного фактора при селостроительстве здесь не наблюдается. Наоборот, здесь сложилась своеобразная тактика обороны — покидать усадьбы и поселения на время нашествия, уходить в лес и вести партизанскую войну. Именно такой тактики придерживались эти племена в Кавказскую войну [14].

У горцев Дагестана такая тактика не могла сложиться, так как скалистые склоны, сильно расчлененный рельеф, отсутствие лесов, общая бедность края не создавали предпосылок для этого. Следовательно, горцы могли рассчитывать только на обороноспособность своих поселений, должны были строить прочно и надолго.

Поэтому нам представляется необоснованным распространенное мнение о том, что одной из причин легкости и доступности северо-кавказских предгорных усадеб является предубеждение против каменных построек, основанное на том, что считалось признаком трусости иметь укрепленный дом. Воинственный быт, на который обычно ссылаются, имел место и у сванов, и у кафиров, и у дагестанцев, но такого предубеждения не сложилось ни у одного из этих народов. Нам представляется, что здесь следствие было принято за причину: если кто-либо в условиях сложившихся строительных традиций строил каменный дом, то этому надо было искать объяснение, и находили его в «трусости» владельцев. Но хозяин каменного дома будет заметен только тогда, когда уже сложилась традиция бескаменного строительства. Следовательно «храбрость» или «трусость» были не причиной складывания традиции бескаменного строительства, а попыткой найти объяснение нарушениям этой традиции. В силу преобладания традиций воинственного быта молва и дала истолкование, исходящее из них. Таким образом, закономерности, проявляющиеся в традиционных особенностях усадебного строительства были исторически обусловлены спецификой природно-географических и экономических условий существования народов.

Вернемся к описанию даргинской усадьбы. Наиболее ранней формой усадьбы у даргинцев в XIX веке являлось двухэтажное и реже одноэтажное двухкамерное жилище с небольшим двориком («азбар», «шеркала», «ирхъяй»). Справа обычно была большая комната, которая являлась жильем, а в левой помещался скот, причем, как правило, оба эти помещения сообщались между собой. Перед зданием бывал небольшой навес, — в нагорной части находящийся на арке, — предтеча веранды. Большая жилая комната служила не только для жилья, но и для всех хозяйственных нужд, (например, для хранения припасов

---

[13] С. Токарев. Указ. соч., стр. 250; Л. И. Лавров. Формы жилища у народов северо-западного Кавказа. СЭ, 1951, № 4, стр. 46.

[14] Ср. об этом. Переписка А. Ермолова, СМОМПК, 45, Махачкала, 1926, стр. 8; Записки Алексея Петровича Ермолова, ч. II, М., 1858, стр. 19; М. Я. Ольшевский. Воспоминания. Кавказ с 1841 по 1866 гг., ч. I, СПб., 1894, стр. 293; М. Владыкин. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу, ч. II, М., 1855, стр. 205.

и т д.), поэтому на дворе не было никаких хозяйственных построек, даже впоследствии традиционного навеса, сделанного у стены ограды. Такие жилища в своем первоначальном виде в XIX веке не сохранились, особенно одноэтажные, и являлись своего рода анахронизмом, отражающим древнейшую ступень развития жилища.

Для последующего развития усадьбы характерно, прежде всего, появление навеса внутри двора и увеличение размера двора. Это говорит о том, что в XIX веке рост производительных сил пошел гораздо более быстрыми темпами. Для этой ступени развития усадьбы характерно также дробление большой комнаты: из нее выделяются хозяйственные помещения. Эта форма усадьбы наиболее характерна для первой половины века. Навесы во дворе выполняли немалые хозяйственные функции: здесь хранился хозяйственный инвентарь, топливо, складывался навоз, в жаркое время здесь отдыхал скот. Поэтому для XIX века характерно постепенное увеличение навеса во дворе, а следовательно, и увеличение самого двора. Конечно, не во всех селениях было возможно такое расширение, но оно стало традицией. Средние размеры дворов в это время — 20—40 кв. м. Примерами такой усадьбы могут служить усадьбы А. Кутуева в Цудахаре, Р. Тагирова в Куппе, С. Османова в Урахи и др.

Необходимо отметить, что уже давно из-за земельной тесноты в большинстве селений были распространены двухэтажные дома. Нижний этаж этих домов — своеобразные усадебные пристройки, за неимением места помещенные под жильем. Этим достигалась большая экономия места, что было очень важно для горца. Поэтому двухэтажные конструкции утвердились у дагестанцев, в том числе у даргинцев, очень давно, а одноэтажные конструкции вызывались в XIX веке, как правило, маломощностью хозяйства, а иногда обилием земли (участка).

Особенно большие изменения произошли в усадьбе даргинцев по окончании Кавказской войны. Эти изменения наблюдались в отношении величины и формы основной постройки, величины двора, дворового навеса, хозяйственных пристроек. Дальнейшее развитие производительных сил, расширение садоводства с сохранением занятий полеводством и скотоводством несколько расширили профиль хозяйства даргинского крестьянина, которое стало в некоторой степени многоотраслевым, что создало дополнительные потребности в усадебном хозяйстве.

В это время складывается тип усадьбы, просуществовавший с небольшими изменениями вплоть до окончательной победы колхозного строя. Наиболее часто усадьбы этого типа встречаются в крупнейших селениях, таких, как Акуша, Губден, Мекеги, Цудахар, Хаджалмахи, Куппа.

Усадьба занимает уже гораздо больший участок, вплоть до 350 кв. м. Крестьянин устремляется теперь не к неприступному скалистому склону, а к участку поровнее и более пригодному для посева. В отличие от усадеб предыдущего времени теперь во дворе сажали фруктовые деревья, тутовник, виноград, сеяли кукурузу, бобы. Огородов почти не было, особенно в горах [15]. Надо отметить, что все-таки усадеб с насаждениями в горах было очень мало, так как возможности для этого были ограничены.

---

[15] См. например, Ф. И. Гене. Сведения о горном Дагестане. «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы», М., 1958, стр. 344; Н. Абельдяев. Сельское хозяйство у дагестанских горцев. («Огородов у горцев нет, да они и понятия не имеют о них. Если в ауле случится пустое место, то оно занимается какою-нибудь пашнею») — «Журнал Министерства Государственных имуществ» 1857, ч. 64, № 8, стр. 27; А. В. Пастухов. Поездка по высочайшим селениям Кавказа и восхождение на вершину горы Шахдаг. («Огороды... совершенно отсутствуют во всем горном Дагестане»). «Землеведение», кн. II, 1894, стр. 37.

Значительно увеличиваются размеры основного здания: одноэтажное или двухэтажное, оно имеет, как правило, много помещений самого различного назначения. Большое распространение получает двухэтажная конструкция, одноэтажные здания строят только бедняки. Исключение составляли некоторые наиболее разреженные аулы (например, Цудахар, Губден, Сергокала), где строили очень большие и дорогие одноэтажные дома.

Сильно разрастается в это время навес, охватывая уже двор с двух-трех сторон. Отличительная особенность навесов этого времени — превращение части их в закрытые помещения. Иногда весь навес превращался в помещения и двор оказывался, таким образом, со всех сторон окруженным ими. Такая усадьба в нагорном Дагестане описана Н. Глиноецким. Он писал: «Это небольшое четырехугольное строение с маленьким двориком в середине; две стороны двора составляют жилые строения, а две другие — конюшни для лошадей и разные амбарчики и склады»[16] (в данном случае речь идет о усадьбе в Тлохе, но пример очень типичен). Но подобных случаев превращения навеса целиком в помещение было в горах очень немного.

Так навес, который в свое время с увеличением хозяйственных нужд вырос из усадебной ограды, в свою очередь превратился по той же причине в закрытое помещение. Эта тенденция особенно усилилась с расширением профиля хозяйства — нижний этаж дома стали целиком использовать для хранения различных запасов и инвентаря, а помещения, выросшие из навеса, превратились в хлевы. Но и этот процесс не был массовым, так как опять-таки для массового распространения его нужны были большие усадебные участки, а их не было. Поэтому такое превращение более характерно для новых аулов (Цудахар) и окраин старых аулов, а также для нижнего предгорья.

План расположения усадьбы в поселении и расположения внутриусадебных построек был довольно однообразен и имел в основном две формы: фасадом на улицу и боковой стороной жилья к улице. И в том и в другом случае фасад здания отдален от улицы и закрыт оградой двора. Если фасад обращен к улице, перед домом до улицы размещается весь двор и ворота находятся в самом отдаленном от фасада месте. Тыльная сторона дома обращена в этом случае или на соседний двор, или на другую улицу. Когда же усадьба обращена боком к улице, то к улице обращена стена жилья и глухая стена ограды усадьбы. Ворота опять-таки делаются удаленными от входа в жилье. Таким образом жилье и ограда двора образуют внутренний дворик, размеры которого колеблются от 20 до 350 кв. м, но чаще всего от 20 до 80 кв. м.[17]

Когда размеры двора были незначительны, он превращался благодаря навесам как бы в полукрытый двор, и это наталкивало на мысль завершить покрытие и сделать полностью крытый двор. Это явление наблюдается только у части даргинцев в предгорье (Мекеги, Урахи, Губден и др.). Для света делали бойницеобразные щели, или оставляли в центре крыши нечто вроде окна. Позднее его стали стеклить. Такие же крытые дворы или объединение всего комплекса построек усадьбы под одной крышей были характерны также для центральной России (по верхней Волге и Москве) и для Западной Европы[18]. В данном случае велико значение климата и земледельческих занятий. Для даргинского

---

[16] Н. Глиноецкий. Поездка в Дагестан. «Военный сборник», 1862, № 3, стр. 85.

[17] «Даргинцы», стр. 134; Полевой материал 1959—1961 гг.

[18] «Даргинцы», стр. 134; И. Н. Гроздова, Н. М. Листова, Л. В. Покровская. К вопросу о типах крестьянского жилища Германии, Франции и Нидерландов. КСИЭ, XXIX, М., 1958, стр. 104—107.

предгорья и указанных областей характерна дождливая осень, с долго не просыхающей грязью и вполне понятно, что жители хотели укрыть свой двор и постройки от непрекращающейся слякоти. В то же время для них не было особой надобности в солнце ни летом (для сушки фруктов), ни зимой (для отопления), так как у них было вполне достаточно дров.

Типичным примером усадьбы этого времени является усадьба А. Гасанова в Цудахаре. Дом построен в 80-х годах XIX века. Это большой приподнятый дом без подвала, с семью комнатами, с верандой во всю длину дома. Двор усадьбы большой, порядка 150 кв. м., обнесенный со всех сторон высокой оградой. Ограда по своей длине несла на себе широкий навес. С внутренней стороны навес поддерживали арочные конструкции — 9 по длине двора и по 3 по бокам. Навес, находящийся с правой стороны, превращен в помещение для хранения ценного инвентаря и припасов, а находящийся с левой стороны остался открытым, но тоже служит для хранения малоценного инвентаря. Здесь же, в левом дальнем углу двора находятся ворота. Они расположены так, что вошедший во двор сразу становится виден с веранды дома (этого принципа придерживаются всегда, при любой конструкции или форме усадьбы и дома). Часть навеса по длине двора превращена в помещение для скота.

Нетипичным в этой усадьбе являются только ее размеры, поскольку очень немногие даргинцы в условиях земельного голода владели такими большими участками, и сам дом, так как из экономии земли больше строили двухэтажные здания.

Конечно, после присоединения к России, когда установилась мирная жизнь и хозяйство стало мощнее, усадьбы могли расширяться, ибо преимущества больших усадеб стали очевидными. Но этого не допускала теснота, и если в Цудахаре и селениях нижнего предгорья такая возможность имелась, то в остальных даргинских селениях ее почти не было.

Поэтому усадьба горцев по-прежнему оставалась небольшой, с ограниченным количеством дополнительных помещений. Она состояла, как правило, из двухэтажного строения с небольшим двориком с навесами, иногда частично превращенными в хозяйственные помещения. Это — картина, в общих чертах свойственная всему нагорному Дагестану, да и всем горным районам Кавказа и Передней Азии.

Напротив, в предгорных и плоскостных районах Кавказа и Передней Азии, где имеется и земля, и лес, и ведется большое хозяйство, усадебные постройки очень развиты и дифференцированы. Так, например, у адыгейцев в составе усадьбы имеется три двора: 1) главный двор с жилым домом и хозяйственными постройками и хранилищами; 2) двор для молотьбы и хранения сена; 3) скотный двор. Кроме того, практикуется постройка отдельной кунацкой, подальше от главного двора, а также отдельной, изолированной кухни[19]. Стоит только сравнить эти данные с данными о надворных постройках в Даргинском округе, как мы убедимся, какая громадная разница была в усадьбах даргинца и адыгейца: 30% усадеб даргинцев совсем не имели надворных построек, 45% усадеб имели одну надворную постройку и 25% — несколько построек[20].

В горной зоне у сюргинцев и муэринцев получил распространение дом-усадьба, со 100% застройкой участка, когда весь он занят домом

---

[19] С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 249; Е. Н. Студенецкая. Современное кабардинское жилище, стр. 107.

[20] «Даргинцы», стр. 136.

с хозяйственными помещениями и сводчатым проходом к жилью — на первом этаже — и жилыми помещениями на втором. Двора и навесов, здесь, таким образом, фактически нет. Причем здесь дома часто даже выходят своими вторыми этажами на опорах на улицы, образуя туннели.

Надо отметить, что система дифференцированных хозяйственных построек не свойственна и усадьбе предгорных районов Даргинии, да и всего Дагестана в такой степени, в какой она свойственна северокавказской усадьбе. Это объясняется тем, что даргинское предгорье представляет собой очень узкую полосу и быстро переходит в горы, отчего здесь не существует широких просторов, нет обилия земли. Кроме того, нахождение даргинского предгорья рядом или на путях переселения народов создавало постоянную угрозу нашествий, так как вооруженные племена, продвигавшиеся через Каспийский проход часто забирались в поисках кормов, хлеба, воды и т. д. в предгорье и грабили аулы, захватывали скот, фураж и прочее имущество. Пробирались они чаще всего руслами рек Манас-Озень, Гамри-Озень, Улучай и других, более мелких речек, не доходящих до моря.

Естественно, что аулы, расположенные на этих путях, жались к высоким, крутым местам, малодоступным для вражеской конницы. Некоторые аулы даже ограждали свои окраины обширными валами («бару»), закрывая проходы к аулу с плоскости. Такие валы имеются, например, в окрестностях Губдена. Это привело к скученности поселений и тесноте; поэтому усадьбы здесь хотя и более обширны чем горские, но в сравнении с плоскостными они меньше по размеру и по количеству специализированных построек.

Усадебные хозяйства даргинцев были, таким образом, сравнительно слабо развиты и только постепенно с развитием производительных сил и укреплением хозяйства появилась тенденция к увеличению усадьбы и ее построек, не ослабевшая вплоть до победы колхозного строя. Более развитую систему усадебных построек мы находим в предгорье и некоторых горно-долинных аулах (Цудахар), в горной же зоне усадьба сливается с домом.

2. ТИПЫ ЖИЛИЩА.

Досоветский период.

Выше мы уже говорили о типологии даргинского жилища. Наиболее архаичная ступень, встречающаяся в XIX веке — одноэтажное однокамерное жилище, которое является своего рода анахронизмом, связанным о бедностью владельцев этих домов. Оно очень важно в этнографическом отношении, так как позволяет восстановить в некоторой степени картину более раннего жилища.

Это однокамерное жилище имеет пристройку для скота, иногда частью задней стены жилища служит склон горы.

Одна большая комната собственно и составляла весь дом. Жизнь семьи проходила в этой комнате, довольно красноречиво говорит своей величиной, конструкцией, строением, внутренним убранством о быте даргинской семьи в прошлом.

Следует оговориться, что хотя мы и описываем одну большую комнату, но это не комната большой семьи, каковой она являлась в предшествующие века, отличаясь как своими размерами, так и конструкцией. О том, что даргинцы имели раньше в качестве дома именно одну комнату, свидетельствуют и данные языка. В даргинском языке нет слова «дом», а есть слово «комната» («къали»). Дом обозначают множественным числом слова «комната» («къулри»). Сходное явление

наблюдается и у остальных горцев Дагестана, в частности, у аварцев: «рукь» — «комната», «рукьзал» — «комнаты», равнозначное слову «дом».

Размеры этой комнаты колебались обычно от 25 до 45 км. м [21], хотя можно предполагать, что были комнаты и крупнее.

В комнату ведет дверь, состоящая из двух половинок. Каждая из них — грубая, колотая доска толщиной в 4—6 см, слегка подровненная топором. Высота проема двери 150—160 см, но имеется высокий порог (20—25 см); ширина проема 75—95 см. По утверждению старожилов высокий порог делался с тем, чтобы пробить в нем проход для кошки, которая могла бы в любое время приходить и уходить через этот проход. Но он мог служить и вентиляционным отверстием, и не исключена возможность, что он возник именно с таким назначением. Окна были очень малы — 0,3—0,5×0,4×0,7 м.

Налево от входа, ближе к боковой стене, имелся камин с дымоходом, но остались следы и очага без дымохода, в традиционном для горцев Дагестана виде—в углублении, с тем, чтобы можно было садиться вокруг очага на выступ. В связи с этим надо заметить, что горцам до появления в Дагестане русских отопление как таковое было почти незнакомо: огонь в очаге разжигался как правило не для обогрева комнаты, а для приготовления пищи, и пока пища готовилась, члены семьи сидели вокруг очага и грелись.

В системе отопления имеются существенные различия между отдельными видами жилища. Очень оригинален очаг предгорного жилища. Он обычно отделяется от всей комнаты турлучной стеной, покоящейся на толстом брусе, опирающемся своими концами на гнезда в стене или же на специальные каменные основания. По краям очага имеются выступы для сидения у огня («кьаси»). Проход к очагу делают шириной 1,5—2 м, что составляет расстояние между расходящимися от очага веером выступами для сидения (у кабадаргинцев). У урахинцев, кайтагцев проход остается открытым во всю ширину отсека. Отсек образует с другой стеной комнаты узкий коридор («уцугала», т. е. «дверная»), куда и ведет входная дверь. Надо полагать, что отсек этот возник в результате стремления в какой-то степени отгородить от дыма основную часть комнаты. Длительный опыт мог показать, что дым идет поверху, стелясь у потолка, и затем по мере увеличения, спускается ниже. Поэтому между очагом и основной частью комнаты решили поставить поверху преграду, чтобы было меньше дыма. Описание такой комнаты мы встречаем у побывавшего в 70 гг. XIX века в Даргинском округе В. В. Вильера де Лиль Адам: «в сакле находится перегородка, приделанная к потолку и не доходящая до полу, отделяющая очаг от главной части сакли» [22].

Отсек носит название «тав», комната — «тавла къали» («комната тава» — камина). Но в горном Кайтаге такая комната называется «цIала кьали» («комната огня»). Сам очаг вместе с подом называется «аккъи», «ужагъ». Ближняя к входной двери часть отсека вместе с образующей коридор («уцугала») стеной называется «уцуг тав» («дверная» или «коридорная» часть), противоположная — «музаг тав», т. е. «крайняя», а внутренняя, дальняя часть отсека «хъар тав», т. е. «дальняя», «глубинная» часть. Внутри отсека бывало много ниш, полок («гахча»), колышек («хъярти»), место для лежания («цIиппа»). В левом углу крыши имеется большое отверстие — дымоход («замари»). Высоко над огнем перекинуты жерди («пягIла хвяр» — дымовая жердь), с которых свешивалась цепь («рахас») с рогатиной и где сушились дрова.

---

[21] Полевой материал 1959—1962 гг.

[22] В. Вильер де Лиль Адам. Указ. соч., стр. 5.

Передняя стена отсека имела одну широкую полку («кьами», «дери»), на которой размещались обиходная посуда и светильник, и много колышек, на которых висела всевозможная утварь, в частности поставцы («кьуснеалкь» — «ложки кидаемая»), подносы («кьамур»), ступка («зукьа») и др. Что касается внутреннего убранства комнаты, то здесь в известной мере применимы слова С. Броневского в отношении дагестанского жилища вообще: «о внутренних уборах комнат упоминать нечего в рассуждении бедности жителей и отчуждения их всякой роскоши» [23].

Одна боковая сторона комнаты занята углублением вокруг очага и возвышением («къянуртала кьаси» — «уступ для кувшинов»), на котором помещалась посуда с водой. Непосредственно рядом с очагом размещалась посуда более мелкая, повседневного употребления. Вообще вся левая стена бывала занята посудой, для которой делались многочисленные полки (в 5—6 этажей), ниши, вбивались колышки. На полках сохранялся определенный порядок, причем наблюдаются две закономерности: по мере движения от нижних полок к верхним уменьшаются размеры посуды и ее древность. В самом низу располагается крупная гончарная или медная (позднее почти всегда медная) посуда, выше — медная меньших размеров, потом одна-две полки отводятся на фарфор и фаянс и самая верхняя — на стекло. Многие русские наблюдатели удивлялись тому, что горцы ставили бутылки на полки как украшения [24]. При этом не принималось во внимание, что эти бутылки были очень редки в Дагестане и, следовательно, ценны, а кроме того, в хозяйстве бутылки не могли быть использованы и поэтому оставалось только хранить их на полках.

Наименее занята внешняя сторона комнаты, где проделана дверь. Здесь имеются только очаг или отсек, подходящий близко к стене (позднее — камин с дымоходом) и несколько ниш для утвари.

Самой парадной частью комнаты является противоположная входу стена, самая большая и самая открытая взгляду входящего. Во всю длину этой стены устраивалось возвышение, на которое ставилось несколько опор из камня и глины (от 4 до 6), размером 1 на 0,3×0,35 м, которые служили для того, чтобы класть здесь каменные плиты или доски и создавать возвышение. На эти мостки клали днем все имеющиеся в доме постельные принадлежности: матрацы, одеяла, подушки, а также ковры и паласы, в данное время не употребляемые. Стена выше мостков занята забитыми высоко над ними колышками, на которые вешали громадные медные тазы. Перед мостками, ближе к середине комнаты, с потолка свешивалось несколько веревок (позже кусков проволоки), в которые продевалась жердь («хвар»), служившая для вывешивания вяленого мяса. Более состоятельные горцы имели несколько жердей; в этом случае на одной жерди хранилась одежда, хурджины, паласы, куски ткани, платки, белье и пр., а для мяса отводилась жердь у другой стены комнаты. На нижнем возвышении (кIармела кьаси, т. е. уступ для сосудов) между опорами для полки размещали в ряд огромные глиняные сосуды, часто заполнявшиеся какими-либо припасами.

Иногда опоры для мостков делали в виде шкафов с несколькими отделениями. Все это сооружение в целом называют «бурушмала кьаси» (уступ для постелей) или «цIукъ».

---

[23] С. М. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II, 1823, стр. 448.

[24] См., например, А. З. (Зиссерман). 10 лет на Кавказе. «Современник», т. 47, № 9, СПб., 1854, стр. 2.

Остальная часть комнаты и поперечные стены служили в основном для хранения запасов. Здесь во всю длину стен делалось небольшое и неширокое возвышение (20—25 см высоты на 25—30 см ширины). На этом возвышении, примерно через каждые полметра, имелись дополнительные возвышения для мостков высотой 10—15 см служивших для хранения запасов зерна в мешках. Старожилы говорят, что просветы под мешками, образуемые с помощью мостков, создаются для свободного проникновения кошки. Мостки эти могут служить и для предохранения зерна от сырости.

В жилище предгорья, и даже гор, мебели и утвари больше, чем в цудахарском горно-долинном жилище. Вильер де Лиль Адам, например, перечисляет следующие предметы: два «небольших, раскрашенных и украшенных резьбой низких шкафа домашней работы», доска с тарелками на «бечевках, продетых в отверстия, просверленные в краях», глиняные кувшины, оловянные тазы, деревянные подносы, 2—3 ружья и несколько кинжалов [25]. Кровать, по его словам, «имеется только у богачей» [26]. Например, в предгорном жилище вместо уступа для мешков вдоль продольных стен стоят большие лари (уси, сандуг) для зерна и муки. Иногда они достигают огромных размеров, вмещают тонны зерна. Это обычно продолговатый ящик, высотой от 0,5 до 2 м и длиной от 1,5 до 4,5 м, стоящий на ножках, с крышкой, как правило, богато украшенный резьбой. В некоторых местах они встречаются очень оригинальной конструкции. Так, бывают лари, у которых вместо ножек имеются по краям большие шкафы со множеством отделений, полок, занимающие всю стену. Такие лари очень схожи с аварским «цагуром» [27]. В некоторых селениях мучные лари делают турлучные (кенду, гIебурси). Часто встречаются также небольшие лари («кьани») повседневного пользования. Интересной, ныне не встречающейся формы ларь описан Вильером де Лиль Адам: «большой, служащий закромом, выдолбленный пень, доходящий до крыши с отверстиями вверху и внизу. Сюда сыплется зерно с крыши после молотьбы и из нижнего отверстия вынимается по мере надобности» [28]. Этот ларь во многом напоминает осетинские «высокие деревянные бочки для хранения хлеба» [29], в то время как дощатые больше схожи со сванскими, «испещренными узорами... деревянными ящиками», служащими для той же цели [30].

На стенах, центральном столбе, на прогонах имеются бесчисленные гвозди и колышки для развешивания медной посуды, фаянса и фарфора.

Очень распространены в предгорном жилище всевозможных размеров и назначений ниши («отлично заменяющие, — по словам А. Зиссермана, — шкафы») [31] и подставки.

Для жилища предгорья еще характерно наличие сеней (жанях1), занимающих «небольшой уголок» и «отделенных дверью от самой сакли» [32]. Сени эти возникли по-видимому, в качестве средства защиты от холода и ненастья. Со временем первоначальное назначение сеней забылось, так как во времена кровной мести сени стали и средством предупреждения внезапного вторжения в комнату или выстрела в дверь.

---

[25] В. Вильер де Лиль Адам. Указ. соч., стр. 5

[26] Там же, стр. 11.

[27] Ср. З. А. Никольская. Из истории аварского жилища. СЭ, 1947, № 2, стр. 157.

[28] И. И. Пантюхов. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе, стр. 108.

[29] В. Вильер де Лиль Адам. Указ. соч., стр. 5.

[30] Там же, стр. 109.

[31] А. З. (Зиссерман). Указ. соч., стр. 2.

[32] В. Вильер де Лиль Адам. Указ. соч., стр. 4.

Непременной принадлежностью любого жилья является «дайна тIал» — «центральный столб», особенно выделяющийся своими размерами, красотой очертаний и украшениями (резьбой) в предгорном жилище. Столб несет на себе основной прогон жилья и выполняет таким образом важную задачу. С течением времени, вместо цельного массивного столба с капителью, стали ставить обтесанный столб отдельно и капитель отдельно. Капитель принимала самые разнообразные формы, при отделке ее прилагали много старания, украшая ее как приданием ей красивой формы, так и резьбой на ней.

Центральный столб играл важную роль в жизни семьи, на нем висело оружие, вырезали имена предков, записывали даты рождения детей, делали зарубки по мере их роста, записывали дату строительства дома. Столб этот первоначально имел форму дерева, да и сейчас в очень старых образцах можно обнаружить сходство с ним. Особое почитание центрального столба наблюдалось и у других народов Дагестана и всего Кавказа [33] и имеет видимо, культовое происхождение.

Вспомнив о культовых дубах, сохранившихся доныне (сел. Жирбачи), небезинтересно отметить, что центральные столбы ставились тоже дубовые, что их капители во многом напоминали дерево, и на них встречаются изображения крестов, кружочков, изображающих солнце, и пр.

В горном жилище прежде всего бросается в глаза отсутствие каких бы то ни было перегородок, отсеков, сеней, меньшие размеры комнаты, низкие потолки, недостаток столбов и балок. Комната называется «цIала къали» («комната огня»). Очаг здесь чаще встречается открытый, расположенный в центре комнаты, с выступами для сидения вокруг него. С перемещением к стене он эволюционирует через пристенный очаг в камин. Составные элементы пристенного очага горцев — под, дымоход, сложенный из камней или турлучный в форме пирамиды, цепь с рогатиной для подвешивания котла, иногда большие камни-подставки. Несколько отличается кубачинский очаг-камин. Здесь огромные камни-подставки внизу, часто тесанные, размерами 0,8×0,5×0,3 м, почти всегда обязательны. Расположены они вплотную к стенам, в полуметре друг от друга. Вверх от пода, на расстоянии 0,3—0,5 м от земли, из стены выступают два таких же больших каменных основания, на которых строится дымоход. Примерно еще через 0,7—1 м из стены выступает разгрузочная плита, которая служит и полкой. На основаниях, высотой до полки, спереди ставится большая, богато украшенная резьбой каменная плита.

В горной зоне повсюду встречается еще одна очень оригинальная форма очага — «тарум». Он представляет собой конусообразную невысокую закрытую печь, с одним местом для приготовления пищи. Основное назначение его — выпечка хлеба. Пекут его на внутренних раскаленных стенках, приклеив к ним лепешки.

Эволюции очага и тарума в печь в горах не произошло как из-за нехватки топлива, так и ввиду проникновения русской железной печки.

Для выпечки хлеба в нагорной части Даргинии имеются и большие печи («кари»), которые бывают по одной или по нескольку на квартал [34].

---

[33] Ср. З. А. Никольская. Указ. соч., стр. 158; С. Ш. Гаджиева. Народное жилище каякентских кумыков, СЭ, 1953, № 3, стр. 82; С. А. Токарев. Этнография народов СССР, стр. 276.

[34] «Тарум» и «кари» имеют многовековую историю и прослеживаются в Дагестане по археологическим материалам, начиная с эпохи бронзы. См. А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 68, М.—Л., 1958, стр. 20—32; В. И. Кинивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 году. УЗ ИИЯЛ, Махачкала, 1957, стр. 158—159; В. Г. Котович,

Во внутренней обстановке горного дома также имеются различия: гораздо меньше деревянной мебели, лари («сандуг») маленькие и не везде имеются, встречаются большие каменные сосуды (бями), используемые при белении кож. В противоположном очагу углу, на месте мостков часто бывает сооружение из камня и глины, напоминающее дом в миниатюре и служащее для хранения сосудов с молочными продуктами. На крыше этого сооружения хранят постели и пр. Называется оно «пукьа» («яма»). По всей вероятности вначале это была действительно яма, играющая роль холодильника, но со временем, когда отопление дома стало несколько совершеннее, ее стали прикрывать, а когда жилое помещение было перенесено на верхний этаж, придумали это сооружение для изоляции молочных продуктов от комнатной температуры. Это тем более возможно, что в одноэтажных домах многих горных селений в хозяйственной комнате имеются ямы («кур», «пукьа») для хранения картофеля, овощей, молочных продуктов.

Следует отметить, что подобное сооружение, только более высокое, имеется и в предгорье (у каба-даргинцев) и служит для хранения фруктов, орехов и прочих припасов. Называется оно «гIела къали» (задняя комната). Выражение это сохранилось у большинства горцев, но такого сооружения здесь нет и данное выражение обозначает заднюю часть комнаты.

Такова наиболее древняя форма даргинского жилища, форма, которая в XIX веке являлась пережиточной и в чистом виде не встречалась. Ее можно найти в качестве составной части более позднего жилища в качестве хозяйственной постройки, зимней комнаты, сеновала и т. д. Факт сохранения более древних форм жилища в виде хозяйственных построек, временного жилья и пр. неоднократно отмечался в этнографической литературе [35]. Повсеместное сохранение этой древней формы жилища объясняется, на наш взгляд, замедленностью общественного развития в крае, его оторванностью, бедностью, а также частыми разрушениями и разорениями в XVIII—XIX вв., что при экономической слабости привело к возрождению древнейших, простейших форм жилища, часто в виде подсобных помещений.

Вторая ступень даргинского жилища в XIX веке уже представляет собой менее архаичную форму. Ее отличительные особенности — многоэтажность, многокамерность, наличие отдельных хозяйственных помещений, приспособленность для жизни малой семьи, некоторая неустойчивость форм жилища, внутреннего расположения его и убранства, связанные с частыми разрушениями с последующим восстановлением и увеличивающимся влиянием русской культуры.

В этот период получила наибольшее распространение форма жилища с несколькими комнатами, причем большей частью двухэтажного. Вначале преобладали дома с количеством комнат до двух, с двумя хозяйственными помещениями на нижнем этаже. Вначале такой дом явился, видимо, просто надстройкой второго этажа над жилищем первой ступени. При этом бывшая жилая комната внизу превращалась в хозяйственное помещение, а над ней по традиции делали такую же комнату с некоторыми изменениями, а второе нижнее помещение становилось хлевом (дерхъ), причем у всех даргинцев он имеет одно наименование. Другое помещение, ставшее сеновалом, имеет очень много назва-

---

И. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет (Итоги и проблемы). УЗ ИИЯЛ, VIII, Махачкала, 1960, стр. 337; В. М. Котович. Верхнегунибское поселение. МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 92. Очень напоминает «кари» и печь из Кюльтепе в Азербайджане. О. Абибулаев. Энеолитическая культура Азербайджана. МАД, II, стр. 71.

[35] См. например, Н. Харузин. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России, М., 1896, стр. 4.

ний (гунири — у урахинцев; кунир — у муэринцев; яха — у акушинцев; кенаркь — у сюргинцев, цуга — у кайтагцев; негла къали — у гапшиминцев; муруцI — у цудахарцев; кимхь — у кубачинцев). Это еще один довод в пользу того, что описанное нами древнее жилище имело только одну пристройку для скота, а все остальные хозяйственные функции были присущи большой комнате. К тому же и сейчас все хозяйственные помещения, сколько бы их ни было, имеют общее наименование «дурхъбе» — «хлевы».

Жизнь семьи в XIX веке по-прежнему протекала в большой комнате, в которой заметны изменения: очаг вплотную придвинулся к стене и постепенно стал заменяться камином, потому что очаг у стены с дымарем — это предтеча камина. Во второй комнате селили женившегося сына, пока он не отстроится, а хозяйственная жизнь протекала в большой комнате, в силу чего вторая комната бывала чище, лучше убрана, что привело к превращению ее в комнату для приема гостей. Но это не кунацкая. Отделение хозяйственной комнаты происходит в основном после появления железной печи, ибо она с резкими скачками ее температуры не подходила для кладовой. Поэтому семья, оставив все хозяйственные припасы в этой комнате, переселяется в другую, где ставится железная печь и тахта. Сюда же перекочевывает и парадная утварь, все постельные принадлежности, ковры, паласы, сундук с одеждой, украшениями и прочими вещами.

Обе комнаты соединялись между собой небольшой дверью.

Примером такого дома является двухэтажный, четырехкамерный дом А. Тааевой в его нынешнем виде в сел. Хаджалмахи.

Следует сказать, что был еще один путь развития — разделение первоначального дома-комнаты. Этот путь был не менее распространен и начался раньше. Варианты разделения были разные, но принцип — один: отделение части со съестными припасами, части с парадной утварью и части с центральным столбом и очагом. Об этом свидетельствует и тот факт, что отдельные помещения позднего жилища носят названия частей большой древней комнаты. Например, «гIела къали» «задняя часть комнаты», где хранились припасы в старом жилище, в позднем жилище — отдельная хозяйственная комната.

Не следует считать, однако, что многокамерное жилище победило в XIX веке окончательно. В даргинских аулах было еще очень много как одноэтажных, так и одно- или двухкамерных жилищ, сохранивших многие архаические черты. Но это уже относится не к эволюции жилища, а к вопросу о социальном неравенстве — маломощные хозяйства не могли строить большие, многокамерные жилища и ограничивались реставрацией и переделкой старых.

Вторая ступень эволюции жилища XIX века представляется нам наиболее длительной, господствовавшей вплоть до 80-х гг. Третья ступень начинается с окончанием Кавказской войны и получает большое развитие после 1877 года. Хозяйство горца, включаясь постепенно в орбиту всероссийского рынка, стало экономически сильнее, что вызвало в свою очередь увеличение усадебного хозяйства и изменения в конструкции и величине жилища.

Дальнейшее развитие производительных сил и общественных отношений, наряду с увеличением обменных и культурных связей привело к изменению некоторых норм и традиций семейных отношений. Часты стали случаи немедленного, после создания своей семьи, отделения детей от родителей и образования новых семейных ячеек. Но совсем отрываться эти семьи не хотели, и поэтому новую семью стремились устроить в родительском доме, а для этого был один способ — увеличение числа жилых помещений. Многие стали строить трехкамерные дома, в которых третья комната была предназначена для могущей

возникнуть новой семейной ячейки. Поэтому с самого начала эта комната выделялась своей обстановкой (лучшие постели, мебель, утварь, оружие и пр.).

Но семейная ячейка возникала не сразу, а возникнув, не всегда оставалась в доме родителей, а строила себе дом рядом, вследствие чего третья комната превратилась в своего рода парадную комнату. Называлась она у большинства даргинцев «тавхана» (каминная комната) или «барщиб къали» (обставленная комната) «чебяхI къали» (верхняя комната). Камин долго сохранялся в этой комнате, даже тогда, когда он совсем не использовался по своему прямому назначению, являясь своеобразным декоративным украшением. Поэтому парадная комната и посейчас часто называется «тавхана», хотя камина в ней нет.

Естественно, что парадная комната стала и кунацкой, так как в силу законов традиционного гостеприимства гостя нужно было принимать в лучшем месте жилища, в лучшей комнате.

Третье помещение нижнего этажа служит для размещения увеличившегося сельскохозяйственного инвентаря, скота, кормов, дров и пр.

В нагорной зоне жилище этой ступени еще сохраняет камин и даже очаг, которые постепенно вытесняются железной печью. В предгорье камин и очаг вытесняются каменно-глиняной печью, а в горно-долинной зоне — железной печью. Очаг, правда, теперь не такой примитивный, чаще всего это уже пристенный очаг или камин, поэтому и очажная комната вместо «комнаты огня» стала называться «комнатой очага» («цIабилкьла къали»).

Печь предгорья — это прямоугольное сооружение из камня и глины, высотой 0,5—0,7 м., часто на ножках (чтобы можно было просовывать ноги под низ печи), без дверцы. Под ее выкладывают каменными плитами (по возможности одноц. цельной). Дымоход часто отводят спереди, что способствует лучшему использованию и хорошей тяге; такие печи никогда не дымят, несмотря на отсутствие дверцы.

Вообще надо сказать, что система отопления — один из наиболее резко различающихся элементов в жилище разных зон. В горах открытый очаг в центре комнаты сменяется тарумом, затем камином и железной печью; в предгорье — большим очажным отсеком, камином, затем каменно-глиняной печью.

Характерно, что система отопления разнится в прямой зависимости от видов топлива и его достатка. Очаг с отсеком, эта наиболее неэкономичная система отопления, был распространен в зоне лесистых предгорий и исчезает сразу же по окончании их. Старожилы рассказывают, что за зиму они сжигали 30 возов дров (60 куб. в.) и при этом часто бывало так, что спереди человек, греющийся у огня, горит, а со спины мерзнет [36].

В горах единственный вид топлива — это кизяк и нужна была очень жесткая экономия, чтобы запасов топлива хватило на всю зиму. Нам кажется, что именно нехватка топлива привела к появлению в горах закрытого очага («тарум»), который отличается большой экономичностью.

Эти различия в отоплении и видах топлива сказываются даже на внешнем виде аулов. Попавшему в незнакомый аул достаточно взглянуть на крыши домов или на его окраины: в горном ауле они бывают заняты штабелями кизяка.

Для жилища третьей ступени характерна также более строгая определенность и дифференцированность как отдельных помещений, так

---

[36] Полевой материал 1960 года. Инф. М. Кубиев.

и частей внутри них, обязательная двухэтажность жилища, непременное наличие окон.

В горно-долинной зоне и отчасти в горной и предгорной зонах жилище имеет большую солнечную веранду «сарчи», «гьарка» и окна во всех комнатах, выходящих на эту веранду; последняя часто огорожена ажурной балюстрадой с минимальной тенью. Для горной и предгорной зон, напротив, характерно слабое развитие веранды, а иногда и почти полное ее отсутствие. В предгорье это вызвано жарким летом (в нижнем предгорье) и особенно осенне-зимним ненастьем, отчего здесь веранды полузакрыты деревянной перегородкой, а летом дополнительно закрываются дубовыми ветками. Бывают здесь дома и совсем без веранд — в тех случаях, когда второй этаж дома расширяют на всю ширину крытого двора, образуя целиком крытый хозяйственный и жилой комплекс, закрытый со всех сторон (например, дом М. Жамаева в Губдене).

В условиях гор, в частности в акушинских и сюргинских селениях, недоразвитость веранды можно объяснить сильной земельной теснотой, когда небольшой размер участков побуждал максимально использовать для жилья каждый квадратный метр площади. Отсюда появление здесь оригинальных домов, квадратных или многоугольных в плане, веранда которых превратилась в своеобразный внутренний коридор — комнату «кисси», «сикъала» с небольшой лоджией, ориентированной на юг. Поскольку площадь, занимаемая такими домами не могла быть увеличена, они росли в высоту до трех-четырех этажей. Второй этаж отводился под сеновал, третий — под жилье, первый для скота. Двора не было. Такие дома были удобны и с оборонительной точки зрения, что впоследствии тоже стали учитывать.

Эти дома можно назвать домами башнеобразного типа, ибо они имеют большое сходство с усеченной башней. Характерны они и для других народов Дагестана и всего Кавказа; в частности, имеется много общего между ними и осетинскими «галуанами»[37].

Следует отметить, что подобные дома можно встретить и в некоторых селениях предгорья (например, в Урахи), особенно на окраине селения, что объясняется, на наш взгляд, интересами обороны селения в целом (внутренняя сторона таких домов открыта и имеет веранду, а внешняя — только небольшую лоджию). В селениях с очень крутыми склонами (например, Харбук, Цугни, Хуршни и др.) подготовка ровной площадки даже для таких набольших по занимаемой площади домов была очень трудной задачей. Поэтому в таких местах ступенчатым является не только селение в целом, но и многие дома в отдельности. В последнем случае для двора (чаще всего закрытого) подготавливалась одна площадка, для сеновала — вторая, для дома — третья. Нижней ступенью служил двор со своей крышей, здесь же устраивались помещения для скота. Иногда двор открывали в сторону склона. Второй ступенью служил сеновал, выходивший своими открытыми звеньями на крышу двора, третьей ступенью — жилье, выходившее своей лоджией на крышу сеновала и имевшее лестницу, ведущую вниз. Часто входы во двор, сеновал и дом бывали отдельные, по склону, соответственно трем ступеням. Интересно отметить, что в третьей ступени эволюции жилища заметно различие происхождения многокамерности: разделением комнаты или пристройкой. Часть домов имеет три комнаты, но средняя из них выполняет роль своеобразного коридора и имеет двери в обе стороны, т. е. в обе комнаты (разделением). Эта комната служит для хранения хозяйственных запасов и приготовления пищи, здесь стоят

---

[37] Н. В. Гильченко. Материалы по антропологии Кавказа. I. Осетины. СПб., 1890, стр. 44.

лари с мукой, хранится мясо и пр. Налево от коридора помещалась, обычно, комната повседневной жизни семьи, направо — парадная комната. Другая часть домов имеет комнаты в ряд, выходящие дверьми на веранду; здесь комнаты — коридора уже нет. Интересен тот факт, что жилище с комнатами — коридорами более характерно для старых селений, а с комнатами в ряд — для новых.

В предгорье были распространены дома с коридором, выходящим на заднюю сторону дома в виде лоджии, но они не всегда имели веранды. Дома с верандой на фасадной солнечной стороне, с комнатой — коридором, которая выходит на заднюю сторону дома лоджией, не характерны для жителей горной зоны и цудахарцев. Больше всего они характерны для кайтагцев и вообще для архитектуры южного Дагестана, в частности, для Табасарана [38].

Нужно сказать, что жилище третьей ступени не завершило своего развития в XIX веке и продолжало совершенствоваться в XX веке.

Таким образом, жилище в своей эволюции за XIX век прошло три ступени, причем каждая новая ступень означала шаг вперед в увеличении усадьбы, жилища, жилого фонда, в дифференциации назначения отдельных элементов и построек жилища, в типизации, санитарно-гигиеническом улучшении и пр.

Следует только отметить, что ступени эволюции горного и предгорного дома выделяются менее резко, чем у цудахарцев, что объясняется, по-видимому, более спокойным, постепенным развитием, связанным с удаленностью от театра военных действий в Кавказскую войну, а также от новых дорог и, следовательно, от влияния русской культуры, а в горах еще и с бедностью населения.

Советский период.

Типы и формы жилища XIX века послужили основой для жилищного строительства и на протяжении всего последующего времени, вплоть до наших дней. Это объясняется тем, что в XIX веке сложились такие типы и формы жилища, которые в наибольшей степени отвечали как традициям и потребностям горцев, так и местным условиям (рельеф, климат, профиль хозяйства и пр.) и материальным возможностям.

Возможность такой концентрации всего лучшего и наиболее отвечающего местным условиям в жилище XIX века создалась в силу того, что в XIX веке шло очень большое жилищное строительство, а в период массового строительства быстрее и лучше усваивается опыт предыдущих поколений и скорее внедряется новое.

Тем не менее в современном жилище мы найдем очень большие изменения, вызванные новыми социально-экономическими условиями жизни, изменения, которые во многом преобразили лицо даргинского аула.

Прежде всего бросается в глаза постепенное исчезновение наиболее архаичных конструкций — одноэтажных однокамерных домов и многоэтажных домов-башен. Условия, еще имевшиеся в XIX веке для их существования (теснота, интересы обороны, бедность, замкнутость территории), в советское время исчезли. Основными типами стали многокамерные двухэтажные и приподнятые дома [39]. В первое время после революции наиболее распространенным было многокамерное (чаще

---

[38] С. О. Хан-Магомедов. Народное жилище южного Дагестана. СЭ, 1951, № 1.

[39] В литературе их чаще называют «полутораэтажными». См. например, С. Ш. Гаджиева. Народное жилище каякентских кумыков, стр. 78.

трех камерное) двухэтажное жилище. В это время с улучшением жизненных условий и облегчением доставки стройматериалов, каждый крестьянин получил возможность строить дом по лучшему образцу, а этот дом был таковым, ибо он наилучшим образом отвечал условиям быта горского крестьянина. Двухэтажность обеспечивала крестьянина хозяйственными строениями при максимальной экономии земли. Трехкамерность отвечала сложившимся традициям семейного быта и ведения хозяйства, позволяя выделять хозяйственную комнату и кухню, парадную комнату, и комнаты повседневного семейного обихода.

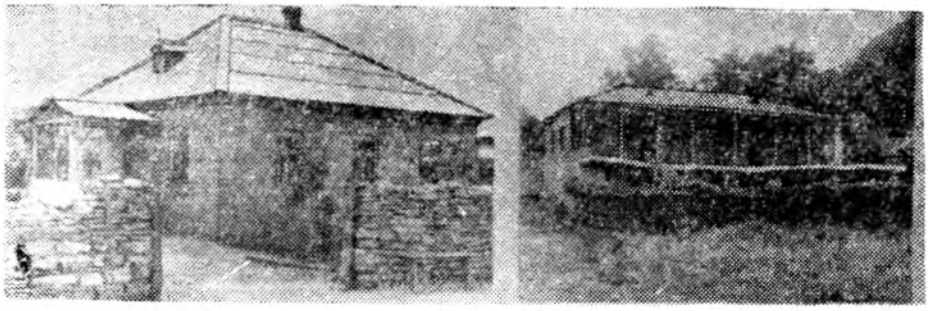

Рис. III. Современные дома в предгорье и на плоскости:
1 — одноэтажный дом переселенца. с. Первомайское, 2 — двухэтажный дом с открытой верандой. с. Газия.

Как и в XIX веке, одна из комнат является парадной (барщиб хъали — обставленная комната); она служит и для приема гостей, ибо особой комнаты для приема гостей (и термина, выделяющего такую комнату, вроде терминов «кунацкая», «гостиная» и др.) у даргинцев не было. Другая особенность в планировании даргинского жилища — отсутствие разделения на мужскую и женскую половины, отмеченное Б. А. Калоевым у агулов, но ошибочно приписываемое им только последним[40]. Если вспомнить, что наиболее строго это разделение проводится у народов с развитым феодальным строем (среднеазиатские ханства, ханства Азербайджана и южного Дагестана, кумыкские, кабардинские и осетинские феодальные владения), то напрашивается вывод, что отсутствие этого разделения у даргинцев объясняется незрелостью форм общественных отношений.

Вторая комната (чаще средняя) служит, как и раньше, для хозяйственых нужд: хранения продуктов, копчения, вяления и пр.

Третья комната — это центр семейной жизни, здесь готовят пищу, едят, принимают гостей из своего аула, здесь же происходят семейные совещания, на которых решаются все вопросы семейной и хозяйственной жизни.

Расположение комнат мало изменилось — как и раньше хозяйственной комнатой чаще бывает средняя комната, причем часто она бывает как бы комнатой-коридором, с проходами в обе комнаты.

Форма расположения комнат, конфигурация дома, его внешние очертания в основном остались без изменения. В горных долинах это чаще всего дом с тремя комнатами в ряд, с верандой; с одной удлиненной комнатой и верандой (Г — образный); с удлиненными крайними комнатами и верандой (П — образный).

---

[40] См. Б. А. Калоев. Агулы. «Народы Дагестана», М., 1955, стр. 209.

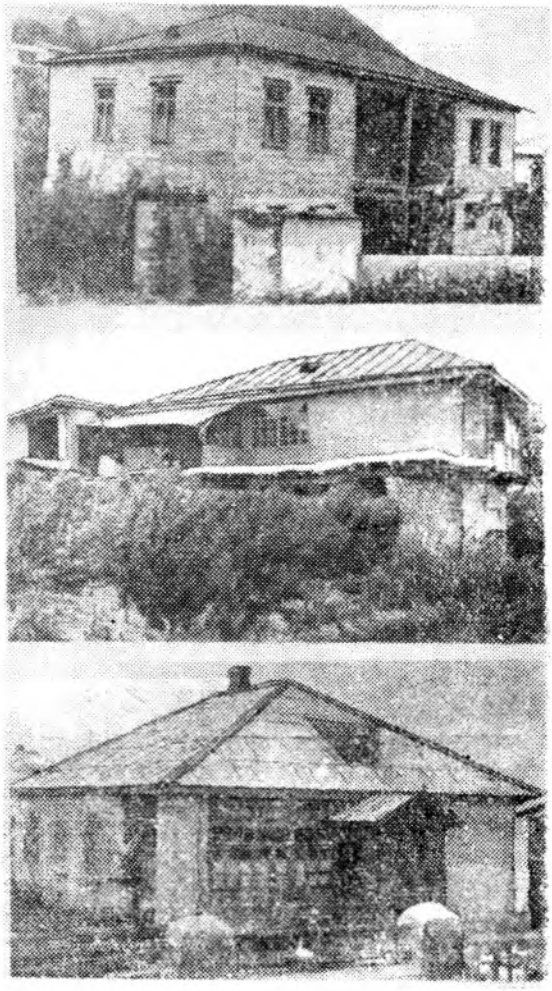

Рис. IV. Современные дома в предгорье и на плоскости:
1 — двухэтажный двухрядовый дом с лоджией с. Санчи, 2 — двухэтажный дом с галлереей с. Чумлы, 3 — одноэтажный дом переселенца с. Первомайское.

Увеличение крестьянского хозяйства в послереволюционные годы иногда приводило к увеличению размеров дома и изменению его конфигурации: стали появляться дома с четырьмя комнатами, в которых четвертое помещение служит внизу для увеличения площади, отводимой под хозяйственные нужды, а на верху чаще для парадной комнаты или кладовой.

В двухэтажном жилище предгорья обычно бывает от трех до шести комнат (чаще три-четыре). Одна из них, как правило, самая большая, является, как и раньше, парадной и гостиной одновременно. Отличие состоит в том, что во многих домах парадных комнат оказывается теперь больше, так как мебели и различных предметов обихода стало много. У части даргинцев эта комната сохранила камин в качестве предмета украшения и называется «тавхана» (т. е. каминная комната).

Две другие комнаты являются семейной и кладовой, причем последняя тоже занимает второе помещение.

Конфигурация жилища встречается двух форм: однорядная и двухрядная. В первом случае помещения расположены в один ряд, перед ними устраивается навес (внизу) и веранда (наверху). Такие дома более характерны для северного предгорья (Урахи, Мекеги и др.).

Во втором случае веранда отсутствует, параллельно фасаду дома расположены в два ряда четыре или шесть помещений, в центре дома, перпендикулярно к фасаду идет коридор — помещение, которое внизу играет роль крытого двора навеса перед хозяйственными помещениями, а наверху является своеобразной комнатой-коридором, из которой ведут двери в расположенные по обе стороны от нее жилые помещения. Такие дома, только без веранд и галерей, закрытые и глухие были характерны для Кайтага и в прошлом, а теперь они получили в своем нынешнем виде распространение и гораздо севернее (Сергокала, Губден и др.). Они характерны также и для соседей кайтагцев по предгорью— табарасанцев и кумыков.

Двухэтажное жилище гор существенно отличается от предгорного. Прежде всего нужно отметить, что оно бывает меньше предгорного. Количество комнат колеблется от двух до четырех. Разделение такое же: парадная (тавхана), хозяйственная (гIела къали), семейная (цIабилкьла къали). Интересно отметить, что названия комнат уже не отвечают их нынешнему состоянию. В «тавхана» теперь не устраивают камина (тав), в «цIабилкьла къали» (очажная) нет никакого очага, а «гIела къали», которая раньше была дальней частью большой комнаты или же небольшим сооружением в углу для некоторых припасов, превратилась в большую отдельную кладовую.

Преобладает жилище однорядное, с верандой или лоджией, сделанной в центре веранды (у сюргинцев). Встречаются дома различной формы: с удлиненной крайней комнатой (Г — образная) с двумя удлиненными комнатами (П — образная). Нижний этаж дома во всех зонах занят под хозяйственные помещения.

Промеры таких строений: длина дома — 12—15 м, ширина — 1—8 м; комнаты — 3,5—5×4,5—6 м, веранда — 1,5—3 м, высота — 2,5—3 м (верхнего этажа), причем наиболее крупные дома встречаются в предгорье, а самые малые — в нагорной части.

Преобладание трехкамерного двухэтажного жилища продолжалось вплоть до послевоенных лет. Но в последнее время, с победой колхозного строя и сосредоточением хозяйственной жизни в колхозе начинает намечаться новая тенденция в жилищном строительстве, которую можно назвать тенденцией к сокращению хозяйственных помещений. Поскольку большая часть крупного рогатого скота, овцы, основная масса сена, вся солома, фрукты, овощи и многое другое сосредоточивается в колхозе, отпадает надобность строить помещения для них в индивидуальном жилище. Первые этажи двухэтажных многокамерных домов стали пустовать, в них нечего было хранить и тем более содержать скот. Так как мебели и украшений в последнее время стало больше, то парадными часто становились две комнаты и семья стала использовать для жилья и высвободившиеся нижние помещения. Кроме того, с увеличением тяги к образованию стали стремиться выделять отдельные помещения для учащихся — вначале только для приготовления уроков, а затем и постоянные. В связи с этими изменениями произошло как бы смещение или изменение назначения помещений, жилые помещения стали как бы вторгаться и на нижний этаж, занимая часть его помещений. Чаще всего занимались одно или два нижних помещения, преимущественно под комнаты повседневного обихода, для приготовления и приема пищи.

Однако помещения нижнего этажа не были приспособлены для жилья, в них не было окон, они плохо вентилировались и т. д. Кроме того, разрывался комплекс жилых помещений одной семьи — часть была внизу, а часть наверху.

Все эти обстоятельства натолкнули на мысль о необходимости таких изменений в планировке дома, которые обеспечивали бы семью достаточным количеством жилых помещений в одном неразрывном комплексе и в то же время сократили бы количество ненужных хозяйственных помещений. Двухэтажная конструкция, таким образом, исключалась, так как первый этаж не оправдывал затраченных средств и труда, так как был неудобен для жилья и не нужен для хозяйственных целей. С другой стороны, одноэтажная конструкция не подходила, ввиду земельной тесноты — для того, чтобы расположить в ряд жилые и в необходимом количестве хозяйственные помещения, нужно было слишком сильно вытягивать дом в длину. Выход был найден в создании приподнятого дома. Преимущества этого дома состоят в том, что он требует меньше затрат, отделяет жилой фонд от помещений для скота,

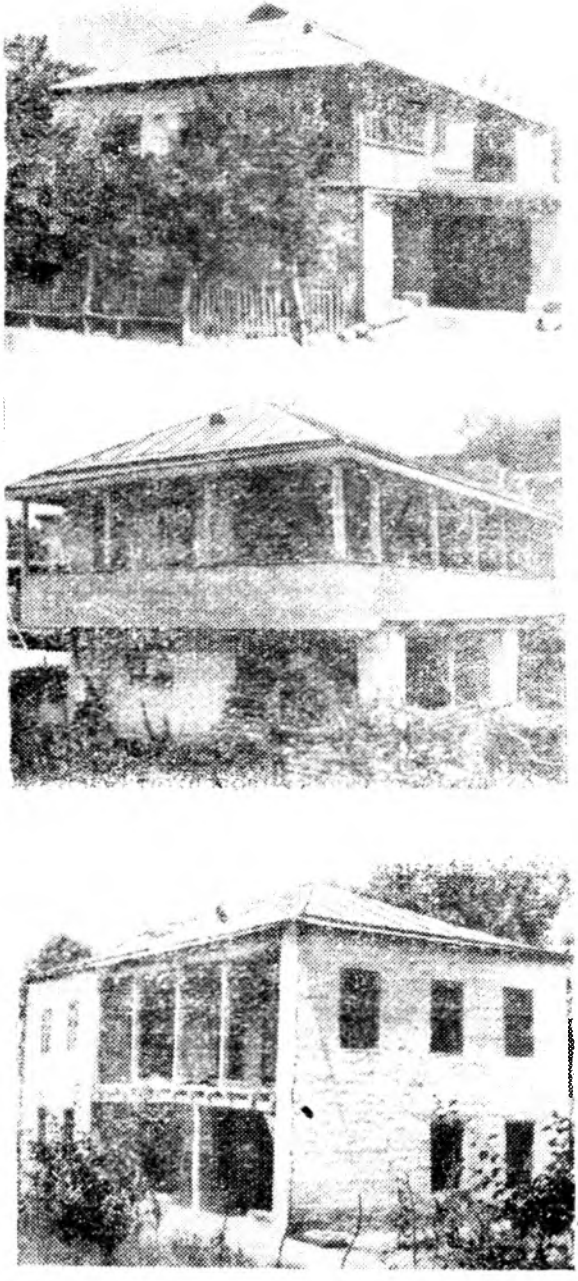

Рис. V. Современные дома в предгорье:
1 — дом в с. Санчи, 2 — д. в с. Баршамай, 3 — д. в с. Джавгат.

максимально приближает хозяйственные помещения с функциями хранения (кладовая) к жилым комнатам, удобен в повседневной жизни. Самый большой минус его, мешающий его внедрению, — он требует участка сравнительно большего размера, что для горцев служит серьезным препятствием.

Такой дом ставится на высоком фундаменте, возвышающемся над землею примерно на 1—1,5 метра. Место под полом будущих комнат заполняется землей и битым камнем, место под верандой, напротив, углубляют. Таким образом, под верандой образуется подвал и перекрытие подвала служит основанием веранды. Под комнатами подвала не делают. Подвал служит для хранения различных припасов (солений, мяса, зерна, фуража и пр.), инвентаря, летом воды, пищи, скоропортящихся продуктов. Создание подвала высвобождает большую часть дома под жилые комнаты, которых бывает от трех до шести. В результате создания такой конструкции колхозник почти вдвое увеличивает свой жилой фонд и избавляется от ненужных затрат на малополезные помещения нижнего этажа.

Приподнятый дом получил особенно большое распространение в послевоенные годы, с дальнейшим укреплением колхозов и уменьшением роли индивидуального хозяйства.

Конечно, потребность в помещениях для скота, находящегося в личной собственности колхозника, еще сохранилась, поэтому для скота при строительстве домов такого типа пристраивают специальное строе-

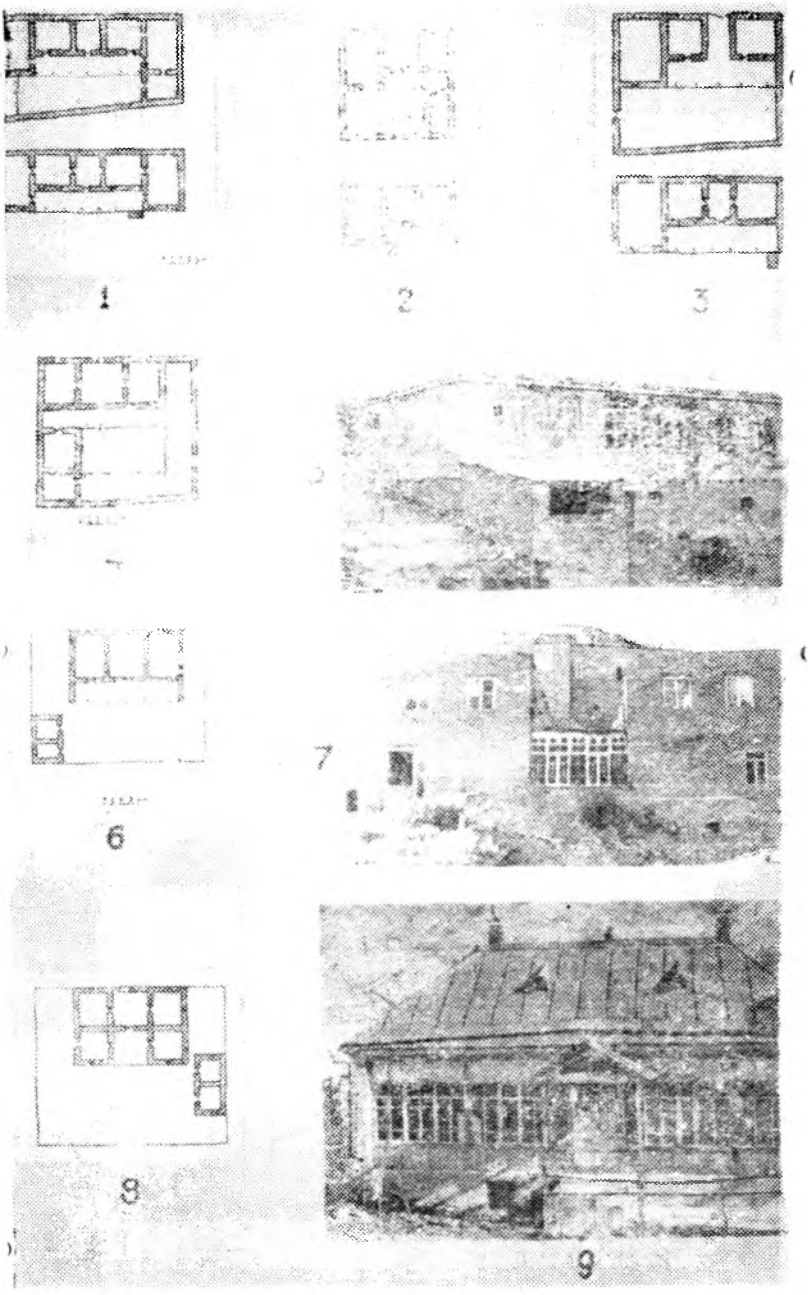

Рис. VI. Современное жилище гор и горных долин:
1—2 — Современные двухэтажные дома сс. Хаджалмахи **(1)** и Цудахар **(2)**, **3** — дом начала XX в. с. Хаджалмахи, **4** — современный приподнятый дом с. Цудахар, **5** — современный двухэтажный дом с. Кубачи, **6** — одноэтажный дом с. Аршимахи, **7** — современный многоэтажный дом с. Кубачи, **8** — одноэтажный двухрядовой дом с. Танты, **9** — приподнятый дом с. Хаджалмахи.

ние, обычно к крылу дома, а иногда отдельно от него (если позволяют размеры двора).

Превосходство дома такого типа, ввиду его экономичности и приспособленности к условиям современного быта, очевидно. Но когда в ауле мало свободной земли и участок под строительство невелик, что часто бывает и в современном горном селении, строят двухэтажный дом во всю ширину участка, так как он имеет важное в условиях земельной тесноты преимущество — дает максимум жилого фонда на единицу земельной площади.

Разумеется, что при этом большая часть помещений нижнего этажа используется под жилье, одно помещение — под хозяйственные нужды, а для скота чаще всего делается пристройка, разной величины в каждом отдельном случае, в зависимости от индивидуальных потребностей.

Некоторые различия по зонам существуют и в этом типе.

Предгорное жилище имеет невысокий цоколь, устройство помещений в котором невозможно. Дом имеет от 3 до 5 комнат, веранду, иногда крыльцо. Встречаются стеклянные галереи. Под верандой имеется подвал для хозяйственных нужд (хранение). Скот содержится в отдельных от дома постройках, находящихся в другом углу двора или примыкающих к дому сбоку.

Среднюю комнату часто делают в виде комнаты-коридора с дверьми в обе стороны. Парадной комнатой бывает комната, наиболее удаленная от лестницы, крыльца. Окна выходят во все стороны, но на задней стороне дома их все-таки меньше.

Встречается двухрядное, квадратное в плане жилище из четырех комнат, с крыльцом и шиферным покрытием, заимствованное из плоскостных районов.

Горный приподнятый дом отличается прежде всего своим цоколем — последний делается с таким расчетом, чтобы внизу можно было устроить первый этаж, пусть даже неполный. Поэтому данный тип дома имеет как бы полтора этажа, из которых полным является верхний. Нам представляется, что такой тип жилища получил здесь распространение в силу земельной тесноты. Хотя уменьшение надобности в хозяйственных помещениях и вызывало появление приподнятых домов, но отсутствие участка для всяких других пристроек вызвало потребность иметь под домом хотя бы полуэтаж для содержания скота и хранения инвентаря.

В некоторых горных селениях, где имеются переселенцы с плоскости, вернувшиеся обратно с изменением административного деления смежных республик, распространился и предгорный тип и даже плоскостной двухрядный одноэтажный квадратный дом.

Таким образом, наиболее распространенными типами современного жилища у даргинцев являются двухэтажный (раньше) и приподнятый (позже). Следует только добавить, что в нижнем предгорье встречается и одноэтажный дом с большими самостоятельными хозяйственными постройками, распространение которого связано, по-видимому, с особенностями строительных материалов и традиций (саман, турлучные стены и пр.).

3. ПЛАНИРОВКА ЖИЛИЩА.

Архитектурная планировка — один из устойчивых, наименее подверженных изменениям, элементов жилища. Тем не менее, огромные изменения, происшедшие в экономике и культуре даргинцев, привели к большим преобразованиям и в планировке жилища. Из основных причин изменений прежде всего следует указать на причины экономическо-

го характера, выразившиеся в увеличении мощи хозяйства советского крестьянина. Эти причины привели к изменениям в величине двора, назначении и числе хозяйственных построек, размере комнат и приусадебных участков, в характере жилых помещений, в системе отопления, освещения и пр.

Причины общественного порядка привели к изменениям планировки таких элементов, как ограда дома, двора, положение, величина и количество окон; кроме того, изменилось и направление общественного строительства — вместо мечетей, которые являлись наряду с медресе основными общественными постройками, теперь строят здания клубов, изб-читален, радиоузлов, школ и т. д.

Есть еще одно обстоятельство, сказавшееся на планировке даргинского жилища и вызвавшее большие изменения в нем — это общий культурный подъем у даргинцев, культурная революция, которая изменила привычки и вкусы, наклонности и потребности даргинцев, что соответственно сказалось и на планировке жилища, на характере его отдельных элементов. Возьмем, к примеру двор жилища. За последние десятилетия он претерпел столько изменений, сколько не претерпевал за все время своего существования.

Сразу же после революции, благодаря увеличению количества середняков и укрупнению их индивидуального хозяйства увеличивается количество дворов и их размеры. Поскольку оборонительные функции аула отпали, крестьяне стали строиться на его окраинах, поближе к ровным участкам, где можно было и двор расширить, и приусадебный участок завести. Новых дворовых построек в советское время не возникло, но те постройки, которые раньше имелись только у богачей, теперь появились у всех. Роль двора с его навесом и хозяйственными постройками увеличивается, появляются приусадебные участки с огородом, которые вообще не были известны в нагорном Дагестане.

Для современного двора характерен невысокий забор, который иногда носит чисто символический характер, так как ничего не загораживает и не укрывает. Это вполне понятно — современному владельцу двора незачем скрываться от окружающих, нечего прятать за высоким забором. Зародившись во времена постоянных войн и института кровной мести для защиты дворового имущества, затруднения доступа в дом и укрытия от неприятельских глаз, а в годы господства ислама получив еще функцию сокрытия семейной жизни и особенно прятания женщин от окружающих, забор в наши дни стал оградой для скота и чем-то вроде показателя границ участка.

Так исчезли оригинальные каменные заборы кайтагцев, поверху которых нагромождались по всей длине забора груда мелких камней. Они падали при малейшей попытке проникнуть во двор через забор и производили большой шум.

Сам двор изменился в том отношении, что в нем стало меньше строений. Даже традиционный навес, без которого не обходился ни один старый двор, стал ныне уменьшаться.

Поскольку лучшие участки под огороды и сады находятся на окраинах аула, многие селения как бы рассредотачиваются: происходит постоянный процесс постепенного запустения бывшего центра аула и интенсивное заселение его окраин. Разумеется, усадьба на окраинах бывает просторнее, при доме имеются сад и огород и селение приобретает совершенно иной вид. Яркий пример в этом отношении представляют селения Санчи, Губден (в предгорье), Танты, Гапшима (в горах), Хаджалмахи (горно-долинное).

Современный двор унаследовал от старого одно свойство — он всегда бывает перед домом; дворов, которые окружали бы дом со всех сторон, у даргинцев не было. Традиция эта имеет двоякие корни — общест-

венные и топографические. Во-первых, ступенчатая архитектура поселения исключала возможность иметь двор за домом, ибо он венчал участок и за ним следовал уже другой дом; во-вторых, традиции воинственного быта обычно требовали, чтобы весь двор и постройки обозревались бы хозяином дома, находящимся в различных пунктах дома (у входа, на веранде, у окна, на крыше и т. д.).

В планировке самого дома, в расположении комнат и характере помещений также можно проследить большие изменения.

Обычно дом бывает обращен фасадом к двору, который как бы отдаляет дом от улицы. Как и раньше, возможны несколько вариантов расположения дома, но все они служат одной цели — закрыть или отдалить фасад дома от улицы. Дом располагается в конце двора в виде прямоугольника, опрокинутого «г» или в виде «п». Правда, в послевоенном строительстве даргинцев встречаются (особенно в нижнем предгорье) дома нового типа, которые не имеют капитального забора, ворот и обращены фасадом к улице. Это преимущественно дома со стеклянной галереей и невысоким забором, с участком, окружающим дом со всех сторон.

В послевоенных приподнятых домах преобладает форма буквы «п». Расположение комнат в доме изменилось в сторону приспособления к новым бытовым условиям. Хотя жилище XIX века и проделало путь от однокамерного к трехкамерному, бедность основных масс дореволюционного крестьянства не позволяла им иметь многокомнатные дома и поэтому очень много хозяев по-прежнему вынуждены были ютиться в однокамерных жилищах. Так, например, Г. Амиров указывал, что «у большей части горцев существует только одна комната, которая служит для горцев всем, от гостиной до кухни» [41].

Расположение комнат в трехкомнатном двухэтажном доме сохранилось в основном прежнее. Как и в XIX веке, средняя комната чаще служит хозяйственным целям, восточная является комнатой повседневного обихода и западная — парадной. Средняя комната, как и раньше, бывает комнатой-коридором. Отличительным признаком современных комнат является увеличение их объема, главным образом за счет высоты потолка, которая достигает 2,5—3 метров, а иногда и больше. Интересно отметить, что в предгорье и у цудахарцев жилище благодаря более высокому жизненному уровню населения и большим товарным и культурным связям, во многих отношениях лучше жилища остальных даргинцев, превосходя его по общему объему, жилой площади, количеству комнат, высоте потолка, величине двора и по другим показателям [42].

Наиболее часто встречается разделение на парадную, хозяйственную и семейную комнаты, в предгорье очень часто выделяют и кухню. Реже чем остальные комнаты выделяется столовая, роль которой почти всегда выполняет семейная, а в случае, когда нужно накормить гостей — парадная комната. Чаще стали теперь делать спальни, причем нередко наблюдается совмещение парадной и спальни для гостей в одном помещении. Таким образом, и ныне у горцев сохранилось стремление так устроить гостя, чтобы он чувствовал себя как дома, имел бы свое обособленное, предоставленное исключительно в его распоряжение помещение. Хозяин хочет, чтобы гость нашел у него все, что тот имел у себя дома, а то и побольше.

В связи с этим будет небесполезно коснуться вопроса об отсутствии у даргинцев специальной кунацкой комнаты со своим особым наз-

---

[41] Г. Амиров. Среди горцев северного Дагестана. ССКГ, т. VII, Тифлис, 1873, стр. 79.

[42] «Даргинцы», стр. 142, 146.

ванием. Изучение этнографического материала показало, что явление это имеет общедаргинский и даже, по всей вероятности, общедагестанский характер. Действительно, в даргинских аулах мы никогда не встречали специально выделенной кунацкой, а только наблюдали общераспространенное явление предоставления в распоряжение гостя парадной комнаты. Гостя усаживали в самом лучшем месте, в однокамерном доме таковым было место у очага или камина. Когда произошло разделение на отдельные помещения, гостя стали принимать в самой лучшей, богато убранной комнате дома, т. е. в парадной.

Тем не менее принято говорить об отдельной «кунацкой» как о явлении аксиоматичном и термин «кунацкая» завоевал прочное положение в литературе о народах Дагестана. Это объясняется, видимо, следующим образом: Первым народом, с которым русские столкнулись в Дагестане и с которым чаще общались — были кумыки. Кроме того, кумыкский язык являлся в то время для Дагестана своего рода международным языком и был знаком русским лучше других дагестанских языков. У кумыков же существовала отдельная комната для приема гостей-кунаков со специальным названием «къонакъ уьй» (кунацкая). А русские офицеры и путешественники, бывая в аулах нагорного Дагестана видели, что кунакам везде отводят лучшее, самое богатое помещение, которое в остальное время в большинстве случаев пустует. Поэтому они решили, что это специально выделенная, как у кумыков, адыгейцев и других, комната для гостей-кунаков и стали называть ее по аналогии с кумыкским жилищем «кунацкой», хотя соответствующего синонима в языках нагорного Дагестана не существует. Так парадная комната горцев получила в русской литературе название «кунацкой», хотя прием гостей лишь одна из главных, но не единственная функция этого помещения, причем оно возникло вовсе не как помещение для гостей [43].

Тот факт, что у кумыков, адыгейцев и других народов, у которых были более развиты феодальные отношения, существует отдельная кунацкая, свидетельствует, видимо о том, что появление отдельной кунацкой связано (как и разделение дома на мужскую и женскую половины) со степенью развитости общественных отношений. Если свободный общинник встречает гостя раскрыв перед ним весь дом и выбрав наилучшее место, то феодал скрывает от гостя как своих домочадцев (особенно женщин), так и течение жизни в доме. Крестьянина же периода феодализма толкает к замкнутости феодальный произвол, насилия и проч.

Что касается вопроса о кухне, летом всегда пользуются отдельной кухней: в двухэтажном доме ее выносят часто на крышу навеса или в конец веранды, которую огораживают со стороны двора, или же устраивают на первом этаже, под тем же навесом, у лестницы.

В одноэтажных зданиях летней кухней бывает нечто вроде открытой комнаты с тахтой, нишей, шкафом, железной печкой и пр. и которая так же, как и в двухэтажном здании, является огороженной со стороны двора частью веранды.

Приготовление пищи вне помещения, хотя и без специальных кухонь, знакомо даргинцам с давних пор. Но отдельной кухни, рассчитанной и на зимнее время у них не сложилось, ввиду недостатка топлива. Зимой пищу готовили в комнате повседневного обихода с тем, чтобы не пропадало тепло сжигаемого для приготовления пищи топлива. Вообще надо сказать, что система отопления даргинского жилища, если

---

[43] Г. Я. Мовчан. Из архитектурного наследия аварского народа. СЭ, 1947, № 4, стр. 205.

только можно говорить о таковой в отношении XIX и даже начала XX века, претерпела огромные изменения.

В XIX веке у даргинцев господствовал очаг, который из середины комнаты переместился к стене. Все современники единодушно отмечают, что у дагестанских горцев имеются только очаг и камин. Так, Н. Дубровин, суммируя наблюдения очевидцев, писал о полуочаге с дымоотводом «через балдахин в прямую трубу, или в дыру на потолке, или вовсе без всякого дымоотвода» [44].

А. Пантюхов утверждает даже, что горские «сакли не отапливались» и «камины с открытою трубою служили только для приготовления пищи и для того, чтобы погреться» [45]. Все современники были единодушны в том, что «камины эти никогда не могут нагреть комнаты [46].

Такое положение было общим для всех горцев Дагестана, живших в безлесных районах. Очаг в его первоначальном виде, то-есть центральный очаг, сохраняет в себе многие черты костра, разжигавшегося далекими предками человека для приготовления пищи и для того, чтобы погреться. Функция защиты от зверей отпала с усовершенствованием оружия и созданием прочного жилища. С другой стороны, скудность топливных запасов не могла привести к эволюции очага и камина и возникновению печи, так как горец практически не имел столько топлива, чтобы можно было нагревать печь. В противном случае практика сотен поколений в разжигании очага и камина, с их нагревающимся дном, окружающими камнями и дымарем, накаливанием камней от длительного горения (что было бы при обилии топлива) обязательно привела бы к возникновению и совершенствованию печи. Так и было везде, где человек имел много топливных ресурсов и, напротив, везде, у всех народов, живущих в условиях безлесья, очаг и камин сохранялись до тех пор, пока их не вытесняли средства приготовления пищи и обогрева, занесенные другими, более цивилизованными народами (что происходило в большинстве случаев в XIX веке).

В нагорном Дагестане очаг и камин были вытеснены железной печкой-времянкой, которая была завезена русскими. Здесь она быстро прижилась и стала основным средством отопления и приготовления пищи в силу ряда своих свойств, подходящих для местных топливных условий. Но процесс вытеснения очага печью длился сравнительно долго и завершился только с победой колхозного строя. Еще в 1927 году у даргинцев, как отмечала Ю. Вадковская, «приборами для отопления и для приготовления пищи везде служили камины, устраиваемые местами без дымоходов; при пользовании таким камином все помещение наполнялось дымом» [47]. Правда этот автор указывает, что камины и очаги более характерны для Мекегинского и Сюргинского участков и что на зиму ставились печи [48].

Полевой материал свидетельствует, что у цудахарцев, более близких к основной магистрали, идущей от железной дороги, железная печь утвердилась раньше, чем у других даргинцев. Капитальные печи, сделанные из кирпича или камня, встречаются очень редко как у цудахарцев, так и у остальных горцев. Объясняется это невыгодностью такой печи в условиях нехватки топлива или же наличия таких его видов, которые совершенно непригодны для таких печей (например, сухие

---

[44] Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871, т. I, кн. I, стр. 536.

[45] И. Пантюхов. Современные лезгины. «Кавказ», 1901, № 233.

[46] А. Неверовский. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан. СПб., 1847, стр. 31; Д. Бабаев. Селение Ахты Самурского округа Дагестанской области. СМОМПК, XVII, Тифлис, 1893, стр. 142.

[47] «Даргинцы», стр. 149.

[48] Там же, стр. 149.

листья). Железная же печь больше подходит для местного топлива, экономически более выгодна и эффективна. Традиционное топливо горцев — хворост. дрова (из садов и в очень небольшом количестве), сухие листья. кизяк. В последнее время практикуют подвоз дров из даргинского предгорья, но в очень небольшом количестве. Следовательно, основными видами топлива остаются хворост, листья и кизяк, а последние, конечно, не могут явиться топливом для капитальных, построенных из кирпича печей. Этим объясняется факт господства железной печи в горной и горно-долинных зонах и в настоящее время, хотя население знает, что существуют прекрасные образцы комнатных печей для обогрева жилья.

Несколько иначе обстоит дело в лесистом предгорье. Дров здесь много, но несовершенство очага с отсеком не привело к раннему возникновению печи. Тем не менее здесь можно было наблюдать постепенное уменьшение очажного отсека, что могло привести к его превращению в печь. Однако проникновение печи русского типа приостановило этот процесс. И здесь, в предгорье распространилась печь этого типа. Правда, особенности зоны, обилие дров, привели к распространению не железной печи, а каменно-глиняной, более приспособленной к обогреву помещения. Название печи везде одинаково (с диалектными отклонениями) и является, конечно, заимствованным, как и сама печь («пежж», «пич», «пеж»). Соответственно зональным особенностям различаются и виды отопительных приборов летом. В горах это чаще всего «тарум» и «цIабилкь», пристроенные один к другому; в предгорье и на лето часто делают глиняную печь, или же используют очажный отсек, сохранившийся в кладовой и вообще в хозяйственной комнате.

Для приготовления пищи в настоящее время очень широко используется керосин. Однако для освещения керосин теперь применяют меньше, так как в некоторых селениях имеются электростанции, а большая часть селений получает электроэнергию от крупных станций (Каспийской ТЭЦ, Гергебильской ГЭС и др.). Вообще система освещения жилища у даргинцев в XIX—XX вв. претерпела большие изменения.

Все русские, побывавшие на Кавказе в XIX веке указывали на недостаточность окон в дагестанском жилище, а иногда и на полное отсутствие их. Так, А. Неверовский не совсем верно отмечал, что в горских «домах нет ни окон, ни печей»[49], а П. Данилевский более точен, сообщая о небольших окошках с деревянными решетками вместо стекол[50]. Если в теплую погоду это было даже хорошо, так как открытое окно служило вентиляционным отверстием, то в плохую погоду это было настоящим бедствием, ибо окно закрывалось, и ввиду отсутствия стекла пропускало холодный воздух, но не пропускало света[51].

Слабое развитие окон или почти полное их отсутствие, характерное в прошлом для дагестанцев, имеет немало аналогий. И сейчас во многих странах Передней Азии в сельской местности наблюдается этот факт. У курдов, например, «окна в доме отсутствуют: роль окна и одновременно дымохода играет отверстие в центре крыши»[52], а в Сирии «лишь в редких случаях дом имеет окно: обычно свет и воздух проникают через узкую и низкую дверь»[53]. У турок также отверстие в крыше заменяет окно и «крестьяне не знают, что для окон применяются стекла»[54].

---

[49] А. Неверовский. Указ. соч., стр. 31.
[50] П. Данилевский. Кавказ и его горские жители. М., 1846, стр. 139.
[51] Ср. Там же, стр. 138. Об этом же говорит П. Зубов. Картины Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель, ч. III, СПб., 1835, стр. 215.
[52] Народы Передней Азии, стр. 252.
[53] Там же, стр. 465.
[54] Там же, стр. 338.

Другая особенность окон даргинского (и вообще дагестанского) жилища заключалась в том, что они «делались в стене, выходящей во двор»[55] и закрытые забором не были видны с улицы. И этому можно найти много аналогий как на Кавказе, так и в Передней, и Средней Азии. Например, у тех же турок «дома выходят на улицу глухой стеной, окна обращены во двор, который огорожен от внешнего мира высоким забором. Вход в дом обязательно через двор»[56]. Следовательно, и маленькие окна, и их отсутствие, и их сокрытие от глаз людей должны иметь в своей основе какие-то закономерности, общие для всех этих народов. Прежде всего нужно указать на то, что первобытному человеку, впервые осознавшему необходимость и возможность постройки жилища, свет не был нужен, ибо жилище было только укрытием. Со временем, с развитием производительных сил и увеличением хозяйства человек должен был ощутить необходимость света и воздуха в закрытом помещении — он начинает делать в жилище отверстия, которые дают свет и воздух и через которые уходит дым костра. Естественно, что отверстия эти он делал в таких местах, которые были бы недоступны врагам; с появлением двора и ограды вокруг него таким недоступным местом явилась сторона жилища, обращенная к двору. Это прятание окон и вообще семейной жизни от окружающих было характерно для большинства народов на этой стадии развития, в эпоху военной демократии и позднее в средневековье.

В советское время дело коренным образом изменилось. Уже в 1927 году Ю. Вадковская отмечала, что только «три процента обследованных жилищ», преимущественно находящихся в Сюргинском и частью Акушинском участках, не имели ни одного окна»[57].

Но если домов без окон уже мало, то сами окна все же были еще очень небольших размеров. Ю. Вадковская приводит очень интересные цифры: «из 122 разнообразных размеров окон половина всех (46,7%) имели размер менее 0,5 кв. м, около трети (32,7%) от 0,5 до 1 кв. м и 20,6% были больших размеров»[58]. Окна были в основном одинаковы во всех зонах и разнились только массивностью своих переплетов и дверец. В предгорье переплеты и дверцы были более толстыми, объемистыми с широкими полями для резного орнамента. Они отличались также тем, что здесь в отличие от гор часты многопроемные окна с несколькими дверцами в ряд, являющиеся скорее всего итогом попыток усилить свет в помещениях. Размеры проемов были почти одинаковы в обеих зонах (в горах чуть меньше) и колебались в пределах 0,5—0,6×0,4—0,5 м. Такие небольшие окна, конечно, были недостаточны ни для освещения, ни для притока свежего воздуха.

Окна делали только в одной-двух комнатах, кладовые окон не имели. В хозяйственных помещениях нижнего этажа вместо окон делали небольшие отверстия для вентиляции, которые имели форму бойниц. Со временем форма их изменилась и теперь они представляют собой или прямоугольные, довольно большие окна с решетками вместо стекол (у большинства даргинцев) или же бойницы, но гораздо больших размеров, с полукруглой арковидной верхней частью (у кайтагцев). Интересно отметить, что в домах, расположенных на окраинах аула, бойниц делалось гораздо больше, чем необходимо для вентиляции, что прямо указывает на то, что эти дома служили своеобразными форпостами на подступах к аулу, куда во время осады или штурма аула собирались воины со всего селения. Кстати, на это указывает и тот факт, что дома

---

[55] Н. Дубровин. Указ. соч., т. 1, кн. 1, стр. 535.
[56] Народы Передней Азии, стр. 337.
[57] «Даргинцы», стр. 148.
[58] Там же.

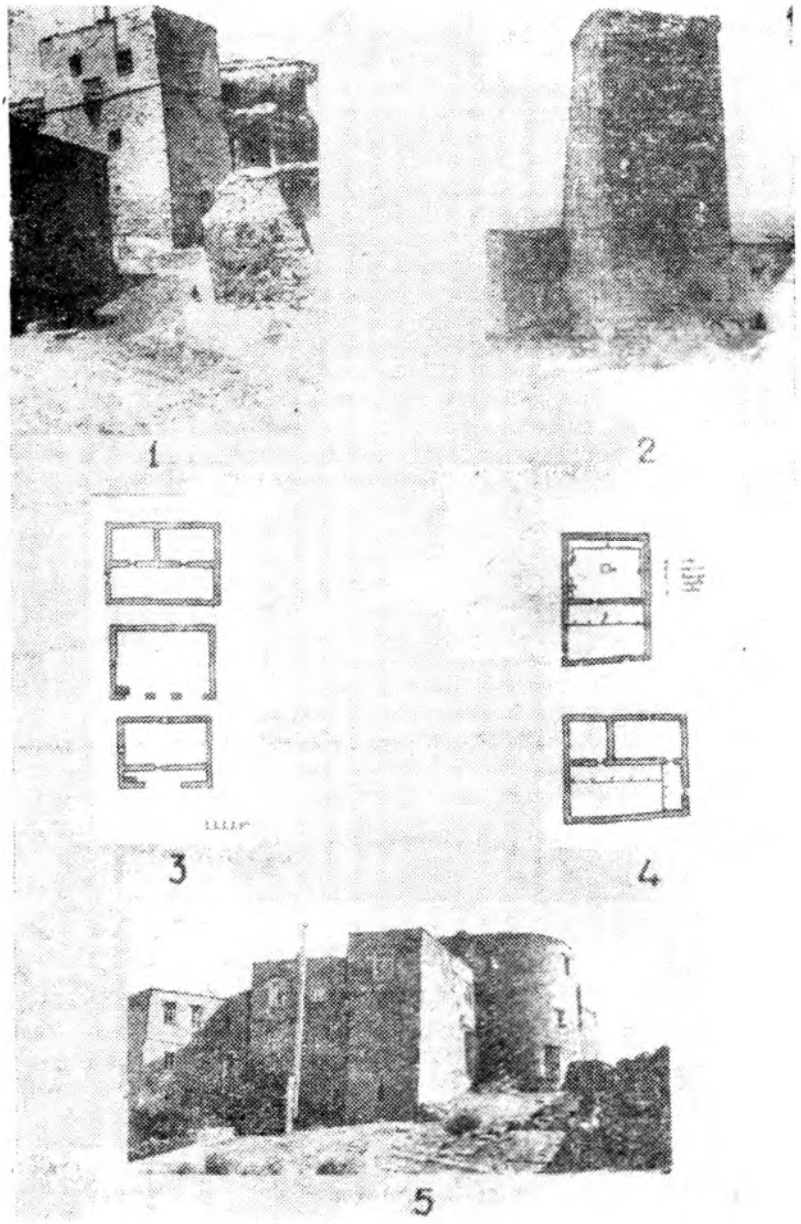

Рис. VII. Башнеобразные жилища, башни и схемы домов:
1 — дом в с. Мекеги, 2 — сторожевая башня с. Киша, 3 — схема башнеобразного жилища с. Чирах, 4 — эволюция от однокамерного жилища к двухкамерному, реконструкция, 5 — башнеобразные ансамбли с. Кубачи.

на окраинах аула обычно делались более крепкие и высокие (башнеобразные), иногда составляя даже единый комплекс с оборонительными сооружениями аула (все это можно и сейчас проследить по старым окраинам Урахи, Купа, Мекеги, Акуша и других аулов).

Отличительной особенностью нынешних домов является как раз обилие света. Большие светлые окна составляют непременную принадлежность каждой комнаты в каждом доме, исключая разве только кладовые, а также старые дома.

Для современного дома даргинцев наиболее типичны два окна на комнату, размером 0,8—1,2×1—1,5 м, а в последние годы стали делать даже большие трехсекционные окна, дающие очень много света. Там, где дома строились раньше и имели меньше окон, теперь ломают стены, чтобы пробить окно.

Современные окна и двери — результат культурного развития и взаимовлияния народов, результат изменения условий их жизни и потребностей. Окна в горно-долинной зоне обычно располагаются с выходом на веранду, но западная комната имеет и боковые окна, поскольку это солнечная сторона; в последнее время стали делать окна и на восточной стороне, что свидетельствует об усилении тяги к дневному свету. В горной и предгорной зонах их также располагают обычно на стороне, выходящей на веранду или во двор, соблюдая сложившиеся традиции. Отличие от цудахарского жилища состоит здесь, пожалуй в том, что у горцев очень часто окна были обращены на улицу, так как двора фактически не было. В предгорье, ввиду того, что веранда была слабо развита, а дворы часто бывали крытыми, окно, обращенное к ним, не давало бы света, отчего и здесь были часты окна, выходящие на улицу. Именно поэтому и в современном строительстве обеих зон часты окна, обращенные на улицу, в то время как у цудахарцев преобладают окна, обращенные во двор.

Недостатками современных окон нужно считать слабое развитие двойных рам и отсутствие форточек. Это отчасти объясняется традициями, а отчасти местными условиями (недостатком пиломатериалов, сухим и сравнительно мягким климатом).

Кроме того, роль своеобразных форточек выполняют у горцев вентиляционные отверстия, которые бывают в комнатах второго этажа. В холодное время их закрывают, но в принципе они открыты круглый год и даже не имеют стекол. В сочетании с окнами и дверьми на противоположной стороне они поддерживают в комнатах чистоту воздуха. Особенно заметно это в летнюю жару, когда из этих маленьких окон в комнаты врывается струя свежего, охладившегося в тени дома воздуха.

Другая традиция, которая почти не нарушается в современном строительстве — это традиция отказа от окон на задней стороне дома, если она выходит на чужой двор. Это крепкая, строго соблюдавшаяся традиция: по адату еще в XIX веке хозяин заднего двора имел право запретить пробивать окна на задней стороне дома, а если сосед не соглашался, то и загородить их и даже заколотить.

Нам думается, что вначале в основе этой традиции лежало совпадение интересов обоих хозяев — если хозяин заднего двора избегал чужих глаз, видящих весь двор и дом, то хозяин дома не желал, чтобы с чужого двора можно было легко заглянуть во внутрь его дома и даже проникнуть туда. Подтверждением этому служит тот факт, что окон на задней стороне дома не делают и тогда, когда она выходит на улицу (право есть, а желания нет), но если дом двухэтажный, то на улицу окна делают, а на чужой двор — нет.

Большие изменения произошли и в планировке проходов и дверей современного дома. Раньше для горского жилища была характерна

тенденция делать поменьше проходов и дверей. Очень часто в горной зоне вход в помещения для скота, загоны, сараи, не имел дверей и загораживался жердями. Двери делали двухстворчатые, что объяснялось по-видимому, отсутствием широких досок для одностворчатых дверей, а также их массивностью, окна, размеры которых были меньше, имели одностворчатые дверцы. Только в лесистом предгорье бывали огромные толстые одностворчатые двери.

Двери состояли из двух толстых (3—5 см) колотых досок, тщательно подровненных топором. Петель не существовало, делались двери на «пятках». Они, как правило, были низки, малы, имели высокий порог и были очень неудобны.[59] Разумеется, не могло быть и речи о том, чтобы плотно притворять такие двери и поэтому становится понятной ирония А. Зиссермана, когда он говорит о такой двери в сел. Казанище: «вместо дверей со двора, две тяжелые дубовые доски, так плотно притворяющиеся, что не только куры, даже собаки свободно прячутся у меня от непогоды».[60] Высота дверей была 1,3—1,5 м, а между комнатами и в кладовую и того меньше — 0,8—1 м.

Интересно отметить, что позднее первоначальная причина появления таких дверей стала забываться и стали говорить (например, в Губдене), что толстые дубовые доски делали для того, чтобы пуля не могла пробить их (что стало учитываться уже позднее).

Украшение двери чаще наблюдается в предгорье, где было больше лесов и, следовательно, имелся более подходящий материал для резьбы по дереву. Здесь на дверях часто вырезали различные фигуры, большей частью являющиеся отражением религиозно-магических представлений горцев (круг, крест, ладонь и пр.).

Изменение условий и облегчение доставки материала для дверей уже к концу XIX века привели к появлению больших филенчатых дверей, но только в домах богачей.

Ныне двери делаются двухстворчатые, филенчатые, а не из цельных колотых досок как раньше. Высота их доходит теперь до двух метров. Ручки и скобы металлические, часто никелированные.

Сильно увеличилась ширина проема дверей, что говорит, в частности, об изменениях в форме мебели и ее величине. Наибольшее внимание уделяется главной двери, каковой считается дверь, ведущая в комнату-коридор (если последняя существует) или же в парадную комнату.

Двери часто делают фигурные, с широким применением геометрического орнамента, а также раскрашивают масляными красками

В настоящее время замечается тенденция к увеличению количества дверей и проходов, объясняющаяся стремлением соединить между собой все комнаты, что вызвано, в свою очередь, сплочением семьи, необходимостью частых переходов из комнаты в комнату в связи с дифференциацией назначения комнат (из кухни в кладовую, из столовой в парадную и т. п.). В этой тенденции увеличения дверей сыграло роль, видимо, и то, что в наше время облегчилась техника строительства дверей и проходов и стало легче приобретать строительные материалы. Следует отметить, что если даже иногда не делают дверей, то проходы, хоть и без дверей, обязательны.

Примером современного дома может служить дом М. Талханова в Цудахаре, К. Османмагомедова — в Хаджалмахи, М. Каримова — в Аршимахи.

---

[59] Ср. Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе. т. 1, кн. 1, стр. 536.

[60] А. З. (Зиссерман). 10 лет на Кавказе. «Современник», 1854, т. 47, стр. 2.

Дом Османмагомедова многокомнатный двухэтажный. Сделан на очень широком и углубленном фундаменте, частью из формованного камня. Дом выходит своими боковыми сторонами на улицы, задняя сторона его обращена на чужой двор, а передняя — на заднюю стену другого дома. Вход во двор дома с правой стороны, где имеется навес, идущий от боковой части дома до стены переднего дома. Навес этот прикрывает вход от непогоды и служит для хранения инвентаря. На крыше его хранится, в основном, топливо.

Двор очень небольшой; если бы дом Османмагомедова был ниже, то передний дом закрывал бы ему солнце, настолько они тесно стоят. Войдя во двор, можно под навесом пройти к помещениям нижнего этажа, но лестница на второй этаж находится под открытым небом, параллельно веранде основной части дома и ведет к боковой (восточной) части веранды.

Домимеет 5 комнат; две крайние — длинные, т. е. занимающие и часть веранды, примыкающую к ним. Средняя комната сделана в виде комнаты-коридора и имеет двери в обе стороны. С веранды двери имеются только в крайние комнаты и в среднюю, но внутри все комнаты сообщаются между собой.

Все окна обращены во двор и на улицу; на задний двор обращено лишь одно вентиляционное окно в средней комнате, сделанное для циркуляции воздуха. Окон в доме 12 (на втором этаже), все они большие, двухрамные, с большими фрамугами.

Крыша четырехскатная, крытая оцинкованной жестью.

Общий жилой фонд дома 85 кв. м. Такую же площадь занимают хозяйственные помещения на первом этаже.

Дом Талханова — приподнятого типа. Выходит на улицу левой боковой частью. Двор больше, чем у Османмагомедова. Дом имеет форму буквы «Г». Комнат всего 4, причем четвертая построена по сю сторону веранды с правой стороны дома и, таким образом, между третьей и четвертой комнатой имеется нечто вроде лоджии.

Средняя комната является комнатой-коридором, с проходами в соседние комнаты, с веранды входа в эти комнаты нет. Таким образом, на каждую комнату приходится одна дверь. К четвертой, пристроенной комнате, в свою очередь, примыкает хозяйственная пристройка, служащая мастерской (хозяин дома мастер по обработке дерева); в результате вся правая сторона двора оказывается заполненной постройками.

С левой стороны дома, ниже его уровня имеется помещение открытое спереди, без капитальных стен и крыши, служащее летней кухней. Хозяин собирается и эту пристройку сделать капитальной и превратить в пятую комнату.

Во всю длину веранды имеется довольно глубокий подвал, который служит кладовой и ледником.

Окон сравнительного много — по два на каждую комнату, причем все они обращены во двор. На задней стене имеются вентиляционные отверстия (во всех трех комнатах). Интересно отметить, что цудахарцы нашли очень точное название для этих отверстий — дугIла тIаркъи, что означает «ветряное отверстие». Крыша земляная, плоская, но хозяин собирается покрыть ее железом.

Дом Каримова является тоже наиболее современным образцом. Это также дом приподнятого типа, вытянутый в длину, и имеющий форму буквы «П» благодаря двум крайним длинным комнатам. Его отличают хорошая кладка, тщательность отделки, обилие различных украшений из дерева, различные росписи. Двор относительно велик. С правой стороны к дому примыкает пристройка, в сравнении с размерами дома очень небольшая.

Веранда огорожена сплошной балюстрадой, доходящей примерно до пояса, верх веранды украшен растительным орнаментом, карниз над верандой тщательно выделан фигурным деревом. Крыша дома четырехскатная, выложена листовым железом. Следует отметить, что селения, частично или полностью состоящие из переселенцев или «обратных» переселенцев, такие, как Санчи, Маджалис, Первомайское, Аршимахи, Буртанимахи, дают наибольшее разнообразие в строительстве. Это объясняется тем, что переселенцы с одной стороны приносят с собой свои старые строительные традиции, а с другой — испытывают воздействие архитектурных традиций жителей предгорья и плоскости (кумыков, русских, чеченцев). В Аршимахи, например, мы насчитали четыре стандарта домов, причем и внутри каждого стандарта встречается бесконечное разнообразие форм, поразительным образом сочетающих местные и привнесенные традиции домостроительства: 1) одноэтажное однокамерное жилище с плоской крышей, где проходит вся жизнь семьи и которое служит только временным жилищем, пока не будет построено новое; 2) одноэтажное трехкамерное жилище, с комнатой-коридором, со стропилами и шиферным покрытием, с верандой, имеющей балюстраду по пояс, или превращающейся частью или целиком в стеклянную галлерею, с длинными комнатами (если они длинные с обоих краев, то веранда сильно сокращается и превращается в лоджию, или застекленную переднюю); 3) такой же дом с подвалом под верандой; 4) такой же дом, но двухэтажный, без подвала , с верандой, находящейся на каменных арках нижнего этажа. Вариантов этих четырех стандартов очень много: варьируются количество комнат, опоры второго этажа (столбы и арки), длина веранды, формы ее (балясины, остекление, выведение ее на боковую сторону с охватом дома с двух сторон и пр), количество длинных комнат, форма крыш, степень застроенности хозяйственными постройками, количество и расположение окон и многое другое.

Исходя из вышеизложенного, следует указать, что архитектурная планировка жилища даргинцев существенным образом изменилась, в сторону приспособления к изменившимся условиям жизни, облегчения строительства и придания дому большей долговечности), улучшения его внешнего и внутреннего вида, иными словами, увеличения его красоты и прочности.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ.

Традиционными строительными материалами даргинцев испокон веков были камень, лес и глина.

Началом создания нынешнего жилища можно считать тот момент, когда горцы стали класть правильные стены, а не нагромождать их. Поскольку рваный камень был очень неровен и угловат, незаполненное пространство при кладке заполняли битым камнем и землей. Опыт очень скоро должен был показать, что земля не только заполняет это пространство, но и служит скрепляющим средством. Так, научились делать глиняный раствор. А в остатках средневековых поселений можно уже обнаружить и известковый раствор.

До XIX века, то есть до проникновения в Дагестан сферы русского рынка, эти материалы оставались единственными. Все путешественники и исследователи называют в качестве строительных материалов дагес-

танского домостроительства XIX века камень, лес, глину, очень редко — известь.[61]

Степень использования каждого из этих материалов во всех трех зонах различна и зависит от наличия их в данном районе. В отличие от камня, который во многих видах (известняк, доломит, песчаник, речной голыш) и в достаточном количестве был почти везде, леса было мало и это создавало большие трудности при строительстве, удорожало его.

Известный географ Б. Ф. Добрынин также указывал, что «лесами Даргинский округ очень беден», причем имеющееся небольшое количество (1,5% всей площади) сосредоточено на восточной окраине округа, на высотах ниже 1200 м, г. е. в даргинском предгорье.[62] Таким образом, нагорье характеризуется резким недостатком леса при обилии камня, предгорье имеет и то и другое.

Недостаток леса вынуждал домостроителей искать замены ему, создавая жилища, которые можно было бы строить с минимальными затратами леса. Искомой конструкцией была арка. Арочные конструкции давали даже возможность строить дом совсем без леса, они выручали строителей в очень многих случаях (опоры для навесов, вторых этажей, мостов, акведуков и пр.).

Наиболее часты арочные конструкции у сюргинцев, которые в большей степени испытывают недостаток в лесе. Весь первый этаж жилища сюргинцев покоится на ряде аркад, между которыми кладутся длинные каменные плиты. Ворота обычно заключаются в арочную конструкцию. Даже коробки окон делают не из деревянных брусьев, а просто ставят две каменные плиты снизу и поверху проема. Только на втором этаже имеется несколько бревен, использованных для образования потолка. Так же строили жилища, например, лакцы и лезгины в южном Дагестане.[63]

В горно-долинной части даргинской территории мы не встречаем таких домов, как у сюргинцев, но и здесь арочная конструкция играла большую роль. Очень часто покоятся на арках, или сделаны в виде аркад веранда второго этажа, навесы во дворе, мосты, проходы под нависшими домами на улицах, природниковые сооружения, акведуки. Арками оформляют и коробки ворот, дверей, окон, ниши у ворот и пр. Во всех этих случаях бросается в глаза главная цель этих конструкций — заменить лес, хотя не исключаются и другие цели, в частности декоративные. В строительстве арочных конструкций даргинцы достигли большого искусства. В этой связи небезинтересно привести мнение русского наблюдателя, побывавшего здесь в начале XIX века. О старых цудахарских мостах, построенных на арках, он пишет: «на сем рукаве (Казикумухском Койсу, — М.-З. О.) находятся замечательные, с давнего времени построенные два каменных моста. Один в двух верстах ниже сел. Цудахара на пяти арках, а другой у сел. Хаджалмахи на одной арке. Первый из них имеет достаточно ширины для следования колесных тяжестей, а другой устроен только для одних конных. Мосты сии, не взирая на древнюю постройку не имеют никакого повреждения и

---

[61] См. Ф. И. Гене. Сведения о горном Дагестане. «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв., стр. 346; П. Данилевский. Кавказ и его горские жители, стр. 139; Н. Глиноецкий. Поездка в Дагестан. «Военный сборник», 1862, № 1, стр. 130; Г. Амиров. Среди горцев Северного Дагестана, стр. 78; Н. Дубровин. Указ. соч., стр 534; И. Пантюхов. Современные лезгины. «Кавказ», 1901, № 233; А. Васильев. Казикумухцы, ЭО, 1899. № 3, стр. 69

[62] Б. Ф. Добрынин. Даргинский округ. Физико-географический очерк. «Даргинцы», стр. 42.

[63] Ф. И. Гене. Указ. соч., стр. 346; Л. Б. Панек. Жилище лезгин. РФ ИИЯЛ, д. 1750, л. 10.

кажутся недавно выстроенными».[64] Такую же высокую оценку дает цудахарскому мосту и А. П. Берже, который характеризует его словами «старинный, весьма прочный и красивый мост... из тесаного камня».[65]

Совсем иная картина в предгорье. Обилие лесов привело к отсутствию бережливости в его применении и даже к стремлению заменять деревом камень. Арочные конструкции как опорные сооружения почти совсем не применяются, хотя как декоративный элемент они довольно часты. Если в горах ворота заключены в арку, то здесь вместо арочного навеса у ворот делают горизонтальный навес, покоящийся на огромных толстых столбах и состоящий из таких же толстых бревен, уложенных вплотную друг к другу.

Коробки дверей, окон — большие толстые брусья, сами двери и окна — из толстых досок. В перекрытиях обоих этажей использованы огромные балки, столбы, необъятные капители. Все навесы, укрытия, перекрытия, все что в горах делается на арках, делается здесь на массивных столбах. Даже мосты строятся здесь иногда без использования камня. Быками для моста служат громадные сооружения из толстых бревен, уложенных скрепленными прямоугольниками в виде опрокинутой лестницы. Когда оба быка приближаются на значительной высоте к имеющимся балкам, эти последние укладывают сплошным рядом концами на быки, потом прокладывают жерди, ветки, землю и мост готов. Такие мосты сохранились в некоторых селениях (например, в Губдене).

Обилие хорошего леса привело даже к тому, что здесь при возведении стен кладут больше чем где бы то ни было горизонтальных связей из массивных деревянных брусьев.

Это обилие леса привело также к распространенности деревянных построек на дворе: плетней, заборов, загонов и пр. Внутренние стены вторых этажей тоже часто делали плетневые, обмазанные глиной (турлучные).

Уже XIX век внес некоторые изменения в номенклатуру строительных материалов горца — появилось листовое железо, металлические скобяные изделия, стекло и т. д. Это привело к появлению застекленных окон, домов, крытых листовым железом, железных ручек, петель и т. д.

Несомненно это был очень важный процесс, вызвавший существенные преобразования в даргинском жилище, сделавший его гораздо более удобным и гигиеничным. Однако процесс этот захватил дореволюционное даргинское жилище в очень небольшой степени, так как новые строительные материалы здесь, особенно в нагорной части, из-за отдаленности от магистральных дорог и рынков были редки и дороги и поэтому доступны только имущим слоям. В силу сказанного жилище в своей массе совершало эту эволюцию гораздо медленнее, сохраняя еще очень много архаичных черт; говоря словами И. Пантюхова о жилище всех кавказцев, оно «не удовлетворяло потребностям культурного человека» и даже не могло «почитаться годным ни для правильного развития организма, ни для предохранения его от вредных атмосферных и других влияний».[66]

Иное дело теперь. Победа колхозного строя привела к коренному улучшению материального благосостояния даргинцев, а успехи в развитии промышленности дали возможность увеличить производство новых строительных материалов. Они стали доступны всем и процесс, тя-

---

[64] Ф. И. Гене. Указ. соч., стр. 341.

[65] А. Берже. Прикаспийский край. КК на 1857 г., Тифлис, 1856, стр. 285.

[66] И. И. Пантюхов. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис, 1896, стр. 136.

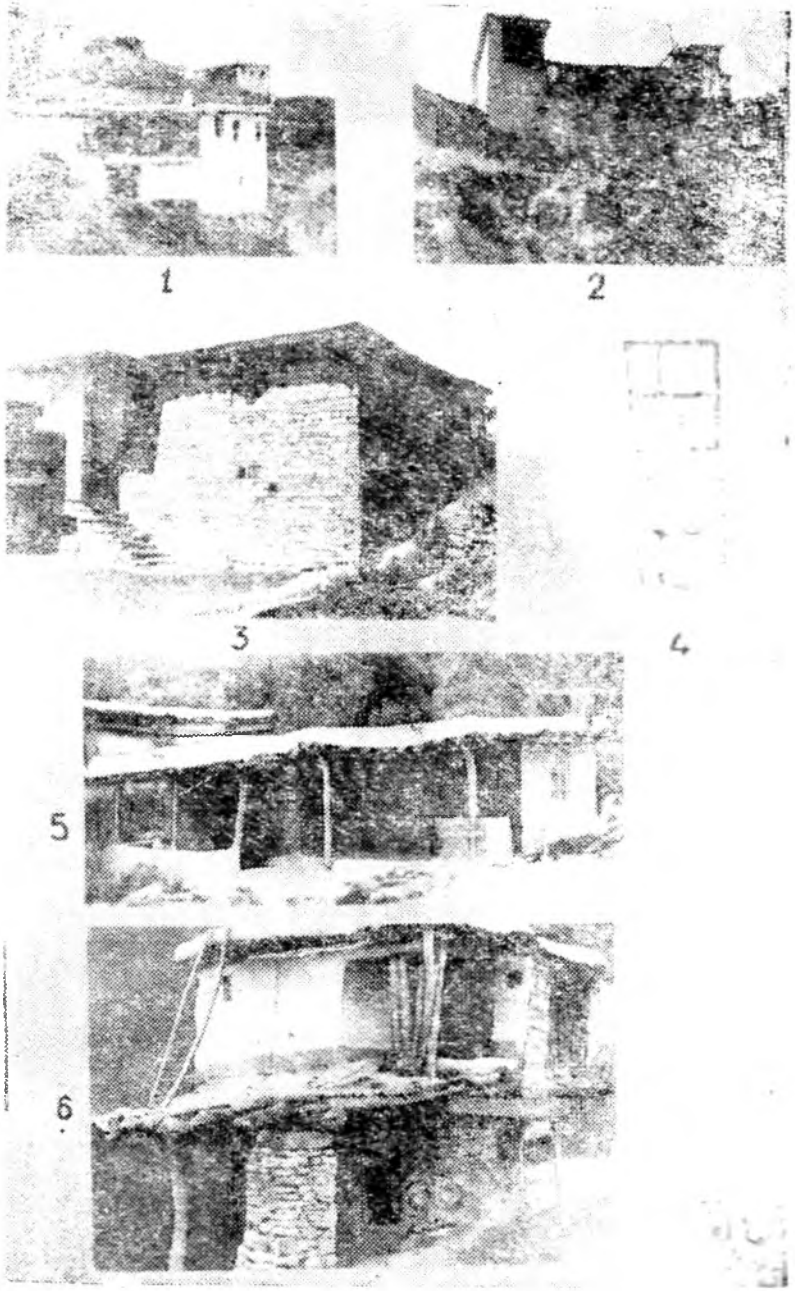

Рис. VIII. Предгорные старые дома:
1 — дом с закрытым двором с. Када, — 2 — дом из тесаного камня с. Жигия, 3 — дом с закрытым двором с брусьями в кладке с. Дуреги, 4 — схема дома закрытого типа с. Губден, 5 — одноэтажное жилище с. Кадар, 6 — дом с открытым двором с. Газия.

нувшийся больше чем столетие, завершился в течение десятка лет. В этой связи нам хотелось бы коснуться утверждения И. Пантюхова, одного из знатоков жилища Кавказа. В связи со своей вышеприведенной оценкой кавказского жилища он писал, что «кроме своих качеств, жилище есть хороший показатель способности населения изменяться соответственно требованиям культуры».[67]

Не отрицая этого в сущности правильного положения, мы в то же время хотим отметить, что оно неполно и из-за этого становится фактически неверным. Ведь если сделать из этого заявления логический вывод (которого автор, правда, не сделал), то получается, что «показатель» этот утверждает неспособность кавказских народов «изменяться соответственно требованиям культуры», неспособность усвоить достижения русской и западноевропейской культуры. Дело, однако, в том, что «изменения соответственно требованиям культуры» всегда бывают связаны для крестьянина с дополнительными расходами, которые могут позволить себе только единицы. Поэтому получается, что жилище может изменяться в сторону улучшения только при одновременном развитии экономики и культуры. Между тем в Дагестане второй половины XIX столетия влияние русской культуры не могло в достаточной мере отразиться на жилище, так как распространение этого влияния не сопровождалось одновременным улучшением экономического положения горцев. Вот почему только с победой колхозного строя стали возможны коренные изменения в общей массе даргинского домостроительства, в частности, стало возможным употребление новых строительных материалов. Так, например, при кладке стен часто стали применять цемент, а фундаменты, углы, опорные сооружения (арки) зданий кладут только на цементе. Что касается общественных построек — подпорные стены у обвалов, акведуки, местные мосты, различные здания — то все они кладутся на цементе.

Материальный и культурный подъем при изобилии строительных материалов увеличили требования к качеству жилища, привели к изменению сложившихся традиций в строительстве. Так, с каждым годом увеличивается количество домов, крытых железом или шифером, все больше становится домов со стеклянными галереями, большими двух-и трехсекционными окнами и пр. Словом, произошел (и происходит) процесс глубоких изменений в применении строительных материалов, причем в предгорье и горно-долинной зоне это ощущается гораздо сильнее, чем в горах. Например, в кайтагском селении Санчи дома без железного или шиферного покрытия можно по пальцам пересчитать, в Хаджалмахи до революции крытых железом домов было только два, а теперь десятки, и количество их быстро растет, а в селениях Танты, Буртанимахи, Аршимахи, заново строящихся после 1958 года, все возводимые здания покрываются шифером.

Большую роль играет в строительстве стекло. Если еще в XIX веке про даргинцев можно было сказать, что они не знают стекла, то ныне ни одно здешнее жилище немыслимо без него.

Важное место в строительстве, вернее в украшении современного жилища, занимают масляные краски. Колхозники все чаще красят свои комнаты и галереи масляной краской, украшают стены, потолки и другие части жилища резными фигурами и орнаментом, нанесенными масляной краской. Точно так же возросла роль различных скобяных изделий, железных балок, синтетических заменителей фанеры и др.

В общем происходят глубокие изменения в строительных материалах, приведшие к изменениям в конструкции и внешнем облике дома. Однако основными строительными материалами попрежнему остаются

---

[67] Там же, стр. 137.

камень, лес и глина. В отношении леса можно сказать, что в нагорной зоне наблюдается тенденция применять вместо него железо, синтетические заменители фанеры (при обивке потолка или пола, например) железобетон (балки) и другие материалы.

Для нынешнего строительства даргинцев характерна еще одна тенденция — стремление иметь для строительства как можно больше готовых материалов и заготовок, которые не только облегчили бы строительство, но и максимально ускорили его. Так скобяные изделия, гвозди, готовые рамы, цемент, синтетические заменители, масляные краски, железные и железобетонные балки, кроме прочих своих достоинств, еще ускоряют строительство и отделку дома и поэтому (не считая других причин) все больше входят в практику домостроительства.

5. ТЕХНИКА И МЕТОДЫ СТРОИТЕЛЬСТВА ЖИЛИЩА.

Техника и методы строительства жилища у даргинцев почти такие же, как и у других дагестанских народов.

Прежде чем начать строить дом хозяин запасается камнем и лесом. В некоторых аулах заготавливают и саман — в горах для вторых этажей, в предгорье для одноэтажного дома. Это в таких селениях, как Акуша, Цудахар, Хаджалмахи, Сергокала, Гурбуки и др. Затем хозяин находит мастера-каменщика и договаривается с ним о строительстве. Каменщики имеются местные, но стоит только сельскому строительству более или менее увеличиться, как их начинает нехватать и тогда приглашают мастеров из других аулов. В горной зоне своих каменщиков, как правило хватает, а в горно-долинной часто приглашают мастеров из аварских и даргинских горных аулов, в предгорье — из горных аулов Даргинии и Табасарана.

Когда каменщик приступает к своей работе, хозяин ищет мастера по обработке дерева и заказывает ему оконные рамы, дверные и оконные коробки, щит для карниза, перила, лестницу и пр.

Работа каменщика оплачивается сдельно (по выработке в кв. метрах), причем стена измеряется со всеми проемами (оконными, дверными и пр.), которые считаются за возведенную стену по причине трудности обработки краев этих проемов.

Прежде чем возводить стены, мастер вместе с хозяином составляют схему строящегося дома, намечают линии будущих стен, местоположение и количество окон и дверей.

Затем начинается возведение стен. Для этого сначала роют котлован для фундамента шириной до одного метра и такой же глубины. Иногда котлован приходится значительно углублять, если местоположение требует этого. Так, при строительстве большой мечети в Хаджалмахи фундамент был сделан глубиной в несколько метров.

При закладке фундамента в каждом углу дома раньше клали по кусочку золота, чтобы на дом этот сошли благоденствие и зажиточность.[68] При возведении стен хозяин должен обеспечить выполнение всех подсобных работ, так как каменщик обязан только класть стены. Подсобные работы выполняют сам хозяин, члены его семьи, родственники. Нанимать подсобного рабочего приходится редко. Родственник, который хочет помочь хозяину, обычно предупреждает его, что завтра придет помогать; это делается для того, чтобы в один и тот же день не пришло несколько человек. Кроме того, любой проходящий мимо строй-

---

[68] Обычай магического характера, распространенный почти у всех народов Кавказа и у многих славянских народов. Ср. Н. Н. Грацианская. Постройки словацкого крестьянства в XIX—XX вв. ТИЭ, т. XII, М., 1960, стр. 214.

ки человек, если он не очень спешит, приложит руку, чтобы помочь подсобнику. Последний обязан месить и подавать раствор, доставлять мастеру камень, постоянно быть готовым придти на зов мастера. Приказания мастера подсобник выполняет беспрекословно, особенно если подсобником работает пришедший помочь родственник хозяина. Некоторые мастера нарочно испытывают подсобника, давая ему чрезмерно обременительные поручения: ведрами выливают раствор, требуют класть камень на стену, часто посылают за холодной водой и т. д. и т. п. Все это делается незло, с шутками и прибаутками и если подсобник не может с такими же шутками выполнять свои обязанности, он сильно падает во мнении окружающих. Особенно много смеха бывает в том случае, если в качестве подсобника работает человек с солидным общественным положением, интеллигент.

При закладке фундамента дома все родственники хозяина приносят пищу и время от времени приносят ее также в процессе постройки дома. Это же делается и по окончании строительства. Кроме пищи, в период строительства родственники приносят хозяину зерно, муку, мясо и пр., а по завершении строительства приносят предметы домашнего обихода, обстановки. Нетрудно заметить во всех этих обычаях пережитки родового строя, когда все дома строились сообща, всем коллективом, когда в строительстве и убранстве каждого дома принимали обязательное участие все представители этого коллектива.

В практике домостроительства встречается вид взаимопомощи, называемый «билхъа». Он состоит уже не в помощи со стороны отдельных лиц, а в групповой единовременной помощи, когда сразу требуется большая рабочая сила. Это бывает, например, при подноске бревен к дому от дороги, при засыпке землей перекрытия крыши, при очистке двора и т. д. Если во всех других формах помощи хозяин не просит о ней, не является инициатором ее, то в данном случае он предупреждает всех своих родственников, что завтра у него «билхъа!. Кроме родственников, приходят друзья и просто односельчане, узнавшие о «билхъа». Сам хозяин выбирает для «билхъа» такое время, когда люди не работают в поле и успели отдохнуть. Из различных видов «билхъа» выделяется рядом специфических особенностей и своей обрядовостью «билхъа» по засыпке землею крыши. Прежде всего этот «билхъа» отличается торжественностью и праздничностью обстановки: он собирает очень много народу со всех концов аула, причем все, особенно юноши и девушки, приходят в лучших одеждах, и главное — во все время работы и после нее здесь играет музыка, а по окончании работы начинаются общие танцы. При этом хозяин угощает участников «билхъа», а многие родственники и друзья тоже приносят в этот день разные угощения.

В этом «билхъа» можно видеть остатки праздничного обряда, совершаемого родом (тухумом) с окончанием строительства дома. Засыпка землей перекрытия крыши была последней операцией строительства дома, и поэтому она проводилась торжественно, празднично.

«Билхъа» следует признать одной из хороших традиций народа. В настоящее время «билхъа», собственно, стал формой социалистической взаимопомощи, ибо теперь при оказании помощи в форме «билхъа» большую роль играют колхоз, бригада. Помощь перестала быть родовой и тухумной, и она оказывается строящемуся на основе не только родственных, но и общественных, социалистических отношений.

Вернемся к процессу строительства. После закладки фундамента начинается возведение стен (обычно толщина 0,4—0,5 м). Стены второго этажа возводят тоже из камня, иногда слегка уменьшив толщину их. Внутренние стены в горной и горно-долинной зонах иногда делают из самана. Последний чаще встречается в селениях Хаджалмахи, Цудахар, Акуша. Здесь этажи домов нередко делаются целиком из сама-

на. В долинах глина аллювиального происхождения с примесью мергелей служит прекрасным материалом для самана, который бывает здесь очень высокого качества. Стена из этого самана становится как бы монолитной и ее очень трудно разрушить. Все мастера считают, что гораздо легче пробить каменную стену, чем саманную; каменная стена падает чаще саманной, трещины, выпадения саманной стене незнакомы. Но она хуже сопротивляется давлению большой тяжести и поэтому непригодна для первого этажа. К тому же она подвержена размыву дождями и, следовательно, не столь долговечна, как каменная.

В предгорье стены второго этажа и внутренние стены бывают саманные или турлучные. Возводятся они следующим образом: в полу и в балке потолка делаются углубления, в которых намертво закрепляются колья, затем делается плетень, и все это замазывается глиной. Именно такую стену имел в виду Г. Амиров, когда писал, что на верхнем этаже стены «деревянные, обмазанные глиной»[69].

При возведении стен практикуется, как мы уже говорили, и прокладка больших горизонтальных связей из деревянных брусьев. Наиболее распространено это явление в лесистом предгорье, и меньше всего у сюргинцев, хотя в некоторых горных аулах оно встречается до-

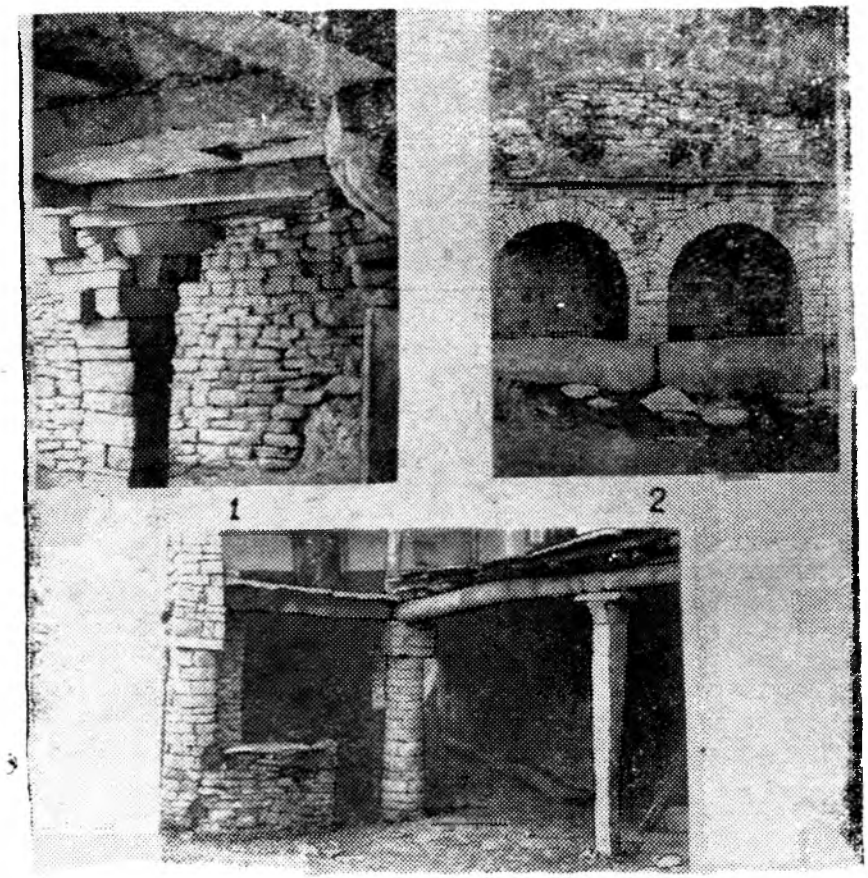

Рис. IX. Техника строительства:
1—строительство опор и потолка с крышей без леса, с. Чирах. 2—природниковые арочные сооружения с постройкой наверху для купания (с. Урцаки), 3— каменные столбы и колонны (с. Ашты).

[69] Г.-А. Амиров. Среди горцев северного Дагестана, стр. 78.

вольно часто (например, в сел. Акуша). Хотя брусья-связи наиболее употребительны в богатых лесом местах, однако в местах бедных лесом, где каждое бревно и каждое полено на счету, тоже стараются уложить несколько связей. Конечно, это укрепляет стену и именно так все старожилы и мастера-строители объясняют появление этих связей. Но с другой стороны, прочность стены много теряет в перспективе, так как дерево, даже самых лучших сортов, со временем сгнивает и стена начинает разрушаться. Именно на эту сторону вопроса обратил внимание Н. Б. Бакланов, изучавший жилища нагорного Дагестана.[70] Опыт должен был показать горцам отрицательные свойства брусьев-связей и если их продолжали применять, значит на то были какие-то веские причины. Нам кажется, что прав С. Хан-Магомедов, считающий, что такой причиной является то обстоятельство, что «Дагестан относится к сейсмическим районам».[71]

По-разному решается в технике домостроительства и проблема опорных сооружений. В наиболее безлесных местах велика роль арочных конструкций. Укажем хотя бы на то, что на первом этаже в сюргинских и муэринских домах не бывает ни одного столба, и все сооружение покоится, как мы уже говорили, на ряде параллельных аркад.

Характерно, что именно в безлесных районах, где очень мало хороших бревен, прибегают к строительству потолков с одной большой балкой и столбом. Такая балка, или центральный прогон, дает возможность разделить потолок на две секции. От стены до балки и от балки до другой стены можно уже класть недлинные верхние прогоны, а это очень важно, так как укорачивание балок увеличивает их сопротивляемость нагрузке и, следовательно, здесь можно класть даже короткие жерди. Таким образом, для образования потолка требуется только одна балка и один столб, а остальные материалы гораздо легче достать и доставить. По-видимому, именно то, что легче достать и доставить одно или два больших бревна, чем десятки средних бревен, и способствовало такой технике строительства потолка. Но это могло сложиться и в результате других причин. Возможно, что вначале поблизости были молодые леса, а вдалеке — старые, поэтому издалека привозили одно бревно, а остальные добывали поблизости. Могло быть и так, что при дальности леса и отсутствии поблизости каких бы то ни было деревьев выработалась практика рубки одного большого дерева (особенно если за каждое дерево надо было платить), ствол которого шел на балку и столб, а ветки на прогоны и пр. Подтверждение этому мы находим в обычае общества сел. Чумлы, которое охраняло свой строевой лес. Когда члену общества надо было строиться, он брал разрешение на рубку одного дерева на дом.[72]

В лесистом предгорье в опорных сооружениях преобладают массивные столбы, иногда выстроенные из камня; арочных конструкций здесь гораздо меньше.

В некоторых горных аулах (чаще у сюргинцев) в процессе строительства нередко из-за тесноты приходится выносить на улицу часть второго этажа, которая оказывается как бы висячей. Опорой в этом случае служат арки или большие столбы, сложенные из камня.

Когда стена доходит до уровня окон, мастер вделывает в стены коробки оконных рам; он же устанавливает с самого начала строитель-

---

[70] Н. Б. Бакланов. Архитектурные памятники Дагестана. Л., 1935, стр. 12.

[71] Г. Н. Любимова и С. О. Хан-Магомедов. Народная архитектура южного Дагестана. М., 1956, стр. 8. Ср. также А. В. Саркисов. К изучению народного жилища Азербайджана. Доклады АН Азерб. ССР, т. V, № 5, Баку, 1949, стр. 230.

[72] Полевой материал 1961 года. Инф. Мутуков А.

ства и дверные коробки. Рамы вставляются гораздо позднее, уже плотником.

Укладка перекрытия крыши также производится каменщиком, так как при этом бывает необходимость разрушать или достраивать часть стены.

В строительстве потолка можно заметить существенные изменения по сравнению с XIX веком. Тогда чаще всего для образования потолка устанавливали во всю длину помещения толстую балку (цехани, дукIи), поддерживаемую одним или несколькими столбами, перпендикулярно к ней клали тонкие бревна «дехъ», «чIухIяра», «далга», а между ними поленья (дирихъле, декьара). В горной зоне, у сюргинцев и муэринцев, в условиях острой нехватки леса, сложился другой способ: применялись аркада, длинные поперечные каменные плиты, сено, глина, земля, а на втором этаже — балка, поперечные жерди, каменные плиты, сено, глина, земля. Интересно отметить, что в некоторых аулах лесистого предгорья (например, сел. Тама) вместо поленьев также укладывают тонкие каменные плиты. Здесь это объясняется тем, что местная глина плохо удерживает воду и поленья так быстро сгнивают, что их решили заменить каменными плитами.

Ныне постепенно исчезает толстая продольная балка, а вместе с нею и поддерживающие ее столбы; потолок держится на бревнах средней толщины (15—20 см в диаметре), уложенных прямо в гнезда каменной стены. Поверх их выкладывают поленья (теперь часто стали применять и тонкие доски от ящиков), затем накладывается тонкий слой глины, поверх которой насыпается земля (30—40 см толщиной). В некоторых селениях крыши засыпали мергелем и укатывали; после неоднократных дождей и повторных укатываний крыша становилась твердой и гладкой, как цементированная. Место глины начинает занимать толь, особенно в аулах переселенцев. В этом случае слой земли делают тонким, так как толь хорошо предохраняет крышу от протекания.

Плоская крыша нагорного Дагестана не так уж плоха, как иногда ее представляли. В условиях дагестанских гор, где сравнительно сухой климат с максимумом осадков в летний период в виде скоропреходящих ливней, отсутствие стропил являлось сравнительно терпимым неудобством, и поэтому только очень состоятельные крестьяне прибегали к строительству стропил, в местных условиях обходившихся очень дорого.

Что касается термических качеств крыши, то она по справедливому замечанию И. Пантюхова «хорошо защищает жилище» не только от «дождей и снега, но и от холода зимою и жары летом».[73] Плоские крыши, отсутствие штукатурки привело к тому, что горцы стали уделять значительное внимание защите стен от дождя, а также водостоку с крыши. Очень развита в даргинском жилище система псевдоконсолей, карнизов, желобов и пр. Особенно развито конструирование карнизов и консолей в предгорье и в горах.

Чаще всего карнизы образуют постепенным выдвижением последних рядов каменной стены, а консоли — кладкой поперечных длинных, выступающих из стены камней. Часты и художественно оформленные каменные консоли, обычно представляющие собой прямоугольные камни со срезами овальной формы.

Имеет некоторые особенности и техника устройства водостока. В предгорье выводят из основания карниза деревянный желоб, у сюргинцев и муэринцев часто применяется керамическая трубка, а в некото-

---

[73] И. Пантюхов. Современные лезгины. «Кавказ», 1901, № 233.

рых аулах (например. в сел. Акуша) делают желоба в массивных каменных консолях.

В некоторых сюргинских селениях иногда делают многоярусные консоли, техника строительства которых гораздо сложнее: нижний ряд выкладывают массивными, значительно выступающими из стены квадратными камнями, а следующий ряд — еще более широкими камнями, выточенными в середине в виде арок. Камни верхнего ряда опираются на камни нижнего основаниями «арок», т. е. своими нетронутыми краями, причем края одного верхнего камня приходятся на края двух выступающих нижних камней. В результате получается, что аркоподобные проемы камней верхнего ряда совпадают с промежутками между выступающими камнями нижнего.

В настоящее же время стало значительно легче строить крыши со стропилами, чем и объясняется их массовое строительство. Каркас их делают из тонких бревен, опирающихся на консоли, поперек укладывают горбыли. Крыши делают чаще четырехскатные, покрывают их железом и шифером. Последний получает все большее распространение как дешевый и удобный материал.

С засыпкой крыши землей кончается работа каменщика и начинаются штукатурные и плотничьи работы.

Штукатурные работы проводятся у даргинцев как профессионалами, так и без них. До сих пор штукатурная работа заключается в обмазке глиной. Как первичную, так и вторичную обмазку, делают на «билхъа» женщины. Они же обмазывают глиной утрамбованный мужчинами пол.

После второй обмазки глиной приглашается плотник и тот устанавливает двери и окна, обивает полы и потолки, ставит балюстраду и пр.

По окончании плотничной работы хозяин приглашает штукатура-профессионала, который очень тщательно обмазывает стены глиной. Новым в штукатурных работах можно считать изменение состава штукатурки — вместо обыкновенной земли теперь часто примешивают особый сорт глины, песок, цемент и пр., так что штукатурка получается гладкой, плотной и на нее можно наносить узоры масляной краской.

Вселение в дом раньше сопровождалось торжественной церемонией — приходили все родственники хозяина, старший из них произносил молитву о благополучии семьи в новом доме, из старого дома или из дома родственников приносилась зола с жаром для первого отопления.

Из всего сказанного видно, что в технике и методах современного домостроительства у даргинцев произошли значительные изменения. Строительная техника в сочетании с новыми материалами сделала большой шаг вперед, в результате чего жилой дом стал более долговечным, удобным и красивым. Традиции взаимопомощи приобрели новое содержание, отличаясь от взаимопомощи как периода родового строя (только родовая помощь), так и периода его разложения (помощь главным образом сильнейшим и богатейшим представителям рода) своим социалистическим духом и направленностью.

УКРАШЕНИЕ ЖИЛИЩА.

Как мастера-строители, так и хозяин будущего дома проявляют заботу также о красоте строящегося дома. Мастер заботится о красоте и совершенстве своей работы, так как дорожит своей репутацией строителя. Хозяин же стремится украсить дом дополнительными украшениями, которые по традиции мастер не обязан делать, но может их вы-

полнить по особой договоренности. Это уже специальное украшение дома, которое доступно далеко не всем (например, резьба по дереву или камню). У даргинцев такое специальное украшение дома больше развито в предгорье и значительно меньше в горной и горно-долинной зонах. Аналогичную картину мы наблюдаем и у других народов Дагестана. Это отмечали и некоторые русские путешественники, побывавшие в нагорном Дагестане. Так, например, Н. Глиноецкий утверждал, что горцы очень мало знают работу по дереву;[74] другой путешественник Н. Абельдяев вторит ему, указывая, что «мастеровых между горцами очень немного» и хотя «некоторые аулы известны особою какою-нибудь производительностью, но зато в других аулах ровно ничего не умеют сделать»,[75] а А. Г. Васильев категорически утверждал, что дома лакцев «без всяких украшений снаружи и внутри».[76] В столь категорической форме такое утверждение, конечно, неверно, но доля истины в словах этих наблюдателей есть, что становится непонятным, если вспомнить искусных дагестанских мастеров, их знаменитую резьбу по камню и дереву, их кустарные изделия, свидетельствующие о развитом художественном вкусе. Тот же А. Васильев, с такой категоричностью высказавшийся об украшениях, говорил ведь, что «натура горца богата и полна... Чувство изящного и поэзии не только не чуждо ему, но, напротив, составляют принадлежность его природы и, можно сказать, в замечательной степени. Многие изделия горцев отличаются изяществом вкуса... все делается со вкусом и старанием не из расчета, не на продажу, но для удовлетворения собственного чувства...»[77].

Источник этого противоречия лежит в различии природно-географических условий в отдельных частях Дагестана. На территории аварцев, лакцев и даргинцев зачастую не было материалов, которые давали бы возможность украшать дом, т. е. материалы, из которых строились дома, не позволяли в силу своих физических свойств так украсить дом, как это могли позволить себе, например, кайтагцы или табасаранцы. Вот почему чувство изящного у горцев различных районов проявлялось по-разному: у табасаранцев оно проявилось в высоких образцах резьбы по дереву, у кубачинцев и частично аварцев — в резьбе по камню, в ювелирных и других изделиях, у лакцев — в изготовлении посуды и ювелирных изделий у цудахарцев — в создании лучших образцов кавказских сукон, у акушинцев — в резьбе по камню и т. д.

Методы украшения у даргинцев имеют свои особенности в жилище каждой из зон, и в то же время система украшений — это один из тех элементов жилища, который наилучшим образом иллюстрирует общность культуры всех даргинцев.

Если говорить о наиболее бросающемся в глаза отличии украшений горной, горно-долинной и предгорной зон, то нужно сказать, что это прежде всего материал украшения. В предгорье основную роль в украшении играет дерево, в горах — камень, в горных долинах — дерево и камень, но совсем других сортов. Акушинский мягкий песчаник представляет собой очень хороший материал как для придания ему нужной формы, так и для резьбы по нему. В таких горных аулах, как Акуша, Хулелая и др. много домов построено из тесаного камня, что придает этим аулам совсем другой вид. Дом, построенный из тесаного камня, выглядит очень хорошо, его линии приятно радуют глаз, все

---

[74] Н. Глиноецкий. Поездка в Дагестан. «Военный сборник», 1862, № 2, стр. 392.

[75] Н. Абельдяев. Сельское хозяйство у дагестанских горцев. «Журнал Министерства государственных имуществ», т. 64, № 8, стр. 29.

[76] А. Г. Васильев. Казикумухцы, стр. 69. Об этом же говорит в отношении лезгин Д. Бабаев. Селение Ахты, стр. 143.

[77] А. В-в. Покорение Кавказа. «Русский вестник», 1890, т. 27, № 11, стр. 368.

строение приобретает какую то легкость, законченность, ненадоедливую симметрию. Даже когда тесаным камнем выкладывают только углы зданий, дом приобретает совершенно иной вид — он как бы заключен в красивую оправу. Обтесанный песчаник обходится, конечно, дороже, чем рваный камень, поэтому применяется он не всеми. Если состоятельные хозяева строили из него целые дома, то менее состоятельные строили только вторые этажи, а беднота строила только углы, подоконники, устои ворот и пр. Поэтому в аулах, где имеется песчаник, легко можно было уже при первом взгляде определить — каков достаток его хозяина.

В горно-долинной зоне в строительстве применялся белый известняк (иногда доломитовый), очень ломкий и хрупкий. Поэтому цудахарцы имели ограниченные возможности делать украшения из камня. Но дерево у цадахарцев тоже не очень подходит для украшений, так как это, в основном, привозная сосна. Это объясняет причины слабого распространения украшений в цудахарском жилище, но не исключает их. Так, например, поскольку украшение тесаным камнем здесь было невозможно, сложилась традиция украшать дома формованным камнем. Конечно, формованный камень гораздо хуже тесаного и обработка его более трудоемка, но все-таки стена формованного камня выглядит гораздо красивее, чем из неформованного. Интересно отметить, что формованный камень, как и тесаный, в большинстве случаев не увеличивает прочности стены, так как им выкладывается только внешний ряд кладки. Напротив, кладка формованным камнем при малейшей

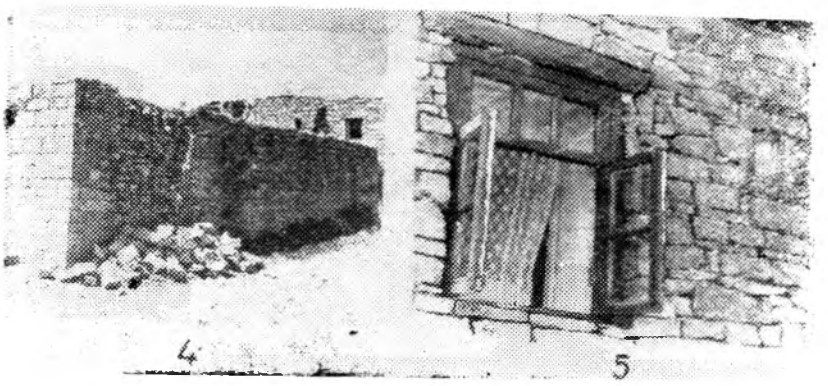

Рис. X. Техника строительства:
1—разрушение неправильной кладки из формованного камня, 2—старое и новое окно. с. Дуреги.

недобросовестности мастера или его неумении (нужно большое мастерство, чтобы слить в монолит внешнюю и внутреннюю части кладки), оказывается даже худшей, легко подверженной разрушению (трещины, выпадение камней из кладки и пр.) и, следовательно, декоративная цель ее применения не вызывает сомнений. Доказательством этому служит, например, тот факт, что часто первый этаж, где стена должна быть крепче, кладут обычной кладкой, а второй этаж, который в большей степени на виду у людей — из формованного камня.

Довольно распространенным приемом украшения дома является и отделка карниза дома тесаным или формованным камнем, чаще только по фасаду, но иногда и по всему периметру. Один из камней карниза отличается большим размером, нередко это привозной песчаник, на котором выбивают имя хозяина дома и дату постройки. Чаще такой камень приделывают над воротами, если таковые существуют. В

предгорной и горной зонах отделка и украшение карниза производятся более основательно. Обычно здесь делают каменные псевдоконсоли, на которых держится карниз крыши, причем камням придают разнообразную форму деревянных консолей. Иногда консоли одного только здания имеют до десятка форм, чередующихся друг с другом. Так, например, в мечети сюргинского селения Цугни повторяется более десяти форм, образующих единый декоративный комплекс, украшающий здание. У сюргинцев и акушинцев встречаются многоярусные консоли, характерные для башенного строительства. Такие консоли еще более украшают жилище, но они требуют гораздо больше затрат и поэтому встречаются сравнительно редко.

В селениях Цудахар, Акуша, Мекеги и некоторых других особое внимание уделяют красочному оформлению ворот. Для этого проем ворот делают в виде красивой арки, сложенной из тесаного песчаника (Акуша) или доломита (Цудахар). Обычно арка покоится на широком основании и иногда бывает заключена в квадратную коробку, выложенную из огромных камней, и носит, таким образом, и конструктивный, и декоративный характер. Боковые части квадрата, обрамляющего арку, делают чаще всего в виде массивных колонн, которые всячески украшают: делают продолговатые неглубокие ниши мягких, овальных очертаний, по бокам ниши, а также вверху и внизу ее высекают геометрические фигуры или растительный орнамент. Особенно красиво оформляется верхняя часть коробки ворот, вверх от линии, где начинается округлая часть арки. По всей окружности арки иногда высекаются красивые выпуклые фигуры, или же делается сплошной спиралевидный бордюр; боковые части, обрамляющие коробки, украшаются вязью, растительным орнаментом, в верхних углах делают розетки, звездочки (чаще звездочка, заключенная в розетку или просто в круг). Внутри арки, в центре ее, или под самой линией ворот вставляется большой прямоугольный или округлый камень, на котором высекаются имя владельца и дата постройки дома. Имя и дату окружают красивой вязью, растительным орнаментом в стиле кубачинского мархарая. Тут же приделывают голову или рога тура или оленя. В домах, строящихся после войны, имя владельца пишут русскими буквами, причем дату указывают уже по официальному календарю, а не по хиджре. Такие ворота — это своеобразный паспорт дома: здесь и имя владельца и дата строительства, здесь и показатель благосостояния хозяина, его вкуса, а иногда и его характер; в то же время здесь и показатель мастерства строителя, выстроившего дом.

В большинстве селений предгорной и горной зон встречается еще одно оригинальное украшение — цельновысеченные (в камне заложенном в стену) кольца. Это очень оригинальное и довольно трудоемкое украшение, тем не менее, оно очень распространено. Не исключено религиозно-магическое значение этих колец — поместив на самом видном месте звено цепи (два кольца), хозяин хотел тем самым сделать свой дом недоступным для разрушения, проникновения и т. д. Таким образом, это своеобразный «замок» дома, «ключа» к которому никто не сможет подобрать.

Следует сказать еще об одном интересном способе украшения дома у даргинцев — о проемных крестах. В стене дома, чаще всего между окнами (иногда над окнами или под ними) путем изымания из стены кусков камня создают продух в виде креста. Кресты отмечены по всему предгорью и нагорью, и особенно много их у сюргинцев, меньше всего — у кайтагцев, совсем нет у цудахарцев (горно-долинная зона). Иногда встречаются на домах кресты, высеченные на камне. Таков, например, крест на центральном камне над воротами дома Д. Магомедова в Урахи, крест очень четкой формы, выпуклый, равносторонний, раз-

мерами 0,4 на 0,4 м. Небольшое количество крестов этого рода объясняется, по-видимому, особенностями техники их изготовления. Проемный крест делается в ходе строительства стены, часто имеет утилитарное значение (свет, вентиляция) и может быть делается по традиции, не возбуждая к себе специального интереса. Другое дело высеченный крест. Если его высекаешь, значит ты хочешь сделать именно крест, а в XIX веке, в период расцвета ислама, такое специальное изготовление креста было невозможно. В свете сказанного и судя по возрасту домов, на которых встречаются кресты, можно полагать, что их было гораздо больше в XVIII веке, чем в XIX веке и что более ранние кресты носили не только декоративный, но и религиозно-магический характер.

Что касается украшения деревом, то здесь первенство несомненно принадлежит предгорью. Для горно-долинной и горной зон более характерны фигурные украшения. Так, например, здесь очень распространен деревянный щит перед консолями с обработанным в виде геометрического, реже растительного, орнамента нижнем краем. Название этого щита («пардав» — занавес) показывает, что он возник как прикрытие для деревянных консолей, чтобы они не подвергались воздействию воды и солнца. Фигуры щита обычно бывают выдержаны в традициях национального орнамента (кружочки, треугольники, полукружия и пр., иногда целый комплекс фигур и дырочек, реже растительный орнамент). Этот щит нависает над верандой; столбы, которые подпирают продольную балку под консолями, тоже обрабатываются в виде колонн с капителью или же просто обстругаются. Ниже, на веранде, делают балюстраду, составленную из геометрических фигур (крестом, полукружием, в виде решетки из фигурных балясин и пр.).

Другое украшение, часто применяемое в горах и горных долинах — это обработка опорных столбов, особенно центрального столба с капителью, который своей формой напоминал невысокое раскидистое дерево. Встречается также украшение геометрическими фигурами дверей, наружных столбов, балок перекрытия и пр.

В жилище предгорья украшений из дерева и по дереву, конечно, гораздо больше, что объясняется обилием подходящего материала. Прежде всего нужно сказать, что в предгорье особое внимание уделяется центральному столбу. Он представляет собой здесь целое архитектурное и декоративное сооружение, созданное из огромного дуба, с роскошной фигурной капителью, с различными фигурами, высеченными на нем. При этом довольно часто бывают обработаны в виде красивых фигур и бревна перекрытия, составляя единый декоративный ансамбль со столбом.

Для предгорья характерно также обилие разнообразных форм деревянных консолей. Часто форма консолей перекликается с формой капители центрального столба, что наталкивает на мысль, что форма капители является исходной формой, которую стали потом повторять в консолях.

Особо нужно сказать о резьбе по камню и по дереву. Первая преобладает в горах, вторая — в предгорье. Исключительно широко поле для резьбы по дереву в жилище предгорья Все оно, начиная от ворот и кончая окнами, бывает заполнено резьбой по дереву. Наиболее часты следующие фигуры: кружочки, розетки, концентрированные круги, кресты, сплошные поля из треугольников, лабиринты, ладони, розетки с четырьмя ветками, напоминающими ладони, цветы (чаще всего колокольчики), солярные знаки и т. п. Громадное большинство из них имеет религиозные, магические корни. Таковы, например, лабиринты на воротах, долженствующие запутать темные силы, ладони, оберегающие дом, изображение солнца, кресты и др. Со временем они утратили

свою первоначальную роль, но сохранились в виде декоративного орнамента. Характерно, что те фигуры, магическая роль которых несомненна, встречаются в наиболее важных частях жилища — на воротах, окнах (ограждение входа), центральном столбе и пр. Лучшие образцы резьбы по дереву присущи Кайтагу. Здесь мы встречаемся с большими многопроемными оконными и дверными переплетами, устоями ворот и пр., имеющими большие поля, которые заполнены сплошной резьбой, воспроизводящей различные геометрические фигуры или растительный орнамент.

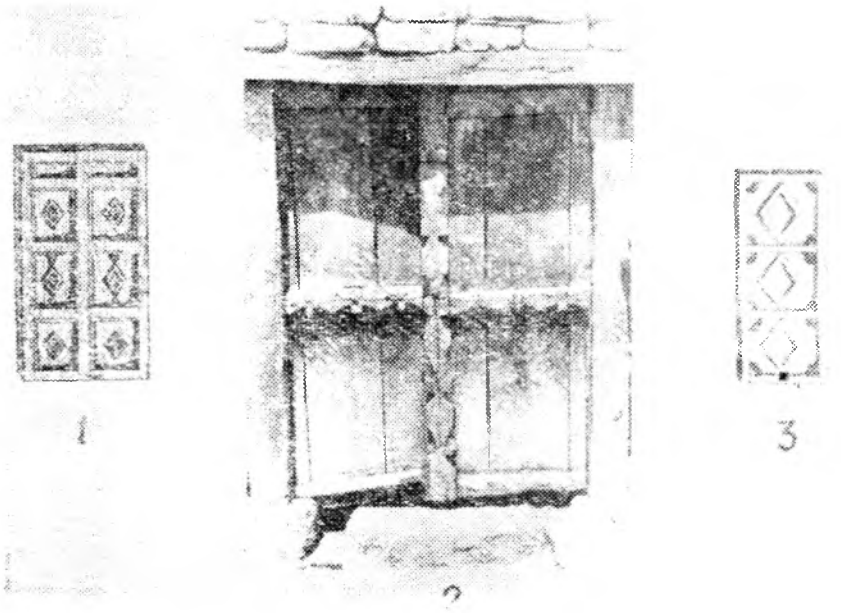

Рис. XI. Резные двери в предгорье:
1—дверь в с. Шиляги, 2— ворота в с. Дуреги, 3—двери в с. Мижигли.

В горном жилище резьба по дереву развита слабо и сводится к изображению отдельных фигур на небольших площадях.

Противоположная картина сложилась в резьбе по камню. Во всем предгорье (исключая Кайтаг) она довольно слабо развита и значительно уступает резьбе по дереву, в то время как в горах встречаются лучшие ее образцы.

Вообще надо сказать, что резной камень нагорного жилища — это лучшее из декоративных украшений даргинского дома. Украшаются резьбой обычно камни над воротами, окнами, надкаминные каменные плиты, карнизы домов, просто отдельные камни в стене. Резьба бывает рельефная и желобчатая, последняя проще. В резьбе по камню тоже встречается много отдельных фигур; большое место занимает сплошной геометрический орнамент, однако, здесь много камней и с растительным орнаментом, что отличает резной камень от резного дерева. В резном камне встречаются также изображения животных и человека, в резном дереве совершенно отсутствующие.

Кроме того, следует подчеркнуть, что на резной камень даргинцев (особенно сюргинцев и муэринцев) большое влияние оказали формы орнамента художественной обработки металлов. На резном дереве это влияние сказалось в меньшей степени.

Есть еще один элемент украшения жилища, также не одинаково развитый всюду — это рельефные и лепные глиняные фигуры, различные ниши, подставки и пр. Особенно развит этот способ украшения в предгорье, где турлучные стены при обилии земли способствовали складыванию традиции обильной обмазки стен, что порождало, в свою очередь, возможность украшения глиной для обмазывающих стены. Наиболее часто украшаются камин, ниши, стенные шкафы, части стены над окнами, дверями и пр. Орнаментальный рисунок этих украшений прост по своей тематике, но оригинален, сочетая в себе элементы как геометрического, так и растительного орнамента.

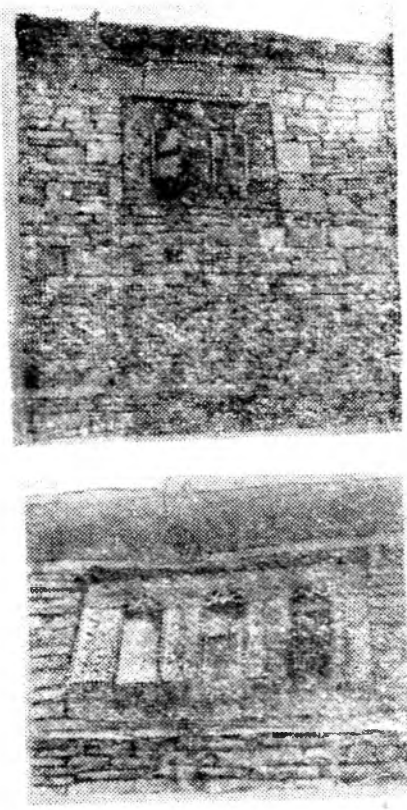

Рис. XII. Резные окна в предгорье.

Необходимо отметить, что несмотря на различие материалов и методов украшения в различных зонах Даргинии, система украшений обнаруживает легко прослеживаемое единство. Оно лучше всего иллюстрируется общностью тематики резных фигур, лепных украшений, геометрического и растительного орнамента.

В современном домостроительстве даргинцев традиции украшения претерпели существенные изменения. Изменились как тематика, так и способы украшения, в нем исчезли пережитки религиозно-магических представлений горцев, арабская вязь, арабские надписи и даты, появились новые мотивы и фигуры в орнаменте (серп, звезда, башня Кремля, советский герб, голубь и др.). Возросла роль масляных красок, которыми красят полы, перила, стены, двери, а также фигуры орнамента. В цветах жилища преобладают светлые тона, больше внимания стали уделять внутреннему украшению жилища (краски, обои, фабричные украшения, мебель и пр.).

И все-таки система украшения — это единственный из элементов жилища, который растерял в последнее время некоторые свои хорошие стороны по сравнению, например, с XIX веком. Меньше стало резьбы по камню и дереву, исчезли красивые центральные столбы, вместо которых внутри жилища не появилось чего-либо равноценного им в эстетическом отношении: даже в фигурном украшении красивый растительный орнамент сменился геометрическими фигурами. Резьбу по дереву сменяет орнамент, вырезанный из фанеры с последующей покраской, а украшение приданием легких и изящных форм самому предмету и резьбой на нем сменилось простыми геометрическими фигурами и краской. Тенденция эта является, по-видимому, общей для всего Дагестана (исчезновение резьбы по дереву в южном Дагестане, например, было отмечено С. О. Хан-Магомедовым).[78]

---

[78] С. О. Хан-Магомедов. Жилище табасаран. СЭ, № 4, 1951, стр. 208; Г. Н. Любимова, С. О. Хан-Магомедов. Народная архитектура южного Дагестана. М., 1956, стр. 100.

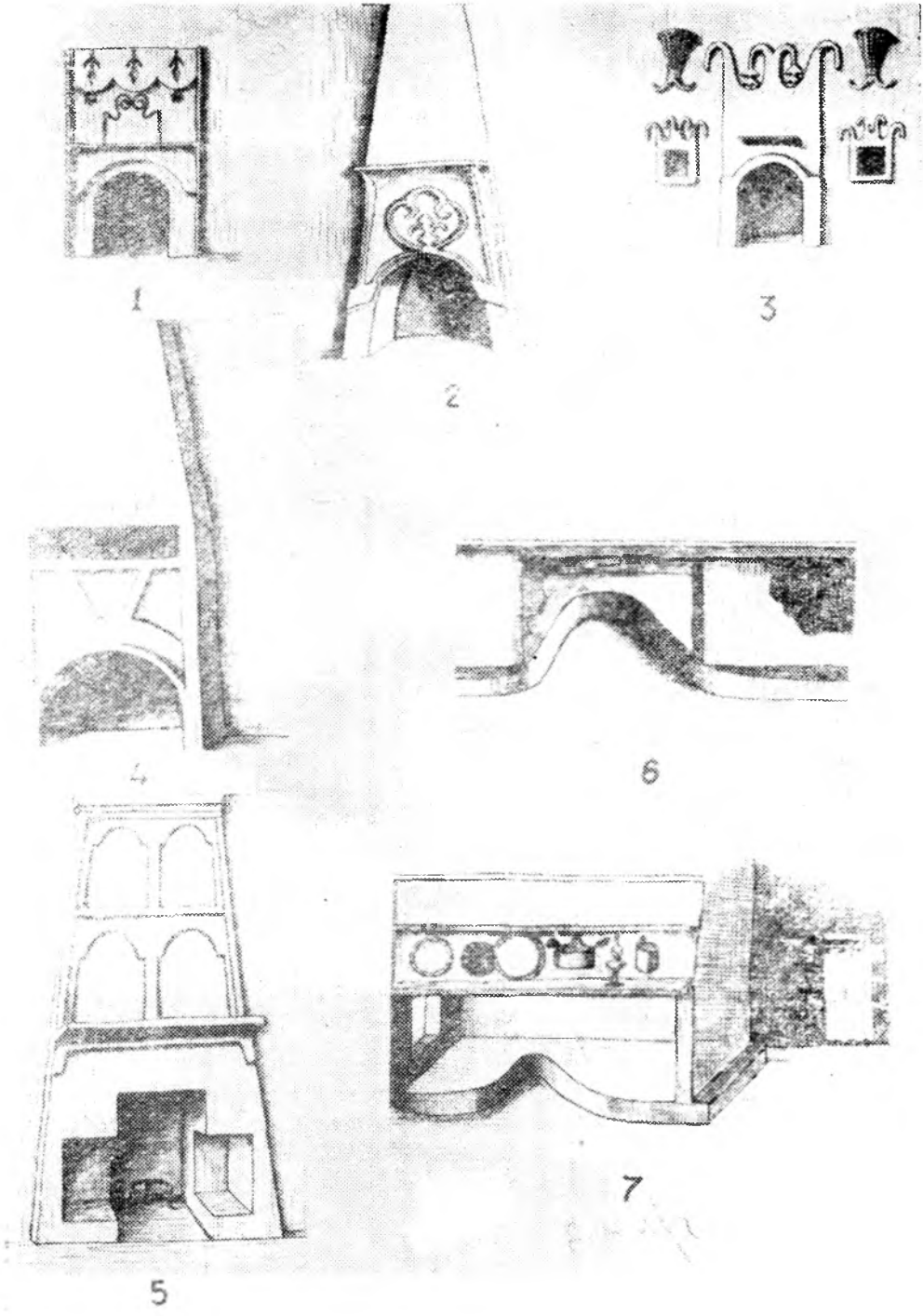

Рис. XIII. Очажные отсеки и камины в предгорье.
1—5 — камины в сс. Губден (1, 3), Карацан (2), ахмедкент (4), Кадар (5), 6 — очажной отсек в с. Джавгат, 7 — комната с очажным отсеком в с. Карацан.

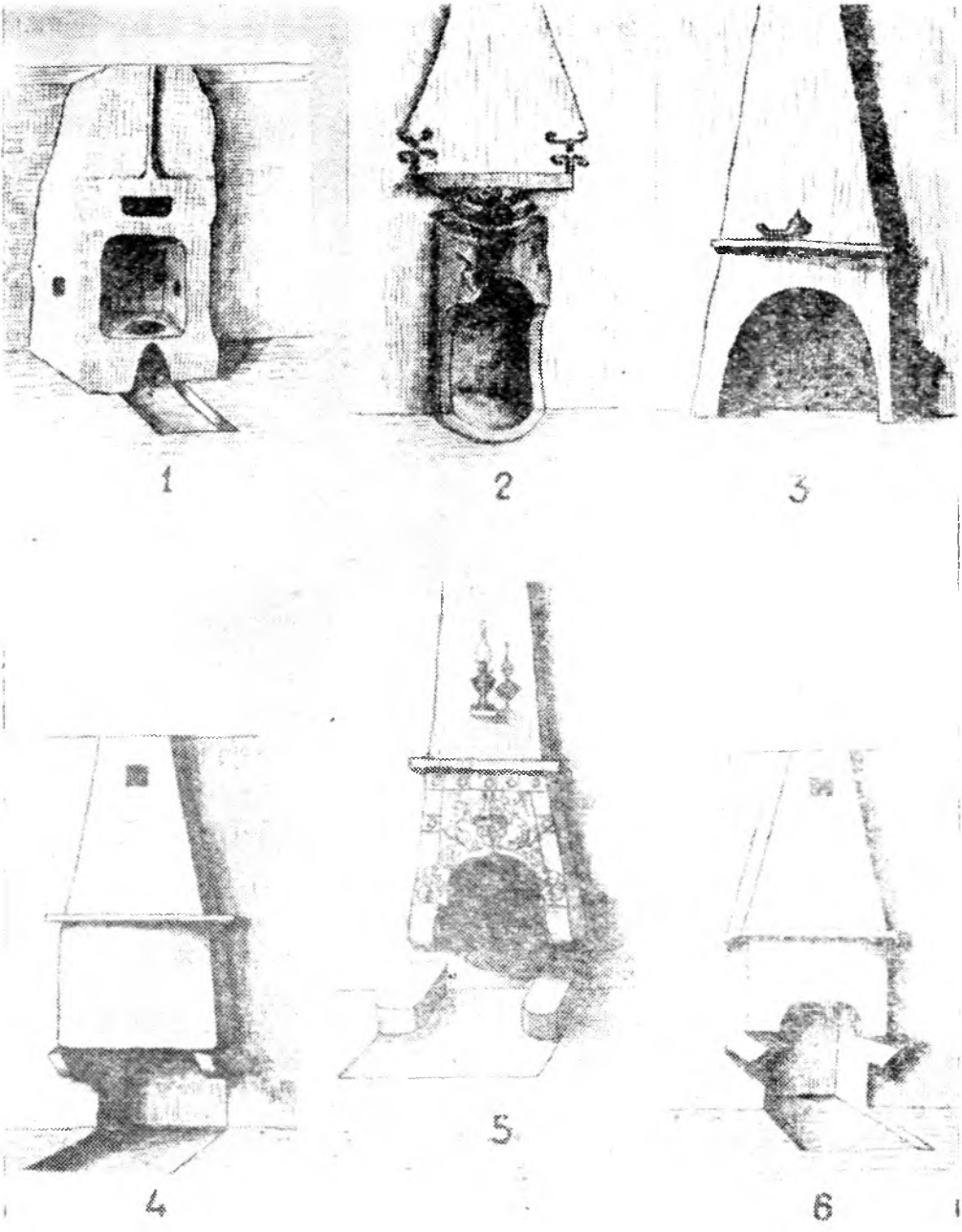

Рис. XIV. Пристенные очаги и камины в горах:
1 — пристенный очаг с вделанным в него тарумом с. Чирах, 2 — камин в с. Чирах, 3 — пристенный очаг в с. Усиша, 4—6 — камины в сс. Аштy (4, 6) и Кубачи (5).

Начало этому явлению положило проникновение в XIX веке в дагестанский аул городской культуры, губительным образом воздействовавшей на местное прикладное искусство. В наше время это искусство уже не могло возродиться без соответствующих усилий со стороны общественности, тем более что исчезновению многих элементов украшения способствует целый ряд объективных факторов.

Немалую роль сыграло, в частности, то, что многие элементы жилища, которые являлись предметом и средством украшения (центральный столб, огромные балки, камины с надкаминными плитами, ниши, глиняные шкафы предгорья и пр.) практически изжиты в современном домостроительстве.

Из всего сказанного следует, что у даргинцев существуют давние традиции украшения жилища. Основными элементами украшения следует считать обработку камня, резьбу по камню и по дереву, краски и фигурные украшения из дерева, причем в последнеее время замечается преобладание простых фигурных украшений и красок над резьбой и сложными резными фигурами, геометрического орнамента и фигур над растительным орнаментом. В общем можно считать, что система украшений сделала шаг назад в отношении резьбы по камню и дереву, но в целом все-таки улучшилась, став более современной (строгие законченные архитектурные формы жилища, современные двери, рамы, крыши со стропилами и пр.), яркой, красивой, с заметным увеличением нарядности, особенно внутри жилища.

7. ВНУТРЕННЕЕ УБРАНСТВО.

Интерьер жилища более подвижен, склонен к частым изменениям, менее консервативен, так как предметы обихода и убранства часто заменяются и для замены не требуется разрушения.

Дом стоит десятки и сотни лет, разрушать его, чтобы построить новый, не имеет смысла, да и не каждому это доступно, а предмет убранства, если даже он и долговечен, может исчезнуть, если его заменит другой, более красивый и удобный.

Одним словом, изменения в экономике и культуре гораздо быстрее сказываются на внутреннем убранстве жилища, чем на характере строения. Этим и объясняется, что внутреннее убранство даргинского жилища претерпело такие огромные изменения.

Наблюдатели XIX века обычно отмечали, что дагестанское жилище, несмотря на почти полное отсутствие мебели, неплохо обставлено и убрано и содержится в чистоте. Так, например, Ф. Гене указывал, что «внутренность домов довольно опрятна».[79] А. Неверовский, бывший немногим позже его, также свидетельствует, что дагестанцы «держат свои дома в большой чистоте»,[80] а Н. Глиноецкий говорит об этом даже с восхищением: «замечательно, что у лезгин вообще в доме все чрезвычайно опрятно».[81]

Особенно ценны свидетельства И. Пантюхова, специально изучившего жилище народов Кавказа, и Ю. Вадковской, проводившей здесь

---

[79] Ф. И. Гене. Сведения о горном Дагестане. «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв., стр. 346.

[80] А. Неверовский. Краткий взгляд на северный и средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях, стр. 31.

[81] Н. Глиноецкий. Поездка в Дагестан. «Военный сборник», 1862, №3, стр. 86. Об этом же говорят М. К. Ковалевский и И. Ф. Бларамберг. Описание Дагестана (1831 г.). «История, география и этнография Дагестана», стр. 309; а также А. П. Ермолов, который находил, что дома даргинцев «содержатся с особенною чистотою, которая приметна на самых дворах и гумнах». Записки А. П. Ермолова, II ч., М., 1868, стр. 101—102.

санитарно-гигиеническое обследование. Первый говорит, что «устройство и обстановка жилищ далеко не так дурны, как описывают их разные путешественники», и что мало того, их «сакли содержатся несравненно чище, чем сакли не только хевсур, сванетов, осетин, но и закавказских татар, некоторых армян и грузин».[82] Ю. Вадковская также отмечает «заботу о поддержании чистоты жилища» у всех даргинцев.[83]

Что касается убранства комнат, то оно было, конечно, довольно бедным, и в каждой зоне имело свои специфические особенности. В долинной зоне обставлялись, в основном, две комнаты — крайние, средняя же служила для хранения запасов. В одной была тахта, занимавшая большую часть комнаты, недалеко от нее ставилась железная печь. Тахта застилалась паласами или ковром, стены вокруг нее также покрывались паласами, на ней ставили в одном углу сундук и постели повседневного пользования. Ковры, паласы, постель, одежда, оружие, посуда и пр. помещалось в парадной комнате.

Таким образом, «всю мебель составляют лишь сундуки, ковры, разного рода перины и подушки».[84] Правда, кое-какая мебель в даргинских домах имелась, но только в зажиточных домах, ибо местного производства мебели почти не существовало, а привозная стоила очень дорого. Кстати, побывавший в 1882 году в Цудахаре Д. Н. Анучин указывает в числе привезенных из России товаров «красный галантерейный товар и немного мебели».[85]

Почти такая же бедность обстановки характерна и для даргинского предгорья. Достаточно привести описание обстановки жилья в Губдене, данное Д. Анучиным, чтобы проиллюстрировать это. Он отмечает две ниши по сторонам камина с фаянсовой и другой посудой, в простенках между ними — тарелки и зеркальца в деревянных рамках, две ниши в другой стене, где стоят металлические кувшины, жестяные миски, медные кастрюли; ниже их три огромных плоских медных таза, еще ниже на полу, два обитых жестью сундука, на которых два поменьше. Тут же самовар и на стуле седло и чепрак. В третьей стене три ниши с посудой и две с бутылками. В промежутках висят металлические тазы и фаянсовая посуда,— ниже — оружие. Противоположная окнам стена имеет уступ для постелей, в балке кольца с продетыми веревками, на которых навешано платье.[86] Никакого упоминания о кровати, столе, шкафах нет, а ведь Д. Анучин описывает дом не бедняка или даже середняка, а богатейшего человека, являющегося даже сельским старшиной. Что же касается основной массы крестьянства, то в отношении ее более характерна обстановка, описанная Амировым: два ларя, полка для постелей и посуды, несколько грубых ковров.[87] Интересно отметить, что домов с парадной комнатой («тавхана»— каминная комната»), хорошо убранной коврами, Г. М. Амиров насчитывает не больше 50—60 на все село, состоящее из 1200 хозяйств.[88]

Несколько лучше обстояло дело с мебелью в Кайтаге и сопредельных горных селениях. В Кайтаге некоторые селения лесистого ущелья Улучая («Катаган»— ущелье), такие, как Тама, Адага и другие специализировались на производстве домашней деревянной утвари и мебели. Поэтому в селениях Кайтага и его соседей мы встречаем гораздо больше мебели: огромные, во всю стену лари, со шкафами по краям, шкафы для посуды и продуктов с несколькими полками, разукрашенные

82 И. Пантюхов. Современные лезгины. «Кавказ», 1901, № 33.
83 «Даргинцы».
84 Н. Глиноецкий. Указ. соч., «Военный сборник», 1862, № 1, стр. 131.
85 Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан в 1882 году. Изв. РГО, 1884, т. XX, вып. 4, стр. 432.
86 Там же, стр. 384.
87 Амиров. Среди горцев Северного Дагестана, стр. 79.
88 Там же.

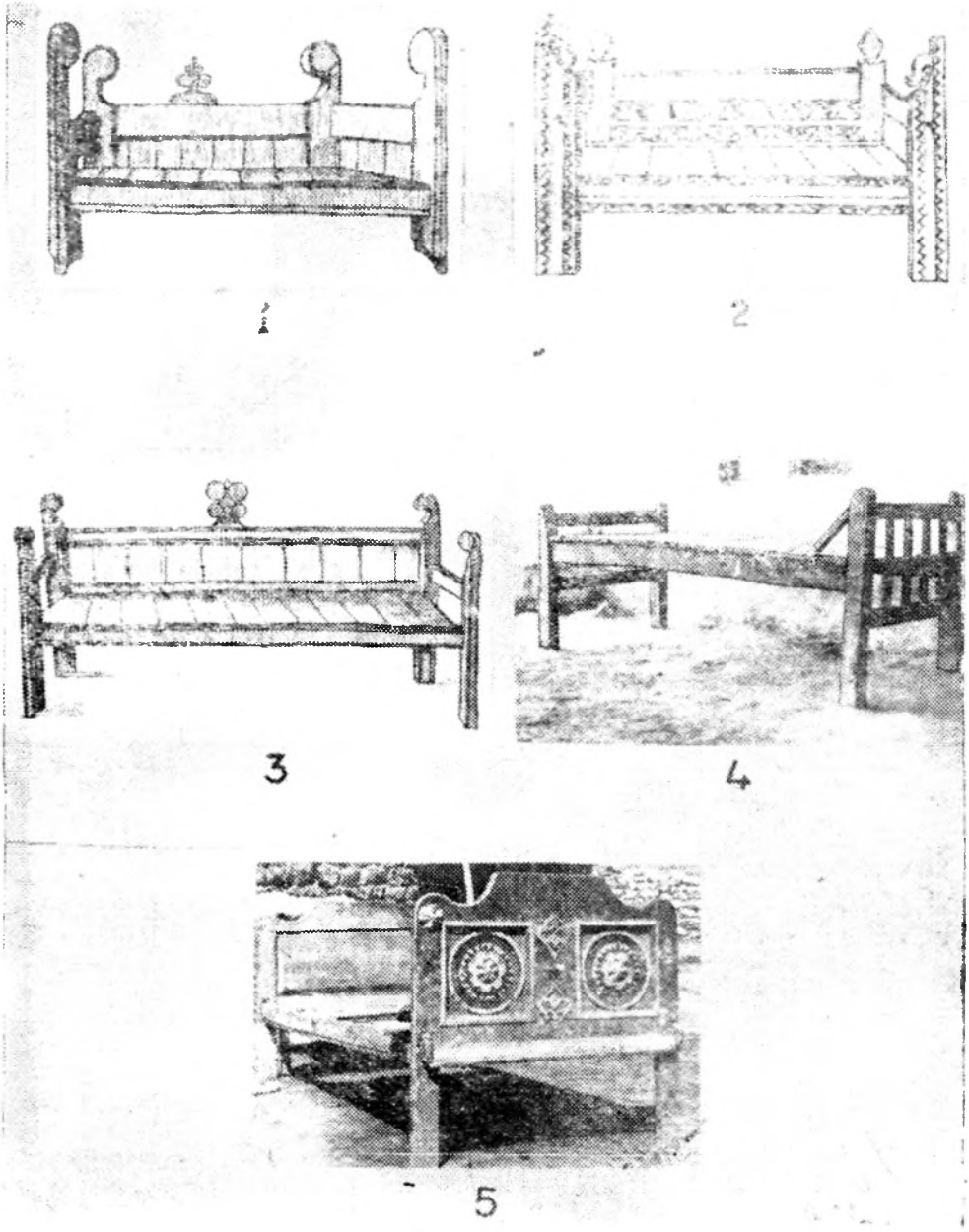

Рис. XV. Местные деревянные кровати:
1 — кровати в сс. Усиша, 2 — Хуршни, 3 — Гапшима, 4 — Дуакар, 5 — Акуша.

резьбой («цIунна», «кьусмук»), оригинальные деревянные тахты и кровати с фигурными украшениями и резьбой («тах», кьасбуруш», дахIибала ута», «гамхъ», «калсан ута»), стулья и маленькие табуретки («ута») и др. Наиболее древним из них является маленький, очень изящный табурет на трех или четырех ножках со спинкой или без нее. Об этом свидетельствуют и названия тахты и кровати. Например, тахта названа «дахIибала ута», т. е. «табурет для молитвы», а кровать называется «калсан ута», т. е. «табурет для лежания», или «ухьала ута», т. е. «табурет для постели». Другое название кровати (кьасбуруш — завалинка для постели) восстанавливает первобытную картину места для постелей — завалинку около одной из стен (верхней по склону, чтобы не было лишней работы с уравниванием пола), со временем превратившейся в мостки для постелей. Такую завалинку, занимавшую треть комнаты вверх по склону и являвшуюся оставленным естественным возвышением, мы видели в очень старом доме А. Асланкадиева в сел. Куппа.[89]

С окончанием Кавказской войны и установлением регулярных связей с русским рынком в быту появляются новые предметы быта, причем более интенсивно этот процесс наблюдается в горно-долинной зоне и части предгорья. И все-таки домашней мебели в даргинском жилище было очень мало, она имелась только в домах состоятельных людей.

Причин их слабого внедрения в основном две. Первая — это недоступность мебели, ввиду ее нехватки, дороговизны. Местное производство было очень незначительным, мастеров и подходящих материалов не было, привозить из городов было дорого и хлопотно, а во многие места и невозможно. Вторая причина заключалась в том, что эти предметы не стали необходимостью для горца, так как традиции домашнего быта и культурные потребности горцев изменились очень мало и особых изменений в обстановке не вызвали. Поэтому кровать, стол и др. были скорее продуктом подражания имущих верхов русским, чем необходимыми предметами. Этим объясняется тот факт, что в дореволюционном ауле эти предметы не использовались по своему назначению. Так, например, можно было встретить стол, сплошь уставленный декоративной посудой и никогда по своему назначению не используемый, кровать вместо полки для постелей и т. д. Лишь при приеме городского гостя стол или кровать использовались по прямому назначению.

Даже в советское время, до укрепления колхозов, в даргинских домах было очень мало мебели. Ю. Вадковская отмечает, что «у большинства населения в жилище немного мебели... часто жилое помещение остается пустым и только стены его украшаются большим количеством развешанных на них фарфоровых и металлических тарелочек и большими медными плоскими тазами».[90] Интересны цифры, приводимые ею на этот счет: столы были только в 18% жилищ, достаточное количество стульев в 3% жилищ, кровати — в 28%, спали на полу — 77% жителей.[91]

С утверждением колхозного строя и индустриализацией в быту и культуре дагестанских горцев произошли коренные сдвиги, сказавшиеся во всех областях материальной культуры и вызвавшие огромные изменения во внутреннем убранстве даргинского жилища.

---

[89] Способ создания террасообразных полов внутри жилища,— так же, как и ступенчатое расположение отдельных элементов одной усадьбы (двор, хозяйственные постройки, жилье) на несколько террасах, вызванные трудностью выравнивания скального грунта, зафиксированы в горном Дагестане еще в эпоху бронзы. См. Б. М. Котович. Верхнегунибское поселение, стр. 91; В. И. Каницвец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1955 году, стр. 158.

[90] «Даргинцы», стр. 190.

[91] Там же, стр. 190, 191, 192.

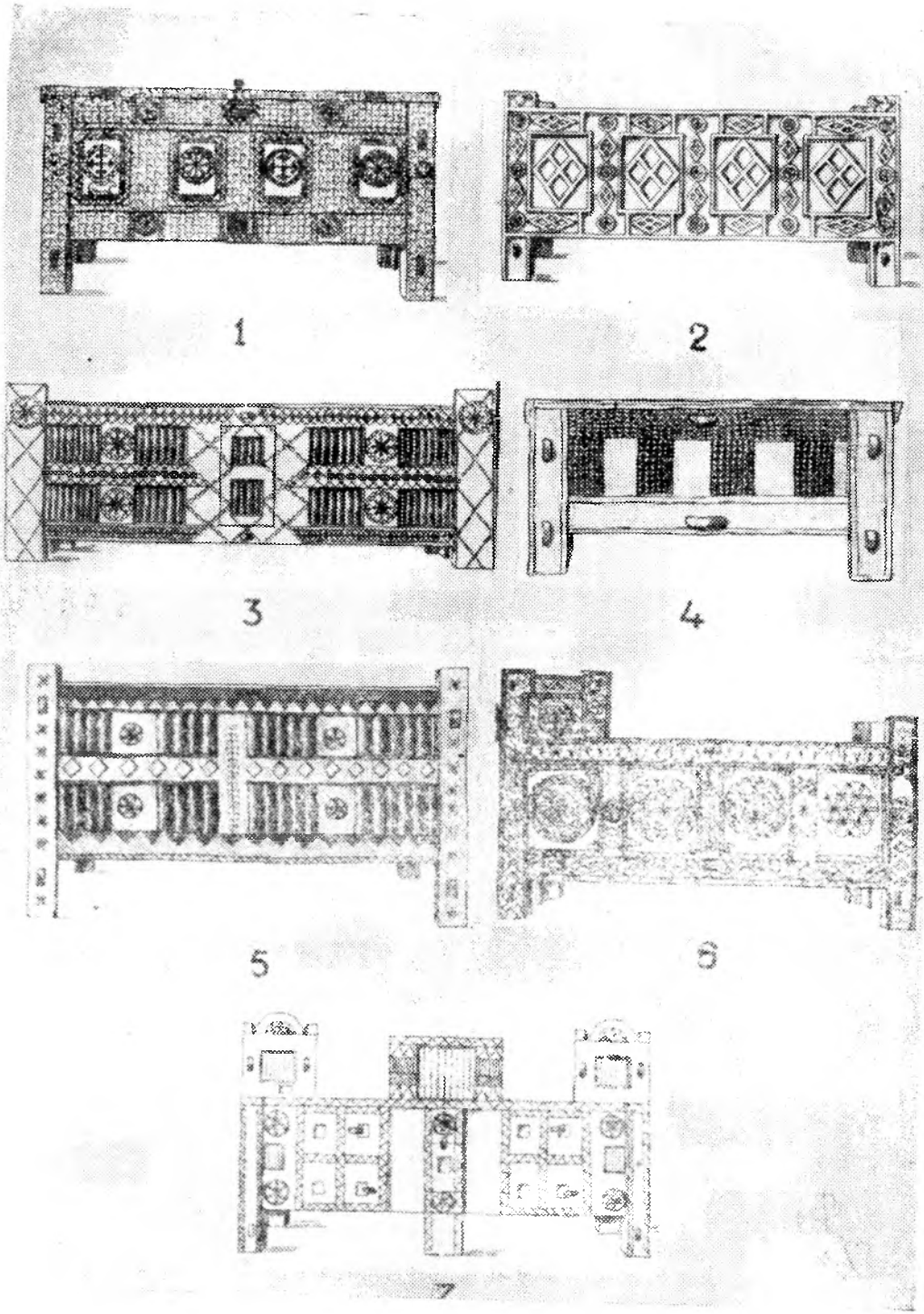

Рис. XVI. Зерновые лари.
1 — Зерновые лари в сс. Урцаки, 2, 6 — Шиляги, 3 — Кадар, 4 — Хуршни, 5 — Усиша, 7 — Дуреги.

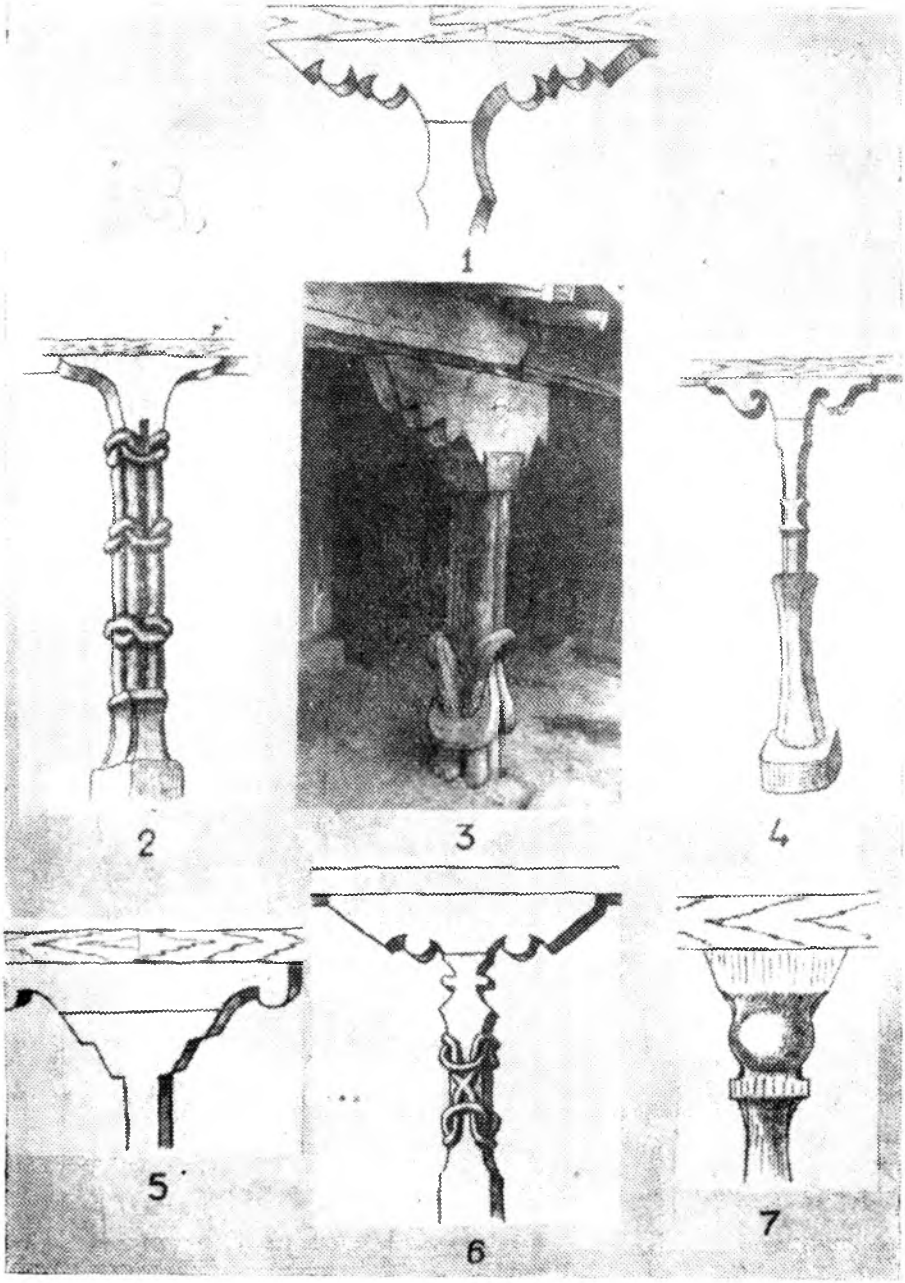

Рис. XVII. Центральные столбы предгорья.
1 центральные столбы в сс. Кадар, 2, 4 — Карацан, 3 — Санчи, 5 — Адага, 6 — Ахмедкент, 7 — Дуреги.

Прежде всего нужно указать на повсеместное распространение у даргинцев новых предметов быта (кровать, стол, шкаф, шифоньер, абажур, швейная машина, репродуктор, приемник, стулья, графин, термос, пепельница, скатерть, покрывало, бумажные обои, вешалка и пр.). Правда, некоторые предметы старого убранства и сейчас играют некоторую роль, но весьма незначительную. В комнате повседневного обихода сохранилась, например, тахта, на ней сидят, кушают, спят. Но наряду с тахтой в этой же комнате стоит стол, который все-таки имеет больше декоративное значение (на него ставят самовары, посуду, зеркало, пепельницу и пр.), рабочих функций он, как правило, не несет.

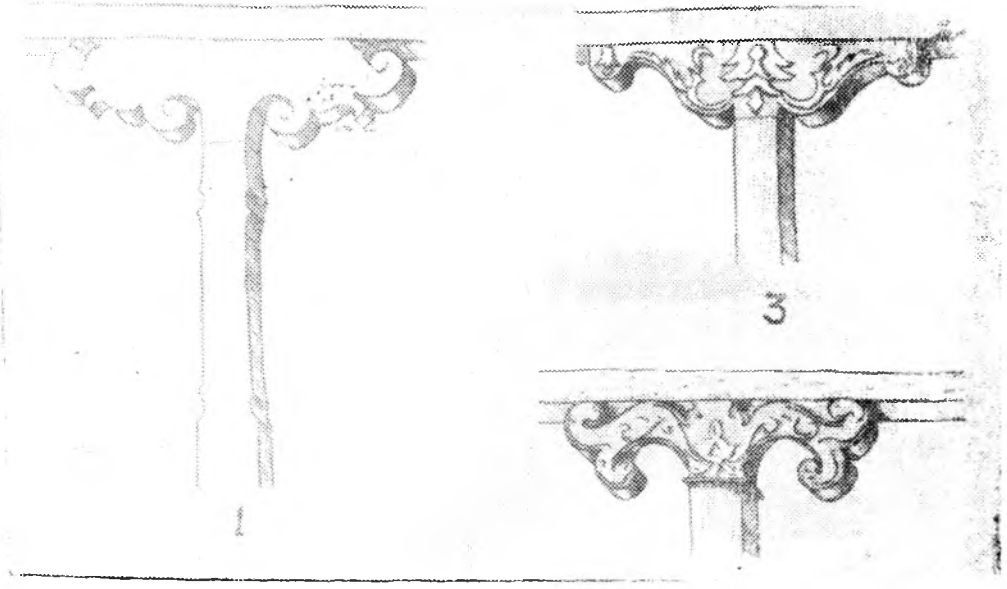

Рис. XVIII. Центральные столбы в с. Кубачи.

Распределение мебели по комнатам неравномерно, лучшее из обстановки сосредотачивается в парадной комнате; в семейной комнате тахта покрывается паласом, коврами, здесь находится часть постелей и одежды, сундук и даже кровать. Стены комнаты обивают иногда бумажными обоями, ковров здесь почти не бывает.

В парадной комнате также имеются одна-две кровати, причем лучшие, большой стол, немного стульев, комод, шифоньер, иногда сундук. Пол и стены покрыты паласами и коврами. На сундуке пирамида ковров, паласов и одеял. В шкафу и по стенам висит вся парадная одежда. На комоде самовары, дорогая фарфоровая посуда; иногда на комод ставят большие китайские термосы. Медная посуда из парадной комнаты исчезла совсем; на стол здесь ставят вазу или графин, радиоприемник (если стол в углу).

Естественно, что новые предметы обихода и убранства постепенно вытесняют традиционные, и поэтому многие предметы старого быта и обстановки исчезли, уступив место новым. Если раньше приданое невесты было немыслимо без сундука, который привозили подчас из Астрахани и даже из Нижнего-Новгорода, то теперь его место занимает шифоньер. Вместо обязательных паласов теперь появилась кровать. Швейная машина, приемник, репродуктор, скатерти, настольная лампа, этажерка, диван — все это прочно вошло в быт даргинцев, а многие из этих предметов стали даже насущной необходимостью. Такие же пред-

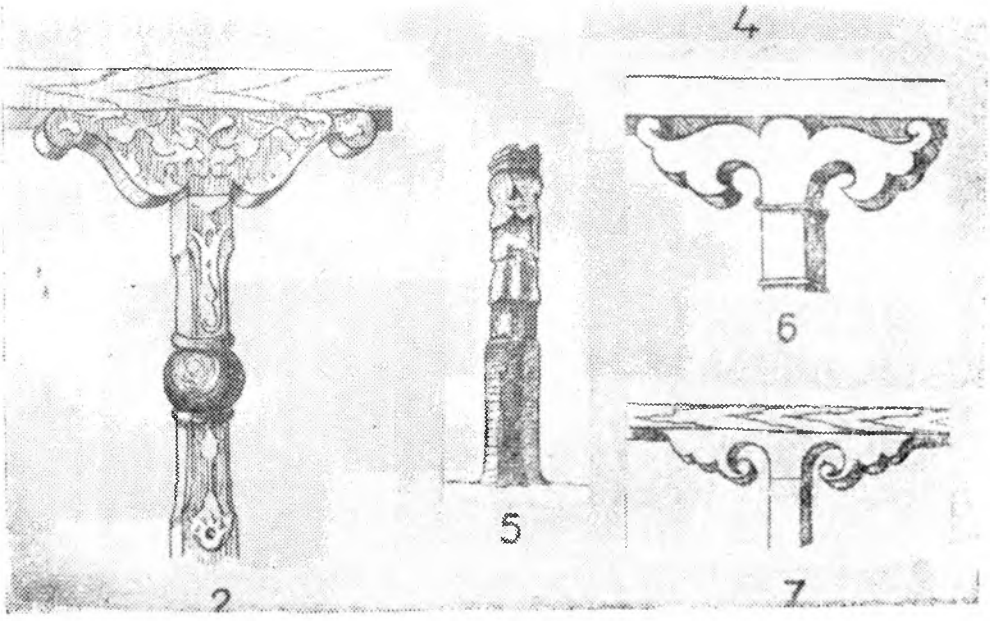

Рис. XIX. Центральные столбы в горах, в сс. Кала-Корейш и Кубачи.

меты убранства, как медная посуда, громоздкие, неуклюжие комоды, большие зеркала с фигурными навершиями, стеклянная посуда, сундук, оружие и пр. вытеснены или постепенно вытесняются. Характерный факт: в некоторых селениях предгорья (Губден, Мекеги и др.) многие жители до сих пор придерживаются обычая обязательного включения медной посуды в приданое невесты, но эта посуда помещается где-нибудь в укромном месте (например, в хозяйственном помещении), а не на самом видном, как это было раньше. Кроме того, в хозяйственной комнате помимо припасов оказались лари, старые сундуки и шкафы, громоздкие зеркала и пр. Вообще хозяйственная комната стала своеобразным складом старых или устаревших вещей, которые еще рано выбрасывать, но и некрасиво держать в комнатах. При этом большинство новых предметов уже стоит в доме не просто для украшения или из подражания, а стали использоваться по назначению.

Особо следует отметить, что традиции убранства жилища предгорья сохранились в большей степени, чем в горно-долинной зоне, в частности сохранилось больше декоративных каминов, медной посуды, дырявой фаянсовой посуды и пр., особенно в наиболее удаленных от основных центров и дорог аулах. В целом старые традиции убранства, конечно, нарушены, поскольку исчезли и исчезают традиционные предметы быта и убранства. Тем не менее говорить о новых, устоявшихся традициях еще рано, так как складывание таких традиций — процесс более длительный. Этим и объясняется, что в убранстве жилища всех зон еще нет единой формы, нет некоего «стандарта», которого бы все придерживались и какой был в старом жилище. Скорее наоборот, в процессе становления нового интерьера даргинского жилища есть один недостаток, являющийся, правда, скорее болезнью роста. Это — некоторая бессистемность в убранстве жилища. Объясняется она тем, что традиционные предметы и вместе с ними традиции убранства исчезли и появились многие новые предметы, для которых традиции еще не сложились, которые еще кажутся случайными, хотя на самом деле это

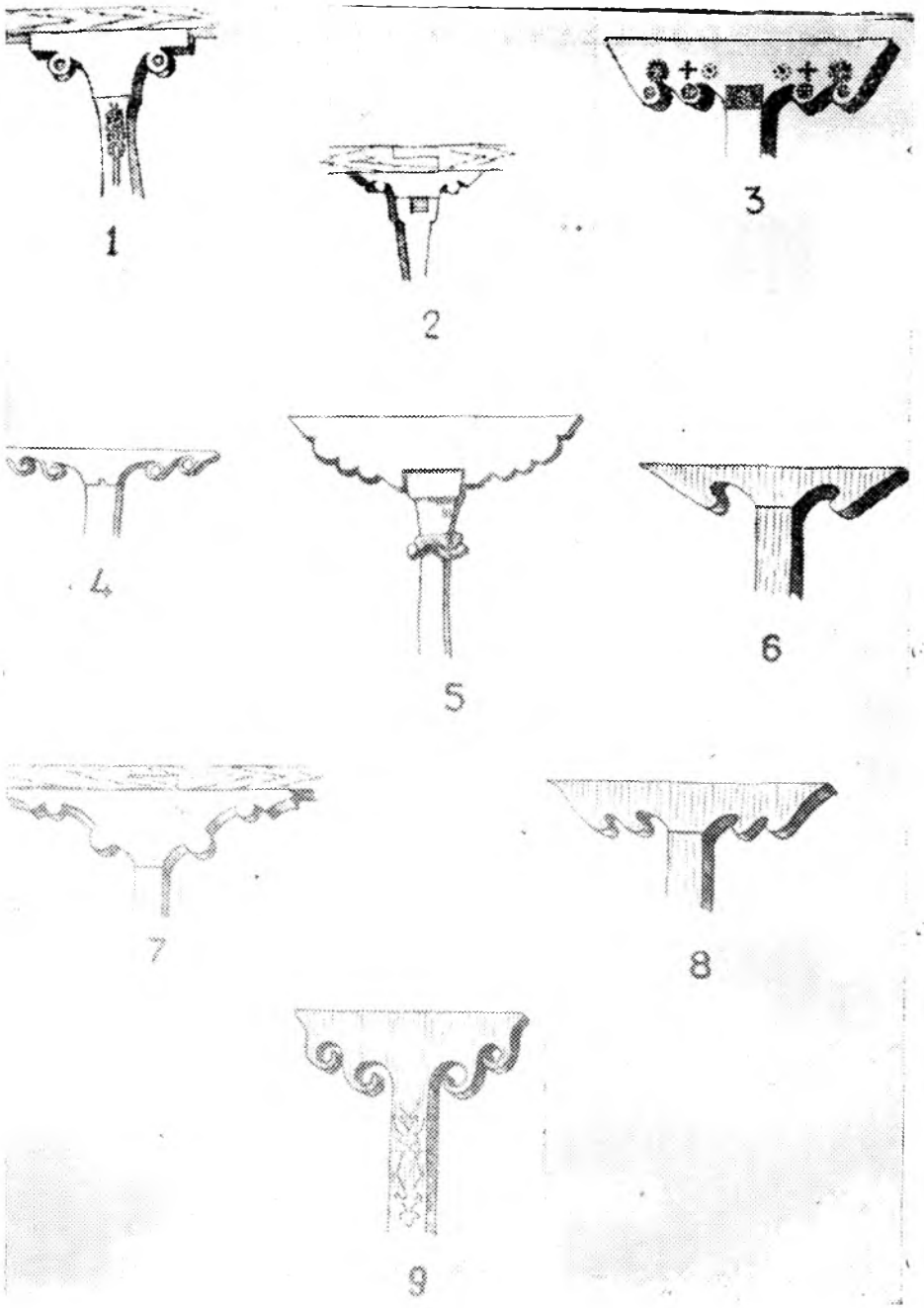

Рис. XX. Центральные столбы предгорья.
1 — центральные столбы в сс. Адага, 2 — в с. Шиляги, 3, 6, 7, 9 — в с. Урахи, 4 — в с. Карацан, 5 — в с. Джавгат, 8 — в с. Баршамай.

не так. Приведем один пример. Дом А. Маликова в сел. Бурдеки. Семья живет в двух комнатах: семейной и парадной. В семейной имеется камин, кровать, небольшой стол, шкаф, печь (зимой) и пр. На столе графин, будильник. В парадной, с тремя большими окнами, находятся две кровати, диван со спинкой, шифоньер, этажерка, использованная под посуду, сундук с паласами и постельными принадлежностями. На стенах — обои из цветастого недорогого материала и продырявленная фаянсовая и фарфоровая посуда (на гвоздях), а также современная эмалированная посуда (на полках). На шифоньере расставлена эмалированная и никелированная посуда.

На окнах занавески с карнизами. На подоконниках цветы в горшках. В комнате имеются стол, венские стулья. На столе радиоприемник.

В этом доме мы видим смешение старых и новых традиций и предметов, причем преобладают новые.

Таким образом, новые условия жизни коренным образом изменили внутреннее убранство даргинского жилища как внедрением многих новых красивых и удобных вещей, так и изменением традиций убранства.

8. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ.

Особенности природных, экономических и исторических условий определили и специфику хозяйственных построек дагестанцев.

Земельная теснота не позволяла горцам увеличивать усадьбу вширь, и поэтому она увеличивалась, так сказать, вглубь и ввысь. Появились многоэтажные дома, нижний этаж которых служил для содержания скота, а верхние для жилья и хозяйственных помещений (кладовых).

У даргинцев сложилось, в основном, жилище в форме двухэтажного дома со двором, причем первый этаж служил для хозяйственных надобностей. Этот тип дома очень распространен в Дагестане, у всех народов. В XVIII—XIX вв. он отмечен всеми русскими наблюдателями, которые уже тогда правильно указывали на причину складывания такого типа жилища в нагорном Дагестане. Так, Ф. И. Гене, отмечая, что «дома строят в два этажа», добавляет: «в нижнем этаже обыкновенно содержат скот».[92]

То же самое отмечает и Н. Дубровин,[93] а Н. Глиноецкий добавляет к функциям нижнего этажа и «разного рода кладовые».[94] Подтверждают это и этнографы, как местные — А. Омаров, Г.-М. Амиров, С. Габиев, так и русские Ф. Байерн, А. Васильев и многие другие.[95]

Нижние помещения у даргинцев подразделялись на животноводческие («дерхъ») и складские («муруцI», «яха», «кенаркъ», «кунир», «цуга» и др.). «Дерхъ» — это и конюшня, и хлев, и овчарня, в зависимости от потребностей хозяйства. «МуруцI» — возник как помещение для хранения сена, соломы и сухих листьев; со временем здесь стали хранить топливо, иногда зерно и фрукты (по надобности). Остальные помещения нижнего этажа (если они существуют) не имеют специального названия и назначения, что подтверждает высказанную нами выше догад-

---

92 Ф. И. Гене. Сведения о горном Дагестане, стр. 346.

93 Н. Ф. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871, т. I, кн. I, стр. 535.

94 Н. Глиноецкий. Поездка в Дагестан. «Военный сборник», 1862, № 1 стр. 130.

95 А. Омаров. Как живут лаки. ССКГ, т. III, Тифлис, 1870, стр. 8; Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 78; С. Габиев. Лаки, их прошлое и быт. СМОМПК 36, Тифлис, 1906, стр. 103; Ф. Байерн. О древних сооружениях на Кавказе. ССКГ, 1871, стр. 308; А. Г. Васильев Казикумухцы, стр. 69; И. Пантюхов. Современные лезгины. «Кавказ», 1901, № 233.

ку о длительном господстве двухкамерного двухэтажного типа в истории даргинского жилища. Сколько бы ни было помещений нижнего этажа, кроме упомянутых двух, все они называются «гукъали», что означает «нижняя комната». «Гукъали» имеет очень широкий профиль — она может быть кладовой (для дров, инвентаря, хлеба, фруктов, заготовленных впрок продуктов и пр.), кухней и даже комнатой для жилья. «Гукъали» интересен для нас тем, что помогает восстановить картину эволюции дома. Он часто бывает сделан в виде первобытной большой комнаты («хула къали») и отражает тот этап в эволюции жилища, когда оно стало превращаться в двухэтажное — нижние помещения становятся хозяйственными, верхние — жилыми, но по традиции на зиму семья возвращалась вниз, где укрытость помещения, близость скота защищали в какой-то мере от холода. Поэтому возникли и названия «гукъали (нижняя комната) и «чекъали» (верхняя комната). Можно отметить еще тот факт, что помещение для хранения запасов на первом этаже (муруцI», «кенаркь» и др.) иногда называют не «муруцI» и даже не «гукъали», а «хула къали», т. е. так же, как называлась древняя большая комната. Таким образом, фуражное, в основном, помещение нижнего этажа имеет несколько названий, отражающих эволюцию жилища: первобытная большая комната («хула къали», «цIала къали» и др.); нижняя комната в двухэтажном доме («гукъали») и комната (помещение) для хранения припасов («муруцI») В этой же связи следует отметить, что в то время, как для складского помещения у разных этнических групп даргинцев имеется много названий, то для животноводческого помещения существует одно название у всех даргинцев («дерхъ»). Из этого можно сделать следующие выводы:

По-видимому, помещение для скота как самостоятельное появилось в жилище гораздо раньше складского; последнее же выделилось из первобытной большой комнаты в процессе развития производительных сил, в результате сегментации большой комнаты с последующим полным превращением ее в складское помещение.

Поэтому исторически наиболее ранней формой жилища должна считаться одноэтажная двухкамерная постройка, в которой второе помещение отведено именно для скота, т. е. такая постройка, которую можно было еще застать в XIX веке (первая ступень эволюции жилища), но уже в виде пережиточной формы.

Со временем же, когда рост производительных сил и развитие семейных отношений вызвали рост жилища (из-за тесноты и ряда других причин пошедшего вверх, а не вширь), второе помещение нижнего этажа превратилось в фуражное помещение, получившее специальное название, но иногда сохраняющее название первобытной большой комнаты.

К этому надо прибавить, что все хозяйственные помещения, в том числе и складские, называются собирательным именем «дурхъби» (хлевы). Следует отметить, что у соседей даргинцев — лакцев и аварцев — тоже имеются особые названия и специальное назначение только для двух помещений нижнего этажа: хлев «ппал» (лакское) и «бокъ» (аварское); сарай — «цIурху» (лакское) и «гьор» (аварское). Этимология названий складских помещений и хлевов не совсем ясна, особенно слова «дерхъ» (хлев). Несколько яснее обстоит дело с сараями—большинство терминов здесь можно связать со словами сено, полова, зерно и пр. Например, «муруцI» (по-видимому, от слов «мура» — сено и «цIули» — зерно); кенаркъ (от слова кен — полова), «негла къали» (от слова нег полова).

Таким образом, хозяйственные постройки даргинцев сосредотачиваются в помещениях нижнего этажа. Лишь во вторую половину XIX века, с усилением социального неравенства, у части богачей стали по-

являться дополнительные хозяйственные помещения, сходные по месту расположения и назначению, например, с кумыкскими или табасаранскими.

Уже с самого начала строительства дома нижнему этажу отводится соответствующая роль. Здесь не делают окон, не обивают полы и потолки, делают ясли, перегородки(если есть разный скот). В случае наступившего преобладания того или иного уклона в хозяйстве, может произойти перераспределение площади хозяйственных помещений — хлев или сарай занимают дополнительные помещения, причем одно иногда вытесняет другое. У цудахарцев, например, чаще сарай вытеснял хлев или же для хлева отводилось маленькое помещение, а для сарая — большое. Особенно участилось это явление после того, как цудахарцы стали по преимуществу садоводами. Так, в доме М. Дибиралиева левое, самое большое помещение отведено под инвентарь и коровник, среднее — под фураж, дрова и овец (на короткое время, когда их держат дома перед убоем) и правое под фрукты и садовый инвентарь (лопаты, лестницы, багры, мешки, плетенки и пр.).

Форма расположения хозяйственных построек в жилище разных зон имеет некоторые особенности. Например, у цудахарцев и акушинцев часто встречаются хозяйственные помещения, устроенные на первом этаже дома, с выступающими по обоим крыльям дома и двора навесами. У сюргинцев, части акушинцев и муэринцев в наиболее гористых местах хозяйственные помещения группируются на первом этаже в несколько особой форме. Здесь часто не существует двора, весь участок занят домом, причем первый этаж целиком состоит из ряда параллельных аркад, пространство между которыми отводится как под помещения, так и под проход к жилью и хозяйственным помещениям, образующий крохотный крытый двор. Небольшой размер участка, неэкономичность аркад в пространственном отношении вызвали необходимость в дальнейшем росте жилища вверх. Первый этаж целиком становится местом содержания скота, второй этаж становится местом хранения кормов и третий этаж — жилым. В дальнейшем роль хранилища кормов настолько укрепляется за вторым этажом, что сюда делают только одну дверь с одного конца дома, а остальное пространство сплошь заполняют сеном, соломой, оставляя его частично открытым в виде лоджии с фасадной стороны дома (чтобы корма не отсырели).[96] Лоджия эта иногда бывает образована аркой.

У части муэринцев и сюргинцев получил распространение еще один вид сеновала — это отдельная постройка, иногда самостоятельная, иногда составляющая часть двора, без сплошных стен. Вместо стен здесь бывает или аркада или ряд сделанных из камня столбов. Ближе к кайтагцам (например, в Уркарахе) между каменными столбами уже есть плетень, что делает его похожим на сеновалы предгорья (например, губденские). Такая форма сеновала, возможна, конечно, только в селениях, где теснота ощущается не так сильно. Поскольку такие сеновалы отмечены во многих местах, в том числе в аулах, где встречаются многоэтажные дома с сеновалом на втором этаже, не вызывает сомнения тот факт, что дворовый сеновал предшествовал другому и что последний явился результатом увеличения потребностей в помещениях для кормов при карликовых размерах участков.

Хозяйственные помещения предгорья представляют собой нечто среднее между горными и плоскостными. Наиболее развитые и обширные они встречаются в нижнем предгорье (Кайтаг, Губден), а в верх-

---

[96] Такую конструкцию дома с подобным назначением помещений отмечает в Кубачи и побывавший здесь Б. Дорн. B. Dorn. Die jetzigen Kubatschi. Melanges asiatiques, VI, 1872, s. 720.

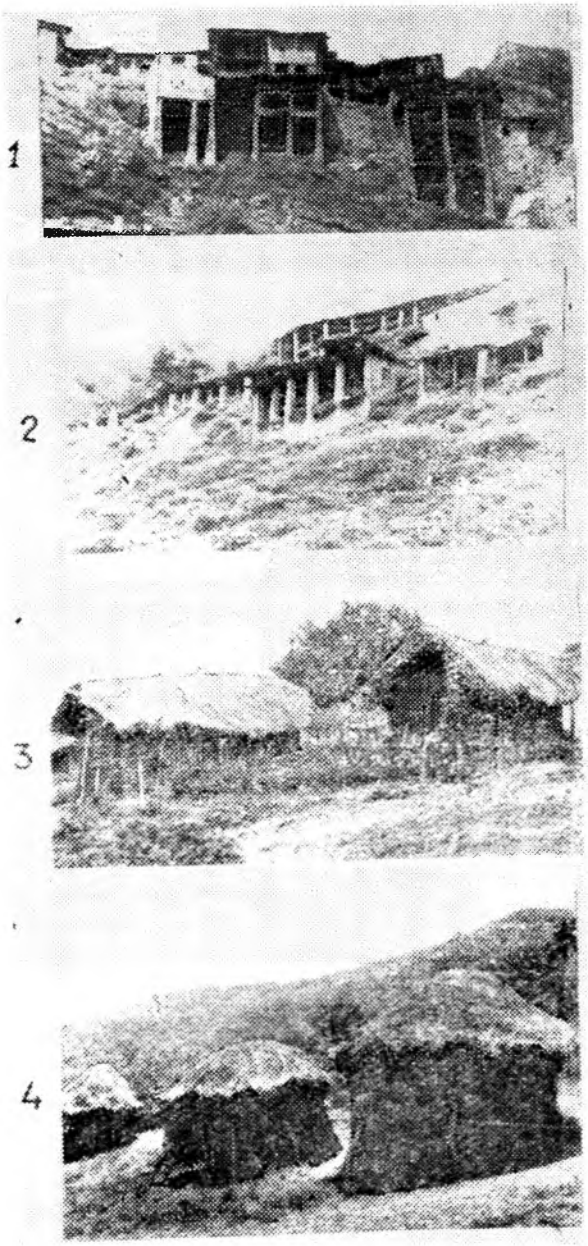

Рис. XXI. Хозяйственные постройки предгорья: 1 — многоэтажные дома в верхнем предгорье с отведением большинства этажей под хозяйственные помещения с. Тама, 2 — хозяйственные постройки, вынесенные за черту селения, с. Адага, 3—4 — сеновалы за чертой селения в сс. Баршамай (3), Тама (4).

нем предгорье почти не отличаются от горных (Верхний Кайтаг, Урахи). Здесь хозяйственные помещения несколько напоминают акушинские. Так же, как у акушинцев, здесь существует навес, охватывающий двор с двух-трех сторон, а хозяйственные помещения являются как бы продолжением навеса. Поскольку в предгорье сильно развиты земледелие и разведение крупного рогатого скота, хозяйственные помещения здесь гораздо просторнее и многочисленнее. Навесы гораздо больше и выполняют самостоятельную хозяйственную роль (хранение инвентаря, временное хранение кормов, содержание скота и пр.). Нам уже приходилось говорить, что наличие таких больших навесов наводило на мысль завершить покрытие, результатом чего явились большие крытые дворы, наиболее характерные для нижнего предгорья. Их отличие от сюргинских крытых дворов состоит в том, что сюргинские дворы возникли в результате тесноты и представляют собой проход к жилым и хозяйственным помещениям, из-за экономии места надстроенным. А здесь причина не в тесноте, а в климатических условиях (жара летом и ненастье зимой). Доказательством этого служит и тот факт, что крытый двор находится не под домом, а перед ним или же вместе с ним, под одной крышей. Во многих селениях здесь встречаются и дополнительные небольшие помещения, используемые как телятники («кIам», «чемгала», «пикь» и др.).

В нижнем предгорье встречаются также дворы, огороженные плетнем, плетневые постройки для содержания скота летом и для хранения сена. Часто ограда двора бывает здесь комбинированной — каменные столбы с заделанными плетнем промежутками.

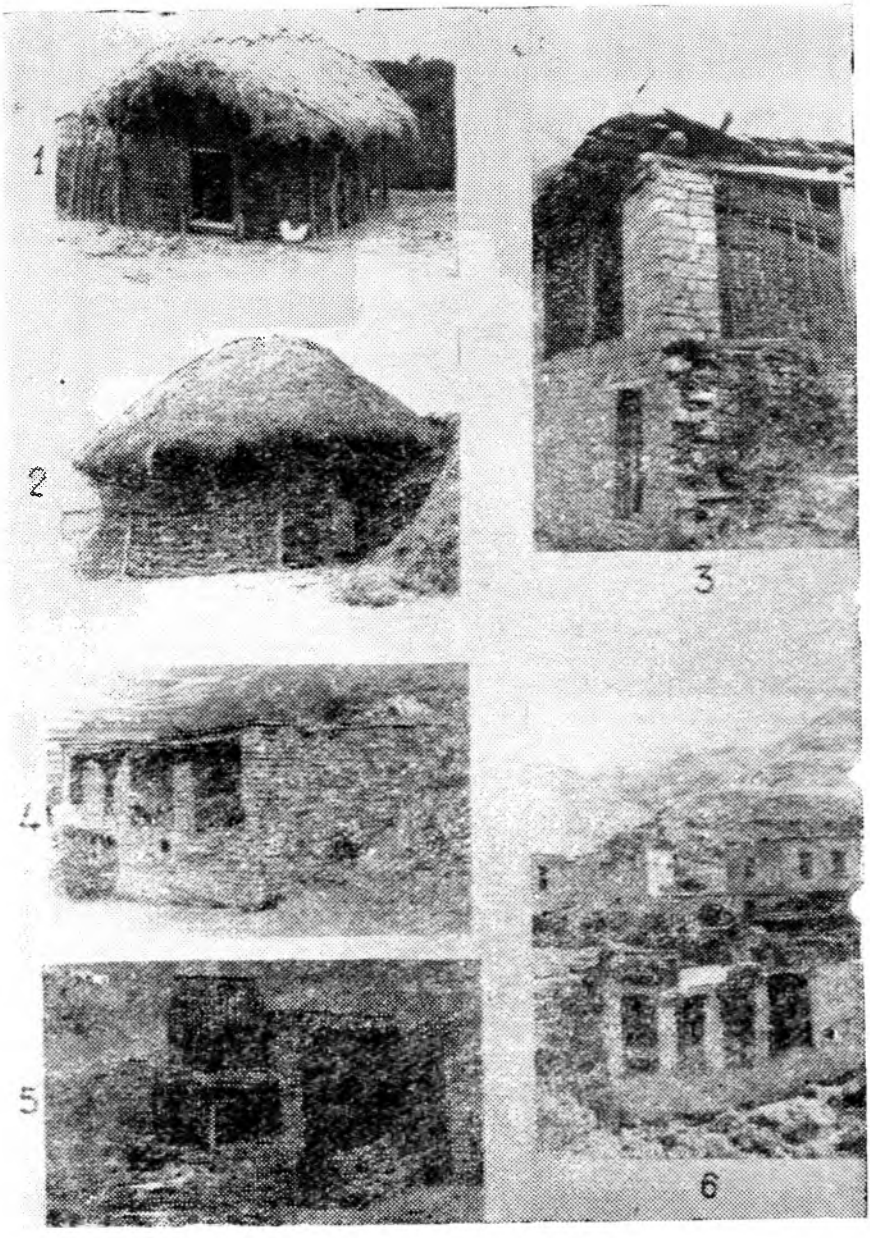

Рис. XXII. Хозяйственные постройки в предгорье и горах:
1 летний плетневой хлев в предгорном с. Баршамай, **2** — сеновал в предгорье, с. Карацан, **3** — сеновал и хлев в верхнем предгорье, с. Сулипа, **4** — отдельные хозяйственные постройки в горах — хлев (внизу) и сеновал (наверху) с. Дуакар, **5, 6** — хозяйственные постройки в горных сс. Чирах **(5)**, Сурсбук **(6)**.

В послереволюционный период в хозяйственных постройках даргинцев происходят большие изменения, вызванные изменениями в экономике даргинцев. Первое время характеризуется увеличением усадебного хозяйства, поэтому дома, построенные в 20—30 гг., отличаются развитостью хозяйственных построек и дворового хозяйства. Именно в это время получает распространение двухрядный кайтагский дом с отведением всего первого этажа под хозяйственные помещения. Кроме того, в домах этого периода имеются дворы с широкими навесами. Конструктивных изменений в помещениях в это время не произошло.

С победой колхозного строя хозяйственные постройки претерпели изменения уже другого порядка. Они произошли в двух направлениях: уменьшения количества и размера индивидуальных хозяйственных построек, с одной стороны, и возникновения хозяйственных построек качественно нового типа — с другой.

В предвоенные и особенно в послевоенные годы стало замечаться уменьшение потребностей в хозяйственных помещениях, вызванное перемещением центра хозяйственной жизни из отдельных усадеб в колхоз. В связи с этим возникли новые помещения, являющиеся уже общественными. Их отличительными чертами являются большие размеры, узкая специализация, удаленность от аула и приближение к месту производства. Так, например, склады под фрукты стали строить в садах, склады под животноводческие продукты — поближе к фермам и т. д.

Архитектура помещений этого типа резко отличается от архитектуры их предшественников по назначению. Они тоже строятся из камня, на цементе, с использованием привозного соснового леса в горах и своего в предгорье, но на этом сходство кончается. Общественные хозяйственные помещения строятся на уровне достижений современной сельской архитектуры, с учетом таких факторов, как свет, воздух, тепло, сырость и проч. Помещения имеют большие светлые окна, вентиляционную систему, отопление, полы из досок, ночное освещение и пр., они не протекают, так как имеют двухскатные или четырехскатные крыши с шиферным покрытием. Зональные особенности этих помещений заключаются в основном в различии их целевого назначения. Например, для цудахарцев в равной степени характерны и складские (под фрукты) и животноводческие помещения, с преобладанием первых, для горной зоны характерны в основном животноводческие, а для предгорной — складские под зерно и помещения для содержания скота.

Изменения в хозяйственном комплексе привели к общей реорганизации дома, так как в дагестанском жилище хозяйственный комплекс органически настолько слит с жилым, что малейшее изменение в одном влечет за собой обязательное и скорое изменение другого.

Пустование хозяйственных помещений с расширением потребностей в жилом фонде привело к использованию первых в качестве жилых комнат. Неудобство проживания в этих наскоро приспособленных комнатах привело к образованию нового типа дома — одноэтажного, но с подвалом для хранения различных вещей.

Обо всем этом нам пришлось говорить подробно в связи с планировкой жилища. Поэтому здесь мы ограничимся указанием на то, что распространение нового типа жилища привело к появлению отдельных хозяйственных построек, создаваемых, как правило, в зависимости от индивидуальных потребностей каждого хозяина.

В жилище горной зоны эти изменения выразились в том, что исчезли многоэтажные дома. Для удовлетворения хозяйственных потребностей достаточно было и двухэтажного дома, а со временем и первый хозяйственный этаж стали делать в виде полуподвала, но для содержания скота все-таки пригодного. В некоторых селениях, особенно пересе-

ленческих стали делать одноэтажные дома с небольшой постройкой (или пристройкой) для хозяйственных нужд.

В предгорье сокращение хозяйственного комплекса осуществляется несколькими путями: переделывают нижние помещения под жилье, а в двухрядном доме делают мало нижних помещений или их отводят под кухню и мастерскую. Кроме того, и в предгорье (особенно, в нижнем), стал получать распространение приподнятый дом с невысоким подвалом и постройкой для скота, которую часто относят в противоположный от дома конец двора.

Следует отметить еще одну черту современных хозяйственных построек (отдельных): в отличие от XIX века и 20—30 годов нынешнего века, их делают не очень капитально, иногда небрежно, часто строят просто турлучную или плетневую времянку. В этом сказывается, по-видимому, дух времени, когда колхозники все больше сознают, что улучшение условий их жизни лежит не через разбухание индивидуального хозяйства, а через укрепление и дальнейшее развитие общественного хозяйства.

Таким образом, хозяйственные постройки или помещения даргинцев претерпели с XIX века большие изменения. Еще в XIX веке наблюдались господство многоэтажного дома и сосредоточение хозяйственных помещений на нижних этажах, крытые дворы и пр.

В XX веке, и особенно в послевоенные годы, мы встречаемся с процессом сокращения хозяйственного комплекса в жилище, уменьшением количества и объема хозяйственных помещений и в связи с этим уменьшением этажности и распространением современных одноэтажных домов с небольшими отдельными хозяйственными постройками (пристройками).

Одновременно с этим имеет место процесс появления и все большего распространения хозяйственных построек нового типа — колхозных животноводческих и складских помещений и пр. зданий.

Оба эти взаимосвязанных процесса в той или иной степени коснулись всех народов Дагестана и, по-видимому, в целом Кавказа.[97]

9. НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СХОДСТВЕ И РАЗЛИЧИЯХ С ЖИЛИЩЕМ СОСЕДНИХ НАРОДОВ

Изучение даргинского жилища показало, что оно имеет много общего с жилищем других народов и этнических групп Дагестана, что сходные черты в домостроительстве народов Дагестана преобладают над различиями. Причинами такого единообразия в дагестанском домостроительстве являются единство происхождения и исторических судеб, сходные природно-географические и хозяйственно-экономические условия и пр.

Наиболее типичные общие черты домостроительства — каменные стены, арочные конструкции, укрепленность, количество жилых и хозяйственных помещений, тематика украшений. Характерно, что наиболее ярко общность заметна в тех элементах жилища, которые медленнее изменяются в процессе эволюции (материал строительства, техника и методы строительных работ, способы украшения, его художественные образы и тематика и т. д.).

Эта общность породила условия для нивелирования жилища дагестанских народов, дав возможность наблюдателям и этнографам говорить о дагестанском жилище вообще, без всяких местных различий.

---

[97] Е. Н. Студенецкая. Современное кабардинское жилище, стр. 108. Ср. также Л. И. Лавров. Рутульцы в прошлом и настоящем. «Кавказский этнографический сборник», т. III, М.-Л., 1962, стр. 156; А. И. Робакидзе. Жилище и поселения горцев Грузии в прошлом и настоящем. КСИЭ, XXXVI, М., 1962, стр. 33; С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 350 и др.

Очень показательны в этом отношении слова П. Зубова (повторенные потом и П. Данилевским), который утверждал, что «во всем Дагестане постройка домов крайне однообразна».[98]

Между тем различия — и порой очень существенные — в жилище отдельных народов и этнических групп Дагестана имеются, хотя они и не бросаются в глаза, поскольку общих черт больше и они более заметны. Различия связаны как со спецификой природных условий, рельефа, строительных материалов, хозяйства, так и с историческими особенностями (обособленность, нашествия, влияние других народов, различная степень торговых и культурных связей и т. д.).

Поэтому вопрос о специфическом и общедагестанском в жилище даргинцев нужно рассматривать в двух планах: в плане этнической общности и связей и в плане природно-экономической зональности.

В результате следует признать, что даргинское жилище является, с одной стороны, общедагестанским и может быть рассматриваемо как таковое, а с другой стороны — разделяется по зонам и может быть рассматриваемо как жилище определенных природно-экономических зон. Однако зональность у разных народностей часто совпадает и, следовательно, можно говорить об общности отдельных зональных видов даргинского жилища с такими же видами жилища других народностей. В связи с этим получается, что зональные виды жилища одной народности подчас больше различаются между собой, чем в сравнении с соответственными зональными видами жилища другой народности.

Наш сравнительный материал пока очень ограничен и мы сможем только сделать известную попытку предварительно осветить вопрос о сходстве и различиях в жилище отдельных дагестанских народов и этнических групп, взяв за исходный образец для сравнения предмет нашей работы — даргинское жилище.

В литературе и раньше делались некоторые шаги в этом направлении, но громадное большинство авторов брали только одну сторону вопроса — сходство — и почти совсем не касались другой — различия. Многие из них склонялись к мысли, что имеются только различия, связанные «с экономическим положением домовладельца»[99] — мысль безусловно правильная, но только в отношении внутренних различий, т. е. различий между отдельными домами внутри этнической группы.

Рассмотрим этот вопрос несколько подробней. Возьмем, к примеру, жилище кумыков и сравним его с даргинским. Сразу бросаются в глаза существенные различия между ними и прежде всего в материалах: даргинское жилище построено из камня, кумыкское — из самана или плетня, обмазанного глиной (турлучное).

Далее, у даргинцев жилище, как и у других горцев, имело очень небольшой двор, не имело специальных хозяйственных построек, было очень стесненным, словом, имело мало выраженную усадьбу, а то и вовсе не имело ее. На плоскости же тесноты не было, а поэтому и двор был большой, были и участки и много хозяйственных построек, т. е. здесь мы имеем ярко выраженную усадьбу, с многочисленными постройками.

Таким образом, жилище на плоскости имеет больше общих черт с жилищем, например, адыгейских племен или западных грузин, а жилище горцев больше сходно с жилищем восточной Грузии или Армении. Факт национальной принадлежности или соседства отходит в данном

---

[98] П. Зубов. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель, ч. III, стр. 245; П. Данилевский. Кавказ и его горские жители, стр. 139.

[99] «Даргинцы», стр. 141; Н. Ф. Дубровин. Указ. соч., стр. 536; «Народы Дагестана», М., 1955, стр. 34, 167, 208.

случае на задний план, и вперед выступает фактор природно-географический и экономический.

В горах много камня и мало леса и земли, на плоскости — наоборот. В горах очень тесно из-за нехватки земельной площади, на плоскости просторно. В горах хозяйство бедное, малоотраслевое и поэтому не требующее большого количества специальных хозяйственных пристроек, как из-за отсутствия потребности в них, так и из-за невозможности иметь их, а на плоскости хозяйство сравнительно обширное, многоотраслевое, с большой пашней, значительным количеством крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, кур, причем здесь располагают большими припасами, требующими различных пристроек и построек.

Так обстоит дело при сравнении даргинского жилища с кумыкским. Тут различия очевидны, так как это различие между жилищем плоскостной и горной зон, резко различающихся по своим природным и экономическим условиям. Если же взять, например, жилище даргинцев в нижнем предгорье, то расположение домов, конструкция их здесь во многом сходны с таковыми в предгорных селениях кумыков, лезгин, аварцев, чеченцев и др. О всех них можно сказать, что «здесь нет той тесноты и скученности построек, которая характерна для горных аулов. Улицы в этих селениях широкие, прямые, дома окружены садами и расположены на некотором расстоянии друг от друга».[100]

И интерьер предгорного жилища сходен с обстановкой кумыкского дома. Здесь имеется такая характерная общая черта, как комната с очажным отеском, и соответственно сходное убранство этой комнаты.[101]

Взяв для сравнения жилище соседей даргинцев в горах, мы прежде всего, как правильно отмечало большинство исследователей, увидим не различия, а сходство. Формы даргинского жилища, о которых мы выше говорили, имеют аналогии у всех горцев. Одноэтажные или многоэтажные дома, количество комнат, форма крыши, использование нижнего этажа, теснота усадьбы, система отопления и пр.— все это является характерным не только для даргинцев, но и для лакцев, аварцев, лезгин, агулов и др. В этом плане совершенно правы были те, кто говорил о едином типе домостроительства горцев.

Природно-географические и экономические условия в отдельных частях нагорного Дагестана не имеют резких различий, которые могли бы сильно сказаться при складывании формы жилища в них. Тем не менее местные особенности имеются, конечно, в каждой зоне. Например, камень в горах и предгорье есть везде, поэтому жилище строится из камня и различий в этом отношении как будто не может быть. Но камень камню рознь, акушинский мягкий песчаник и цудахарский известняк — это совершенно разный материал. Поэтому разница сказывается в том, что там, где мягкие породы, имеется резьба по камню, много домов из тесаного камня (напр., у табасаранцев, акушинцев, кубачинцев и др.), а там, где камень ломкий и хрупкий,— украшений по камню мало (цудахарцы, лакцы и др.).

Лес дает еще большие отличия. В зависимости от леса жилище меняется от плоскости до Главного хребта. На плоскости не хватает леса, поэтому жилище саманное, с использованием камыша в перекрытии. В предгорье лесу достаточно, поэтому здесь обилие балок, столбов, больших переплетов, массивных деревянных построек, плетней, заборов и пр.

В горах лесу мало и поэтому видна замена его везде, где возможно. Это приводит к обилию арок (слабо развитых в предгорье), отсутствию

---

[100] С. С. Агаширинова. Поселения лезгин в XIX—начале XX века. УЗ ИИЯЛ, т. VI, Махачкала, 1959, стр. 243.

[101] Ср. С. Ш. Гаджиева. Народное жилище каякентских кумыков, стр. 77.

массивных переплетов, и даже замене леса в перекрытиях — сплошные ряды арок на небольшом расстоянии друг от друга, перекрытых длинными каменными плитами.

На западе, ближе к Главному хребту, вновь появляются леса и жилище опять преображается — массивные столбы и балки имеются здесь в большом количестве, экономии леса не заметно, а у некоторых народностей (например, у бежтин) даже появляются срубные постройки, сходные с таковыми у сванов, чеченцев и балкарцев.

Даже сорта используемого дерева имеют влияние на облик жилища. Нагорный Дагестан со своей сосной и елью отличается слабым развитием художественной резьбы по дереву, а предгорье, где много дубрав, орешника, бука и граба, характеризуется как раз сильным ее развитием (например, у кантагцев, табасаранцев).

В планировке и конструкции жилища также можно наблюдать как сходные, так и отличительные черты. Так, даргинский дом нагорья (у сюргинцев, муэринцев и отчасти акушинцев), покоящийся на арках и не имеющий никаких деревянных деталей на первом этаже, подобен горному лезгинскому и агульскому, где тоже «весь первый этаж делается только из камня, без единой деревянной детали», а перекрытия покоятся на арках.[102]

Сходство наблюдается и в интерьере жилища: горное даргинское и лезгинское жилище имеют почти одинаковую обстановку: очаг, полки для постельных принадлежностей и посуды, их расположение. Даже комната имеет у них одно название: «комната огня» («цIала къали» — даргинское; «цIин кIван» — лезгинское).[103]

Но можно найти и немало отличительных черт. Например, двор и хозяйственные постройки. В горной и горно-долинной зонах двор небольшой, самостоятельных хозяйственных построек почти нет. А у табасаранцев, кантагцев, кумыков и др. в нижнем предгорье отличия в профиле хозяйства и обилие крупного рогатого скота и соответственно припасов для него привели к возникновению самостоятельных построек, предназначенных для хранения сена и соломы или содержания скота.[104]

А у цудахарцев, ввиду сильного развития садоводства, функции их хозяйственных построек изменились в сторону преобладания функций хранения (садовый инвентарь, фрукты) над функциями содержания скота, между тем у соседей их (акушинцев, сюргинцев, лакцев, аварцев и др.) дело обстоит наоборот, исключая горно-долинные селения аварцев по Аварскому и Кара-койсу.

Цудахарское жилище и селение отличаются от соседних также тем, что здесь мало выраженных домов-крепостей и селений-крепостей. Объясняется это тем, что большинство цудахарских селений образовалось и выросло сравнительно недавно, а небольшое количество старых селений (например, Куппа, Хаджалмахи, Цудахар) были несколько раз до основания разрушены, переносились на новое место и застраивались уже в XIX веке.

В эволюции жилища этих народов за XIX век также наблюдаются общие закономерности. Так, наиболее архаичные лезгинские дома XIX века — двухкамерные (помещения для скота и помещение для людей).[105] Когда же первый этаж целиком отошел под хозяйственные помещения, то и здесь функции помещений остались те же: содержание скота и хранение кормов.

---

[102] Б. А. Калоев. Поселения и жилища агулов. КСИЭ, XXIII, 1955, стр. 41.
[103] См. Л. Б. Панек. Жилище лезгин, лл. 8—9.
[104] Ср. Г. Н. Любимова, С. О. Хан-Магомедов. Хозяйственные постройки табасаран. КСИЭ, XIV, М., 1952, стр. 63; С. Ш. Гаджиева. Кумыки, стр. 219.
[105] Л. Б. Панек. Указ. соч., стр. 7.

В зависимости от природных условий по-разному решаются технические задачи в строительстве. В нагорном Дагестане, где климат суше (цудахарцы, аварцы, лакцы), почти не делают карнизов, а ограничиваются напуском тонких каменных плит, а иногда обходятся и без этого. На территории акушинцев, кайтагцев, табасаранцев, кумыков, где осадков бывает больше, делают значительные карнизы на каменных или деревянных консолях. Но у части даргинцев (губденцы), кумыков и лезгин встречается и совершенно другая система, также вызванная обилием осадков: система валиков. Она заключается в том, что вместо карниза над стенами возвышаются обращенные покатостью к крыше каменно-глиняные валики. Назначение их—предупредить проникновение воды во внутрь стен [106]. Валики больше развиты в нижнем предгорье, где дожди особенно часты. Но дело, по-видимому не только в этом. Скорее всего система валиков появилась вначале в саманных домах, стены которых нуждались в особой защите от проникновения воды внутрь, а затем была заимствована и в некоторых аулах, строившихся из камня.

В типологии жилища тоже можно проследить, как мы уже говорили, много общего. Кайтагский двухрядный дом сходен с кумыкским и табасаранским, сюргино-акушинский, представляющий как бы половину кайтагского дома, имеет аналогию с лезгинским (двухэтажный с крытым двором, с двумя хозяйственными помещениями по обе стороны и с коридором, с двумя комнатами наверху) [107], а сюргинские многоэтажные дома схожи с аварскими. Есть, конечно, и различия. Так, например, у лезгин встречается квадратный в плане, с открытым двором посередине дом [108], у даргинцев, да и у других дагестанских народностей почти не встречающийся и больше напоминающий архитектуру Ширвана.

В системе и методах украшения жилища также можно проследить некоторые общие закономерности. В местах с закрытой конструкцией дома, без галерей и лоджий, как правило, богатых лесом, получила распространение орнаментальная резьба на широких полях, без особых забот о форме самой детали. Здесь можно встретить оконную коробку, разукрашенную удивительной резьбой, но не имеющую даже правильной геометрической формы. Таковы Кайтаг, Табасаран, Гидатль. Там же, где роль основных художественных элементов выполняют консоли, столбы, иногда балки, балюстрады и больших площадей для резьбы нет, сложилась другая традиция — украшать посредством придания выразительных художественных форм предметам украшения. Таковы традиции акушинцев, цудахарцев, лакцев, части аварцев и лезгин [109]. Даже рассматривая жилище даргинцев по зонам, мы, наряду с общим сходством и единым типом строительства, обнаруживаем своеобразные черты домостроительства у каждой группы, связанные с различиями в природных и экономических условиях.

Жилище предгорной зоны — двухэтажное каменное здание, с крепким перекрытием и плоской крышей, сходное с жилищем горского типа. Его особенности: слабо выраженная веранда, большой крытый двор, более развитая система отопления, преобладание помещений для крупного рогатого скота и лошадей, а также для хранения зерна, сена и соломы.

Для жилища горной зоны характерен большой процент одноэтажных и однокамерных жилищ, связанный с общей бедностью края, зе-

---

105 Л. Б. Панек. Указ. соч., стр. 7.
106 Ср. Г. Я. Мовчан. Из архитектурного наследия аварского народа, ст. 201
107 Л. Б. Панек. Указ. соч. стр. 14.
108 Там же, стр. 15.
109 Ср. Г. Н. Любимова, С. О. Хан-Магомедов. Народная архитектура южного Дагестана, стр. 26.

мельная тесноta и вызванная ею многоэтажность, маленький двор, преобладание в хозяйственных постройках помещений для скота, слабое развитие системы отопления.

Для горно-долинной зоны характерны открытый двухэтажный дом, большая веранда, преобладание складских помещений над животноводческими и пр.

Таким образом, и в данном случае подтверждается определяющее значение природно-географических и хозяйственных условий в формировании и развитии домостроительства и его форм. Мы можем отметить, что даргинское жилище в своей исходной форме, особенно в своих наиболее старых образцах, немногим отличается от жилища других народов Дагестана, имея в то же время ряд специфических особенностей. Наличие общего и специфического, типического и частного в жилище (как и в других отраслях материальной культуры) можно рассматривать в нескольких аспектах: этническом (сходное и отличительное, связанное с этническим родством, общностью происхождения и пр.), историческом (иноземное влияние, изолированность или связи края, уровень развития общественно-экономических отношений, общность исторических судеб и пр.) и зональном (в соответствии с естественно-историческими зонами).

Действие всех этих факторов не одинаково в разные исторические эпохи. В наиболее ранний период преобладает зональный и отчасти этнический, в средневековье и вплоть до XX века увеличивается влияние социально-экономического фактора, а в советское время, в эпоху активного воздействия человека на природу, эпоху прямого участия и помощи государства в жилищном строительстве действие зонального и этнического факторов стало ощущаться еще меньше (например, современные городского типа дома в горной зоне).

Дальнейшее изучение жилища даргинцев и других народов Дагестана несомненно выявит еще больший, пока неизвестный нам материал по данному вопросу.

Даргинские поселения и жилище не были в прошлом предметом специального описания и исследования. Материалы по этому вопросу мы встречаем только в виде отдельных фрагментов в разного рода исторических и географических сочинениях.

Первыми данными о даргинских поселениях можно считать показания арабских источников о различных городах и крепостях в Дагестане. Ценным подспорьем для изучения истории даргинских поселений и жилища являются археологические материалы, слово которых в ряде случаев является решающим. Более полное описание жилища и поселений Дагестана начинается с XVII века, когда Дагестан вошел в тесное соприкосновение с Россией. Дореволюционная этнография собрала значительный материал по поселениям и жилищу, но односторонность подхода и нивелировка местных особенностей значительно снизили качество этих описаний. В советское время поселения и жилище Дагестана описаны уже на научно-обоснованной методологической базе, но жилище и поселения даргинцев такого описания не имеют.

В даргинском жилище и поселениях сложилось соответственно местным природно-экономическим условиям три вида: горное, горнодолинное и предгорное. Если не считать нижнего предгорья, то такое разделение в отношении поселений достаточно четко.

Типология даргинских поселений знает четыре типа: 1. Родовые поселки (в средневековье), 2. Территориально-родовые селения («ши»).

3. Территориальные отселки («маши») и 4. Советское, колхозное селение.

Ориентация в большинстве поселений южная, юго-западная, с расчетом на солнце. Только на равнине и в нижнем предгорье это не всегда соблюдается.

Группировка селений отличается большой скученностью: как правило, даргинские поселения — это террасообразные «скопища саклей», часто располагающиеся амфитеатром. Планировка же характеризуется беспланостью, преобладанием аулов с тесными улицами и площадями без зеленых насаждений. В группировке и планировке ясно заметна разница между селениями равнины, предгорья и гор.

Жилище даргинцев при своем возникновении было однокамерным; все надобности семьи удовлетворяла одна комната, в которой жила большая патриархальная семья.

В своем дальнейшем развитии, прошедшем, примерно, одинаково с эволюцией жилища других горцев Дагестана, оно имело, в основном, две тенденции: 1) разделения большой комнаты и 2) пристройки к ней дополнительных помещений.

В XIX веке даргинское жилище было представлено почти всеми своими историческими типами, от одноэтажного однокамерного (пережиточного) до двухэтажного многокамерного. В XX веке начинают широко распространяться одноэтажный квадратный в плане, современный дом, приподнятый и т. п.

Для усадьбы даргинцев, как и всех горцев Дагестана, характерны теснота, неразвитость усадебных построек, расположение их на первом этаже дома, почти полное отсутствие приусадебных участков. Только в нижнем предгорье усадьба более развита и в некоторой степени сходна с плоскостной.

Типология даргинского жилища сходна с типологией жилища других народов Дагестана и имеет четыре типа: одноэтажное, двухэтажное, многоэтажное и приподнятое. В настоящее время многоэтажные жилища не строят — больше строят двухэтажные, одноэтажные и приподнятые.

В современном жилище произошли огромные изменения, связанные с улучшением материального положения населения, дорог, обменных связей и пр., с повышением культурного уровня. Изменения коснулись типологии (преобладание современных образцов), двора (расширение), хозяйственных построек (уменьшение) комнат (увеличение объема и количества), окон (увеличение количества и величины), системы отопления (печь вместо камина) и др.

Особенно велики изменения во внутреннем убранстве, которое с наибольшей силой демонстрирует те революционные преобразования, которые заметны в даргинском ауле. Можно сказать, что произошел переворот во внутреннем убранстве, настолько оно преобразилось: исчезли многие старые предметы быта и обстановки, появилось много новых полезных и красивых вещей; отмирают старые традиции убранства и появляются новые.

Изменения произошли и в строительных материалах, технике строительства, в методах взаимопомощи при строительстве, где крепче живут накопленные веками опыт и традиции, получившие новое содержание.

Заметен известный упадок в производстве некоторых деталей дома и обстановки. Так, например, уменьшилась резьба по дереву и камню, почти умерло производство местных высокохудожественных, украшенных богатой резьбой ларей, шкафов, стульев и пр.; перестали делать камины, центральные столбы, правда, уже изжившие себя практически,

но архитектурно-художественное значение которых было велико и ничем равноценным пока не возмещено.

В целом горное, предгорное и горно-долинное жилища являются родственными по своему происхождению и развитию и могут рассматриваться как разновидности одного вида — даргинского жилища.

Даргинское жилище же в целом в свою очередь, имеет настолько много общего с жилищем других дагестанских народов, что общность происхождения его не вызывает сомнений, и оно может рассматриваться как одна из форм дагестанского жилища, имеющая, правда, ряд специфических особенностей.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НАРОДНАЯ ОДЕЖДА

Из всех сторон материальной культуры даргинцев наименее изучена народная одежда. До настоящего времени не опубликовано ни одной работы, специально посвященной данной теме. Правда, в советское время некоторые исследователи в той или иной мере освещали материалы, относящиеся к народной одежде даргинцев. Так, Е. М. Шиллинг в своем известном исследовании «Кубачинцы и их культура» затрагивает некоторые вопросы, связанные с изучением одежды жителей одного из крупнейших даргинских аулов Кубачи и дает, в частности, научное описание отдельных элементов женского костюма.

Материалы по народной одежде даргинцев Сергокалинского района (в основном бывшего Урахинского «вольного» общества) содержатся в кандидатской диссертации А. И. Алиева «Социалистическое преобразование культуры и быта даргинцев (по материалам Сергокалинского района)», защищенной в 1952 году, но до сих пор не опубликованной и поэтому неизвестной широкой научной общественности.

Что же касается дореволюционных авторов, то у них мы находим только самые отрывочные, фрагментарные сведения как об одежде, так и о других сторонах материальной культуры даргинского народа. Сведения эти чаще всего касаются вообще одежды «горцев Дагестана», не различая отдельных народностей. К тому же многие из дореволюционных авторов, являясь представителями царской администрации в Дагестане и стремясь доказать цивилизаторскую роль царизма на окраинах, явно недооценивали достижения многовековой культуры горцев.

МАТЕРИАЛ И ЕГО ИЗГОТОВЛЕНИЕ

Прядение и ткачество.

В натуральном, в своей основе, хозяйстве даргинцев XIX века, особенно его первой половины, важное значение имела обработка кожи, шерсти, растительных волокон. Среди домашних промыслов первостепенная роль принадлежала производству тканей, шедших на изготовление одежды.

Производство тканей было известно горцам Дагестана еще в глубокой древности. Начиная с эпохи энеолита, имеются неоспоримые сви-

детельства того, что племена Дагестана занимались прядением и ткачеством. Так, у сел. Гильяр Магарамкентского района на энеолитическом поселении на обломке сосуда были найдены отпечатки ткани[1].

Отпечатки тканей были обнаружены и на многочисленных фрагментах сосудов Джемикентского поселения эпохи ранней бронзы, причем на одном из сосудов сохранился отпечаток ткани сравнительно сложного плетения. Исследователь этого поселения А. П. Круглов, отмечая важность этой находки, указывает, что все известные до этого оттиски тканей как на Северном Кавказе (Долинское поселение), так и в Закавказье (находки в Азербайджане) давали лишь «простейшее полотняное плетение»[2].

Заслуживает внимания и тот факт, что у станции Манас в одной из катакомб курганов, датируемых третьей четвертью второго тысячелетия до н. э., были найдены некоторые орудия труда ткачих, в частности веретено с надетым на него пряслицем и 36 костяных колок для ткацкого станка[3]. Пряслица находят и в памятниках эпохи ранней бронзы (Сигитминское, Верхнегунибское поселения и др.)[4]. Более систематические находки пряслиц относятся к памятникам раннего железа (начиная с VII века до н. э. и особенно с первых веков н. э.). С этого времени они составляют характерную принадлежность женского погребального инвентаря.

В этот период пряслица изготовлялись из глины, камня и кости: были среди них и массивные, колоколовидной формы, и меньшего размера, более тщательной обработки, дисковидной формы.

Археологические материалы как могильников, так и поселений плоскостного Дагестана содержат многочисленные пряслица и образцы тканей — шерстяных и хлопчатобумажных[5]. Подтверждением распространения ткачества в этот период являются и отпечатки тканей на предметах погребального инвентаря (меч, женский головной убор и т. д.)[6]. Археологические материалы свидетельствуют и о широком проникновении в Дагестан в эпоху средневековья шелковых тканей, очевидно с Ближнего Востока.

Занимая выгодное географическое положение, значительная часть Дагестана оказалась очень рано втянутой в орбиту оживленных торговых связей народов юго-восточной Европы, Закавказья и Передней Азии.

Как свидетельствуют армянские и арабские авторы известный раннесредневековый город Семендер, являвшийся продолжительное время столицей Хазарии, находился в приморской части Дагестана, почти рядом с исследуемой нами территорией. По данным этих авторов Семендер—«большой приморский город», в нем производятся шерстяные тка-

[1] В. Г. Котович. Новые археологические памятники южного Дагестана МАД, вып. I, Махачкала, 1959, стр. 135.

[2] А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 68, стр. 43.

[3] Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, № 26, 1956, стр. 174; Очерки истории Дагестана, т. I, Махачкала, 1957, стр. 13.

[4] В. Я. Каннивец и Г. М. Буров. Отчет о работах Чирюртовского отряда археологической экспедиции 1956 г. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2560, стр. 80; В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана, Махачкала, 1965, стр. 230—231.

[5] Н. Д. Путинцева. Северо-восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 87, стр. 203—205. Махачкала, 1961.

[6] М. И. Пикуль. Хабадинский могильник. МАД, т II, Махачкала, 1[illegible], стр. 158.

ни, имеются рынки, купцы и он поддерживает торговые связи со многими странами [7].

К X веку крупным торговым центром в Дагестане становится Дербент. Арабский историк первой половины X века Ал-Истахрий отмечает, что к Дербенту (Баб-ал-Абвабу) «стекаются хазары, сериры (очевидно население северо-западного Дагестана — аварцы—С. Г.), шензалы, хайзаны (очевидно кайтаки — даргинцы.—С. Г.), курджи (грузины.—С. Г.), рукланы, зерихкераны (кубачинцы.—С. Г.) и гумик с севера, а также появляются там люди из Джуржана, Табасарана, Дейлема и Джиля» [8]. Он же пишет: «Из Баб-ул-Абваба вывозятся полотняные одежды и не выделывается полотняных одежд в Арране, Армении и Адербейджане, нигде, кроме этих мест» [9].

Надо полагать, что кубачинское, кайтагское и другие общества Дагестана не только приобретали в названных выше торговых центрах привозные ткани, но и реализовали свои изделия и прежде всего сукно, холст, о которых упоминается выше.

Значительно более полные и точные сведения появляются в письменных источниках позднее.

Автор середины XVII века Эвлия Челеби писал, что в Дагестане «очень развито кустарничество. Часто встречаются мануфактурные предприятия» [10]. Упоминая «мануфактурные предприятия», Челеби очевидно имел в виду широко распространенные домашние промыслы по изготовлению тканей.

В XVIII—XIX вв. даргинцы, как и все горцы Дагестана, изготовляли ткани из овечьей и частично верблюжьей шерсти, из козьего пуха, конопли, реже из хлопка и шелка.

Участник посольства 1715—1718 гг. в Персию А. И. Лопухин в своем «Журнале путешествия через Дагестан» пишет, например, о кубачинцах: «Ремесло у них такое — делают много хорошева ружья мелкого, также сказывают, и пушки льют. Они ж имеют у себя немалое довольство шерсти, ис которой сукна делают сами и по их мастерству не худо делают» [11]. Тот же автор отмечает, что «шерсть у них изрядная и мягка, купят оную весом в батман, а в котором 14 фунтов, за самую добрую по 20 алтын батман, а иное время и меньши». Сравнивая привезенную из Кубачи шерсть с испанской, Лопухин признавал первую лучшей [12].

Автор конца XVIII века Д. И. Тихонов в своем «Описании Северного Дагестана» пишет о Кайтагском уцмийстве, что здесь «из шерсти овечьей делают на продажу ж и домашние употребления простые сукна: синие, черные, белые... и бумажный холст» [13].

В своем «Описании Дагестана», относящемся к 30 годам XIX века, М. К. Ковалевский и И. Ф. Бларамберг, свидетельствуя, что кубачинские «женщины упражняются в тканье холста и узких сукон», указывает также на занятия кубачинцев шелководством [14].

---

[7] Дорн. Известия о хазарах восточного историка Табари. ЖМНП, 1844, 43 отд., стр. 87; Н. А. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Адербейджане. СМОМПК, вып. 29, стр. 55; его же. Сведения арабских географов IX и X вв. СМОМПК, вып. 38, стр. 5, 43, 118; П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847, стр. 9.

[8] Н. А. Караулов. Сведения арабских писателей..., стр. 15.

[9] Там же, стр. 11.

[10] Отрывки из «Путешествия Эвлия Челеби». Рук. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1157, стр. 94.

[11] А. И. Лопухин. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.». М., 1958, стр. 30.

[12] Там же.

[13] Д. И. Тихонов. Описание северного Дагестана. 1796. «История, география и этнография....», стр. 134.

[14] М. К. Ковалевский и И. Ф. Бларамберг. Описание Дагестана. «История, география и этнография Дагестана», стр. 310.

Как видно из приведенных выше данных, изготовление тканей было женским занятием. Женщины осуществляли все процессы прядения и тканья.

Среди тканей домашнего изготовления первое место занимало сукно, что объясняется значительным развитием овцеводства. Сукноделием занимались почти во всех селениях даргинцев, причем его главными центрами являлись Цудахар, Хаджал-Махи, Акуша, Уркарах, Сутбук, Усиша, Меусиша, Дейбук, Урари, Дуакари и некоторые другие общества, изделия которых славились по всему Кавказу и были известны в Закавказье под названием «кубачинские шали». Однако самым лучшим признавалось «цудахарское сукно», изготовлявшееся в селениях Хаджал-Махи и Цудахар.

Даже в официальных документах при оценке качества изделий кустарей области особое место отводилось сукнам хаджалмахинских мастериц. При этом отмечалось, что «они тонки, нежны и весьма прочны, употребляются на дамские платья»[15]. Цена лучших сортов этих сукон, по тем же документам, доходила «до 200 руб. за кусок длиною в 10 - 12 аршин»[16].

Акушинские, цудахарские и кубачинские сукна высшего качества изготовлялись из верблюжьей шерсти, которая приобреталась в Закавказье, в Астрахани, Кизляре, Дербенте, Бухаре, в Киргизии и даже в Тавризе, а также из козьего пуха.

Наряду с сукноделием большое значение имело изготовление тканей из конопли — «дикIуми». Центрами изготовления этих тканей являлись в основном селения Кайтагского участка, а также Кища, Кубачи и др.

На былое распространение тканей из конопли указывают «Постановления Кайтагского уцмия Рустем-хана» — памятник обычного права даргинцев XVII в. В них, как еще в свое время отмечал Е. М. Шиллинг, в качестве натуральной оплаты штрафов с подвластного населения, обычно называется ткань из конопли — хапцалдик[17].

В таких селениях как Мюрего, Карацан, Барщамай, Джавгат и др., изготовлялись и ткани из хлопка и шелка. Хлопок и шелк часто ввозили из Азербайджана (Нухи), где жители этих селений реализовали свои изделия.

Хлопком их снабжало и население плоскостных районов Дагестана, в частности, соседи-кумыки. Последние, по свидетельству авторов начала XVIII века, собирали хлопок «в великом множестве»[18].

Кроме того, разведением шелкопряда в XIX веке занимались и сами даргинцы во многих предгорных аулах, особенно в Кайтаге, Мюрего, Губдене.

а) Сукноделие.

Для изготовления сукна «сухъбан» мастерицы применяли лучшую осеннюю шерсть молодых барашков, полученную не путем стрижки, а путем выщипывания. Ее называли длинной шерстью — «уртлабала»,

---

[15] П. Петухов. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа. «Кавказ», 1867, № 16. Владимир Вильер де Лиль-Адам. Две недели в Даргинском округе. ССКГ, вып. 8. Тифлис, 1875, стр. 20; А. С. Пиралов. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. «Весь Кавказ», т. 1, Баку, 1914, стр. 209.

[16] Обзор Дагестанской области за 1892 год. Темир-Хан-Шура, 1893, стр. 45.

[17] ССКГ, вып. 1.

[18] И. Г. Гербер. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Куром народах и землях и о их состоянии в 1728 г. «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», СПб., 1760, стр. 35; Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли..., ч. III, СПб., 1776, стр. 60.

«нерезанной шерстью». Повсеместно славилась шерсть обществ Сюргинского участка (селений Цугни, Касагу, Наци, Нахки, Уреги, Ургани и др.). Такую шерсть даргинцы приобретали и в некоторых аварских обществах (Чох, Анди и др.), имевших с ними тесные культурные и экономические связи. Шерсть весенней стрижки применялась реже.

Перед обработкой шерсть, как правило, не мыли. Очистив от грязи и всяких примесей, ее тщательно перебирали и расчесывали на специальном железном гребне «дурига». Некоторые мастерицы, особенно хаджалмахинские, повторяли этот процесс трижды: первый раз для того, чтобы получить шерсть желаемого цвета, а второй и третий раз — чтобы отобрать шерсть высшего сорта и отделить от нее недоброкачественные волокна. Разбив затем расчесанную шерсть на небольшие клочья, мастерица приступала к прядению.

Прядение производили на веретене и прялке.

Даргинское веретено «дурук» почти ничем не отличается от веретен, применяемых у других народов Дагестана. Это вырезанная из дубового, кизилового или барбарисового дерева гладкая палочка 25—26 см длины, круглой формы с крючковидной головкой и утолщением в средней части на нижнем конце. Веретено имело плоское пряслице из дерева, кости, латуни, диаметром 4—6 см. Некоторые мастерицы во время работы надевают на веретено два пряслица сразу.

Прялки встречались преимущественно двух видов. Один из них — «ккалазари», «дарага» или на кубачинском диалекте — «муцатте» — был описан Е. М. Шиллингом [19]. Эта прялка представляет собой узкий четырехгранный деревянный столбик, длиной 120—150 см, укрепленный на массивном, каменном постаменте. В верхний конец стойки вбивалась небольшая деревянная палочка (длиной 15—20 см), на которую для лучшего скольжения нити надевалась или гладкая круглая кость, напоминающая катушку, или горлышко от разбитой бутылки; часто столбики имели 2—3 запасных отверстия для вбивания таких же блоков, что обеспечивало работу нескольких женщин одновременно.

Такие прялки изготовлялись лучшими мастерами по обработке дерева и камня. Все их части покрывались художественной резьбой и подвергались тщательной отделке.

По установившейся традиции даргинка работала, сидя на полу, на подушке.

Другой вид прялки — «чирхла». Эта прялка с колесом, основанием ее служат два паралельно расположенных коротких деревянных бруска, соединенных между собой длинной перекладиной. На одном из брусков распожены две вертикальных стойки (высота 45—50 см), между которыми на оси укреплено колесо с ручкой. К противоположному бруску прикреплены тоже две иногда и три стойки, но покороче (25—30 см). Они снабжены железными колечками, в которые вставляется веретено. Некоторые прялки этого типа имеют более сложное устройство. Они снабжены дополнительными приспособлениями (основание и стойки с крючками) для одновременной работы еще двух веретен. В движение веретено приводится вращением колеса, соединенного с веретеном двойной нитью по типу приводного ремня.

Нередко женщины для прядения шерсти, а вместе с тем и для развлечения, собирались в одном помещении, куда приносили свои веретена и сита с кудельками. Они обычно садились в круг, поставив в середине 2—3 прялки-стойки («калазари») и снабдив их дополнительными блоками по числу работающих женщин.

На отрез сукна длиной в 14—16 аршин и шириной 2 аршина, необходимого для изготовления одной черкески, шло от 7 до 12 фунтов или

---

[49] Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура, М.—Л., 1949, стр. 30—31.

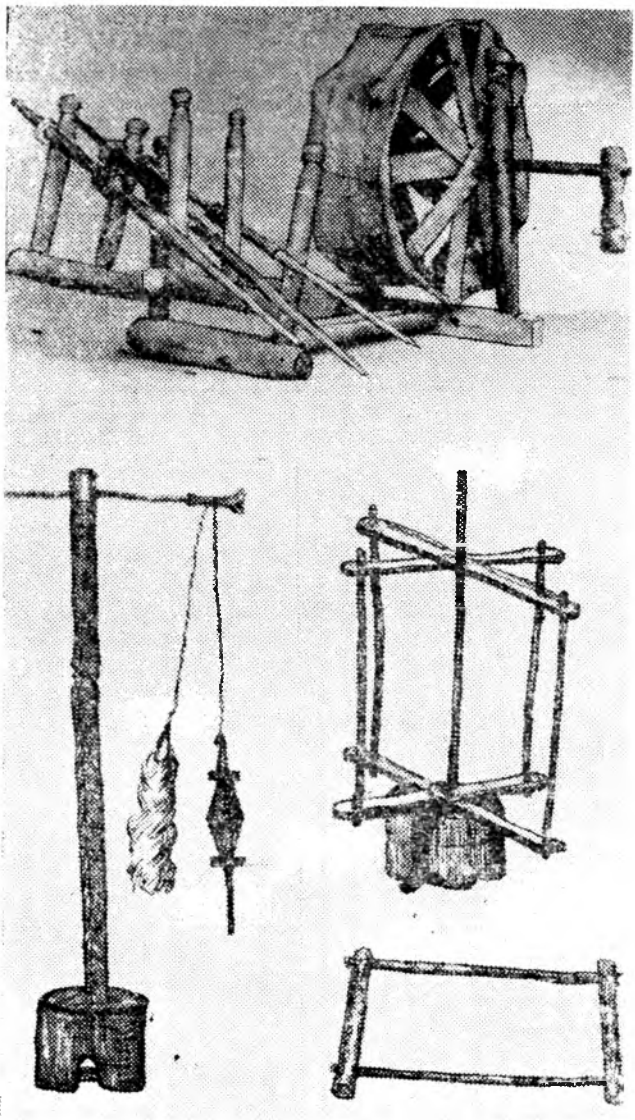

Рис. 1. Орудия прядения: прялки и мотовила.

1,2—2 раттала (батман) неочищенной шерсти или 4—6 фунтов готовой пряжи.

Чем тоньше была пряжа, тем лучше получалось сукно и тем дороже ценилось оно. Известные своим мастерством цудахарские, акушинские, кубачинские женщины при выполнении лучших изделий на заказ пряли с помощью веретена и стойки, так как прялки с колесами, по их мнению, давали более толстую пряжу.

До натягивания на ткацкий станок, нитки с веретена сматывались в мотки при помощи мотовила «айклуми» (род небольшой рамы, 40 см длины и 12 см ширины).

В некоторых селениях, в частности в Шиляги, вместо рамы для этой цели применялся более усовершенствованный инструмент «бишtIа гьарччи», очень близкий по своему устройству к описанной выше прялке с колесом. Смотанная в мотки пряжа поступала на ткацкий станок и крашенной, и некрашенной, о чем речь будет идти дальше. Если мастерица желала сохранить натуральный цвет шерсти, то мотки перематывались в клубки «цIикIа». Для этого применялось особое приспособление «айланчыкъ» (букв. крутилка), представляющее собой две легко приводимые в движение руками небольшие рамы (длина 60 см, ширина 40 см), посаженные крест-накрест на металлическую ось. Ось прикреплялась к массивному постаменту круглой или квадратной формы.

Встречаются и некоторые разновидности этого инструмента. Отличительной особенностью одного из вариантов «айланчыкъ» являются две перекрещивающиеся планки с небольшими стойками на всех четырех концах, заменяющие рамы другого типа «айланчыкъ». Ось, которой вращались эти планки, в свою очередь, укреплялась на более крепкую стойку с каменной подставкой. Если хозяйке нужна была двойная пря-

жа, она ставила рядом два «айланчыкъ» и сразу наматывала сдвоенные нитки на клубок.

Предназначенная для основы ткани пряжа натягивалась непосредственно на ткацкий станок, для чего использовалось особое приспособление «ручручни», представляющее собой две вырезанные из цельного дерева чашечки, соединенные между собой двумя горизонтальными, параллельно расположенными планочками. Положив в каждую чашечку по одному клубку, мастерица натягивала шерсть с клубков на раму ткацкого станка, причем каждая мастерица делала это с учетом того, какой длины сукно ей нужно выткать.

Даргинский станок для тканья сукна — «кидигъ», описанный в основных чертах Ю. В. Вадковской и несколько подробнее Шиллингом[20], представлял собой массивную деревянную раму (длина 3—3,5 м, ширина 1—1,3 м). Одна из поперечных скалок рамы делалась подвижной для того, чтобы в зависимости от размера отрезка сукна, удлинять или укорачивать раму.

Боковые брусья станка имели небольшие подвижные подставки с пазами, в которые вставлялась ремизная палка «мируц» (длиною 1,42 м). Дополнительный инвентарь ткачихи состоял из «дурикка» (гребень), инструмента для прибивания нити утка, выполняющего частично роль бердо. Он имел лопатообразную форму (длина 30, ширина 25 см) и изготовлялся из дерева. В нижний конец его вставлялась железная пластинка «гребень» с мелкими, частыми зубьями, чтобы удобней было держать его во время работы; в середине «дурикка» делалось два отверстия.

Челнок — «чIухIяра» — представлял собой тонкую, 53—55 см длины, палочку с острыми концами, на которую равномерно наматывалась нитка утка.

Для развода слоев нити основы, натянутой на раму ткацкого станка, необходимого, чтобы пропустить челнок с ниткой, применялась «тамкъ» — длинная (97 см), плоская планка с суженными концами. Для нажима сверху на нити основы и их ровного перемещения использовался деревянный плоский инструмент «кимцан» с дугообразной рабочей частью (длина 33 см, ширина в середине 6 см).

Для образования зева и развода слоев нитей основы использовался «хъирссик» — деревянный инструмент гвоздеобразной формы с острым концом и закругленной головкой (длина 11 см).

И, наконец, в состав дополнительного инвентаря входил описанный выше прибор «ручручни».

Ткацкий станок, как отмечено выше, располагался горизонтально. Мастерица работала сидя на полу — на подушке или прямо на выткапной части сукна, подстелив под себя мешковину (чтобы не загрязнить сукна).

Когда сукно было выткано, его снимали со станка и приступали к мойке и уваливанию. Уваливали ногами, периодически опуская сукно в горячую воду. Эта процедура продолжалась 5—6, а иногда 8—9 часов. Сполоснув затем в холодной, проточной воде, сукно натягивали на вертикально поставленные специальные жерди и сушили на солнце. Сукно снимали еще влажным, разглаживали его руками, а затем снова вывешивали для полной сушки. После этого сукно аккуратно скатывали и в таком виде хранили.

Продолжительность процесса тканья и вообще работы над изготовлением куска сукна была индивидуальна. В больших семьях, где было много рабочих рук и где одна из женщин могла уделять основное свое время ткачеству, отрез сукна указанных выше размеров мог быть изго-

---

[20] Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура, стр. 31—32

товлен в течение 10—15 дней; в малых семьях, где женщина занималась и другими работами, — за 30—35 дней и более.

Прославленные мастерицы тратили на эту работу еще больше времени (4—5 месяцев), особенно при изготовлении сукна из верблюжьей или белой овечьей шерсти. Зато их тончайшие изделия не знали конкуренции. Такие отрезы стоили 35—40 рублей серебром [21], а самые лучшие из них, идущие на дамское платье — до 200 рублей.

В Кавказском календаре на 1893 год отмечалось: «В особенности славятся женщины-кустари сел. Хаджал-Махи и Цудахар, дошедшие в тканье сукон из верблюжьей шерсти до совершенства. Хаджалмахинские сукна необыкновенно тонки и нежны и идут на дамские платья. Продажная цена их доходит до 200 рублей за кусок длиною 10—12 аршин» [22].

Чтобы продемонстрировать перед покупателями, заказчиками или перед другими мастерицами высокие качества своей работы, искусные мастерицы пропускали изготовленные ими отрезы через маленькое колечко, предназначенное для мизинца, либо сравнивали с гладкими фабричными тканями из чистого натурального шелка «дарай». «Сукъбан дарай гъуна саби» (сукно как дарай) говорили они, расхваливая свой товар.

Модными считались серый (мышиный), белый, а из верблюжьей шерсти—натуральный желтоватый цвет, хотя широкое применение, особенно для будничной одежды, имели сукна черного, рыжеватого, синеватого цветов. Шерсть, пряжа или готовое сукно неровной расцветки нередко подвергалось крашению (см. ниже).

б) **Производство конопляных тканей.**

Многие даргинские общества (Кища, Шиляги, Варсит), как мы уже отмечали выше, занимались и возделыванием конопли — «къама», изделия из которой (ткань, веревки, мешки и т. д.) шли как на удовлетворение нужд семьи, так и, частично, на продажу. Среднее хозяйство обычно высевало 2—3 сагь конопляных семян.

Коноплю даргинцы сеяли так же, как многие другие яровые культуры в середине мая. Поля под коноплю тщательно удобряли навозом, но посевы не поливали. Убирали коноплю в августе-сентябре в зеленом виде, причем выкорчевывали с корнями. Вырвав 100—150 стеблей (толстые и тонкие стебли убирались отдельно), даргинцы связывали их в снопы и тут же отрубали топором корни. Затем из 10—15 снопов делали копны и ставили их сушить на крыше дома или в поле. Как только стебли высыхали, для этого требовалось 5—7 солнечных дней (в дождь стебли убирали под навес), их снова сортировали в зависимости от длины и опять завязывали в снопы, которые скрепляли уже в середине и с двух концов. В таком виде их везли на берег речки, где замачивали в специальных прудиках или ямах — «даркки». Сложив снопы в яму рядами, их покрывали ветками дикорастущих деревьев или соломой, затем впускали через специально прорытую канаву воду. Конопля в таком виде находилась в воде в течение 10—15 дней, т. е. до тех пор, пока лубяное волокно не приобретало способность легко отделяться. Вымоченная конопля высушивалась тут же или на крыше дома, затем подвергалась мятью, что обеспечивало окончательное отделение волокна (луба) от древесины стебля.

---

[21] О. В. Маргграф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа, М. 1882, стр. 92.

[22] «Кавказский календарь на 1893 год», Тифлис, 1892, стр. 157.

Мялка делалась из массивной деревянной или каменной подставки овальной формы (в виде наковальни) и била — «урк», утолщенного в середине бруска с ручкой (длиной 110—130 см, шириной 10—12 см), вырезанного из цельного дерева. В отдельных местах било делалось плоским и рабочая часть его имела острые зубья.

Процесс мятья включал в себя и процесс трепания, размягчения и даже, как даргинцы утверждают, беления. Измятые волокна затем подвергались прочесыванию. Гребнем или чесалкой — «бирхям» — служил особым образом связанный пучок стержней куриных перьев, покрытый сверху для крепости грубой тканью. Этим инструментом сортировались волокна, отбирались лучшие, отделялись недоброкачественные (короткие и грубые), шедшие на изготовление мешков, грубого оберточного материала и т. п.

Процесс прядения конопли делился на два этапа. Сначала ручным способом «заготавливали» волокно для прядения и сучения — «дузы»: вытягивали из кудели волокно нужной для нити толщины, слегка смачивая его водой. Затем приступали к сучению с помощью прялки и веретена. Прялки с тремя веретенами, о которых говорилось выше, применялись чаще всего именно при изготовлении пряжи из конопли. Для трех веретен обычно делались три самостоятельных «заготовки» волокна, каждая из которых имела свое назначение.

Спряденные нитки — «барк» — тем же способом, как и шерстяные, перематывались на мотки, затем подсушивались и выбеливались на солнце. Конопляную пряжу, кроме того, особым образом обрабатывали в горячей зольной воде, мыли на речке, крахмалили, используя для этой цели ячменную, а в некоторых местах и пшеничную муку.

Часть накрахмаленной и высушенной пряжи шла на основание ткани, другая — на уток.

При изготовлении конопляных тканей во многих селениях пользовались специальным приспособлением — сновальней — «рурченти». Прежде чем натягивать нити основы на станок, их натягивали на «рурченти» с учетом того, какой должна быть длина ткани.

Даргинская сновальня представляла собой не очень массивную, четырехугольную деревянную раму (длина 190 см, ширина 160 см). Для прикрепления нити на каждом из продольных брусьев вбивалось по 24—25 гвоздевидных колышек. Снятая со сновальни пряжа уже шла на ткацкий станок; часть ее наматывалась на раму станка, другая, в виде заплетенной косы, свисала у ножки стана, пока первая половина в готовом виде не пройдет на валик.

Станок для конопляной ткани — «души бушан чикъа» — по своему устройству значительно отличался от более простого ткацкого станка для сукна. Он представлял собой деревянный каркас на четырех ножках треугольной формы, несколько напоминающий остов горской арбы. Каркас состоял из двух продольных брусьев (длина бруса 250 см), образующих с одной (задней) стороны острый угол и соединенных при помощи металлического обруча; с противоположной, широкой стороны брусья были соединены между собой поперечной перекладиной, являвшейся одновременно и сидением для ткачихи. На передней ножке правого бруса имелось отверстие с колом для закрепления пряжи основы.

На каркасе были установлены приспособления: 1) для образования зева, 2) для прибивания уточной нити к опушке ткани, 3) для направления нити основы в горизонтальном положении, 4) для наматывания готовой ткани.

Оригинально устройство зевообразующего приспособления. К потолочной балке дома привязываются два веревочных кольца, в которые продевается массивная деревянная палка. В центре к палке подвязываются два шнура. Эти шнуры прикрепляются к «державкам», на кото-

рых посредством оси закрепляются два ролика с выемками по поверхности для шнура. Через выемки ролика продевается другой шнур, который привязывается к ремизам за края верхней ремизной палки. К нижним ремизным планкам прикреплены стремена, идущие к подножкам-педалям — «тIяхIла уркьли»; противоположные концы педалей, в свою очередь прикреплены через шнур к задним ножкам каркаса.

Приспособление для прибивания уточной нити — бердо «дурикка» (букв. «гребень») представляет собой своеобразную четырехугольную раму с выступом или ручкой в середине верхней части. В раму плотно друг к другу вставлены зубья из камыша. Бердо по краям имеет отверстия для веревок, посредством которых оно прикрепляется к балке потолка.

Приспособление для направления нити основы в ровном горизонтальном положении «къямкъя» также представлено четырехугольной рамой (30 см высоты и 50 см ширины), укрепленной на расстоянии 130—150 см от переднего кольца каркаса. Верхняя часть этой рамы собственно и представляет направляющий брус. Для наматывания готовой ткани станок имеет массивный товарный валик («тарк»). Он прикреплен к деревянным упорам с выемками на расстоянии 25—30 см от «сидения», вбитым в продольные брусья каркаса.

Для натягивания основы ткани на станок начало нитей проводится вокруг правого упора товарного валика, затем протягивается вдоль правого бруса, заводится в металлическое кольцо «къял», прикрепленное к обручу задней части станка, далее проходит через направляющий брус; затем каждая нить в отдельности продевается в галево ремиза («глазок»), проходит через зубья бердо и, наконец, концы всей продетой в ремиз и бердо основы протягиваются дальше и привязываются к товарному валику. Чуть вытянув нити основы на валик, женщина приступает к процессу тканья.

Станок, кроме того, имел лодкообразный с выемкой в середине для катушки с ниткой утка челнок — «макук». Для сохранения готовой ткани в ровном и растянутом положении ткачиха пользовалась особой прессообразной двойной планочкой — «чIалтIни».

Таким же станком даргинцы пользовались и при изготовлении хлопчатобумажных, а также шелковых тканей. В некоторых местах, например, в Кайтаге, применялась несколько иная разновидность этого станка — она очень напоминает татарский ткацкий станок[23].

«Кайтагский» станок «жулгъа» представлял собой весьма массивный четырехугольный деревянный каркас на ножках (длина 250 см, ширина 95 и высота ножек — 60 см). На противоположном от валика и от места сидения ткачихи конце он имел прямоугольную вертикальную раму (ширина 95 см и высота 105 см), служащую приспособлением для направления нити основы. Нижние концы этой рамы проходят через пазы продольных брусьев и служат задними ножками станка. В остальном «жулгъа» повторяет устройство описанного выше ткацкого стана.

Следует отметить, что на станке такого устройства можно было выткать ткань самых различных размеров — 10—20 м и более. Ширина ткани обычно не превышала 35—40 см.

Чтобы придать белизну, конопляную ткань, снятую со станка, мыли в речке, ударяя специальной колотушкой до тех пор, пока ткань не станет белой. Многие женщины для мытья такой ткани использовали зольную (щелочную) воду. С этой же целью ткань вывешивалась на солнце или на мороз, а затем складывалась слоями определенной длины, обычно в 50 см — «декI».

---

[23] См. Н. И. Воробьев. Казанские татары. Казань, 1953, стр. 113.

в) Изготовление хлопчатобумажных и шелковых тканей.

Почти такие же приемы тканья применялись при изготовлении хлопчатобумажных тканей «пача» или «чаба».

Как мы уже отмечали, даргинцы при изготовлении такого вида тканей использовали привозной и частично (в предгорной полосе — Мюрего, Губден, Урахи, Баршамай и т. д.) свой хлопок.

Хлопок, так же как и шерсть, сперва очищали, потом трепали с помощью дугообразного прибора «хIямдуц», прибивая небольшим валиком «токъмакъ». Затем ткачиха делала из хлопка кудели (сперва большие, затем из них маленькие), и когда было заготовлено штук 200—300 мелких куделей «пишкIе», приступала к прядению. При прядении нити из хлопковых волокон почти всегда применялась прялка. Пряжу из хлопка обычно подкрахмаливали, используя для этого пшеничную или ячменную муку. Процесс перематывания пряжи на мотки, натягивания на сновальню, на ткацкий станок, и, наконец, техника тканья и отбеливания готовой ткани были почти те же, что и при изготовлении конопляных тканей. Как особый прием, здесь следует отметить опускание готовой ткани перед отбеливанием в свежий коровий навоз на целые сутки. Хлопчатобумажные ткани, в отличие от других видов, нередко делались в клетку, для чего часть пряжи, идущей на уток, красилась.

Шелковых тканей даргинцы изготовляли гораздо меньше. Тем не менее в отдельных селениях этот промысел играл немаловажную роль.

О распространении шелководства в Дагестане во второй половине XIX века О. В. Маргграф писал следующее: «Относительно шелковой выработки Дагестана нет даже и поверхностных сведений. Но кустари-оружейники, пришедшие оттуда, говорят, что там есть целые селения, где шелком заняты женщины; что там ведется в совершенстве окраска и изготовление ниток и шнурков и даже изредка ткут канаус, желтый и красный, на платья туземных женщин» [24].

Центрами производства шелковых тканей были селения Мюрего, Баршамай, Карацан, Джавгат и др. Шелковые ткани в основном шли на удовлетворение потребностей семьи, в частности, на изготовление головных платков женщин, и только частично реализовались на рынке.

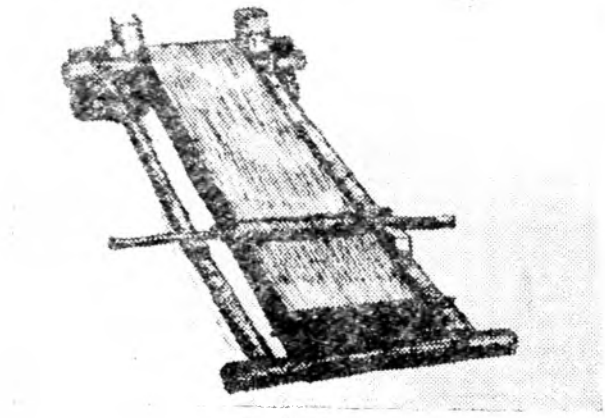
Разведением шелкопряда в указанных селениях занимались женщины. Частично шелк в виде коконов, волокна или готовой пряжи приобретался в кумыкских районах, в селениях магала Теркеме, в Табасаране, Дербенте, Темир-Хан-Шуре и в Закавказье (Нухе). При покупке семена измеряли наперстками. В среднем женщина могла использовать 2—3 наперстка семян.

К разведению шелковичных червей даргинки приступали примерно в середине мая [25]. Для оживления червей семена из холодного помещения, где они находились всю зиму, приносили в теплое место — чаще всего ставили в картонной коробочке на надкаминную полочку. Нередко женщины держали их, завернув в платочек, за пазухой. На 5—6 день шелковичные черви начинали выводиться; с этого времени в течение 40 дней их снабжали зелеными листьями тутового дерева и тщательно ухаживали за ними, соблюдая необходимую чистоту в помещении, не допуская проникновения в него вредных насекомых и оберегая от домашней птицы. Чтобы предохранить шелкопряд от «дурного глаза», в помещение не допускались посторонние.

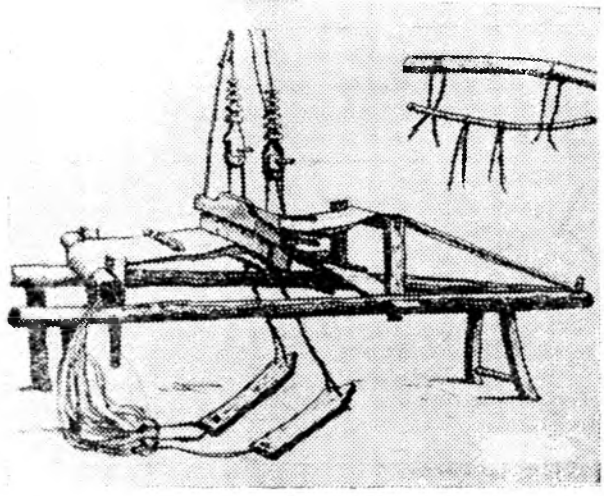
---

[24] О. В. Маргграф. Указ. соч., стр. 202.

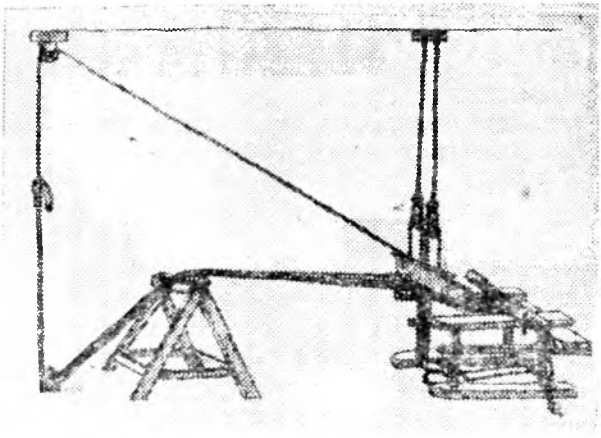
[25] О шелководстве на Кавказе. См. О. В. Маргграф. Указ. соч., стр. 178—203.

1

2

3

Рис. 2. Ткацкие станки:
1 — для сукна, 2 — для изготовления конопляных тканей, 3 — для изготовления шелковых тканей.

Помещение для шелкопряда оборудовалось специальными плетнями из орешника, которые ставили на подставки или колья на высоту 100—120 см от пола.

Перед тем как произвести уборку помещения для шелкопряда и выбросить старые листья, объедки и помет, хозяйка насыпала на плетень большие свежие листья или даже веточки. Как только черви перелезали на них, их вместе с шелкопрядом переносили на чистые плетни, а старые — выбрасывали[26].

На 25—30 день появлялись первые коконы. Для завивки коконов клали мелкие ветки определенных видов кустарников или веникообразные связки растений. Готовые коконы сушили (замаривали) на солнце, выделив предварительно небольшую часть для семян.

Чтобы получить пряжу, коконы опускали в котел с кипящей водой и помешивали палочкой. Как только из коконов образовывалась сплошная масса, острым концом палочки находили начало волокна и начинали его разматывать. Мотовилом служила описанная выше узкая рама «айклуми». Дальнейшие процессы и

[26] О. В. Маргграф. Указ. соч., стр. 192.

применяемые при этом орудия труда были такие же, что и в производстве тканей из конопли и хлопка.

Следует отметить, что на изготовление шелковых тканей шла и крученая и некрученая нить. Последняя чаще применялась для выделки ткани, предназначенной для продажи.

Самая тонкая и самая лучшая пряжа шла на основу, худшая — на уток. Некоторые ткани делались целиком из недоброкачественных сортов пряжи («кежи»), но такие ткани ценились значительно дешевле.

Чтобы придать белизну ткани, ее вываривали в мыльной воде в течение двух часов. После этого ткань тщательно промывали в холодной воде и сушили.

Шелковые ткани шли главным образом на платки. Поэтому длина отреза зависела от размера и формы платка, принятых в той или другой местности. В Кайтаге (Баршамай, Карацан, Джавгат и т. д.) для платков «ашмаг» требовалось 7,5 метра такой ткани, в Мюрего и других селениях этого магала — 10—12 метров и т. д. Поскольку ширина ткани не превышала 30—40 см, платок у первых составлял два пришитых друг к другу полотнища длиной 3,7—3,8 метра каждое, у вторых — шесть полотнищ, составлявших квадрат (2 метра длины и 2 метра ширины). К платку пришивалась бахрома, для которой изготовлялась пряжа несколько толще, чаще второго сорта.

В общем на платок даргинки расходовали 600—650 граммов пряжи. Чем тоньше была пряжа, тем дороже ценилась ткань и платок из нее. Хорошие мюрегинские платки стоили столько же, сколько двухлетняя телка или бычок. Соседние народы, в частности кумыки, среди которых весьма ценились мюрегинские платки, меняли шелк-сырец (два на один) на головные платки.

Способы окраски тканей.

Все описанные выше виды тканей по желанию потребителей могли подвергаться крашению.

О. В. Маргграф отмечал, что «Дагестанский район как по шерстяным изделиям вообще, так и по окраске их стоит выше всех прочих районов» [27] (автор имел в виду районы Северного Кавказа). Он подчеркивал, что именно в Дагестане «можно найти лучший подбор и смешение красок и большую прочность их, так как окраска здесь отличается от прочих и большим изяществом и ровностью и нелинючестью» [28].

Высокая оценка, данная О. В. Маргграфом одному из видов кустарных изделий горцев Дагестана, полностью относится и к изделиям даргинцев.

Даргинские мастера красили пряжу, готовую ткань, реже и волокна, обычно в черный, терракотовый, желтый, синий, коричневый, красный цвета. В таких крупных селениях, как Акуша, Цудахар, Хаджал-Махи, Урахи, Кубачи и другие были специальные красильные мастерские.

В качестве красящего материала даргинцы широко использовали марену, кору дуба, ореха, ольхи, кожуру лука, бузину, сажу из дымохода, медный купорос. Начиная со второй половины XIX века, в даргинские селения начинают проникать анилиновые краски.

Для протравки тканей, пряжи и последующего закрепления на них красок использовали квасцы, мочу крупного рогатого скота, фруктовые кислоты.

Окрашиваемый материал (пряжа, ткань, волокно) предварительно протравливали в растворе из квасцов, кислот, затем подвергали процес-

---

[27] О. В. Маргграф. Указ. соч., стр. 129.

[28] Там же.

су крашения [29]. Для закрепления краски материал опускался в мочу крупного рогатого скота, собранную в большом глиняном сосуде. С целью как можно прочнее закрепить краску в некоторых местах, в частности в селении Урахи, сосуд этот с тканью зарывали в навозную кучу на 5—6 дней.

Чаще всего даргинцы красили хлопчатобумажные ткани, которые шли на женскую одежду, значительно реже — сукно.

Как мы уже отмечали, значительная часть тканей домашнего изготовления шла на рынок. Многие женщины занимались этим промыслом исключительно для продажи, превратив его в ремесло.

В процессе производства тканей на рынок между отдельными обществами устанавливалось известное разделение труда. Например, Д. Н. Анучин пишет: «Купив шерсть, кубачинцы моют ее, расчесывают и сучат нитки, которые отдают затем в соседние селения и получают обратно сукнами» [30]. Он же отмечает, что кубачинцы таким образом получали от своих соседей ежегодно до 500 кусков, полагая в каждом куске 6,5—7 русских аршинов.

Предназначенные для реализации на стороне куски сукна чаще всего попадали в руки местных торговцев — «вачIрукIянов» (вачар — торговец, укIян — иди, ходи — ездящие по торговым елам) или их младшей братии «базирган». Эти торговцы обычно вывозили товар большими партиями в Дербент, Темир-Хан-Шуру, очень часто в Закавказье, где дагестанские изделия пользовались большим спросом.

Характер торговли сукнами в Закавказье и ее значение для отдельных обществ даргинцев наглядно видны из того же описания Кубачи Д. Н. Анучина. «Сукна отвозят весною в Нуху, — пишет он о кубачинцах, — причем ездят не все, а человек 40—50, имея каждый по несколько (10—15) вьючных лошадей. Если положить среднюю цену, 7—8 руб. за кусок, то получается валовой доход до 35.000 рублей. Из части сукон, впрочем, шьются также на месте черкески, которые отвозятся на продажу готовыми. Сукна идут в Нуху, где их покупают местные и тифлисские армяне, которые провозят их по всему Закавказью, а также отправляют в Персию и Малую Азию» [31].

Таким образом, изделия даргинок реализовались далеко за пределами их аулов и попадали на рынки сбыта через вторые-третьи руки.

Сами же мастерицы или члены их семьи редко вывозили свои изделия на продажу в города. Они обычно выезжали со своими изделиями лишь на базары близлежащих населенных пунктов — Кубачи, Акуша, Леваши, Маджалис, Уркарах, Харбук, Цудахар, Хаджал-Махи, Урахи, Дешлагар, Мекеги, Башли, Отамыш и т. д.

Местные торговцы через свои лавки, открытые в крупных населенных пунктах, продавали кустарям привезенную из других мест (Закавказья, Астрахани, Темир-Хан-Шуры, Кизляра, многих обществ Аварии) высококачественную шерсть. Среди торговцев были и такие, которые торговали только шерстью, особенно верблюжьей, ценившейся в центрах суконоделия Дагестана весьма высоко.

Указывая на тенденцию ряда овцеводов Дагестана к улучшению породности овцепоголовья с целью торговли высококачественной шерстью, О. В. Маргграф писал: «...здесь сами хозяева обратили внимание на подбор овцы и целые поколения хозяев сосредотачивают все свое внимание на улучшение производства шерсти и даже гордятся

---

[29] См. Е. М. Шиллинг. Ковроткачество Дагестана. СЭ, № 4—5, стр. 155—167.

[30] Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан, «Изв. русского геогр. об-ва», т. 20, вып. 4, 1884, стр. 426.

[31] Там же.

тем, что то или другое местное стадо такой-то фамилии сделалось известным целому округу тонкостью и белизной своей шерсти».[32]

Нередко торговцы раздавали шерсть лучшим мастерицам-суконщицам для выполнения своих заказов. Труд мастерицы в таких случаях вознаграждался половиной стоимости вытканного отреза или шерстью на полный отрез ткани.

Таким образом, как свидетельствуют приведенные выше материалы, даргинцы занимались изготовлением разнообразных тканей. Первое место среди тканей домашнего производства занимало сукно, изготовление которого имело повсеместное распространение; второе место — конопляные ткани; ткани же из хлопка изготовлялись только в отдельных районах.

Несмотря на архаическую технику, применяемую в ткацком деле, многие даргинские женщины, благодаря своему кропотливому труду и большому опыту, как это неоднократно отмечалось в официальных изданиях[33], в выделке всех видов тканей достигли большого мастерства. Следует обратить внимание и на то, что среди 64 образцов, собранных кустарным музеем в различных частях Кавказского края и подвергнутых лабораторным исследованиям, «самыми плотными по ткани оказались сукна дагестанские, имеющие в основе от 116 до 288 ниток, а в утке — от 30 до 84»[34]. Несомненно, что в числе «дагестанских сукон» были и даргинские.

Отличавшиеся большой прочностью, тщательностью отделки, большим изяществом изделия из шерсти, известные преимущественно под названием «кубачинские» или «лезгинские» сукна, славились на всем Кавказе, в центральной России, в Иране, Малой Азии, где находили широкий спрос.

Все процессы, связанные с ткачеством, выполнялись женщинами. Только в вялении (мягчении) готового сукна в некоторых местах принимали участие и мужчины. Каждая девушка должна была уметь прясть, ткать и вязать. При выходе девушки замуж самой лучшей рекомендацией служили собственноручно вытканные ею изделия и прежде всего сукно, платок.

Следует отметить, что производство тканей носило сезонный характер. Им занимались в основном с поздней осени до весны, а весной готовые изделия реализовались.

Производство войлока

Войлочное производство у даргинцев, как и у других народов Дагестана, также играло немаловажную роль в изготовлении материала для одежды и обуви. Войлок шел на бурки, на сапоги, на покрытие верха овчинной шубы, на кошмы и т. д.

На войлочные изделия шла главным образом низкокачественная шерсть — хунцIа, оставшаяся после отбора лучшей шерсти на сукно. Только белый войлок, предназначенный для обуви и специальных молитвенных ковриков, требовал высококачественной шерсти.

Даргинцы обычно изготовляли небольшие простые бурки, а большие «парадные» бурки лучшего качества приобретали у андийцев (аварцев).

Техника изготовления бурок и кошм была в основном та же, что у соседних народов[35].

---

[32] О. В. Маргграф. Указ. соч., стр. 22—23.

[33] См., например, Кавказский календарь на 1893 г., Тифлис, 1891, стр. 154.

[34] А. С. Пиралов. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. «Весь Кавказ», т. I, Баку, 1914, стр. 211.

[35] См. О. В. Маргграф. Указ. соч., стр. 24—26.

Предназначенную для уваливания шерсть мочили в воде, причем часто шерсть в мешке или плетеной корзине опускали в речку или пруд, положив сверху камни. Через несколько дней ее вытаскивали и тщательно промывали сначала в речке, затем в зольной (щелочной) воде.

Затем шерсть перебирали, очищали от сора, трепали и расчесывали на гребне. Уваливали ее на полу в комнате или во дворе. Во многих даргинских аулах для валяния шерсти устраивались специальные площадки — «варгьи бутан», имеющие определенный скат. На этом месте стелили большой палас из конопли или камышевую цыновку, на которых ровным слоем раскладывали шерсть.

В отдельных случаях делали 2—3 слоя шерсти разного качества— один слой для лицевой стороны войлока, другой — для изнанки и третий слой шерсти самого худшего качества — для внутренней части. При изготовлении бурки шерсть укладывали в форме неправильной трапеции, а при изготовлении обуви — в форме четырехугольника. Затем шерсть тщательно обрабатывали горячей водой, вместе с паласом свертывали в трубку и начинали ее укатывать, надавливая ногами и опираясь на палку.

Поскольку уваливание войлока являлось трудоемкой работой, в ней принимали участие одновременно 4—8 женщин, в зависимости от величины войлока. От такой помощи друг другу никто не отказывался.

Для покрытия верха овчинной шубы войлок изготовлялся из одного слоя, обычно черной шерсти.

Обработка кож

В условиях полунатурального хозяйства даргинцев выделкой кож для собственных нужд занималась каждая семья. Кожи шли на верхнюю одежду (шубы, брюки, телогрейки), на головные уборы (папахи, домашние колпачки), на обувь (сапоги, чувяки, чарыки) и т. д.

В отдельных селениях даргинцев, в частности в селениях Куппа, Тебек-Махи Цудахарского участка, кожевенное дело приобрело (особенно со II половины XIX века) значение ремесленного производства. Многие жители этих селений выделывали кожи и кожаные изделия специально для сбыта на базарах нагорного и равнинного Дагестана. Эти изделия пользовались большим спросом.

Доброкачественной кожей для обуви в значительной мере обеспечивали даргинцев и евреи из еврейской слободки сел. Маджалис Кайтаго-Табасаранского округа. Как те, так и другие закупали у населения шкуры, обрабатывали их и меняли на необработанные (одну на две) или продавали.

По существовавшему в семьях традиционному разделению труда этим кожевенным делом занимались в основном мужчины. Только некоторые легкие процессы (мытье кожи, закваска и т. д.) считались обязанностью женщин.

По характеру работы выделка кож, шедших на изготовление верхней одежды и головных уборов, существенным образом отличалась от обработки кож для обуви.

В первом случае кожа подвергалась следующим процессам обработки. Овчину сперва мыли в речке, затем гладкую сторону овчины мазали жидкой кислой кашицей, изготовленной из муки, уксуса и соли, и оставляли на 10—15 дней, завернув особым образом. При этом время от времени смазку обновляли. Затем овчину выносили на солнце подсушить, после чего из нее вытряхивали высохшее тесто. Последующее мягчение производилось или руками, или при помощи различных приспособлений. Когда мягчили руками, работали двое. Они садились один

против другого, закручивали овчину и тянули к себе изо всех сил. Эта процедура повторялась неоднократно.

На многих аульных площадках, очарах, у мечети имелись общественные мялки «гулби салтIуси тIал». Это массивные, вертикально установленные каменные или деревянные столбы на каменном постаменте, с круглым отверстием, через которое неоднократно и с большим трудом протаскивалась обрабатываемая кожа.

Другим приспособлением для мягчения и частично для снятия мездры и отбеливания овчины является «гулби хъябшдиран» («овчину сдирающая») массивная палка длиной 73 см, утолщенный конец которой имеет крючковидную форму. Между стержнем и боковым отростком палки вставлялась металлическая пластинка с зубьями длиной 15—16 см Это была собственно рабочая часть инструмента, которая мягчила и очищала овчину.

К другому концу инструмента при помощи веревок горизонтально прикреплялась круглая толстая палка длиной 20 см. Эта часть инструмента напоминала стремя и действительно была необходима для упора во время работы, равномерного протягивания железной пластинки и всего инструмента по овчине. Для удобства овчину одним концом привязывали к жерди потолочного перекрытия и проводили по ней рабочую часть мялки указанным образом. Такого рода инструменты для обработки шкур встречаются и у других народов Дагестана[36].

Инструментом, служащим для снятия мездры и отбеливания овчины, является также «гулби цIубдиран» («белящий овчину»). Он состоит из прямой деревянной пластинки — ручки, длиной 22 см, и рабочей металлической части дугообразной формы, шириной 5—6 см, с отточенным острым краем.

Положив на деревянную подставку овчину и время от времени обсыпая ее мукой, даргинцы с помощью этого инструмента очищали и отбеливали овчину. Этим процессом завершалась работа по предварительной обработке овчин.

Обработка кож для обуви была несколько сложнее. Наряду с овчинами, обрабатывались шкуры лошадей, крупного и мелкого рогатого скота.

Сафьян изготовляли следующим способом.

Козлиную шкуру для предварительного размягчения опускали на несколько дней в чистую воду (в бассейн, пруд, речку), затем очищали специальным дугообразным металлическим скребком гладкую поверхность шкуры, мазали ее густым известковым раствором и свертывали в трубку.

Свернутую шкуру снова опускали в воду, затем развешивали и тем же скребком аккуратно снимали шерсть. Очищенную шкуру промывали в проточной воде и опускали в теплый раствор птичьего помета для дальнейшего размягчения и очистки шкуры от оставшейся мездры. В этом растворе шкуру держали не более суток, чтобы не подвергнуть ее разъеданию. Вынутую из раствора шкуру снова очищали и снова промывали.

Размягченную и очищенную шкуру зашивали в бурдюк, оставляя специальное отверстие (горлышко, либо ножку), через которое сыпали размельченные листья желтинника и лили теплую воду. Затем бурдюк клали в корыто, закрывали ветвями, а поверх них камнями, с помощью которых постепенно выжималась вода (5—7 раз вливаемая через отверстие бурдюка). Затем бурдюк распарывался, гладкая поверхность шкуры снова очищалась и подсушивалась на солнце.

---

[36] С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1960, стр. 101.

Для окончательной обработки другой поверхности шкуры, где была мездра, ее три—четыре раза мазали раствором железного купороса, периодически подсушивая. Как только шкура становилась черной, ее окончательно высушивали в тени, промывали в проточной воде в течение двух часов (мыли обычно ногами) и снова высушивали.

Изготовленный таким образом сафьян складывали крашеной стороной внутрь и терли гладкую поверхность руками с целью придания ей необходимой бугристости.

После окончательной просушки лицевую сторону сафьяна полировали с помощью небольшого гладкого бруска и специальной палки, один конец которой ставили на возвышение. Палку обматывали сафьяном, а брусок обмазывали курдюком.

Если хотели придать сафьяну желтый цвет, его красили с помощью водного раствора корки корней барбариса; при окраске в черный цвет использовали естественный краситель «къаразах», при окраске в коричневый — кожуру ореха и т. д. Красили кожу в желтый, красный, черный, коричневый цвета, используя для этого и химические красители.

Из шкуры крупного рогатого скота готовили более прочную, чем сафьян кожу — «къачалай» или «дабаг».

Начальные процессы обработки «дабаг» те же, что и при изготовлении сафьяна. Однако после обработки шкуры в растворе птичьего помета ее дополнительно помещали на 3—4 дня в бочку с водным раствором размельченной коры дерева и квасцов, затем посыпали солью и сушили.

Если на обувь шла сыромятная кожа, то после замачивания, перемывания и очищения от шерсти кожа подвергалась только мягчению. Дубления не производили.

Это был самый распространенный способ обработки кожи. Его знали в каждом крестьянском хозяйстве, в то время, как усовершенствованный способ с дублением был знаком лишь отдельным кустарям-специалистам. Последнего вида кожа стоила сравнительно дорого и поэтому была доступна далеко не всем.

* *
*

Итак, для изготовления одежды большое значение имела обработка местных материалов — шерсти, кожи, конопли, шелка и пр.

Среди кустарных промыслов даргинцев одно из первых мест занимало производство шерстяных изделий — сукна, носков, войлока и т. д. «Из всех кустарных промыслов, которыми занимаются дагестанские жители, — отмечалось в «Кавказском календаре за 1893 год», — заслуживает наибольшего внимания производство шерстяных изделий. После серебряных и золотых дел мастерства, ткацкий промысел доведен здесь до возможного совершенства» (имеется в виду прочность изделий, чистота работы мастериц, — С. Г.), что «нет дома в Дагестане, где бы не встречался один из видов его»[37].

Однако изделия домашнего производства даргинцев далеко не удовлетворяли их потребности в материалах для одежды. Поэтому в значительной мере даргинцы пользовались и привозным материалом. Привозные ткани шли преимущественно на белье (главным образом рубашки), бешметы, женские платья и т. д.

Известно, что через Дагестан, в частности через территорию, заселенную даргинцами, издавна шли торговые пути, связывающие страны Европы с Востоком. Оказавшись втянутыми в эти торговые связи, даге-

[37] «Кавказский календарь» на 1893 г. Тифлис, 1892, стр. 156.

станские феодалы, в том числе и даргинские, извлекали из них для себя значительную выгоду. Они одевались в дорогие ткани (бархат, парча, атлас, тафта, муслин и т. д.) европейского и восточного производства.

С присоединением Дагестана к России значительно усиливается приток в Дагестан русских товаров и расширяется ассортимент, что вызывает постепенное вытеснение персидской торговли в крае. Наряду с дорогими тканями, шедшими на удовлетворение потребностей состоятельных слоев общества, в этот период появляются и дешевые ткани — ситец, бязь, нанка, «чадра» (синяя материя типа бязи), в какой-то мере доступные и простым крестьянам.

Недаром в «Обозрении российских владений за Кавказом» отмечалось, что «русские ситцы, нанки и другие бумажные товары сбываются в Дагестан в большом количестве и по выгодным ценам; они решительно берут преимущество перед тканями персидскими... Употребление наших бумажных тканей невысокой цены распространяется с каждым годом более и более, а персидские доставляются немногими из бакинских и шемахинских купцов» [38].

Особенно большое значение приобретает русская торговля в Дагестане, в частности в даргинских районах, с ликвидацией здесь феодальной раздробленности, образованием Дагестанской области с единым управлением, а затем и со строительством в 90-х годах Петровской линии Владикавказской железной дороги.

Однако широкие слои даргинцев, так же как и всех горцев Дагестана, вплоть до укрепления колхозного строя не могли и мечтать о минимальном обеспечении себя одеждой из фабричных тканей и обувью из заводской кожи. В то же время далеко не каждое даргинское хозяйство могло обеспечить всех членов семьи одеждой и обувью домашнего производства.

Только Советская власть, новый общественный строй создали все условия для удовлетворения экономических и культурных потребностей даргинского народа, как и всех горцев Дагестана.

В настоящее время домашние промыслы по обработке шерсти, растительного волокна и кожи почти исчезли. Сохранилась в какой-то степени обработка овчин для шуб, которыми продолжает пользоваться определенная прослойка старшего поколения даргинцев; шерсти для носков, паласов, мешков; конопли для мешков, паласов.

Современная одежда шьется из фабричных тканей — шерстяных, шелковых, хлопчатобумажных и т. д. Возросшее благосостояние позволяет колхозникам покупать высококачественные ткани и, как мы увидим ниже, иметь по нескольку пар верхней, нижней, выходной и рабочей одежды из самых разнообразных тканей.

2. МУЖСКАЯ ОДЕЖДА, ОРУЖИЕ И УКРАШЕНИЯ.

Мужская одежда.

Мужская одежда даргинцев XIX века была в основном однотипна не только в пределах даргинской этнической территории, но и в пределах Дагестана и всего Северного Кавказа.

Одежда же женщины-даргинки характеризовалась, с одной стороны, ярко выраженными национальными особенностями, а с другой, рядом узко-локальных различий.

Известную нам по письменным источникам и вещественным памятникам XVIII—XIX вв., распространенную всюду нательную одежду

---

[38] Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, т. IV, СПб., 1836, стр. 184—185.

даргинцев составляли туникообразная рубаха «хIева» и простого покроя штаны «шарбар». Эту одежду широкие слои даргинского общества использовали не только в качестве нижнего белья, но и как часть верхней одежды. Поэтому их шили из плотных шерстяных или хлопчатобумажных тканей домашнего и фабричного производства, и обычно темных цветов (синий, черный, серый и т. д.). Только в Нижнем Кайтаге мужчины носили белую рубашку и белые штаны.

Рубаху шили из полотнища длиной примерно 140—200 см. Нижняя часть рубахи делалась значительно шире, чем верхняя. Поэтому нередко к полотнищам с двух сторон от проймы рукава и до самого подола пришивались специальные клинья, расширяющиеся книзу. Когда же рубаху кроили из широкой материи, из ее верхней части специально вырезали клиновидные куски. Такая лента материи порою вырезывалась с одной стороны полотнища и пришивалась к другой широкой стороне вниз. Рубаха имела прямые длинные рукава, несколько суживающиеся у кисти руки. К верхней части ее нередко пришивали подкладку из более мягкой ткани. Грудной вырез иногда обшивался неширокой планочкой. Рубаха имела невысокий воротник, застегивавшийся обычно на серебряную или медную пуговицу. Позднее, особенно с конца XIX века, в даргинскую среду проникли и рубашки русского покроя. Иногда они приобретались представителями интеллигенции, рабочими, служащими и т. д.

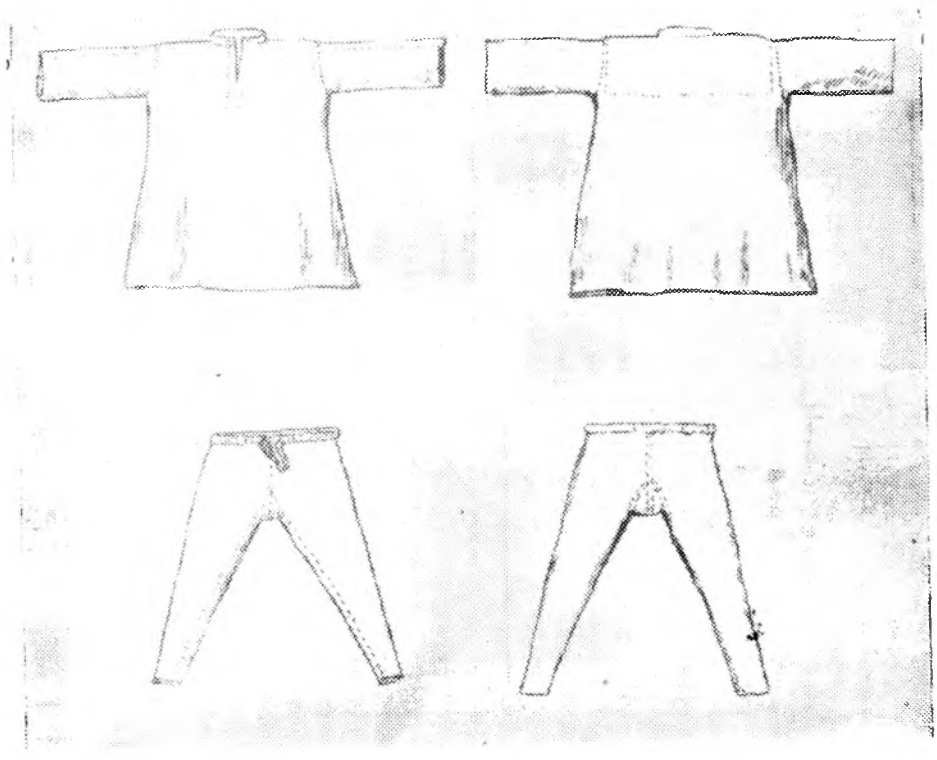

Рис. 3. Нательная одежда.

Штаны шили в верхней части широкими, собранными на шнур, и узкими внизу. Некоторые мастерицы вставляли между двумя штанинами ромбовидный клин. Этот тип штанов получил в специальной этнографической литературе название «штанов с широким шагом».

По покрою мужская нательная одежда мало чем отличалась от нательной одежды других горцев Дагестана[39]. Различия заключались только в некоторых мелких деталях. Так, например, в отличие от рубашки кумыка даргинская мужская рубашка, как правило, не имела под рукавами квадратных ластовиц.

Поверх рубахи даргинец надевал бешмет «къаптан», «милтана», «валчагъ», шитый на подкладке, из плотного темного материала, в частности и из сукна домашнего производства. На нарядные бешметы приобретали темнозеленые, черные, синие шерстяные и шелковые ткани.

«Каптан» даргинцы шили точно так же, как кумыки, аварцы и другие народы Дагестана, по фигуре, в талию. Он имел спереди прямой разрез (сверху донизу), длину делали по усмотрению хозяина — выше или чуть ниже колен. К цельнокроенному в своей основе «каптану» ниже талии вшивалось, главным образом по бокам и сзади, несколько узких, расширяющихся книзу клиньев, образующих фалды. Число таких клиньев нередко доходило до 9—10, образуя, таким образом, довольно широкий раструб книзу (общая ширина у талии 80—90 см, у подола 350—380 см и больше). Делались и 6—4 клиньевые бешметы.

Бешмет имел невысокий (5 см) стоячий воротник, по бокам, ниже талии — внутренние, а на груди нашивные карманы. Спереди от воротника до пояса бешмет наглухо застегивался на мелкие пуговицы и петли, изготовленные из тонкой самодельной тесьмы. Такой же тесьмой обшивались воротник, вырезы для боковых карманов, рукава, верх нагрудных карманов. Для зимы бешмет шили на вате.

Бешмет считался легкой верхней одеждой, в которой мужчина мог ходить дома, выйти на улицу, работать в поле.

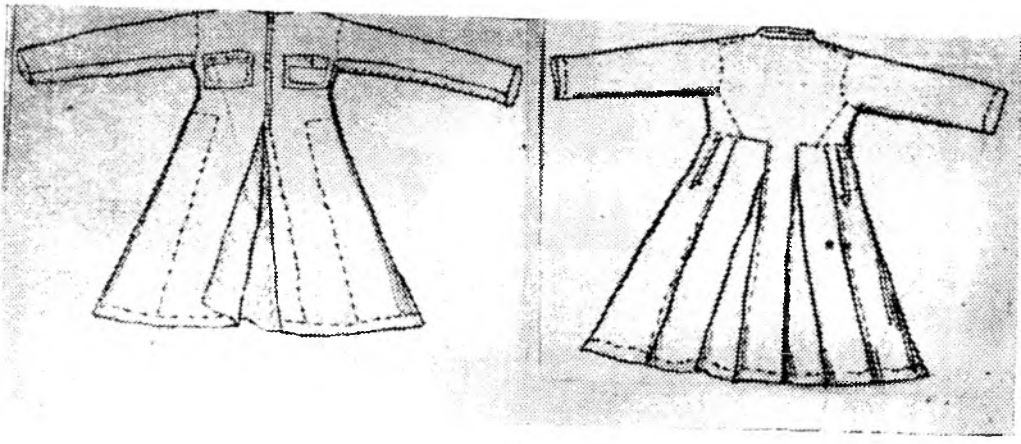
Поверх бешмета в прохладную погоду, а при приеме гостей и посещении общественных мест и летом, даргинцы надевали «сукъбан» или «къычу» — известную всему Кавказу черкеску.

Черкеску шили из домотканного сукна — белого (нарядные), серого, черного, бурого цветов, обычно из целого отреза длиной 5—7 метров. Ее, так же как и бешмет, делали по фигуре в талию, цельнокроенной, без разреза у талии, с большими клиньями у пояса до подола, образующими фалды. Но в отличие от «милтаны» «къычу» делалось значительно шире, длиннее (обычно несколько ниже колен), с широкими и длинными (ниже кисти) рукавами, которые ниже локтя имели подкладку из тонкой, красивой материи и обычно для удобства слегка отворачивались. Кроме того, черкеска имела открытый грудной вырез, откуда выглядывал бешмет, и застегивалась у пояса на несколько пуговиц из самодельной тонкой тесьмы. На груди с двух сторон она имела нашивные карманы с мелкими отделениями для 13—15 газырей, а ниже талии по бокам — внутренние карманы. Полы черкески, ее рукава, нагрудные и внутренние карманы обшивались тесьмой. Сверху черкеска перетягивалась ременным поясом, на котором спереди висел кинжал.

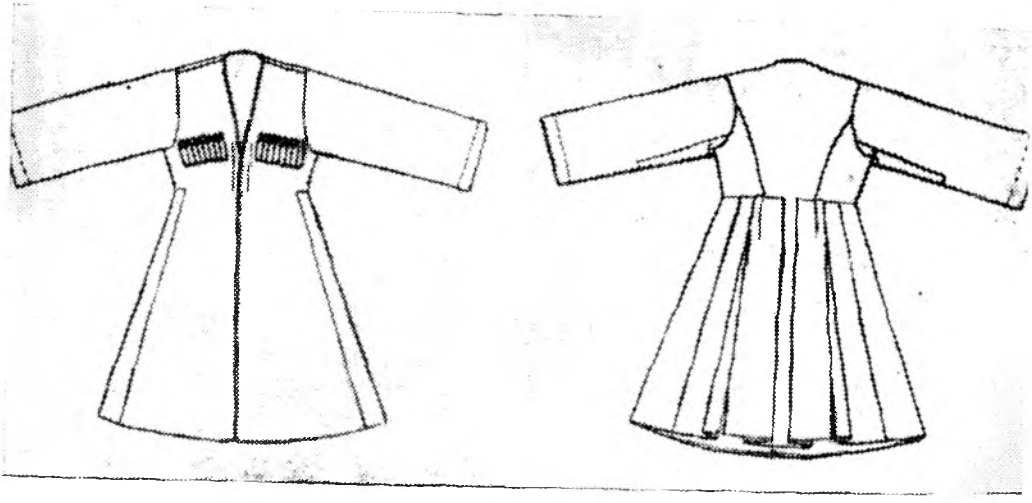
Позднее, начиная со второй половины XIX века, молодые люди под черкеску стали надевать и известную у многих народов «кавказскую рубаху». Она почти ничем не отличалась от такой же рубахи кумыков, лакцев, аварцев и т. д. «Кавказскую рубаху» кроили так же, как нательную рубаху из прямого полотнища, сложенного пополам, с клиньями внизу с обеих сторон. Но шили ее длиннее и шире, чем рубашку первого типа, с нагрудными карманами. На груди она наглухо

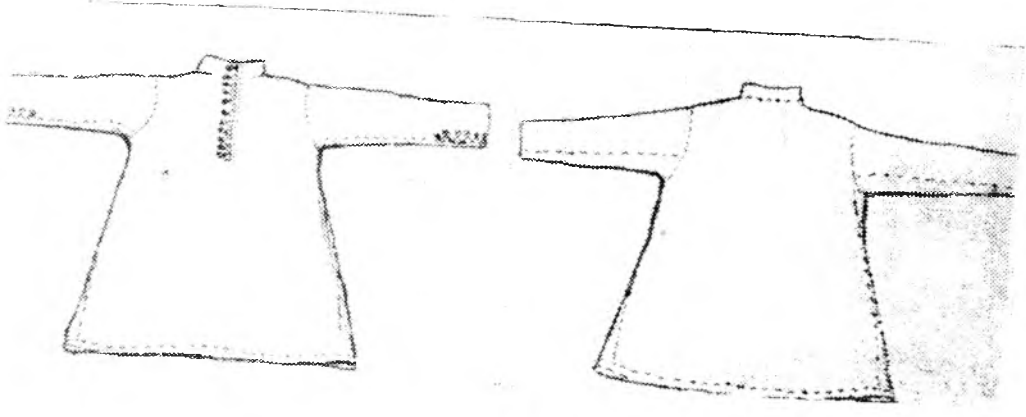
39 С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 107—108; С. С. Агаширинова. Очерки материальной культуры лезгин в конце XIX—XX вв. Ученые записки Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, т. IV, 1958, стр. 29.

1

2

3

Рис. 4. Верхняя мужская одежда:
1 — бешмет, 2 — черкеска, 3 — «кавказская рубаха».

застегивалась на пуговицы и петли, сделанные из тесьмы того же цвета, что и ткань рубахи. Рукава застегивались на 3—5 тесемных пуговиц и петли. Манжет они не имели.

Важной частью верхней одежды являлась овчинная шуба, которую одевал даргинец зимой поверх бешмета, а иногда и черкески. На шубу шло 6—9 овчин. Лучшие шубы делались из овчин молодых барашков.

Мужские шубы у даргинцев имели разный покрой. Одни из них шились с прямыми рукавами, приталенными и расклешенными внизу; другие — длинными, широкими, носимыми внакидку с длинными ложными рукавами; третьи — без рукавов с большой пелериной.

Шуба первого типа «вилгьан хIяка» (шуба по фигуре) или просто «хIяка» шьется точно так же, как и кумыкская мужская шуба [40]. Она цельнокроенная, но от пояса идут клинья, расширяющиеся книзу. Отдельные мастера пришивали эти клинья с особым ажурным разрезом и вставочками у талии сзади. Полы шубы и рукава оторачивались спереди узкой меховой полоской из более качественной овчины или мерлушки.

Этот вид шубы был распространен повсеместно. Такую шубу надевали, отправляясь на работу, в дорогу и т. д. Поэтому ее шили чуть ниже колен с нормальными рукавами, в талию, с большим запахом. Для удобства во время работы она перетягивалась поясом.

Шуба второго типа «хола хIяка» («большая шуба») или «баскIай» большее распространение имела в горной Даргинии, где зима более суровая и продолжительная.

Как показывает само название (большая шуба) эта шуба была широкой и длинной (почти до пяток). Одевалась она внакидку, так как имела ложные рукава. Пользовались такой шубой обыкновенно мужчины старшего (свыше 30—35 лет) возраста и главным образом во время отдыха как дома, так и на улице, при посещении общественных мест и т. д.

В то время, как на шубу первого типа шло 6—7 овчин, «хола хIяка» шили из 8—10 шкур с 9—11 клиньями. В некоторых местах такую шубу делали без клиньев, лишь несколько расклешенной книзу. «Хола хIяка» даргинца среднего роста и средней плотности имела примерно такие размеры: 120—150 см общей длины, 380—390 см у подола, 218—220 см ширины у талии, 105—107 см ширины на спине, 130—135 см длины (вместе с плечом) и 68—70 см объем проймы рукава и т. д.

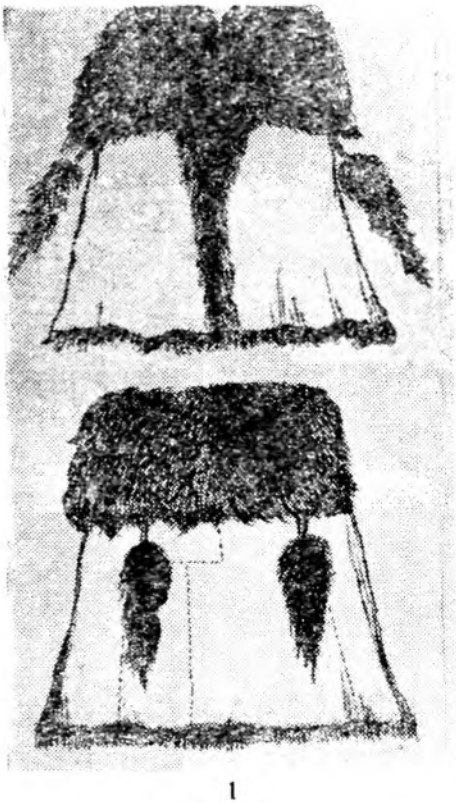
Полы, воротник «хола хIяка» имели оторочку из меха. Рукава такой шубы часто использовались для хранения мелких вещей. Идя в гости, даргинец в рукаве шубы мог нести детям подарки в виде крашеных яиц, конфет, орехов и т. д.

Третий тип шубы составляла «хъябцари хIяка» — шуба-накидка без рукавов, с большой до пояса пелериной. На меховую пелерину шло обычно три овчины, шили ее из мерлушки обязательно меховой стороной вверх. Для того, чтобы пелерина лежала ровно, образуя у плеч почти прямой угол, внизу у плеч шубы делались особые подплечики, род рудиментарных рукавов. Шубу с пелериной шили несколько уже (из 5—7 шкур), клиньев она не имела. Ее так же, как «хола хIяка», носили мужчины старше 30—35 лет и только во время отдыха, при выходе в общественные места.

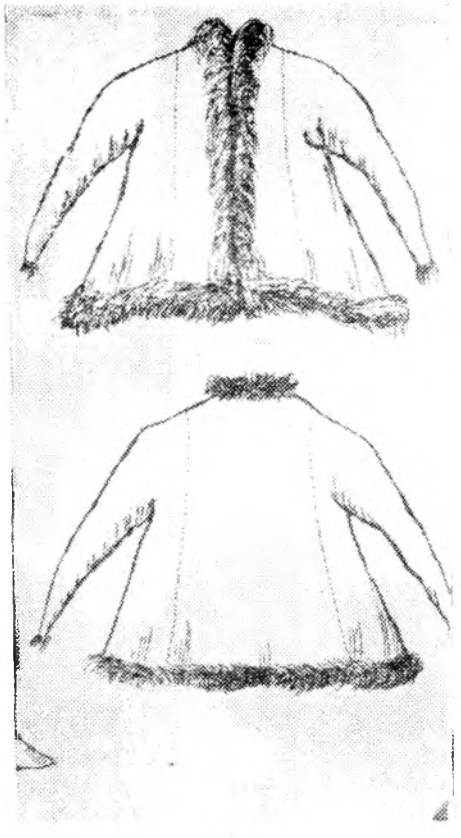
Шубу, бешмет, черкеску шили главным образом мужчины, нательную одежду — женщины. В некоторых селениях предгорной полосы, граничащих с кумыками (Губден, Мюрего, Чумли) мастерами по шитью бешметов, черкесок, шуб были и женщины.

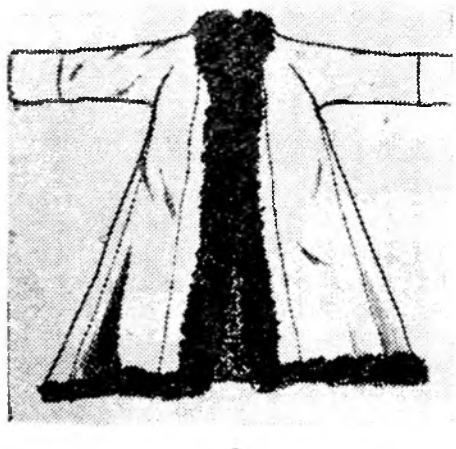
[40] См. С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 112.

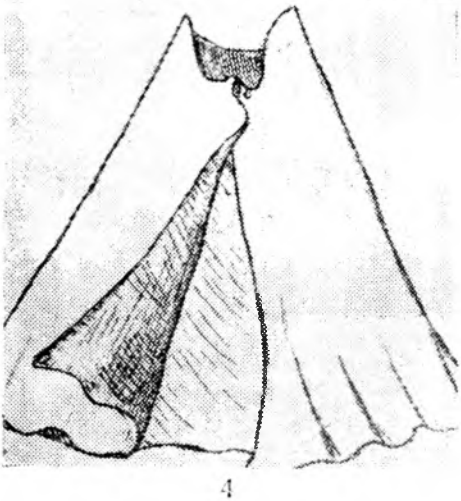
1

3

2

4

Рис. 5. Мужская зимняя одежда:
1 — шуба-накидка, **2** — шуба с обычными рукавами, **3** — полушубок с ложными рукавами, **4** — бурка простого покроя.

Даргинцы широко пользовались и бурками, которые они надевали на бешмет, черкеску или даже на шубу, отправляясь в ненастную погоду в путь, в поле и т. д. Нередко буркой пользовались и летом, защищаясь от жары.

Простые бурки «варгьи», необходимые в первую очередь чабану, как уже говорилось выше, изготовлялись непосредственно в хозяйстве даргинца; большие, нарядные бурки «гІяндан варгьи» («андийские бурки») для всадников приобретались у аварцев.

На голову даргинцы надевали овчинные шапки-папахи «кьапа», летом многие надевали войлочные шляпы «варьгьила кьапа». Зажиточные люди шили, кроме того, шапки из среднеазиатского каракуля — «сур кьапа».

Папаха одного из распространенных у даргинцев видов имела полусферическую форму, была похожа на перевернутый котел небольшого размера, а другого вида — напоминала усеченный конус. Те и другие выкраивались из сплошного куска овчины, мехом наружу.

Вероятно шапки второго вида имел в виду автор начала XIX века С. Броневский, когда писал о дагестанцах, что они «вместо полукруглой шапки черкеской... носят высокую шапку с плоской тульей и с черною бараньею опушкой» [41]. Согласно Броневскому высокие папахи в то время имели плоские тульи. Под влиянием моды форма этих папах периодически менялась. Менялись и размеры — высота околыша, форма тульи и т. д. С конца XIX века, например, стали делать шапки с невысоким (22—23 см), но несколько расширяющимся кверху околышем и суконным донышком. Шапки с суконным донышком делались главным образом из привозного средне-азиатского каракуля. Даргинцы Цудахарского участка и частично кубачинцы славились во всем Дагестане как лучшие мастера шапочники, они же являлись поставщиками среднеазиатского каракуля.

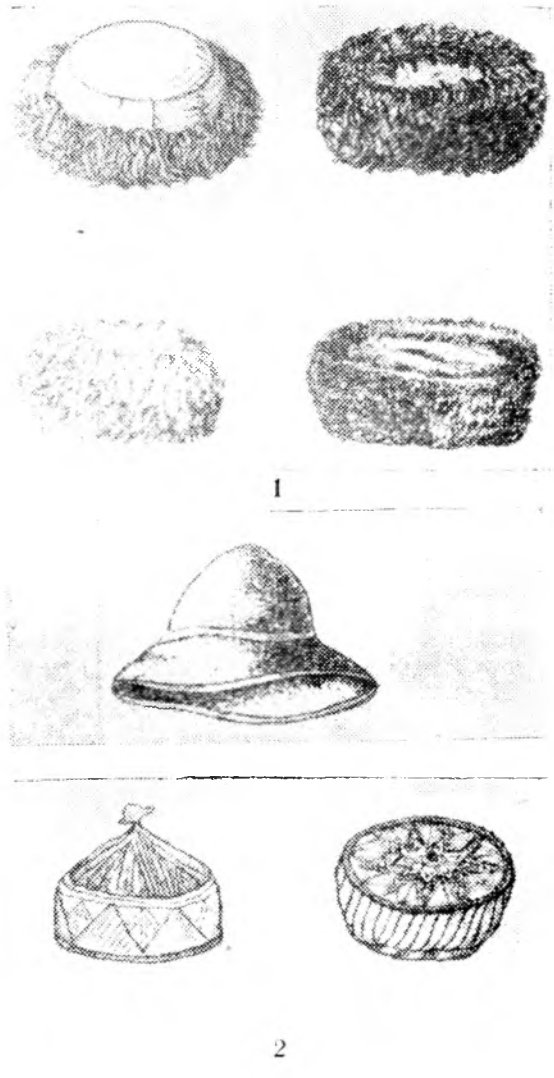

Рис. 6. Мужские и детские головные уборы: 1 — мужские головные уборы, 2 — детские головные уборы.

[41] С. Броневский. Новейшая география и история..., ч. II, М., 1823, стр. 446—447.

Даргинцы шили папаху точно так же, как и другие народы Дагестана[42], на теплой стеганой подкладке, суконное донышко пришивалось несколько глубже крайней линии околыша. Донышки нарядных папах часто делались из сукна яркого (красного, бордового, белого, голубого, синего) цвета и украшались золотым, серебряным позументом или самодельной тесьмой, пришитыми обычно перпендикулярными линиями.

При изготовлении папах мастера использовали специальные деревянные болванки, на которые изделия натягивались в несколько влажном виде и оставлялись на них до полного высыхания.

Летом, во время работы в поле, даргинцы пользовались войлочными шляпами «варгьила кьапIа» с широкими полями. Их делали из шерсти хорошего качества, обычно белого цвета, для защиты от солнца.

Существенную часть головного убора составлял «башлык», который шился как из местного, так и фабричного сукна. Нарядные башлыки делались из белого или красного материала и украшались галуном или тесьмой.

Башлык напоминает капюшон, его кроили в форме равнобедренного треугольника, от которого с двух сторон шли две небольшие полосы ткани (лопасти) для завязывания у шеи.

Башлык носили поверх шапки, когда отправлялись в путь в ненастную погоду. В остальное же время его закидывали через плечо на спину черкески и закрепляли с помощью тесьмы.

Обувь даргинца довольно разнообразна. Жители многих даргинских селений, особенно Цудахарского участка, являлись прекрасными мастерами кожевенно-обувного дела и были как бы законодателями мод в отношении обуви в нагорном Дагестане.

В домашних условиях даргинцы широко использовали шерстяные носки, которые умела вязать каждая даргинская женщина. Для прочности к носку иногда подшивали сафьян или сукно, холст. Поверх носков даргинцы надевали мягкие сафьяновые сапоги «масхIу».

Повседневные «масхIу» обычно шили из черного сафьяна, а нарядные — из красного, желтого. Голенища покрывали ажурной строчкой. Для изготовления «масхIу» мастер пришивал тонкие без подкладки чувяки к таким же тонким голенищам, затем делал шов вдоль всей стопы (посередине) и до самого верхнего конца голенища. Нитки для шитья сапог изготовлялись из конопли и для крепости промазывались воском.

С начала XX века (и примерно до 40-х годов) большое распространение получила другая разновидность этой обуви, известная у даргинцев под названием «къазан масхIу» («казанские маси»). Как показывает само название, обувь этого типа проникла в Дагестан извне, из Средней Азии или Татарии и получила повсеместное распространение из-за сходства с местной обувью.

«Къазан масхIу» отличались от описанного выше вида обуви тем, что их голенища не пришивались к чувякам. Обе эти части шились и носились отдельно, но прикреплялись друг к другу при помощи петель и пуговиц из того же сафьяна, пришитых с двух сторон.

Кроме того, чувяки фасона «къазан масхIу» имели подошву из другой, сравнительно более плотной, кожи. Эта обувь была удобна тем, что в ней в сухую погоду можно было выходить и на улицу. Местные же «масхIу» представляли собой как бы домашнюю обувь, на которую при выходе на улицу обязательно надевали еще верхнюю обувь — башмаки, галоши и редко — чарыки.

---

[42] См. С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 118—119; Народы Дагестана, М., 1955.

Галоши «калуш» шили как из кожи местного изготовления, так и из лучших привозных кожаных заготовок, верх их делался обычно из сафьяна, а подошва — из более прочной кожи крупного рогатого скота. К заднику галош подшивались плотные куски кожаной подкладки.

Башмаки «вашмакъи» (по-кумыкски башмакъ, от тюркского слова «басмакъ» — «наступать») шили, как и повсюду, без задников, на толстой кожаной (сыромятной или «къачалай»), а чаще на деревянной подошве. Верх их делали реже из сафьяна (состоятельные люди), чаще из сыромятной кожи. Они имели небольшой каблук, острые и сильно загнутые вверх носы. Башмаки не были рабочей обувью, их надевали во время отдыха, отправляясь в мечеть и т. д.

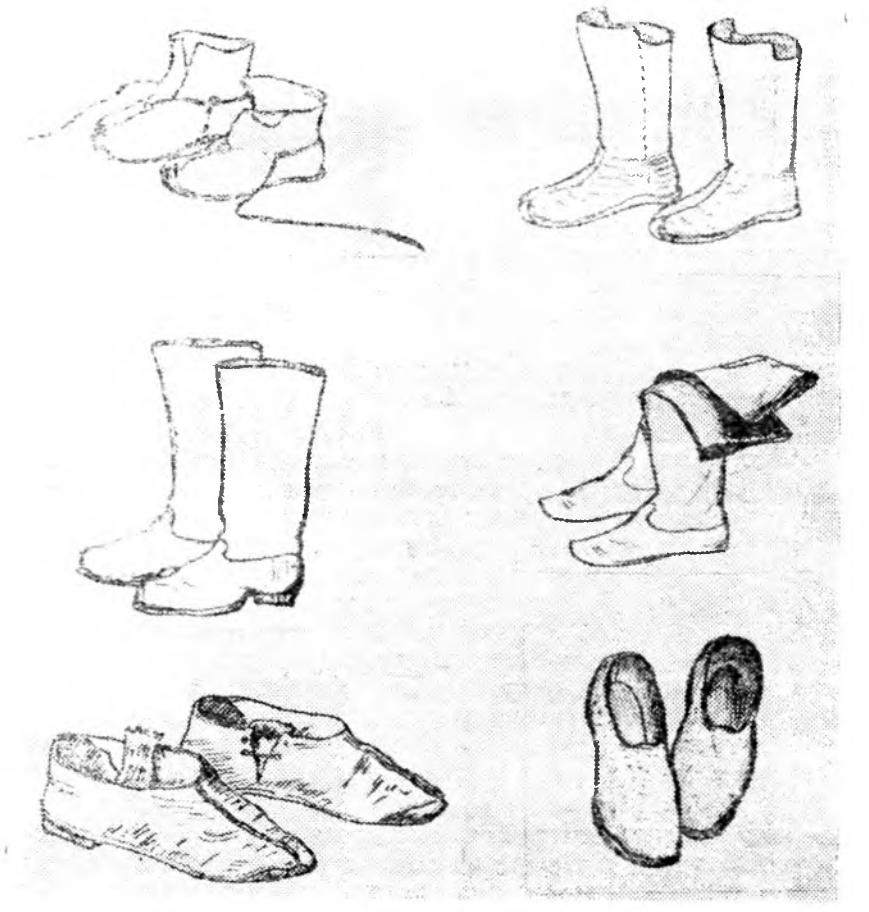

Рис. 7. Мужская обувь.

Трудно установить является ли эта обувь местной, или она проникла к даргинцам извне, в результате расширения культурных и экономических связей с другими народами. Однако само название говорит за то, что башмаки не являются исконной даргинской обувью.

С притоком фабрично-заводских изделий, особенно со второй половины XIX века, верхушка даргинского общества получила возможность шить сапоги, башмаки и т. д. из лучших сортов кожи. Зажиточные

люди пользовались и привозной обувью, особенно башмаками, которые доставлялись кубачинскими, цудахарскими и другими торговыми людьми из Закавказья, Средней Азии и других восточных районов.

Среди разных видов местной обуви наиболее распространенными были «дабри» — очень древняя кожаная обувь, известная в Дагестане по письменным источникам еще с XVII века. Характеризуя обувь такого вида, Олеарий писал: «Их башмаки из овечьей или лошадиной кожи вырезаны из одного куска со швом сверху и сбоку»[42а].

В XIX веке «дабри» шили из цельного куска сыромятной («кабцла дабри») или дубленой кожи («къачалайла дабри»), сложенного вдвое. В отличие от чувяк для «масхIу», такие «дабри» делались со швом сверху и сзади и завязывались тонким ремешком из той же кожи. «Дабри» шили просторными, т. к. их надевали поверх шерстяных носков или специальных обмоток; кроме того, в них клали сено или мягкую подсушенную траву. «Дабри» являлись очень удобной рабочей обувью. Состоятельные даргинцы для изготовления «дабри» покупали у горских евреев или тебекли-махинцев кожу, обработанную более совершенным способом «къачалай».

«Дабри» часто носили с обмотками, заменяющими голенища или ноговицы. Обмотки «талакъкъи» (по кумыкски «долагъ») делались как из войлока, сукна, так и из хлопчатобумажной пряжи. Их имел в виду Н. Дубровин, когда писал, что горцы Дагестана «носят во время лета на коленях суконные ноговицы, а зимою привязывают кусок войлока»[43]. Каждая из этих обмоток представляла собой полотнище 52—56 см длины и 28—32 см ширины с длинными шнурами на одном конце для перетягивания ноги сверху.

Лучшие хлопчатобумажные домотканные обмотки даргинцы приобретали в кумыкских селениях Каякент, Алходжакент, Маджалис, Башли.

Таковы основные виды даргинской мужской обуви. Эта обувь имела и локальные варианты. В высокогорной части даргинской территории, *где морозы крепче и зима длится дольше*, население широко пользовалось сапогами из войлока — «варгьи дабри». Они делались с острыми загнутыми вверх носами и длинными голенищами. Нарядные сапоги шили из белого войлока. Каждый сапог состоял из пяти самостоятельно вырезанных кусков: 1) кусок, который составлял всю заднюю половину сапога — от верхнего края голенища до подошвы; 2) передняя половина голенища до голеностопного сустава; 3) и 4) две равные половины, составляющие переднюю часть сапога от носка до голеностопного сустава, т. е. до нижнего края передней половины голенища; 5) подошва. Шили сапоги на подкладке, для тепла многие делали их из двойного войлока.

От носков до голенищ сапоги покрывались частой строчкой. Для прочности подошвы протирались воском, иногда к ним подшивали сыромятную кожу, которую можно было менять по мере изнашивания.

Как правило, «варгьила дабри» носили пожилые мужчины (не моложе 40 лет).

На пограничной с Табасараном и Теркеме[44] даргинской территории, главным образом в бывшем Уржамильском магале Кайтага, большое распространение получили кожаные «тIирихи» (дирихи).

[42а] А. Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. 1906, стр. 509.

[43] Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. 1, СПб, 1871, стр. 597.

[44] Теркеме или Теркеменский участок — северная часть современного Дербентского района.

«Тіирихи» даргинцев так же, как и их соседей, табасаранцев или дербентских азербайджанцев (теркеменцев) имели овальную форму и острый выступ, кроились они из цельного куска сыромятной кожи или «къачалай». «Тіирихи» стягивались у щиколотки при помощи крепкого кожаного или шерстяного шнура. Обычно их надевали поверх узорчатых или гладких шерстяных чулок, иногда и поверх обмоток.

Некоторые отличия в покрое, форме ношения, цвете материала мужской одежды даргинцев не определяли ни тип, ни характер одежды народа в целом. Они представляли собой несущественные локальные особенности, к тому же иногда заимствованные у соседних народов.

Изготовление обуви и головных уборов, а также шитье мужской одежды, за исключением нижнего белья, входило в обязанность самих мужчин. Только в отдельных даргинских селениях, расположенных по соседству с кумыками (Губден и др.), изготовление таких видов одежды, как бешмет, овчинные шубы, черкески и т. д., являлось женским делом. Сложные элементы костюма (нарядные шубы, черкески, бешмет, башмаки, сапоги, папахи из каракуля и т. д.) обычно шили за плату мастера-специалисты. Труд оплачивался зерном, шерстью, овчиной, а с развитием товарно-денежных отношений — и деньгами.

Рис. 7а. Даргинец в национальной одежде.

В даргинскую среду издавна проникли (главным образом через кубачинцев, цудахарцев) отдельные предметы готовой одежды и обуви из центральных городов России, Закавказья, Средней Азии и т. д. Распространение готовой одежды (сапоги, башмаки, галоши, нижнее белье, пальто, носки и т. д.) заметно усиливается со второй половины XIX века. Со второго десятилетия XX века мужчины-даргинцы начинают носить брюки «галифе», широко распространенные до последнего времени.

Готовая одежда приобреталась в первую очередь служащими «военно-народного управления», представителями местной интеллигенции, частично и отходниками.

Под влиянием городской одежды и общекавказской моды (полная черкеска) несколько менялась и мода даргинцев: форма папах, высота каблука и голенища сапог, длина черкески и т. д.; часть даргинцев начинает носить вместо бешмета «кавказскую рубаху».

Почти ту же самую одежду, что и мужчины, носили и мальчики. Им шили такого же покроя штаны, рубашки, шубы, овчинные папахи (с 1—2 лет), бешмет (с 7—8 лет). Черкеску подросткам, как правило, не делали. Исключение составляли лишь очень богатые семьи.

Для одежды детей использовались ткани более ярких расцветок. Детям младшего возраста в качестве верхней одежды шили стеганые телогрейки в виде теплого кителя или куртки «силегей» с длинными рукавами, с прямым разрезом спереди или без рукавов и воротника. Те и другие наглухо застегивались на пуговицы. Нарядные телогрейки или куртки шили из цветных шелковых тканей или из нескольких кусков разных расцветок.

По своему покрою, густоте и форме строчки значительно отличалась куртка или пальто кубачинского мальчика. Это была стеганка на ватной подкладке, цельнокроенная, сшитая в талию и расклешенная при помощи 8—10 клиньев. Застегивалась она не спереди, как обычно, а сбоку, но имела разрез спереди. Состоятельные кубачинки такие курточки шили из «дараи», гладкой шелковой ткани, из простых, но плот-

Рис. 8. Зимняя одежда для мальчиков.

ных тканей, в том числе и из сукна. В том и другом случае их густо простегивали [45].

На голову детей младшего возраста надевали шапочки — «кьапIа» из плотных шелковых тканей — бархата, парчи и т. д. Их форма несколько напоминала среднеазиатские тюбетейки или кумыкские детские шапочки. Даргинская детская шапочка делалась на подкладке, чаще на вате и, в отличие от кумыкской, с невысоким околышем и более широкой тулейкой. Сверху она фигурно застрачивалась. У губденского варианта этих шапок околыш значительно суживался книзу и покрывался особого вида строчкой, образующей сверху до низу несколько кривых вертикальных линий. Овчинную шубу детям шили обычно в та-

---

[45] Разновидности такой куртки или пальто см. Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура..., стр. 54.

лию, без накидки, с прямыми рукавами. Дети, как правило, носили войлочные сапоги (в младшем возрасте — нарядно украшенные) и обычные «дабри» из сыромятной кожи; на голову надевали те же овчинные шапки, лишь дети богатых родителей носили шапки из каракуля.

Оружие и украшения.

Даргинцы относятся к числу народов, о художественных промыслах которых, в частности о их металлообрабатывающем производстве, писали еще средневековые авторы.

Уже в VIII веке один из древнейших даргинских аулов Кубачи становится самым крупным центром металлообработки как в пределах даргинской территории, так и во всем Дагестане [46].

Арабский путешественник и географ X века Масуди, называя Кубачи именем «Зирихгеран», данным аулу еще до арабов (VII—VIII вв.) персами, писал, что «многие жители его мастера кольчуг, стремян, удил, мечей и других железных вещей» [47]. Жители Зирихгерана принимали участие в оживленной торговле с восточными странами через портовый город Дербент [48].

Родина древних кольчужников, «город златокузнецов» Урбуг очень рано становится широко известен на всем Кавказе, Ближнем Востоке и во многих других странах, сперва под персидским (VIII в.) именем «Зирихгеран» (кольчужники), а с XVI в. под тюркским именем «Кубачи» или «Губечи» (кольчугоделец, кольчужник).

Были у даргинцев и другие центры металлообрабатывающего производства — Харбук, Амузги и др.[49]

Таким образом оружие, предметы украшения и другие металлические изделия издавна изготовлялись даргинцами на месте.

К сожалению, на основе этнографического материала трудно судить о видах и комплексе оружия даргинцев, так же как, и других народов Дагестана, в более ранний период. Письменные же источники, равно как и некоторые музейные коллекции, позволяют охарактеризовать сравнительно полно вооружение горца, только начиная с XVI—XVII вв.

В этом отношении большую ценность представляет хранящаяся в фондах Государственной Оружейной палаты СССР шашка князя Мстиславского работы кубачинских мастеров XVI века. Характеризуя форму этой шашки и декоративные приемы ее орнаментации, искусствоведы Э. В. Кильчевская и А. С. Иванов называют ее «самым ранним из известных памятников кубачинского оружейного искусства» [50].

Авторы XVII в. Олеарий, Стрейс и другие сообщают, что вооружение «дагестанца» составляют лук, стрелы, метательное копье или дротик, щит, шлем, кольчуга или броня, сабля, «а у некоторых имеются ружья» [51].

Судя по сохранившимся в музее образцам, кольчуга даргинца «мегьла хIева», которую воин носил для защиты от ударов холодным оружием, представляла собой длинную металлическую рубашку из мелких, стальных колец, с короткими рукавами.

---

[46] См. Очерки истории Дагестана, т. I, 1957, стр. 44.

[47] См. Н. А. Караулов. Сведения арабских географов IX—X вв. о Кавказе, Армении и Адербейджане. СМОМПК, вып. 38, стр. 52.

[48] Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 44.

[49] Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура...

[50] Э. В. Кильчевская, А. С. Иванов. Художественные промыслы Дагестана, М., 1959, стр. 54.

[51] Олеарий. Указ. соч., стр. 494; Стрейс. Три путешествия, 1935, стр. 218.

Шлем «мегьла кьапIа» состоял из металлической головки для прикрытия макушки головы воина, сетки из металлических колец, закрывающей его затылок и шею, и шишака [52].

Широко использовались налокотники «катмэ». Налокотник охватывал руку сбоку от локтя и до кисти. Он представлял собой желобовидную металлическую пластину, которая застегивалась на руке с помощью двух коротких металлических пластинок, соединенных между собой рядом металлических же колец и ремешка.

Щит «къалкъан» делали круглой формы. С обратной стороны он имел специальное приспособление для вдевания руки.

Даргинцы, так же, как и другие дагестанцы, пользовались метательным копьем «гъуц», мечом «тур», луком «дирга», стрелами «урги» и кинжалом «къинжал».

Сведений о времени появления и распространения огнестрельного оружия у нас пока нет, хотя письменные источники XVII века уже свидетельствуют о его применении в этот период [53].

Очевидно в том же XVII веке идет вытеснение описанного выше старинного воинского снаряжения новым, ибо источники с самого начала XVIII века ясно указывают на преобладание огнестрельного оружия.

Участник посольства 1715—1718 гг. в Персию Лопухин, говоря о кубачинцах, отмечал: «Ремесло у них такое — делают многа хорошева ружья мелкаго, также сказывают, и пушки льют» [54].

Другой автор того же периода, участник Петровского похода, Гербер писал: «Дагистанцы... поспешны на конях, все оруженны оружием огненным, добрыми саблями и многие в панцерях; луков и стрел мало употребляют» [55].

Огнестрельное оружие даргинцев состояло из кремневых ружей «тупанг» и пистолетов «тупанча». Из холодного оружия в этот период, как и прежде, имеют распространение кинжалы и шашки «шушка». Те и другие изготовлялись в селениях Харбук, Кубачи, частично в Амузги.

В Дагестан, в частности в даргинские районы, издавна проникают и ружья других систем, в частности, турецкие, русские, английские и т. д.

Из всех вышеперечисленных видов оружия в XVIII—XIX и начале XX века наиболее широкое применение имел кинжал, который носило все мужское население, достигшее совершеннолетнего возраста.

Парадное оружие (пистолеты, ножны и рукоятки шашек, кинжалов, головки газырей и т. д.) даргинские мастера делали в серебряной оправе, с позолотой, с накладными резными пластинками из слоновой кости. Оружие украшали насечкой по кости, металлу и рогу с глубокой гравировкой и чернью по серебру [56].

Таким же образом украшались ременные пояса мужчин, на которые нанизывались небольшие серебряные или металлические звенья или подвески — бляхи.

Чем богаче был даргинец, тем роскошнее было его оружие. Самое нарядное оружие изготовлялось по заказу феодальной знати.

---

[52] Стрейс. Указ. соч., стр. 218.

[53] Олеарий. Указ. соч., стр. 502; Стрейс. Указ. соч., стр. 218.

[54] А. И. Лопухин. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. «История, география и этнография Дагестана», стр. 30.

[55] И.-Г. Гербер. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. «История, география и этнография Дагестана», стр. 71.

[56] Об оружейном и ювелирном деле у даргинцев, о технике изготовления предметов оружия и украшения см. Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура; Н. Б. Бакланов. Златокузнецы Дагестана. М., 1926.

Состоятельные люди украшали серебром также седло, уздечку и пр. Недаром еще Броневский отмечал, что дагестанцы (очевидно он имел в виду состоятельную часть населения) «все избытки свои истощают... на конские уборы, в коих состоит главнейшая их роскошь. Повсюду блестит серебро и золото, целыми бляхами; не щадят их в наборах на ремнях и насечках на стали» [57].

Менее состоятельные люди пользовались оружием без серебряной оправы и позолоты.

Следует обратить внимание на тот факт, что вышеупомянутую одежду, оружие и украшения, правда в общих чертах, описывали и дореволюционные исследователи Д. Анучин, Н. Дубровин, П. Петухов, П. Свидерский и др.

«Обыкновенный костюм дагестанского горца, — писал Н. Дубровин в 1871 году, — составляют: нанковая или темно-синей чадры (синяя материя вроде бязи), короткая рубаха...; такие же суконные шаровары, весьма узкие внизу, нанковый бешмет и черкеска из серого, белого или темного домашнего сукна, с патронами на груди. Бешмет застегивается крючками, а черкеска, обрисовывающая стройную талию мужчины, туго перетягивается кожаным поясом с металлическими украшениями, а у людей богатых и зажиточных с серебряным убором. Спереди на поясе висит кинжал: у богатого оправленный в серебро, а у бедного без всякой оправы. Кинжал не снимается никогда, даже и дома. Туземец, скинув черкеску, опоясывает себя поясом с кинжалом поверх бешмета. На голове горец носит длинную, остроконечную шапку... но преимущественно употребляет папах, сшитый довольно грубо из длинных и косматых овчин. Овчинный, закругленный сверху, с отвороченными внизу краями, образующими особый околыш и составляет папах, верх которого покрывают сукном очень немногие» [58].

Применительно к Кайтагу П. Петухов в тот же период (1867 г.) писал, что «обыкновенная одежда жителей состоит из грубого холщевого белья домашнего приготовления, цветного бешмета (...пунцового...), чохи, своего сукна... шерстяных онучей, ловко облегающих ногу и икры, поршней кожаных с шерстяными шнурками или коротких сапогов и грубого встрепанного бараньего папаха натурального цвета. При этом всегда кинжал, ...еще неразлучный днем и ночью кубачинский пистолет» [59].

Распространенный в конце XIX и начале XX века цвет одежды и некоторые ее детали зафиксировал П. Ф. Свидерский. Описывая костюм служащего (нукера) Кайтаго-Табасаранского окружного управления по имени Мустафа, он отмечает, что на нем «синяя черкеска и белая папаха, дно которой красного сукна обшито позументами. На плечах красивый красный башлык. На чеканном серебряном поясе большой шикарный кинжал. Сзади за поясом — длинный пистолет, правда кремневый, но со сплошь обложенною черненым серебром ручкою; на боку висит подобной же отделки кривая шашка» [60] и т. д.

С проникновением в Дагестан изделий городского быта костюм горца стала украшать небольшая цепочка от карманных часов. Мужчины носили, кроме того, кольца с печатками и перстни.

Значительно больше, чем мужской, украшался костюм мальчиков. Среди украшений для головных уборов мальчиков большое распространение имела серебряная круглая бляха с подвесками на цепочках. Ее нашивали на донышко детского головного убора в форме тюбетейки. В центре возвышается филигранная шишечка — литая фигурка птички.

---

57 С. Броневский. Указ. соч., стр. 447.
58 Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 546.
59 П. Петухов. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа. «Кавказ», 1867, № 13.
60 П. Ф. Свидерский. В горах Дагестана. Петровск, 1903, стр. 84—85.

На детскую одежду нашивались монеты, всевозможные литые фигурки, подвески в форме руки, бляхи, сердоликовые бусы разной величины, ракушки, фрагменты серебряных украшений к женской одежде. Нашивались они главным образом на плечи и на спину, а у девочек и на грудь. Многие из них имели значение амулета. Часто монеты нашивались на прямоугольные или треугольные обшитые плотной тканью талисманы.

Мужские прически.

В исследуемое время все мужчины, начиная с детского возраста и до глубокой старости, брили голову.

С наступлением совершеннолетия оставляли усы. Бороду отпускали только старики. Усы были красотой и гордостью горца и им он уделял много внимания: расчесывал, подстригал, подкручивал и т. д. Существовала даже суповая ложка особой формы, которая позволяла не пачкать усы во время еды. Даргинец не красил хной ни бороду, ни усы. Не брился он только в период траура.

* *
*

Сравнивая одежду даргинцев XIX — начала XX в. с одеждой других горцев Дагестана, нельзя не отметить ее единство и однородность. Нательное белье даргинца по своему покрою почти ничем не отличается от нательной одежды аварца, лакца, кумыка, лезгина и т. д.

Даргинский бешмет «къаптан», «минтана», кумыкский «къаптал», лакский «ава», аварский «гутгат», лезгинский «валчаг» имеют лишь некоторые локальные особенности.

Это в еще большей мере относится к черкеске (дарг. «сукъбан», аварск. «чукъа», лакск. «чукъа», лезг. «чукъа», кумыкск. «чепкен»), имеющей почти повсеместно единую форму, к головным уборам, обуви и т. д. Всюду получили распространение и аварские бурки, всюду можно встретить местные войлочные плащи для пешехода и т. д.

Нехарактерны для отдельных народов Дагестана, в частности кумыков и вообще жителей плоскостных районов отдельные виды шуб: накидки с большой пелериной или шубы с длинными узкими рукавами для украшения. У жителей равнины нет также войлочных сапог и некоторых других видов костюма. Эти отличительные особенности представляют собой явление не только этнического порядка. Наличие их объясняется природно-климатическими условиями, состоянием экономики того или другого народа и т. д.

Много общего у национального мужского костюма даргинца и с костюмом других народов Северного Кавказа и Закавказья. Черкеска, бурка, башлык, бешмет кабардинца, чеченца, черкеса, адыгейца, осетина, грузина, кумыка, даргинца, аварца, лакца, лезгина были очень сходны между собой, отличаясь нередко только деталями.

3. ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Женская одежда

Даргинская женская одежда отличалась большим разнообразием, чем костюм мужчины-даргинца.

Женский костюм каждого из таких этнографических районов Даргинии, как Кайтаг, Цудахар, Сюрга, Кубачи, Ашты и др. имел целый ряд отличительных черт, характерных только для данного района. Не-

редко даже костюмы женщин близлежащих селений чем-нибудь отличались друг от друга.

На женском костюме, пожалуй, больше сказались и социальные различия, классовое неравенство даргинского общества.

Следует особо отметить, что для изготовления женской одежды в изучаемое время (XIX в.) больше употреблялись привозные ткани. Белье, нарядные платья, чутку и платки даргинки старались шить из фабричных материалов: бязи, нанки, ситца, а состоятельные женщины — из дорогих шелковых тканей, парчи и др.

а) Нательная и верхняя одежда

Нательную одежду даргинки составляли штаны двух видов «шалбар», «вахчак» — широкие и узкие и туникообразная рубаха.

Узкие штаны (иногда они назывались «чIартIа шалбар») шили почти так же, как и мужские — широкими вверху и суживающимися книзу с ромбовидным клином между двумя штанинами. Вверху штаны стягивались шерстяным шнуром, который продергивался в подвернутый внутрь и подшитый край. Для прочности низ штанов часто подбивался подкладкой шириной 15—20 см. На изготовление штанов шло примерно 2—2,5 м ткани; шили их главным образом из ткани темных тонов.

Несколько сложнее был покрой широких штанов. Верхняя меньшая половина их (длина от пояса до второй половины — 22—27 см) кроилась точно так же как верх описанных выше узких штанов, такой же почти ширины с ромбовидным клином. Эту часть делали, как правило, из простой дешевой материи, нередко бумажной домотканной. К этой части пришивались складками или в сборку две широкие, как юбки, штанины, каждая из которых состояла из 2—5 полотнищ ткани (в зависимости от состояния семьи). Самый низ штанов, который выглядывал при ношении из-под платья-рубахи на 15—25 см, покрывался черной атласной или бархатной отделкой. Если штаны шились из гладких шелковых тканей «дарай», то отделку делали узкой (6—7 см), но из ярких дорогих тканей — парчи или особого бархата «гюлмахмар», затканного золотом или серебром. В отличие от простых, штаны с бархатной отделкой в ряде мест назывались «бялчIунна шалбар» («штаны с бархатом»).

Вверху штаны стягивались шелковым или шерстяным шнуром. Некоторые женщины шили штаны с узким поясом и застегивали на одну пуговицу сбоку. На широкие штаны всего шло от 5 до 8 метров ткани (в зависимости от состояния семьи) — 1,5—2 метра на верхнюю часть и 4—6 метров на штанины. Нарядные штаны нередко делались на подкладке.

В более ранний период, как об этом говорят женщины старшего поколения, бытовал первый вид (т. е. узкие штаны), который в конце XIX—начале XX вв. стал постепенно вытеснять второй. Широкие штаны более устойчивыми оказались в высокогорной Дагестании (Сюргинский, Акушинский, Уржамильский и другие участки), где пожилые женщины продолжают их носить и до сих пор. Основным элементом нательной одежды, в большинстве случаев являющимися одновременно и верхним платьем женщины, являлась широкая, длинная рубаха — «хIява» (на литературном языке), «ава», «гурди» (на некоторых диалектах) туникообразного покроя.

На такую рубаху или вернее платье-рубаху шло 4—7 метров ткани, в большинстве районов, черного цвета, а в Кайтаге—ярких тонов (красного, зеленого, желтого и т. д.).

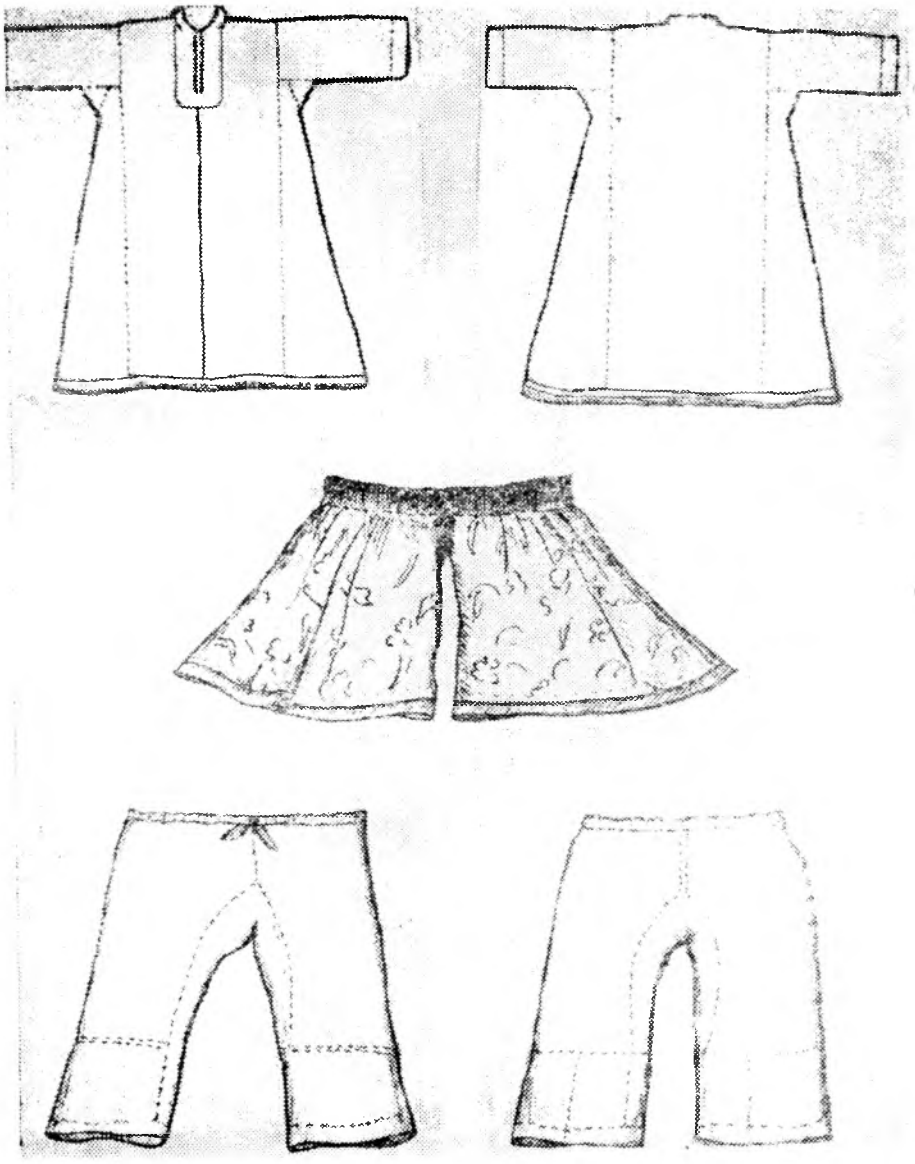

Рис. 9. Нательная женская одежда.

Шили рубаху длиной почти до пят (но так, чтобы из-под нее выглядывала бархатная отделка штанов), с двумя расширяющимися книзу полотнищами—клиньями по бокам, с большими квадратными ластовицами под рукавами (иногда и без всяких ластовиц). Рубаха, как правило, имела широкие спущенные плечи, прямые широкие и длинные рукава, по середине грудной вырез, иногда узкий воротник. Для прочности верхнюю часть рубахи многие женщины делали на подкладке.

Молодые женщины грудь и низ рубахи украшали кусками разноцветных тканей — в виде орнаментально сочетающихся треугольников; из другой, яркой ткани, делались и ластовицы. Женщины же старшего возраста подобного рода отделками не пользовались; они обшивали рукава и подол тонкой тесьмой, иногда прострачивали эти части рубашки разноцветными нитками. У шеи рубаха застегивалась на одну пуговицу.

В отдельных местах (в Цудахарском участке) под эту рубаху в XIX веке надевали еще и собственно нижнюю рубашку «гудти хIева» («нижняя рубаха»). Как об этом свидетельствуют представители старшего поколения современного населения, нижняя рубаха «удикалгьан хIява», «гудти» появилась у большинства даргинок только после революции, что безусловно связано с улучшением экономического положения народа. Такую рубашку шили почти так же, как мужскую рубашку, с небольшим воротником, с манжетами на рукавах, но чуть длиннее мужской. Надеваемая на нее большая рубаха называлась здесь «чедти хIява» («верхняя рубашка»).

То, что цудахарки, в отличие от других даргинок пользовались специальной нательной рубашкой и в XIX веке, возможно объясняется большим культурным влиянием на них других народов, поскольку цудахарцы-кустари издавна были связаны с торговыми центрами как Дагестана, так и центральной России, Средней Азии, Закавказья.

Описанная выше даргинская «хIева» была характерна для всей Даргинии. Имевшиеся в отдельных этнографических районах незначительные ее местные отличия касались, главным образом, цвета ткани, формы воротника и других деталей. Именно эту «хIеву» имели в виду дореволюционные авторы, отмечая, что даргинка (акушинка, мекегинка или цудахарка) одевала «широкую рубаху с длинными, широкими рукавами».[61]

Однако в Кайтаге такую рубаху делали несколько уже, видимо подражая костюму кумычки.

В некоторых селениях Аштинского участка (Дахадаевский район) и Гапшиминского участка (Акушинский район) поверх этих рубах-платьев женщины носили (особенно во время работы) широкие матерчатые пояса —«иржи» или «ижи». Их делали из белого плотного материала. Особенно большие «ижи» носили аштинки. Длина их поясов доходила до 3 м 20 см, а ширина до 80 см. В торжественных случаях поверх хIевы надевали серебряные пояса или пояса из широкого позумента с серебряными пряжками.

Характеризуя в целом нательную одежду даргинки, следует подчеркнуть, что она во многом сходна с нагельной одеждой женщин других народностей Дагестана. В частности, такая же рубаха имела широкое распространение в качестве основного верхнего платья во всем нагорном Дагестане (у аварцев, лакцев и др.). По своему покрою она имела много общего и с нательной рубахой кумычек и лезгинок, которые только шили ее короче, уже из светлых тканей. Общедагестанскими являлись и оба вида описанных выше штанов, только у некоторых народов (кумыков, лезгин) они делались из тканей других расцветок, в том числе и ярких, но гладких.

В ряде мест предгорной и частично горной полосы Даргинии: в Каба-дарго (современный Сергокалинский район), в Кайтаге (верхнем и нижнем), граничащих с территорией, населенной кумыками и табасаранцами, а также в обществах, где издавна развивалось отходничество, имело распространение и несколько других видов собственно верхнего платья. Во многих селениях Кайтага, например, женщины носили платье, известное в этнографической литературе под названием «архалука», которое имело местное наименование —«валжагъ», «лабада», «гурди». Шили его в талию с прямым разрезом сверху до низу, с узким лифом и с пришитой к нему юбкой в мелкую или глубокую складку, широкую и длинную (до пят).

---

[61] Владимир Вильер де Лиль-Адам. Две недели в Даргинском округе. ССКГ, вып. 8, 1875, стр. 13. Ср. Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура, стр. 47.

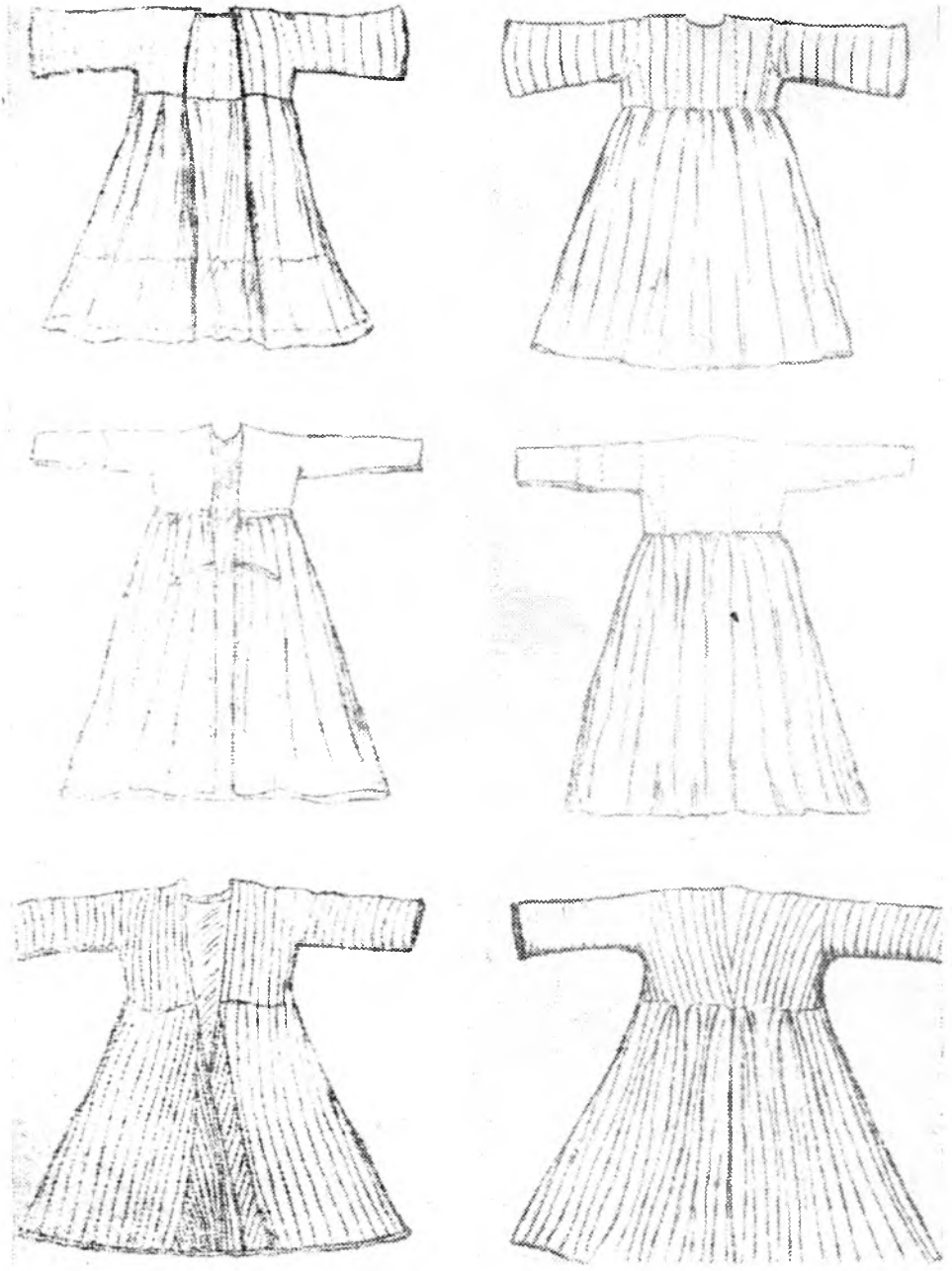

Рис. 10. Верхние женские платья.

«Валжаг» имел откидные рукава (длина до кисти руки) с разрезом ниже локтя. В селениях Мюрего и Губден рукава делались без всякого разреза, длиной в три четверти, сильно расширенными книзу. Пожилые женщины шили «валжагъ» из темных гладких тканей, а лиф и рукава делали на вате; молодые же даргинки предпочитали шить «валжагъ» из ярких тканей и без ватной подстежки.

Данный вид даргинского платья очень похож на табасаранский, лезгинский «валжагъ» и кумыкский «арсар», «бузма». «Валжагъ» даргинки отличается, например, от кумыкского «арсара» только формой ношения; он, как правило, не застегивается спереди, имеет далеко отстающие друг от друга полы, кумыкский же «арсар» всегда застегивается на пряжки и рубаха из-под него выглядывает только слегка.

Почти во всех селениях Кайтага, в Харбуке, Хуршни и т. д. женщины носили, кроме того, платья типа кумыкского «полуша» и «бузма «гёйлек». То и другое было известно здесь под названием «балхун хIева» (буквально «рубашка со складками»).

«Балхун хIеву» (типа «полуша») даргинки шили так же, как и кумычки, приталенными, с открытым грудным вырезом, с широкой закрытой спереди юбкой в складку, с рукавами на манжете. Иногда даргинки делали платья несколько короче, чем кумычки. «Балхун хIева» (типа «бузма гёйлек») имела несколько местных особенностей. Рукава ее часто делались с большими манжетами, неглубокий грудной вырез украшался яркой отделкой из узких шелковых лент, пришитых с двух сторон в виде галунов.

На «валжагъ» и «балхун хIева» шло 6—8 метров ткани. Пожилые женщины «валжагъ» нередко делали также на подкладке. В таком случае на платье шло 12—14 метров ткани.

В ряде даргинских селений, особенно в Кайтаге, Цудахаре, Кабадарго богатые женщины иногда носили платье и типа «къабалай», являющееся одним из основных элементов национального женского костюма многих народов Северного Кавказа: кабардинок, балкарок, осетинок, адыгеек, черкешенок, кумычек и т. д. Это платье даргинки, так же, как каякентские, кумычки, называли «асетин полуша».

Детальное знакомство с названными выше тремя видами платья, а также с ареалом их распространения, дает полное основание полагать, что эти платья проникли к даргинцам сравнительно недавно в результате их культурного общения с жителями плоскости, прежде всего с кумыками.

С этим выводом согласны и сами даргинки — представительницы старшего поколения В ряде случаев они даже указывают на селения, откуда эти виды одежды проникли к ним (Башлы, Маджалис, Теркеме и т. д.). Платье типа «къабалай», по их мнению, стало распространяться только с середины XIX века.

Поверх «хIева даргинка зимой носила овчинную шубу мехом внутрь —«хIяка».

Так же, как и даргинская мужская шуба, шуба женщины имела несколько разновидностей. Самой распространенной была широкая шуба с длинными ложными рукавами и откидным меховым воротником. Рукава такой шубы были значительно ниже колен и нередко до пят. Полы шубы были оторочены мехом. Такая же оторочка украшала и глухие концы рукавов. Воротник и оторочка делались обычно из меха лучшего качества — смушки или мерлушки. Шуба чаще всего имела прямой покрой или слегка расширялась книзу в виде колокола. Иногда она выкраивалась с фалдами сзади, но разреза у пояса не имела. И в этом случае шуба оставалась широкой, не облегая фигуру.

Шуба с ложными рукавами имеет в ряде мест свои локальные особенности. Например, в Мекеги, Урахи рукава ее располагаются не по

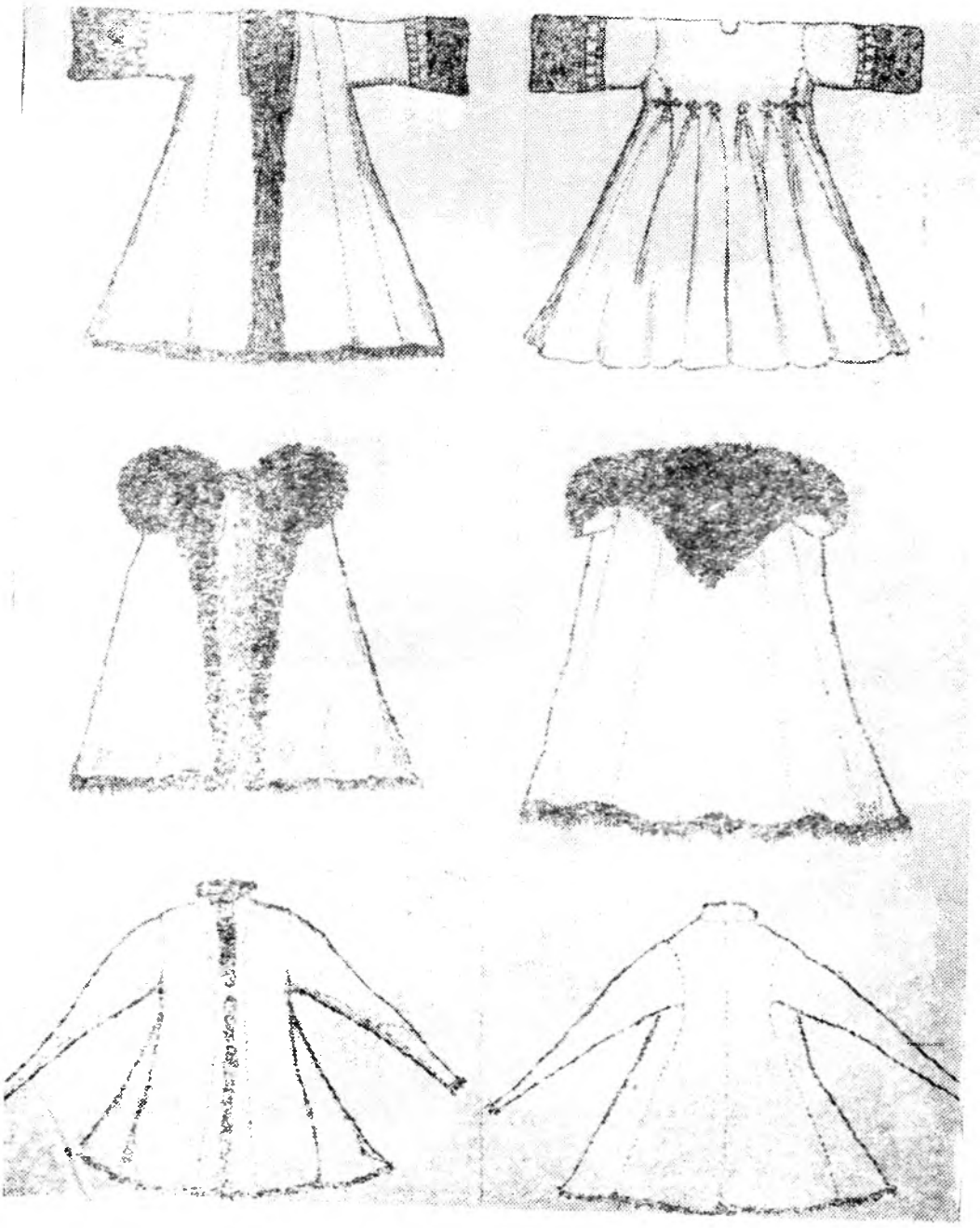

Рис. 11. Виды женских шуб.

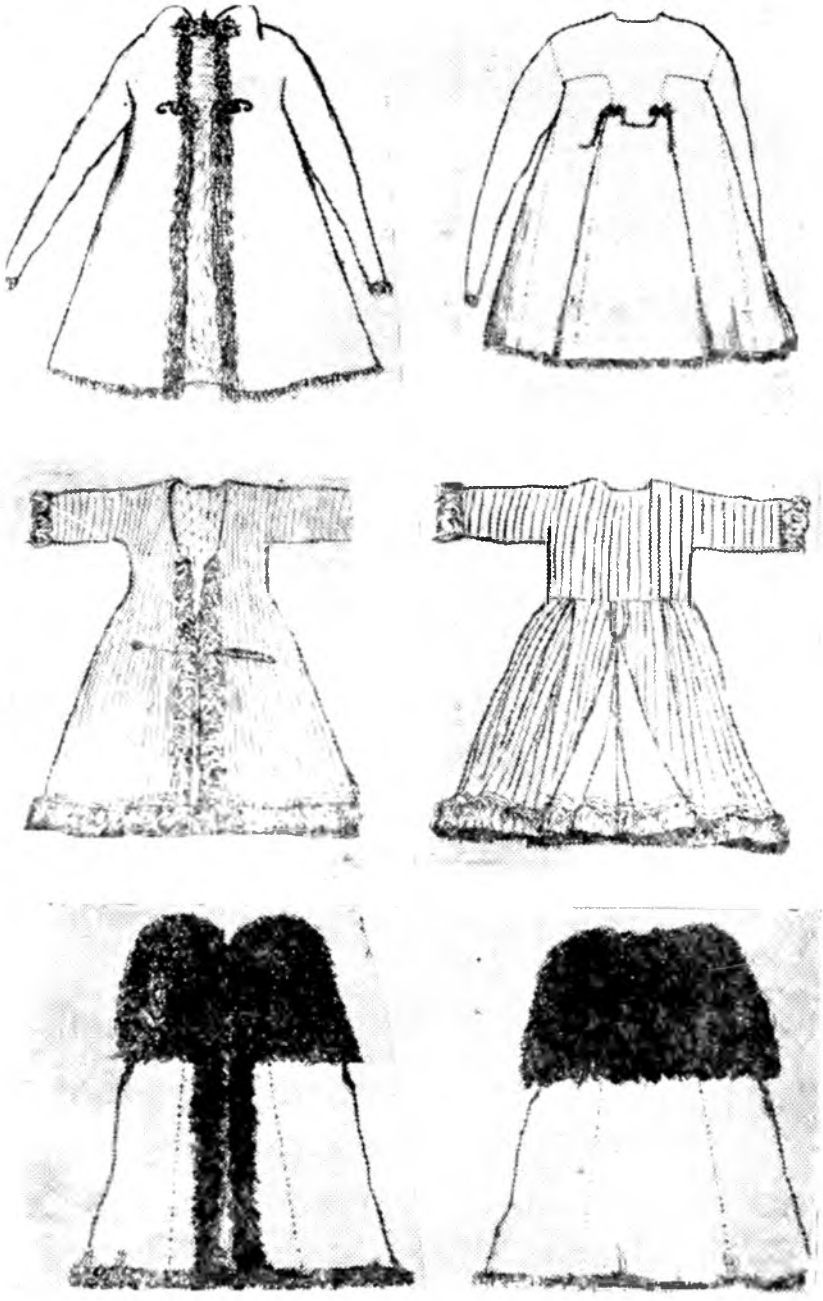

Рис. 11а. Виды женских шуб.

бокам, как обычно, а пришиваются почти сзади и свисают по спине. В Кайтаге, в ряде селений Дахадаевского района верхнюю часть шубы часто покрывали тканью — простой или дорогой (бархатом или парчой). Отдельными нашивками из той же ткани украшались полы и обшивались рукава выше меховой оторочки.

Разновидностью описанной выше шубы была шуба-накидка без рукавов. В отличие от первой эта шуба не имела рукавов и к ней пришивался большой воротник, напоминающий пелерину. В ряде случаев воротник шубы спускался ниже пояса. Полы шубы огорачивались мехом. Так же, как у шубы с ложными рукавами, ее пелерина и оторочка пол делались из меха лучшего качества.

Третьей разновидностью шубы являлась шуба в талию с фалдами, короткими рукавами (немного ниже локтя) и грудным глубоким вырезом. Ареал ее распространения гораздо уже, в основном это предгорье (Губден, Мюрего, Урахи) и частично горы (Кубачи). Она не имела мехового воротника, но рукава обязательно оторачивались широкой меховой полосой-манжетом. Воротник, полы на груди до пояса и рукава выше меховой оторочки нарядных шуб обшивались золотым позументом или просто цветной шелковой лентой, расшитой золотом. Для нарядных шуб, кроме того, подбирались однотонные шкурки белых молодых барашков.

Такого же покроя шубы делались и из ценных мехов (хорьковые, реже горностаевые). Эти шубы всегда были крыты дорогим бархатом, а рукава, полы и подол имели широкую оторочку из того же меха. Вдоль оторочки шуба украшалась широким золотым или серебряным позументом.

Особую разновидность шубы с рукавами представляла собой кубачинская женская шуба «улгам». Она делалась на вате и простегивалась насквозь параллельными рядами вертикальных строчек. На верх шубы шла дорогая шелковая ткань (род тафты или парчи). Шуба делалась приталенной сзади, цельнокроенной спереди. В полы с обеих сторон и у талии сзади вшивались клинья. Рукава «улгам» делались короткими, едва доходящими до локтя. Шуба обязательно оторачивалась мехом, чаще выдрой. Богатые кубачинки шили шубы целиком на выдровом меху.

Ни один из описанных видов женских шуб не запахивался, не имел застежек у пояса. Шубы с ложными рукавами и шубы-накидки застегивались у ворота особой серебряной застежкой. Кубачинская шуба имела застежки у колен в виде длинной тесьмы, надеваемой на пуговицу. С помощью этой застежки слегка придерживались полы шубы во время ветра. Некоторые шубы, в частности губденские, мюрегинские, не застегивались вообще и носились распахнутыми спереди, не скрывая нарядного платья и украшения на нем. Такой способ ношения шуб в предгорье вероятно был обусловлен сравнительной мягкостью климата.

б) Головные уборы

Один из основных элементов головного убора даргинки составляла «чутхъа», «чукI», «чухта», широко распространенная среди всех народностей Дагестана.

Основное назначение этого головного убора — прикрыть волосы. Чутхъа даргинки вместе с тем имела ряд особенностей, которые отличали ее от аналогичного головного убора женщин других народностей Дагестана.

Этот убор, кроме того, имел многочисленные локальные варианты, свойственные различным этнографическим районам, группам селений и даже отдельно взятым населенным пунктам Даргинии.

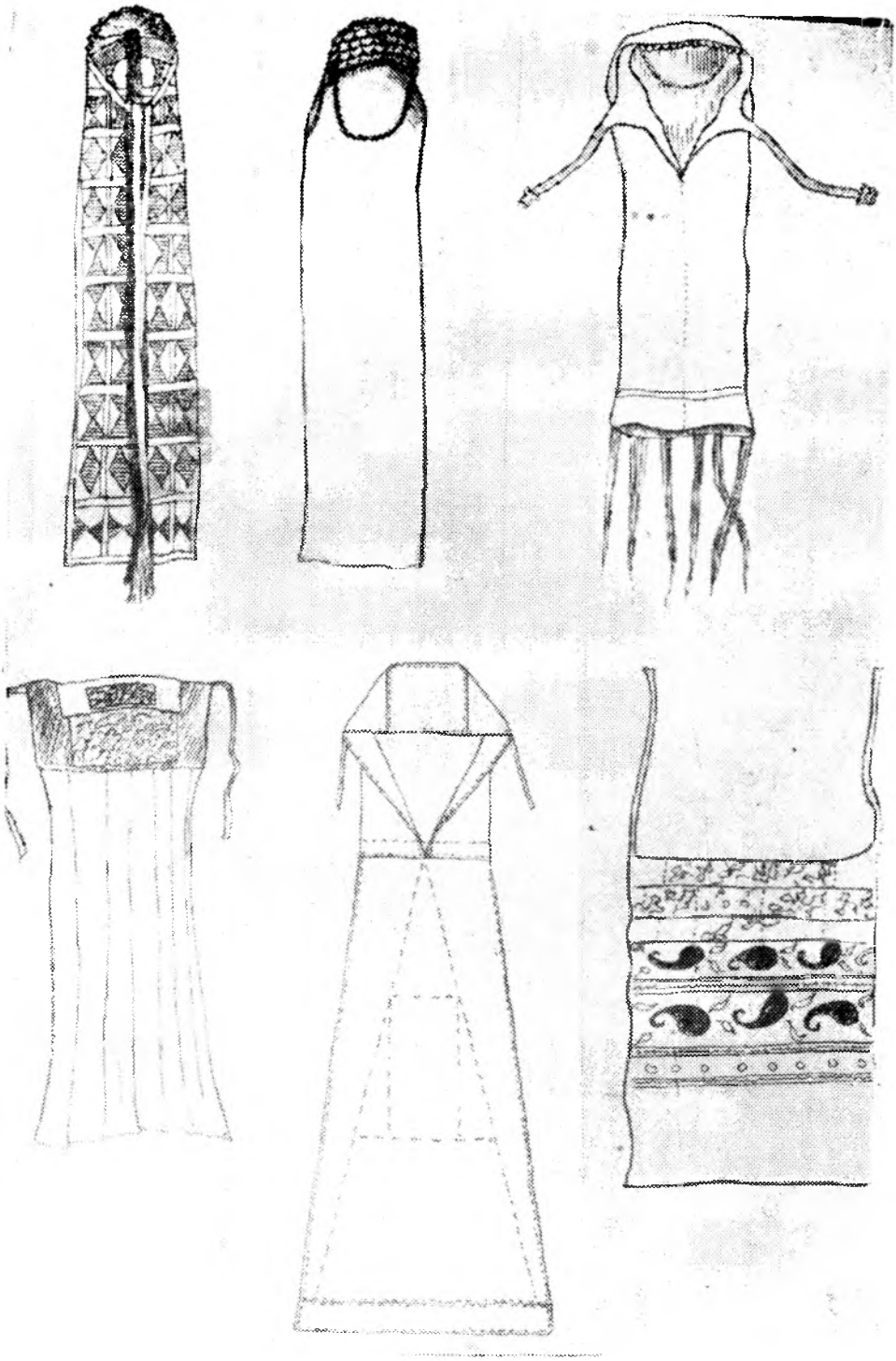

Рис. 12. Женские головные уборы.

Мы попытаемся охарактеризовать лишь основные разновидности даргинских женских головных уборов, отмечая как их общие для всех признаки, так и ярковыраженные локальные особенности.

Чутхъа или чукI даргинки прежде всего представляет собой повязку, прикрывающую голову, плотно охватывающую верхнюю часть лба, и спускающуюся на спину в виде открытого снизу длинного мешка или (в ряде районов) просто полотнища на подкладке, которым прикрываются косы женщины.[62]

Чутхъу обычно шили из черной ткани, нередко налобную и теменную часть украшали серебром, кусками разноцветной шелковой ткани, парчи. К обоим концам верхней (налобной) части убора, как правило, пришивались нешироκие ленты, которыми женщина обвивала голову, надевая чуткъу, и концы которых завязывала на затылке. В среднем на чуткъу расходовалось от 1 до 2 метров ткани (без подкладки).

По своему покрою и способу ношения даргинские чуткъа, чукI можно разделить на два типа.

Первый тип — полотнищеобразная, незашитая вдоль чуткъа на подкладке, состоящая из двух и даже трех частей. Ею только сверху прикрывались распущенные по спине, заплетенные в косы волосы. Образцом этого типа убора может служить чуткъа женщин Муэринского (Харбук, Хуршни и др.) и Ашти-Кункинского участков Дахадаевского района.

Чуткъа харбукской женщины состоит из трех составных частей.

Первая, налобно-теменная часть, собственно головная повязка (длина 16 и ширина 25 см) представляет собой вид чепца, сшитого из черного сатина или другой плотной ткани черного цвета на белой подкладке. К налобному краю этого чепца пришивается узкая серебряная цепочка, проходящая под подбородком. Цепочку иногда заменяет простая черная тесьма. На всю эту часть нарядного убора нашивали монеты (см, раздел об украшениях), поэтому в ряде мест, в частности в селениях Сюргинского участка (Неци, Нахки, Кассагу, Цугни, Ургани) ее делали нередко из кожи (сафьяна). Это очевидно и имели в виду авторы статьи о санитарном быте даргинцев Ю. В. Вадковская и А. Д. Астафьев, когда писали, что женщины «Сюргинского участка носят своеобразные головные уборы из кожи».[63] Первая часть головного убора оканчивается несколько выше затылка сборками.

Вторая нарядная часть убора состояла из разноцветных ярких прямоугольных кусков по возможности дорогой ткани (атлас, парча, бархат, тафта и т. д.). Подкладка обычно делалась из белой бязи или ситца. Длина ее примерно 50, а ширина 37—38 см.

От этой части убора почти до пят шла третья, нижняя часть чуткъи — полотнище (длиной 60—61, шириной 37—38 см), которое прикреплялось ко второй части убора с помощью петель и пуговиц, сделанных из тесьмы. Третья часть убора шилась из гладкого бархата, сатина и т. д., преимущественно ярких цветов.

Внизу чуткъа оканчивалась каймой — широкой яркой лентой с пришитой к ней золотой или серебряной бахромой.

Описанная чуткъа ярких расцветок являлась принадлежностью наряда молодых женщин и девушек. Пожилые женщины делали чуткъу такого же фасона (с монетами), но более скромных, преимущественно темных расцветок и, как правило, носили ее без третьей части.

---

[62] У даргинок так же, как и у всех женщин Дагестана, не было обычая подбирать косы в прическу, и волосы свободно спускались по спине.

[63] Сб. «Социально-гигиеническое исследование народностей Дагестана», вып. I, М.-Л., 1930, стр. 194

Другой разновидностью этого типа убора является чуткъа женщин Ашты-Кункинского участка. В отличие от харбукской чуткъи, чукI аштинки или кункинки состояла из двух частей.

Первая верхняя часть делалась из черного материала на белой подкладке и покрывала голову и часть спины. К этой части спереди пришивались украшения из монет, кораллов, бисера и т. д. в разнообразных красивых сочетаниях. Первый прилегающий ко лбу ряд составляла своеобразная система узких серебряных цепочек. На расстоянии 5 см от краев налобной части изнутри или снаружи пришивалась лента, проходящая под подбородком и поддерживающая убор на голове. На эту ленту, в свою очередь, нашивалась массивная серебрянная цепочка «гунапикъ» с ромбообразными медальонами. Кроме ленты, огибающей подбородок, чуткъа аштинки имеет и короткие ленты для завязывания сзади, на затылке. Иногда это бывают кожаные тесемки.

Вторую нижнюю часть чуткъи шили из более дорогих ярких, цветных материй, также на подкладке. Чуткъа покрывалась узорной строчкой, к ее концу пришивалась бахрома или широкая яркая лента. Обе части пришивались друг к другу слегка, чтобы женщина имела возможность снять или заменить любую часть чуткъи.

К тому же типу головного убора можно отнести «чухту» кубачинки. Она почти квадратной формы (длина 50 и ширина 40 см) и значительно короче — не доходит до пояса. Налобная ее часть из черной материи обрамлена с двух сторон над висками более яркими красными полосами. Накосник из одноцветных квадратиков из парчи, атласа, тафты и т. д. Все эти квадратики нашиты на белую подкладку, которая представляет собой как бы самостоятельную нижнюю часть убора, так как на 15 см снизу не имеет нашивок. К краям височной части убора пришиваются узкие и короткие ленты или шнуры, которые завязываются на затылке (поверх чухты). На налобную часть чухты кубачинки никаких металлических украшений не пришивали. Зато многие женщины носили нарядную серебряную, часто позолоченную цепочку «гунапикъ», которая как и у аштинок, прикреплялась с двух сторон выше висков и огибала подбородок.

Близка к кубачинской чухте «чукI» женщин некоторых селений Акушинского района, в частности Гапшимы, Шукты, Мегвы, Танты.

Верх чукIа гапшиминки или мегвинки представляет собой скорее шапочку, чем повязку. Она сделана из плотной ткани, часто на тонком слое ваты Налобная часть убора состоит из узкой черной полосы, теменную часть покрывает нарядная цветная ткань, чаще парча. Так же, как и у кубачинок, теменная часть убора гапшиминки шьется из разных кусков разноцветных тканей квадратной формы, нашитых на подкладку в красивом сочетании. В таком виде она спереди напоминает тюбетейку. Накосник представляет собой неширокое полотнище тонкой черной ткани, доходившее почти до пояса. Особенностью этого головного убора является и совершенно своеобразный способ его ношения. Он надевается не прямо на волосы; под ним непосредственно на волосах носится еще тонкая косыночка. Кроме того, обычные для чукI черные ленты, обвивая голову поверх шапочки, завязываются маленьким бантиком на темени.

Неотъемлемой частью чукI женщин названных селений является широкая черная лента, обрамляющая лицо, которая прикрепляется к убору у висков. На эту ленту особым образом нашивались украшения из жемчуга, серебра и т. д.

Второй тип чуткъи, имевший распространение в плоскостной и предгорной полосе, граничащей с другими этническими территориями Дагестана, а также в Цудахарском этнографическом районе, является более простым Он представляет собой вид мешочка, сшитого только вдоль и

Рис. 12а. Даргинки в национальных головных уборах.

совершенно открытого снизу и сверху. Полотнище для чуткьи зашивается только одним швом, проходящим от пояса до затылка. Подогнутая и простроченная верхняя часть его надевалась на голову в виде повязки. В сшитую часть мешочка убирались распущенные косы. К височной части чуткьи пришивались довольно длинные ленты, которые обвивали голову и завязывались на затылке под самой чуткъой. Такую чуткъу делали из черной (атласа, сатина или кашемира) ткани с редкими, но крупными цветами. Накосник заканчивался широкой каймой с кистями или кружевом.

На чуткъу вместе с лентами всего шло 100—120 см ткани. Никакие украшения на налобно-теменную часть чуткъи, как правило, не нашивались. Исключение в этом отношении составляла чуткъа цудахарской женщины. Цудахарки украшали налобную часть своего головного убора двумя рядами массивной серебряной цепочки или (реже) сплошь расшивали тонким золотым шнуром. Парадная чуткъа молодой женщины или невесты имела еще целую систему серебряных украшений.

Разновидностью второго типа является чукI даргинок Чирага, Амуха, Антлуха Агульского района (т. е. Гуцуль-Дарго). ЧукI здесь шьется из тканей ярких цветов, преимущественно красного. Налобная часть — узкая черная полоска, теменная — полоска другого цвета, затем идет полоса цвета ткани самой чукI. Голову обвивают цветные ленты, пришитые, как обычно, к краям височной части чукI. Надевая чукI, женщина искусно располагает эти ленты между яркими полосами и тканью самой чукI; создается впечатление, что на голову надета радужная шапочка. Старые женщины пришивали ленты белого цвета и особым образом переплетали их на темени. По данным наших информаторов — представительниц старшего поколения, еще в конце XIX века женщины всех возрастов ленты чукI делали здесь исключительно из белого материала. Лишь позднее, под влиянием головного убора женщин соседней агульской народности девушки и молодые женщины этих аулов стали носить чукI с яркими лентами. Даргинки этого участка, так же, как даргинки других горных районов, носили чукI с широкой, обрамляющей лицо и подбородок лентой, но без всяких украшений на ней.

Промежуточным, очень своеобразным типом, имеющим общие черты и с первым и со вторым типами, является чукI женщин Акушинского участка. Он так же, как и первый тип убора, состоял из трех частей: первой, налобно-теменной, которая шилась обычно из черной ткани (атлас, сатин); второй—обычно из ситца, прикрывающей затылок и частично спину; третьей, самой длинной, спускающейся по спине, немного не доходящей до пяток. Шили ее из дорогой яркой ткани; низ обшивали широкой атласной каймой.

Рис. 12б. Даргинки в национальных головных уборах.

Особенность акушинского чукI, сближающая его со вторым типом, заключалась в том, что верх его — первая и вторая часть вместе — также представлял собой своеобразный мешочек, напоминающий капюшон, но плотно закрывающий волосы и зашитый не вдоль, как чуткъа второго типа, а параллельно поясу. К этому зашитому концу мешочка пристрачивается третье длинное полотнище, несколько расширяющееся книзу. Эта наиболее плотная часть убора здесь делалась из сложенного вдвое тяжелого набивного шелка или парчи. Иногда во внутреннюю сторону в виде подкладки пришивали вставку из другой, более дешевой ткани. Акушинка обычно завязывала чукI с помощью лент. Акушинский чукI, так же, как харбукский, имел очень нарядный вид, и покрывал сзади почти всю фигуру женщины.

Кроме описанных выше типов, у даргинцев встречались еще некоторые другие разновидности этого убора. Нет надобности специально останавливаться на них, так как их отличия несущественны. Эти уборы являются только близкими вариантами того или иного из описанных выше типов чухты.

Следует отметить, что в прошлом по форме данного головного убора и по украшениям на нем можно было безошибочно определить принадлежность женщины к тому или иному этно-физическому району. Где бы ни находилась, например, цудахарка, только по одной массивной це-

почке на налобной части головного убора можно было сразу узнать женщину из Цудахарского участка.

Говоря об ареале распространения этих двух типов следует отметить, что на большей части территории Даргинии в исследуемое время (по крайней мере в начале XX века) был распространен второй тип чуткъи, т. е. мешкообразный. Такие чуткъи носили в это время женщины всего верхнего и нижнего Кайтага, Цудахарского участка, Кабадарго и смежных с ними районов.

Первый же тип в указанное время имел распространение только на территории современных Дахадаевского (и то не целиком) и Акушинского районов. Примерно с конца XIX века идет интенсивный процесс вытеснения тяжелых и сложных по покрою головных уборов более простыми, легкими и удобными, но менее нарядными мешковидными чуткъами без металлических украшений.

Сравнивая оба эти типа, мы приходим к заключению, что наиболее давним национальным головным убором даргинки является убор первого типа — нарядная, трехсоставная, украшенная монетами, бляхами, бусами, цепочками и т. д., длинная чуткъа, образцом которой может служить харбукская или аштинская. Что касается второго типа, то он очевидно, начал проникать позже с плоскости, с других этнических территорий, и постепенно распространяясь по предгорным и горным районам, начал нивелировать местные особенности этого убора.

В древности первого типа убора можно убедиться и при сравнении его с головными уборами, обнаруженными при раскопках археологических памятников. Описанный выше аштинский головной убор, например, находит себе полную аналогию в головном уборе, обнаруженном в Бежтинском средневековом могильнике[64]. В раннем средневековом могильнике близ аула Ботлих (Ботлихский район) в погребении № 4 вместе со стеклянным браслетом найдена литая подвеска в виде женской головки с типичными для андийки и частично для горной даргинки головным убором XIX — начала XX вв.[65]

Вторым самостоятельным элементом головного убора женщины, выполняющим роль платка, является большое покрывало, называемое «дикIа» (литературный язык»), «чаба», «ашмаг», «кIаз». Оно представляет собой длинное и широкое полотнище, главным образом из бязи, полотна или коленкора и реже из натуральной шелковой ткани местного производства. Богатые кубачинки и цудахарки приобретали для покрывал дорогие восточные ткани и ткани из центральной России. Шло на чабу 4—5 метров ткани. Ширина и длина этого убора в различных местностях была различна. Кайтагский ашмаг, например, имел в длину 2 м 95 см и в ширину 1 метр, акушинская, мекегинская чаба — 2 м 35 см в длину и 1 м 36 см в ширину, аштинский кIаз —3 метра в длину и 90 см в ширину.

Самые широкие покрывала, сшитые из двух полотнищ, носили главным образом женщины высокогорной Даргинии, сравнительно же узкие, но длинные — в предгорной зоне, т. е. в Кайтаге, Аштинском участке, в Кубачи и Мюрего. Как правило, покрывала были одноцветны (белые или черные) и ничем не отделывались. Исключение составляли кубачинские кIазы и кайтагские ашмаги. Женщины этих районов один конец кIаза, свисающий по спине, украшали широкой (Кубачи, Аште) или узкой (Кайтаг) каймой с бахромой.

Особенно богато украшала свое покрывало кубачинка. Она вышивала по всему покрывалу разные узоры, а на верхний конец кIаза нашивала широкую и тяжелую золотую кайму с бахромой.

---

[64] Д. М. Атаев Средневековая Авария. Махачкала, 1963, стр. 117, рис. 14, 16.

[65] Д. М. Атаев. Отчет об археологических раскопках в горном Дагестане осенью 1962 г. Махачкала, 1963. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 3364, лл. 5—6.

В Кайтаге и Мюрего женщины шили ашмаг из натуральной шелковой ткани, бахрому делали из той же материи путем выдергивания ниток. В Харбуке женщины обшивали край дикIи, который располагается на груди, длинной серебряной цепочкой, в некоторых селениях Акушинского района, в частности в сел. Танты, часть края убора, огибающая лицо, для прочности обшивалась тонкой кожаной (сафьяновой) тесьмой.

Способ ношения покрывал у всех даргинок одинаков. Развернутое покрывало накладывалось на темя так, чтобы правый конец был гораздо короче левого и свободно свисал за спиной, а левый конец проходил под подбородком, полностью покрывая грудь, и тоже закидывался на голову, после чего опускался на спину почти до пят. Иногда края покрывала на темени скреплялись булавкой. Во время работы женщины в горной части Даргинии (Харбук, Ашты, Кунки, Хуршни, Кища и т. д.), носили над дикIой особый серебряный пояс «хIардуц». Они надевали его, закинув через голову на плечи, и спереди подбирали им покрывало повыше.

В торжественных случаях жительницы ряда аулов, в частности селений Цудахар, Мекеги, Урахи, поверх покрывал надевали или просто накидывали на головы обыкновенные большие шелковые платки квадратной формы («бухара кIана»), сложенные вдвое треугольником. Здесь платки являлись, по крайней мере в начале XX века, необходимой принадлежностью костюма невесты. Цудахарская невеста из состоятельной семьи надевала, кроме того, два шелковых платка — один она слегка накидывала на голову, опустив спереди концы вниз почти до подола платья, а второй — завязывала на затылке.

Следует отметить, что процесс постепенной замены покрывала платком наметился уже давно. Дорогие шелковые шали-платки проникали в Даргинию, как и в другие районы Дагестана, главным образом из Средней Азии, особенно из Бухары; через Среднюю Азию проникали сюда и богатые индийские шали из шерсти и шелка (кашемировые и другие), из Ширвана, из Гянжи (ныне Кировобад) привозились также тонкие шелковые платки «гулмелли». В то время как большие шелковые и шерстяные платки с тяжелой плетеной бахромой были принадлежностью нарядного костюма взрослой женщины, легкие гянжинские платки с широкой цветной каймой приобретались главным образом для девушек и девочек. Шелковые платки изготовлялись и в самой Даргинии. Так селение Мюрего считалось центром ручного производства платков из натурального шелка с длинной густой бахромой из той же шелковой пряжи.

Безусловно эти платки, и тем более дорогие бухарские и кашемировые шали, были недоступны большинству населения. Наличие платков из шелка или шерсти было признаком зажиточности семьи. Богатые женщины, особенно цудахарки, урахинки, губденки и кубачинки имели десятки таких платков. Эти платки бережно хранились в семье и переходили от бабушек к внучкам.

После присоединения Дагестана к России, с развитием товарно-денежных отношений сюда стали поступать более дешевые, доступные и средним слоям населения хлопчатобумажные платки из промышленных центров России.

В современных условиях процесс замены покрывала более удобным головным убором — платком особенно интенсивен. В плоскостной и предгорной зонах (Сергокалинский, Кайтагский, частично Левашинский и Дахадаевский районы) большинство женщин уже не носит покрывала, а пользуется только платками, складывая их вдвое треугольником и закидывая концы за левое плечо, как это делается по всему

Дагестану. Но в ряде аулов Даргинии (например, Чирах, Амух, Антлух) женщины складывают платок вдвое в виде прямоугольника и надевают на голову тем же способом, что и описанные выше покрывала.

в) Обувь.

Даргинки так же, как и мужчины-даргинцы, носили главным образом самодельную обувь. Отдельные виды женской обуви мало чем отличались от мужской обуви. Это прежде всего сапоги — «чакма», мягкая обувь из сыромятной или дубленой кожи крупного рогатого скота — «кабцла дабри», или «къачалайла дабри», войлочные сапоги — «варгьи дабри» и другие.

Отмечая сходство даргинской женской обуви с мужской Н. Дубровин писал, что у женщин обувь «та же, что у мужчин»[66]. Однако это верно лишь отчасти: обувь женщины-даргинки была разнообразнее и нарядней мужской.

Повсеместно и почти круглый год женщины носили шерстяные носки — «балала тIирихме» описанного выше типа. В отличие от однотонных мужских они зачастую вязались из разноцветных ниток.

Поверх носков женщины надевали мягкие сафьяновые чувяки — «суран дабри», «мачайте». Некоторые из них имели довольно простой покрой — делались из целого куска сафьяна со швом вдоль всей стопы (посередине) и с мысиком на подъеме ноги. Эти чувяки отличались от обычных тем, что не имели пришивной из другой более толстой кожи подошвы и использовались исключительно в качестве домашней обуви. При выходе на улицу поверх этих чувяк обязательно надевали другую обувь на плотной и твердой подошве.

Даргинские женские «суран дабри» этого типа по своей форме и по назначению наибольшее сходство обнаруживают с кумыкскими женскими чувяками — «мачийлер».

В плоскостной части Даргинии, в Нижнем Кайтаге, Цудахарском участке, в селениях Урахи, Губден, Мюрего и др., женщины из богатых семей носили чувяки, точно так же, как и кумычки, из красного, желтого сафьяна, украшая их тонкой золотой или серебряной тесьмой.

Чувяки второго типа делались в виде легких ботинок с пришивной подошвой из более толстой мягкой кожи — но без каблучка. Верх их был цельнокроенным. Передняя часть и задник прикреплялись только в нижней части друг к другу при подшивании подошвы, причем последний сильно заходил сверху. Передняя часть, кроме того, имела длинный, закрывающий подъем ноги язычок. Чувяк застегивался на подъеме ноги с помощью кожаных шнурков с петлями, пришитых с двух сторон к передним концам задников. В отличие от первого вида чувяки второго вида могли быть использованы как уличная обувь.

Поверх носков при выходе на улицу состоятельная даргинка всегда надевала сапоги из толстой кожи и на твердой подошве «чакма», или галоши «калуш». Те и другие по своей форме и материалу почти не отличались от описанных выше мужских, известных под теми же названиями, но были несколько изящнее. Женские сапоги делались, кроме того с более низкими голенищами. Женщины из бедных семей в качестве повседневной обуви пользовались чарыками из сыромятной кожи «кабцла дабри» или дубленой «къачалайла дабри». Но даргинки при этом не пользовались ни обмотками, ни голенищами, как это делали мужчины.

---

[66] Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. 1, СПб., 1871, стр. 549.

Рис. 13. Женская обувь.

Большое распространение в качестве повседневной обуви имели башмаки «вашмакъи». Их обычно носили при работе во дворе или при выходе на улицу на близкое расстояние. Женские башмаки, так же, как и мужские, изготовлялись с сафьяновым или толстым кожаным верхом на твердой подошве, чаще на деревянной. Многие состоятельные даргинки приобретали модные башмаки и сапожки на высоком каблуке, привозимые кубачинцами и цудахарцами из Нухи и Средней Азии.

Верх нарядных женских башмаков делали из бархата или сукна, покрывали вышивкой из серебряной или золотой канители. Нарядно украшались разноцветной вышивкой и строчкой также белые войлочные

сапоги «варгыла дабри», «паштарк», широко распространенные в высокогорных районах. Их носили и девушки, и пожилые даргинки. Только старые женщины приобретали сапоги без художественной отделки. Во многих селениях в состав приданого обязательно входило несколько пар изготовленных для себя и родственниц мужа нарядных войлочных сапог, расшитых разноцветными шелковыми нитками. Войлочную обувь этого типа, вероятно, имел в виду и Д. Н. Анучин, когда писал, что кубачинки носят «белые сапоги» [67].

В некоторых обществах Кайтага женщины, так же, как и мужчины, поверх шерстяных носков носили особую обувь из сыромятной кожи «тIирихи».

В заключение следует отметить, что обувь даргинки в целом не имела таких резких локальных различий, какие характерны для ее головных уборов.

Одежда девочек.

Почти такую же одежду носили и девочки. Описанные выше туникообразная рубаха «хIева», узкие штаны «шалбар», овчинная шуба «хъяка», головные уборы «чуткъа», «чукI» и «дикIа», «чаба», а также все разновидности женской обуви — «дабри», шерстяные носки, чувяки, ботинки, сапоги кожаные, сапоги войлочные, башмаки и т. д. — обязательно входили в комплекс одежды девочек и молодых девушек. Девичий костюм в отдельных местах отличался более пестрой расцветкой, хотя и изготовлялся из материалов, стоящих значительно дешевле и даже нередко перешивался из старой одежды взрослых членов семьи.

Некоторые особенности имели головные уборы девушки «чуткъа», «чукI» и «хъева». Чухта девушки-кубачинки, например, в отличие от дорогой чухты женщины, делалась из яркой, но более дешевой ткани. Кроме того, налобная часть мелко вышивалась золотом.

ЧукI аштинской девушки имел различие и в покрое. Вторая половина «чукI» девушки кроилась уже короче, без подкладки и обязательно из простого цветного материала, спереди чукI имел сборку, оба конца передней части делались из красного материала шириной 6—7 см и длиной 9—10 см. ЧукI завязывался таким образом, чтобы красные куски материи свободно прикрывали уши, образуя своеобразные наушники. Словом, чукI девочки спереди больше напоминал чепчик, чем чукI женщины. ЧукI девушки, кроме того, украшался очень скромно, одной лишь тонкой металлической цепочкой; подбородочная лента делалась уже и вовсе не покрывалась украшениями.

Особенности второго головного убора девушки-кубачинки «кIаз» заключались в том, что это полотнище-покрывало, независимо от состоятельности семьи, всегда делалось из дешевого ситца или кисеи. КIаз девушки покрывался орнаментом в виде трилистника, рыбки, птицы или стилизованной вязи, но никогда не расшивался золотой, серебряной канителью, как это делали женщины.

Девушки не носили «кIаз» и с золотой бахромой. Бахрома делалась из ткани покрывала, а выше вместо тесьмы нашивалась узкая полоска яркой шелковой каймы. Каждая кубачинка-невеста должна была изготовить своими руками в числе подарков родственницам своего жениха несколько кIазов, нарядно украшенных вышивкой. Среди девушек, так же, как и среди молодых женщин, было распространено золотое шитье.

---

[67] Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года. «Известия русского географического общества», т. XX, вып. 4, СПб., 1884, стр. 399.

д) Свадебная одежда

Костюм жениха по своей форме мало отличался от обычного костюма. Но каждая семья старалась сшить для жениха новую нарядную одежду, новую папаху и обувь. Самые нарядные бешметы в состоятельных семьях шили для жениха из гладкого плотного шелка «дарай» (ткани вроде тафты). Украшением его одежды был хороший кинжал. По мере возможности, нарядную одежду шили к свадьбе и все родственники жениха, особенно члены его семьи. В лучших выходных костюмах приходили на свадьбу и все остальные ее участники. Из-за бедности многие юноши являлись на торжества в чужих, часто не по своему размеру, костюмах, а когда не было и такой возможности, под разными предлогами отказывались от приглашения.

Свадебный костюм невесты состоял из шелкового платья-рубахи, шелковых штанов с узкой парчевой отделкой внизу (в богатых семьях), из пестрого ситца с широкой черной бахромой или атласной отделкой (в семьях среднего достатка), шелкового головного покрывала, шелковой чухты, черных сафьяновых чувяк, кожаных сапог на твердой подошве или войлочных сапог (в горной Даргинии), новой шубы из шкурок молодых барашков.

Свадебную одежду и обувь для невесты готовили в бедных семьях обычно в одном комплекте, а в богатых — по несколько пар. Чем состоятельнее семьи девушки и жениха, тем богаче был у нее свадебный наряд. В селении Аштьі Дахадаевского района невеста из состоятельной семьи должна была иметь 10 рубах-платьев, 10 покрывал-кIаз, одну богато украшенную шелковую чухту, пару войлочных сапог, нарядную шубу[68]. В селении Кубачи количество головных уборов богатой невесты из такой семьи доходило до 25—30, причем один кIаз обязательно расшивался золотом и имел широкую золотую кайму с бахромой. Множество платьев и платков имели и невесты Цудахарского этнографического района. При этом цудахарская невеста одновременно надевала на голову нарядную чухту с серебряными украшениями, большое шелковое покрывало — чабу, поверх чабы большой квадратный шелковый платок, сложив его треугольником и опустив длинные концы спереди поверх нарядного платья, потом еще один такой же платок, который завязывался на затылке.

В ряде мест большое значение придавали цвету свадебного наряда девушки. Кубачинская невеста, например, в первый день свадьбы обязательно надевала платье-рубаху бордового цвета, на второй день она могла сменить ее на платье другого цвета, но такое же яркое.

Предметы свадебного наряда (в частности платья-рубахи) кроила и шила специальная портниха. Перед отправкой невесты в дом жениха ее одевали девушки-подруги. Это «одевание» происходило в торжественной обстановке, а в ряде мест сопровождалось пением.

В комплекс свадебного костюма невесты входили и всевозможные украшения. Они состояли из монет, серебряных цепочек, бус, нашиваемых на платье и головной убор, браслетов, колец, серег, поясов и т. д. Количество украшений на невесте особенно увеличивалось на второй день ее свадьбы. В этот день все близкие родственницы мужа новобрачной одаривали ее кольцами, браслетами, серьгами, ожерельями. Нередко каждый палец ее руки бывал унизан двумя-тремя кольцами. Делая новобрачной подарки, родственницы ее мужа обращались к ней со словами «давлала юхе» («будь богата»).

---

[68] Здесь невеста, выходя замуж, одевала войлочные сапоги и овчинную шубу даже летом и ходила, не снимая их, в течение трех дней.

Срок ношения свадебного наряда новобрачной в различных местах был разным. В одних местах он длился только три дня, затем невеста одевалась в обычное платье и включалась в хозяйственную деятельность семьи. В других местах свадебный наряд не снимался в течение сорока дней, в третьих — до рождения первого ребенка. В некоторых селениях, в частности в Ашты, кроме того, молодая невестка должна была до рождения первого ребенка носить нижнюю рубаху примерно на 3 см длиннее, чем верхнее платье-рубаха.

е) Траурная одежда.

Траурная одежда шилась из простых тканей черного и синего цветов. Женщина обязательно носила черную чабу или дикIу, черную хIеву, черные штаны. Поверх всего этого она надевала шубу, которую не снимала и летом, носила даже в поле во время уборки хлеба.[69] Вдова или сестра умершего в ряде мест, кроме того, клала на голову еще черный платок, сложив его предварительно вчетверо. Женщина должна была дольше и строже, чем мужчина, соблюдать траур по умершему близкому ей человеку. Траурный период для нее продолжался до 2—3 лет. Все это время она не мыла одежды и при возможности не выходила днем из дома.

Мужчины специальной траурной одежды не имели, они довольствовались тем, что у них есть. Но одежда их должна была быть во время траура темного цвета и стара. В течение 40 траурных дней они не брили бороды, не выходили на очар, чтобы не участвовать в приятных, веселых беседах, не проезжали на лошади по аулу.

Во время траура никаких украшений не носили, а женщины, кроме того, убирали под чухту волосы.

Продолжительность срока ношения траура зависела от степени родства, возраста умерших. Дальние родственники и близкие соседи ограничивались ношением траурной одежды только в течение 40 дней.

Траур меньше соблюдался по отношению к женщине, глубоким старикам, и совершенно не соблюдался при смерти маленьких детей. Правда, когда умирал в семье единственный 7—8 летний сын, то близкие родственники носили траур точно так же, как и при смерти совершеннолетнего.

Особенно долго и строго соблюдался траур при неестественной смерти, убийстве.

Украшения.

Приступая к характеристике женских украшений, прежде всего следует указать на их удивительное многообразие и широкое бытование. Они бережно хранились как семейные драгоценности и передавались из поколения в поколение. Женщины преимущественно носили серебряные украшения, золотые встречались очень редко и только среди феодалов. Украшения носили женщины всех возрастов, в том числе девушки и даже дети.

Широкое бытование среди населения данной территории различных украшений уходит своими корнями в глубокую древность. Об этом ярко свидетельствуют данные археологии. Так, например, в средневековом могильнике у горного даргинского селения Гапшима (Акушинский район) среди прочих находок были богато представлены бронзо-

---

[69] В ряде мест по истечении 2—3 лет шубу должен был снять с нее какой-нибудь влиятельный человек аула — кадий или мулла.

вые браслеты, поясные пряжки и бляхи «медальоны», пуговицы, височные подвески (в том числе серебряные), железные головные булавки, различные привески, многочисленные бусы, а также зеркало — необходимая принадлежность женщины при приведении в порядок своего внешнего вида.[70]

Сравнивая древние предметы украшения (браслеты с утолщениями на незамкнутых концах (плоские и овальные), височные подвески, медальоны, поясные бляхи, пряжки, различные привески и т. д.), не трудно заметить их поразительную близость, их связь с украшениями, применявшимися в Даргинии в более поздний период—в XVIII—XX вв. Этот факт свидетельствует о преемственности культуры местного населения, не исключая, однако, и внешнего культурного влияния.

И в более поздний период металлические украшения настолько сохраняют свое былое значение, что даже в XIX — начале XX вв. в бедных семьях женщины, лишенные возможности приобрести дорогостоящие предметы, широко пользовались колечками, серьгами, бляхами, нагрудными ожерельями из меди, олова.

Украшения изготовлялись в основном в самой Даргинии и в первую очередь в таких древнейших центрах художественной обработки металла, как Кубачи, Харбук. В качестве украшений использовались серебряные монеты (в том числе царские рубли и мелкое серебро), всякие жетоны, коралловые ожерелья, позумент, бисер, которые попадали сюда в первую очередь через зирихгеранцев (кубачинцев), принимавших участие в торговле многих стран.

Среди женских украшений следует различать украшения, составляющие дополнение к костюму (кольца, серьги, браслеты, кораллы и другие бусы, пояса, нагрудники из монет, всевозможные металлические подвески, кораллы и т. д., и украшения, которые пришивались к одежде, составляя как бы ее неотъемлемую часть.

Среди украшений второго типа следует в первую очередь назвать украшения, пришиваемые к головному убору.

а) Налобно-теменные украшения

Среди украшений большое место занимают украшения налобно-теменной части чухты. Эти украшения по конструкции, способу их изготовления и ношения можно разделить на три типа.

Первый из них, самый простой, — налобная кромка чухты, которая украшалась массивной цепочкой сложного плетения. Этот тип украшений характерен для повседневного головного убора женщин Цудахарского этнографического района Даргинии.

Во втором из этих типов различаются украшения теменной части головного убора чухты. Это пять-семь рядов серебряных монет разной величины; тонкая цепочка их окаймляла налобный край убора, такая же цепочка спускалась с висков и огибала подбородок. Этот вариант характерен для аулов Харбук, Хуршни, Уркарах, Киша и др.

Другая разновидность украшений этого второго типа близка к первой по конструкции, но имеет иной декоративный облик: на теменную часть вместо монет нашиваются всевозможные бусы (коралл, бисер и т. д.) в определенном сочетании с серебряными бляхами, литыми фигурками птиц, изображениями руки, широкими цепочками кольчужного плетения работы местных ювелиров и даже перламутровыми пуго-

---

[70] В. Г. Котович, Р. М. Мунчаев, Н. Д. Путинцева. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана. «Материалы по археологии Дагестана». т. II, Махачкала, 1961, стр. 271—282.

вицами. Налобный край чухты здесь также обшивался цепочкой, но широкой, массивной, красивого плетения в несколько рядов. Такого же типа цепочка спускалась с висков и огибала подбородок; часто эта цепочка сочеталась с бляхами, инкрустированными цветными камнями и стеклами, располагавшимися симметрично по обе стороны лица. Украшение это собирали сами женщины. В составляемых ими узорах преобладал геометрический стиль. Чаще всего подобная форма украшений встречалась в селениях Аштьі, Кунки и др. Роль височной подвески иногда выполняла петля, образуемая двумя свободными краями налобной цепочки, нашитой на кромку чухты.

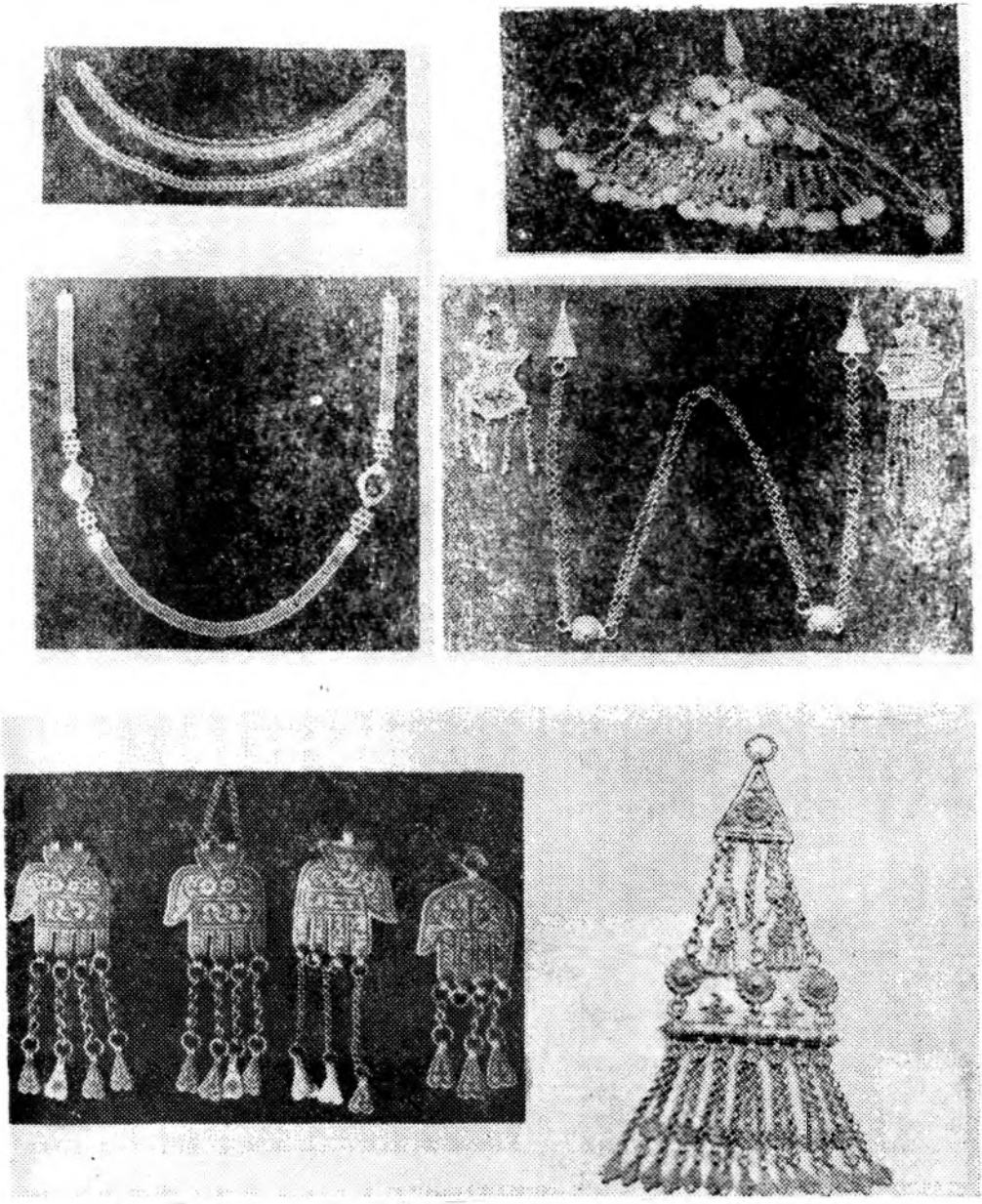

Рис. 14. Украшения к «чутхъе».

Такая форма украшений сохранилась в более позднее время только на детских головных уборах нагорной Даргинии.

Интересным по конструкции и очень нарядным является третий тип украшений. В отличие от описанных выше, их полностью как цельное украшение изготовляли местные мастера-серебряники.

Композиционный центр украшения, расположенный на теменной части головного убора, составляет серебряная фигурная пластинка, украшенная черневым растительным орнаментом, или бляха, украшенная накладным сканно-зерневым узором. От такой бляхи на лоб спускаются многочисленные (до 20 и более) двойные или одинарные подвески на легких цепочках. Подвесками служат мелкие монеты, гравированные под чернь жетончики разнообразных форм, бубенчики и т. д. Над центральной пластинкой находилась копьевидная бляха, на оборотной стороне которой имелся крючок. С помощью этого крючка украшение укреплялось несколько дальше теменной части чухты. В большинстве случаев это украшение соединяется несколькими цепочками с височными подвесками, составляя с ними единое художественное целое. Все это украшение женщины нередко носили поверх уже украшенной цепочкой чухты, описанной выше. Оно также характерно для Цудахарского этнографического района.

В этом же комплексе можно различить описанные выше височные подвески, разнообразные цепочки, прикрепляющиеся у висков и обрамляющие лицо или откидываемые на спину. В последнем случае эти цепочки служили для того, чтобы головное покрывало «кад» не сползало с головы.

В Гапшиминском участке (Акушинский район) бытовала специальная лента, огибавшая подбородок. Ее искусно украшали серебряными медальонами различных форм в сочетании с мелкими жемчужинами и бисером. Специальными тесемками ленту закрепляли на затылке, а украшенная ее часть спускалась от висков и огибала подбородок.

б) Ушные украшения

Все даргинки носили серьги. В отличие от других, многообразных головных украшений, серьги были в основном трех типов. Широко распространенными являлись серьги с подвесками. Из довольно толстой серебряной проволоки изготовляли круг диаметром от 3 до 5 см; верхняя часть его служила дужкой и вдевалась в отверстие в мочке уха, к нижней же части на внутренней стороне припаивалась литая птичка. Иногда вместо птички к нижней части круга припаивали от одного до трех полых серебряных шарика. С внешней стороны нижней части круга припаивались колечки для цепочек (7—9 штук), а к цепочкам прикреплялись бубенчики или небольшие легкие жетоны. Иногда вместо подвесок с цепочками к кругу припаивались массивные круглые отростки, инкрустированные цветным камнем (обычно бирюзой).

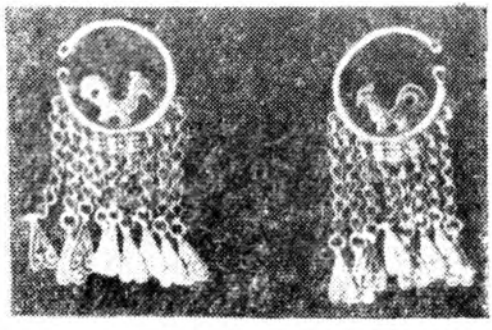

Рис. 14 а. Серьги.

Второй, более простой тип серег состоял из отлитой и штампованной нетолстой пластинки в форме полумесяца, иногда усложненного очертания, порой прорезной, порой украшенной гравировкой; к пластинке припаивалась довольно большая дужка.

Третий, менее распространенный тип серег имел два подвижно соединенных полых серебряных шарика, укрепленных на небольшой дужке.

В Даргинию так же, как и в другие районы Дагестана, издавна проникали серьги разнообразных форм из центральной России и восточных стран. Женщины из сословия феодалов носили дорогие золотые серьги как местного производства, так и привозные.

Нельзя не отметить еще одно интересное украшение. Для поддержания платка, чтобы он не мешал при работе, а также в эстетических целях, носили цепочку или специальный шнур, сплетенный из серебряной проволоки; их одевали особым образом через плечи. При этом на спину свешивались одна или две подвески.

в) Нагрудные украшения

Нагрудные украшения по способу их ношения можно разделить на две группы.

Первую группу составляют ожерелья, самостоятельно надеваемые поверх одежды, либо закрепляемые на одежде. Ожерелья состояли или только из монет, или только из бус в несколько низок, или представляли собой сочетание монет и бус, или же из дутых металлических (серебряных, позолоченных, золотых) бус; были также ожерелья из мелких полых подвесок типа бубенчиков, прикрепленных к тонкой цепочке. Одним из нарядных украшений этого вида было своеобразное колье, состоящее из блях, соединенных несколькими рядами цепочек. Центральное место занимала подвеска, аналогичная массивной серьге. Все эти украшения свободно лежали на плечах и груди. Иногда, кроме того, носили плотно огибающую шею цепочку с одной подвеской типа медальона, часто треугольной формы.

На одинарной, а чаще двойной нитке бус или на цепочке носили крупную полую прямоугольную подвеску. Судя по тому, что еще недавно существовали детские наспинные нашивки-обереги подобной формы, можно предположить, что ее употребляли в прошлом в качестве амулета. Прикреплялась она за два верхних угла с помощью колечка. Подвеска была толщиной до 1,5 см, размером 5×7 см, лицевая ее поверхность украшалась узором из натуральной зерни и инкрустировалась цветными камнями и стеклами. В эту полую подвеску-футляр помещали клочок бумаги с текстом молитвы. Иногда такого типа футляр не подвешивался на цепочке или низке бус, а пришивался к одежде.

К одежде пришивались и массивные бляхи, монеты, цепочки, подвески; обычно они нашивались по центру груди. Небольшие же, чаще парные, подвески нашивались симметрично с двух стороны груди. Парные украшения могли иметь форму кисти руки с мелкими подвесками на цепочках и черневой растительный орнамент.

К нашивным украшениям можно отнести специальные нагрудники из монет. Старые женщины вместо такого нагрудника носили спускавшийся от нагрудного выреза один вертикальный ряд монет вперемежку с крупными бусинами и бляхами. Монеты нашивались на кусок ткани, которая пришивалась к нагрудной части платья. Иногда вместе с монетами нашивались литые фигурки животных, а также изображение руки.

Делались, кроме того, большие нагрудники или передники, спускающиеся ниже пояса и одеваемые через голову. Такие нагрудники и передники сплошь обшивались монетами. Если для покрытия всего передника не хватало монет, то они нашивались только на нижнюю его часть, т. к. грудь прикрывалась платком.

Нередко монеты нашивались вертикальными рядами по всей пе-

редней части платья от пояса до подола, подол же обшивался цепочкой с прикрепленными к ней монетами или мелкими бляхами.

Следует отметить, что традиция ношения таких нагрудников и передников в начале XX века сохранилась только у жителей горной части Даргинии.

В некоторых крупных селениях женщины на платьях типа «кабалай», так же, как и кумычки, носили мелкие пряжки «къаршумалар», покрытые черневым орнаментом, а иногда позолотой.

г) Поясные украшения

С нарядным платьем женщины часто носили пояс. Пояса имели разнообразную форму. Одни из них состояли из серебряных звеньев, соединенных между собой. Такие пояса обычно были неширокими и имели сравнительно небольшую пряжку. Большею частью эти пояса украшались сканно-зерневым узором, а также инкрустировались вставками из цветных камней и стекол.

Более широкое распространение имели пояса другого типа. Это мог быть широкий кожаный пояс с массивной серебряной пряжкой, нередко составляющей треть или половину всей длины пояса. На кожаную часть пояса нашивали в 3 ряда монеты и выпуклые серебряные бляхи. Вместо кожи использовали и плотную ткань. К нижней части пряжки иногда пришивались подвески на цепочках. Пояс изготовлялся и из позументной ленты, которая иногда украшалась, но не монетами, а серебряными бляшками такой же работы, что и пряжка. В этом случае они могли быть выполнены в технике ажурной филиграни.

Из всех этих поясов, на наш взгляд, наиболее древней формой являются кожаные пояса — они встречаются у горянок Даргинии и имеют аналогии у других горских народов Дагестана.[71]

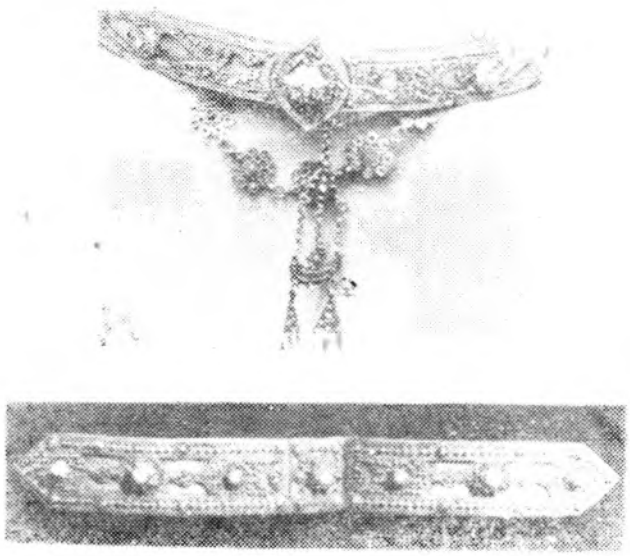

Рис. 14 б. Женские пояса.

Серебряные части поясов выполнялись в разнообразной технике, типичной для кубачинских изделий. Большинство пряжек и поясов изготовлены в технике накладной филиграни и зерни, но встречаются очень нарядные пряжки, украшенные глубокой гравировкой с чеканным фоном и чернью.

Интересно отметить, что мужские наборные пояса, в отличие от женских, филигранью и зернью не украшались, типичным для них был серебряный набор, украшенный гравировкой и чернью.

---

[71] См. Е. М. Шиллинг. Литейное производство Дагестана. «Советская этнография», 1947, № 1, стр. 126—134.

В менее обеспеченных семьях вместо массивных поясов носили серебряные цепочки с подвесками из мелких монет.

К поясным украшениям следует отнести и пряжки, пришиваемые к верхней одежде. Так, верхнюю одежду в талии застегивали серебряной пряжкой типа поясной. Шубы такой же застежкой женщины скрепляли у ворота.

д) Украшения для рук.

Украшения для рук составляли всевозможные кольца и браслеты. Кольца в основном были серебряные, типа печаток с гравировкой под чернь или с цветными камнями. Последние дополнительно украшались зернью. Гнездо для крупного камня оформлялось по-разному: это была простая серебряная лента, напаянная на дно строго перпендикулярно, или почти шарообразное, очень крупное гнездо, украшенное ложной зернью и сканью, в которое вставлялся крупный камень (сердолик, альмадин, бирюза), цветное стекло и др. Кольца делались и с несколькими камнями, порой разного качества, удачно подобранными по цвету. Кубачинские мастера изготовляли для феодальной знати золотые кольца с драгоценными камнями, часто по привозным образцам.

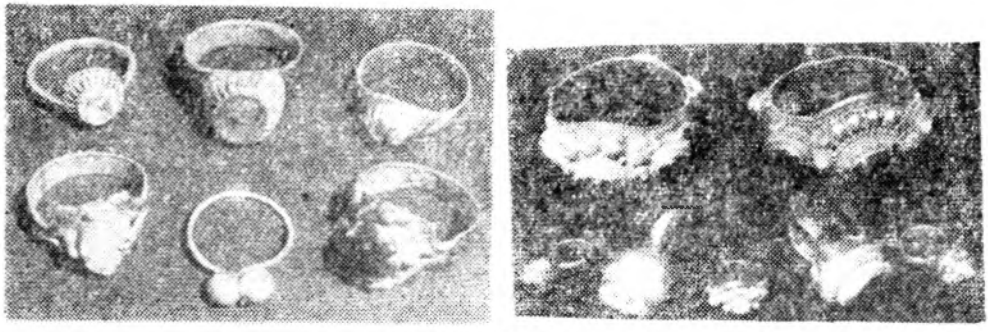

Рис. 14 в. Кольца.

Большое место среди украшений для рук занимали браслеты. Это были преимущественно литые браслеты, браслеты без застежки в виде незамкнутого овала, браслеты на застежке (замкнутый овал). Браслеты различались по способу их орнаментации и по форме лицевой части.

Наиболее древними являлись витые браслеты (змейки) из серебряной толстой проволоки. Такие браслеты близки по форме к бронзовым браслетам эпохи раннего средневековья, найденным на территории нагорного Дагестана.[72] Браслеты, наиболее простые по технике выполнения, представляют собой два ряда толстой проволоки, которую свивали, а потом сгибали в незамкнутый овал. Но были и более сложные и красивые: между двумя рядами толстой проволоки прокладывалась в один-два ряда витая или рубленая тонкая проволочка. В этом случае конец браслета расплющивался и на него наносился гравированный черневой узор, либо он инкрустировался цветными камнями и стеклами. Иногда самую поверхность толстой серебряной проволоки украшали очень простым черневым узором.

---

[72] Д. М. Атаев. Некоторые средневековые могильники Аварии. «Материалы по археологии Дагестана», т. II, Махачкала, 1961, стр. 244; В. Г. Котович, Р. М. Мунчаев, Н. Д. Путинцева. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана. Там же, стр. 284.

Такую же форму незамкнутого овала имели браслеты совсем иной техники изготовления. Выковывалась серебряная пластинка с закругленными краями толщиной 1,5 мм, шириной до 3 см, длиной 8—10 см, на болванке она сгибалась в овал. Эта пластинка покрывалась слоем натуральной зерни разной величины, украшалась чеканными выпуклыми шишечками и инкрустировалась крупными камнями, вставляемыми в очень высокие гнезда; нижние пояски гнезд украшались сканью. Поверхность браслета в сочетании с камнями выглядела очень нарядно.

Браслет такого же типа мог быть украшен просто гравировкой под чернь с 1—3 чеканными выпуклыми напаянными розетками разных форм.

Рис. 14 г. Браслеты.

Эта форма браслета получила сейчас развитие в производстве кубачинского художественного комбината.

Браслеты с застежкой (двухстворчатые) были распространены меньше, чем описанные выше, и, на наш взгляд, являются по своему

происхождению более поздними. По своему декоративному облику они мало чем отличались от браслетов без застежки. Их также украшали зернью, гравировкой и чернью с 1—3 камнями или инкрустировали камнями и цветными стеклами. Если браслет украшался зернью, то в центре он имел утолщение, что придавало браслету большую массивность; соответственно увеличивалось и количество орнаментальных камней. К краю браслета обычно припаивалось маленькое колечко и на нем на цепочке укреплялся стерженек, которым браслет застегивался.

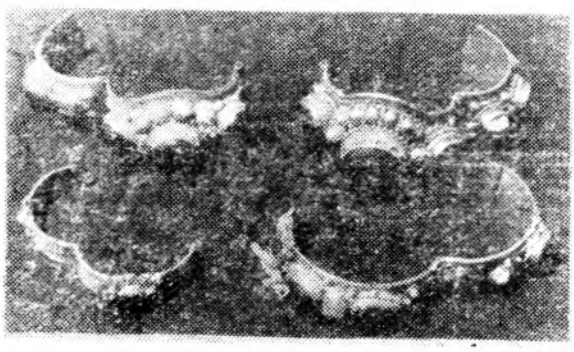

Рис. 14 д. Браслеты.

С проникновением в горы изделий фабричного производства местные мастера стали изготавливать браслеты по городским образцам. Это были совсем легкие браслеты с одним крупным камнем в центре на нетолстой проволочке или на неширокой тонкой пластинке, покрытой черневым узором.

Среди украшений одежды девочек в первую очередь надо отметить украшения головногоубора — чухты. Как уже отмечалось, налобная кромка детской чухты обшивалась тонкой цепочкой в один-три ряда, иногда она переходила в височную подвеску; над цепочкой по теменной части чухты иногда нашивались в один ряд монеты или бусы.

Девочки носили простые легкие серьги, тоненькие колечки, а вместо браслетов — две-три нитки мелких бус.

Девушке не полагалось носить крупные кольца с головками и браслеты с большими драгоценными камнями.

Подводя итоги сказанному, можно установить, что в одежде даргинцев значительную роль играли различные украшения. Наличие на территории Даргинии такого известного центра металлообработки, каким исстари являлись Кубачи с близлежащими аулами Амузги и Харбук, оказало огромное влияние на разнообразие и широкое распространение всевозможных металлических (преимущественно серебряных) украшений. Украшения эти отличались высокой техникой исполнения, красотой и богатством форм и орнамента, изяществом работы, особенно филигранной.

Большим разнообразием отличались женские украшения, особенно украшения для головного убора.

Несмотря на своеобразие и локальные особенности, даргинские национальные украшения довольно близки к украшениям других народов Дагестана.

Сравнивая украшения женской одежды у народов Дагестана, можно придти к выводу, что даргинские женские украшения ближе всего стояли к аварским, лакским и агульским предметам подобного назначения. Нагрудные украшения типа «кIичI» очень похожи на аварские «куц».[73] Почти одинаковы по форме и декоративному облику также даргинские, аварские, лакские серьги, кольца и браслеты.

---

[73] Е. М. Шиллинг. Изобразительное искусство народов горного Дагестана. «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», М., 1950, стр. 53—55; С. С. Агаширичева. Национальная одежда аварцев. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2863, стр. 126.

Традиционные украшения теменной части чухты, равно как и подвесок у даргинок, находят аналогии в украшении головных уборов аварок. Например, даргинскому теменному украшению «чухталже чидахул» соответствуют аварские украшения «маргал» (сел. Ругуджа)[74] и «тIаял» (сел. Гоор).[75] Такие же аналогии можно найти в височных украшениях.[76]

Подобно даргинкам украшали платье нашитыми монетами лачки (сел. Балхар) и агулки; последние также носили специальные нагрудники и передники из монет.[77]

Многие формы женских украшений, бытовавшие в Даргинии в XIX — начале XX вв., как свидетельствуют археологические данные, своими корнями уходят в глубокую древность. Так, например, витые браслеты имели широкое распространение еще в период раннего средневековья. Головной убор, теменная часть которого обшита монетами, был обнаружен при раскопках раннесредневекового Бежтинского могильника[78] и т. д.

Все это говорит о сохранении древних традиций, о преемственности в развитии материальной культуры.

В конце XIX — начале XX вв. наблюдается известная нивелировка локальных вариантов украшений одежды и других предметов материальной культуры как в отношении отдельных районов внутри самой Даргинии, так и в отношении Даргинии и соседних иноэтнических территорий. В первую очередь это относится к предгорным и плоскостным районам, где этот процесс начался раньше и шел быстрее, чем в горных районах Даргинии. Этому в немалой степени способствовало наличие тесных культурно-экономических связей между народами Дагестана, взаимовлияние их культур, а также широкое проникновение городской культуры.

е) Вышивки

Даргинки украшали одежду вышивками. Это могла быть сложная златошвейная работа, или тканная тесьма, или простая узорная строчка. Все зависело от назначения одежды. Искусными вышивальщицами были женщины таких этнографических районов, как Кайтаг, Цудахар, Кубачи, а также селений плоскостной Даргинии — Губден, Акуша и т. д.

Очень нарядно и красиво вышивались казы и обшлага рукавов праздничных платьев в селении Кубачи. Прекрасное описание стиля, техники и изобразительных мотивов этих вышивок дано в работе Е. М. Шилинга «Кубачинцы и их культура».[79]

Обшлага рукавов вышивались мелким жемчугом, составляя крупные треугольные или трапециевидные фигуры, на свободное от жемчуга пространство нашивались серебряные бляхи различной формы и величины, украшенные камнями и чернью. Таким же образом украшали низ штанов, который был виден из-под платья. «Кубачинки... носили, — пишет П. Ф. Свидерский, — множество украшений, штаны были обшиты внизу благородными камнями и жемчугом».[80]

---

[74] Е. М. Шиллинг. Изобразительное искусство народов горного Дагестана, стр. 53.

[75] И. Ш. Арбуханова. Художественная обработка серебра у аварцев. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 3162, стр. 37.

[76] С. С. Агаширинова. Национальная одежда аварцев. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2863, стр. 73.

[77] С. С. Агаширинова. Национальная одежда лезгин в XIX — начале XX вв., 1960. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2922, стр. 73.

[78] Д. М. Атаев. Средневековая Авария. Махачкала, 1963, стр. 117, рис. 14, 16.

[79] Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура.

[80] П. Ф. Свидерский. В горах Дагестана. Петровск, 1903, стр. 55.

На казах вышивали золотом или цветным шелком фигуры птиц, цветы, стилизованную вязь в стиле арабской надписи. При этом преобладали растительные мотивы. Кубачинки красиво вышивали налобно-теменную часть чухты девочек золотой и серебряной нитью по черному фону, здесь также преобладал растительный орнамент.

Женщины Кубачи, Кайтага, Цудахара, селений Мекеги, Губден и др. вышивали золотом кобуру для пистолета и мужские кисеты, оформляли плетеным золотом шнуром башлык и бурку. Нужно сказать, что вообще большую роль в украшении и женской и мужской одежды играли всевозможные плетеные шнуры из золотой и серебряной канители, разнообразная тесьма красивого плетения, а также позументы. Все эти виды изделий могли быть как местного изготовления, так и покупные.

В Губдене женщины вышивали золотом, серебром и цветным шелком головки женских чувяк, а также шапочки для мальчиков.

Менее нарядная одежда украшалась всевозможной узорной строчкой, сделанной простыми цветными или однотонными нитками. Наибольшее применение этот вид украшения находит себе в детской одежде. Но таким же образом украшался иногда и низ чухты, особенно если она предназначалась для повседневной носки.

Прически и косметика

Даргинка носила обычно длинные косы, их могло быть до 12—20. Между прической девушки и молодой женщины не было особой разницы. Повсеместно и те и другие оставляли незаплетенными недлинные пряди волос от висков вдоль щек до мочки уха, а в предгорной же и плоскостной части Даргинии оставляли на лбу челку. В ряде мест (Дахадаевский, Кайтагский и другие районы) существовал обычай сбривать волосы с самой нижней части затылка. Это было характерно для даргинок всех возрастов, в частности для маленьких девочек. Сами женщины находили в этом определенное удобство при ношении чухты, а кроме того видели в этом магическое средство предохранения от болезней.

В некоторых селениях (Гапшима, Шукты, Мегва) в XIX — начале XX вв. сохранился обычай, по которому молодая женщина после замужества, особенно с рождением ребенка, состригала волосы, оставляя их лишь на лобно-теменной части. В настоящее время женщины говорят, что это делалось всегда в целях гигиены и удобства. Нам представляется, что в этом обычае есть и элементы ритуального характера. Подобным обрядом фиксировался переход женщины из одного состояния в другое (замужество, рождение ребенка). Нельзя не видеть здесь и пережитков патриархально-родового быта, когда женщина в связи с выходом замуж теряет свои привилегии, целиком и полностью принадлежит своему мужу, перестает следить за своей внешностью, должна быть полностью занята работой по дому, воспитанием детей и т. д.

В этом явлении есть связь с широко распространенным обычаем глубокой древности, когда после смерти мужа жену насильственно умерщвляли, или она добровольно лишала себя жизни и супругов хоронили вместе. В более позднее время ограничивались тем, что в могилу клали косы женщины [81]. В XIX — начале XX вв. у многих народов Да-

[81] М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, II, стр. 75; Г. Ф. Чурсин. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913, стр. 171—173.

гестана еще сохранился обычай, когда женщина в день смерти мужа в знак траура отрезала косы и обматывала ими руки и талию[82].

Возвращаясь к описанию причесок, отметим, что косы девочкам начинали отращивать с 5—6 лет. До этого возраста девочек стригли коротко, оставляя челку и прядь волос у виска.

Младенческие волосы как у девочек, так и у мальчиков сбривали, когда они достигали возраста одного года. Это событие в семье отмечалось торжественно, сопровождалось раздачей ритуальной пищи.

За длинными косами девочке до 12—13 лет помогала ухаживать мать. Для того, чтобы волосы лучше росли, имели блеск, их мыли простоквашей, яичным желтком, а в садоводческих районах — миндальными отрубями с молоком при расчесывании волосы слегка смазывали топленым маслом.

В ряде мест замужние женщины из состоятельных семей иногда красили волосы хной.

Косметике даргинка уделяла мало внимания как до замужества, так и особенно после выхода замуж. Для белизны кожи лица его мыли кислым молоком. Для защиты от загара во время полевых работ лицо мазали раствором белой глины, который смывали после работы. Девушки и женщины, за редким исключением, не красились. На плоскости и в предгорных районах женщины из состоятельных семей изредка сурьмили брови, румянились водным раствором кармина, а также подкрашивали ногти хной.

Основные особенности костюма женщин отдельных этнографических районов Даргинии XIX века.

I. Кайтаг[83]: селения Чумли (главное), Санчи, Карацан, Баршамай, Джавгат, Карталай, Джирабачи, Газия, Шиляги, Малла-Кент, Гулли. Яркие, разноцветные платья, ашмаг белый (покрывало для головы), штаны черные, чуткъа гладкая и без металлических украшений.

II. Каба-Дарго: селения Урахи (главное), Муругк, Бурдеки, Мулебки, Кана-Сираги, Мугри, Бускры, Цизгари, Сураи, Герга, Аймау-Махи, Гичи-Гамри, Аялизи-Махи, Ванаши-Махи и др. Платья черные. Чаба (головное покрывало) черная, штаны черные, чуткъа черная и металлических украшений нет.

Исключение здесь составляют селения Урахи, Гиччи-Гамри, Бурдеки, женщины которых одевали разноцветные платья ярких тонов, белую чабу. Женщины селений Герга, Кана-Сираги, Муругк носили чабу разноцветную, главным образом ярких расцветок (красная, желтая, зеленая, синяя).

III. Муэри или Уркукъ: селения Уркарах (главное), Харбук, Меусиша, Дейбук, Кища, Трисанчи, Зубанчи, Чища, Чишили, Дибгаши, Зубанки и др. Черные платья, черная чаба, черные штаны, черная чуткъа простого покроя, в основном без металлических украшений на ней.

IV. Сирга (Сирхlа): селения Хуршни, Урари (главные), Дуакар, Цугни, Сутбук, Голатди, Чираг. Черные платья, черная дикlа (чаба), черные штаны, трехсоставная чуткъа с нашитыми на ней металлическими украшениями.

V. Кубачи: селения Кубачи (главное), Амузги, Сулев-Кент. — Черные платья, черные штаны, белый кlаз (головное покрывало), короткая цветная чуткъа с черной вставкой в налобной части.

---

[82] П. Пржецлавский. Нравы и обычаи в Дагестане. «Военный сборник», 1860, № 4, стр. 297.

[83] Сюда не входит верхняя часть Кайтага, примыкающая по культуре к муэринцам (Уркарахскому участку).

VI. Бургъан-Дарго: селения Ашты, Кунки, Ицари и др. — Черные платья, черные штаны, белый кIаз, трехсоставная верхняя чуткъа с черной вставкой в налобной части. На налобную и теменную части чуткъа нашиты украшения, главным образом из серебряных монет, цепочек и бус, а также белые матерчатые пояса.

Рис. 15. Муэринка.

VII. Цудахар: селения Цудахар (главное), Ходжал-Махи, Куппа, Тебек-Махи, Сана-Махи, Аме-Терк-Махи, Мусульте-Махи, Алихан-Махи, Таш-Капур, Кара-Кадани-Махи, Верхние Урбеки, Нижние Убеки, Гулаты-Махи, Дабур-Либте, Кули-Бухна, Арши-Махи, Буртани-Махи. — Черные платья, черные штаны, черная чаба, черная чуткъа с массивной серебряной цепочкой спереди.

VIII. Кар-Дарго: селения Акуша (главное), Бурхимак, Карлабко, Уллуая, Наскент, Кака-Кент, Леваши, Мекеги, Муги, Дубри-Махи, Уркучи-Махи, Бургимак-Махи. — Платья черные, чаба белая, штаны черные, чуткъа цветная со вставкой из черного атласа спереди — в налобной части.

IX. Чибах-Дарго (верхняя, крайняя часть Дарго): селения Усиша (главное), Гапшима, Бутри, Танти, Гиба, Гинта, Зилмукъ, Шукты, Мегви, Курки.— Черные платья, черные или белые покрывала (чаба), матерчатые пояса (серые, белые, черные), цветные чуткъа, но черные спереди, в налобной и теменной частях.

а

б

Рис. 15 а. Даргинки в национальных костюмах:
а — губденка, б — кайтачка.

X. Селения Губден, Мюрего, Кадар — занимали промежуточное положение. Одежда жителей этих обществ имела много общего с одеждой кумыков. Их женский костюм почти не отличался от костюма кумычек. Здесь носили квадратные платки, черные чуткъу, платья из гладких разноцветных тканей. Черная одежда — только траурная.

XI. Гуцуль-Дарго: селения Чираг, Амух, Аптлух. — Черные платья, черные штаны, цветная чуткъа, черный ашмаг, широкий матерчатый пояс.

* * *

Анализ дореволюционной народной одежды даргинцев и связанных с ее изготовлением домашних промыслов (прядение, ткачество, обработка кожи и др.) позволяет сделать следующее заключение: в натуральном в своей основе хозяйстве даргинцев вплоть до начала XX века важнейшее значение для изготовления одежды имела обработка кожи, шерсти, растительных волокон. Первостепенная роль в домашних промыслах принадлежала производству тканей, особенно сукна, имевшего повсеместное распространение. Ткачество, как об этом свидетельствуют археологические данные, было известно горцам Дагестана, в том числе населению Даргинии, еще в глубокой древности.

Несмотря на архаическую технику, применявшуюся в ткацком деле в XIX — начале XX в., многие даргинки прежде всего женщины цудахарской этнографической группы, достигли большого мастерства в производстве изделий из шерсти и растительного волокна. Их тончайшее сукно, известное под названием «кубачинского» или «лезгинского», отличалось большой прочностью и славилось на всем Кавказе, в центральной России, Передней Азии и т. д., где находило широкий спрос.

Даргинцы в исследуемое время пользовались и привозными тканями. С присоединением Дагестана к России, наряду с распространением дорогих тканей, шедших на удовлетворение потребностей состоятельных слоев общества, увеличивается приток дешевых тканей, в какой-то мере доступных простым крестьянам.

Даргинцы создали оригинальные формы одежды, которые совершенствовались в течение всей истории народа по мере роста экономики и культуры общества и расширения связей с соседними народами.

В своей основе костюм даргинцев в исследуемый период был единым для всей Даргинии. Эта общность особенно характерна для мужской одежды, которая почти не имеет локальных вариантов. Подавляющее большинство населения шило одежду из однотонных тканей темных расцветок.

Основные элементы женского костюма — туникообразная рубаха, чухта, покрывало — дикIа» или «чаба», овчинная шуба-накидка и т. д. также были общими почти для всей Даргинии. Однако одежда даргинки имела и существенные локальные различия. Костюмы женщин — кайтагской, цудахарской, сюргинской, кубачинской, каба-даргинской, кардаргинской, губденской и других этнографических групп значительно отличались друг от друга и представляли собой как бы отдельные комплексы.

Знакомство с даргинским языковым материалом позволяет придти к выводу, что границы распространения каждого из этих вариантов костюма, названных нами условно комплексами, почти совпадают с границами распространения диалектов или говоров даргинского языка — кайтагский диалект, цудахарский диалект, кубачинский диалект и т. д.

Мы склонны думать, что женская одежда в силу ряда исторических причин больше и дольше сохраняет и отражает пережитки былых родоплеменных различий в культуре даргинцев в целом.

В самом деле, в женской одежде менее чем в мужской нивелированы местные особенности, значительно больше сохранились архаические черты. Несомненно, что женщина была почти изолирована от внешнего мира, от влияния внешней среды. Она редко выезжала из своего

селения по хозяйственным, а тем более по общественным делам. Сохранению замкнутого быта женщины способствовала эндогамность браков. Редко когда девушку выдавали замуж в другой аул, а тем более за представителя другой национальности. Мужчины были, напротив, более подвижны. В силу господства патриархально-феодальных порядков все экономические, политические, оборонные отношения и связи между обществами и народами Дагестана осуществлялись только через мужчин. Перегон скота через иноэтнические территории, торговый обмен на дальних базарах, отходничество были уделом только мужчин. Неудивительно поэтому, что самые архаические формы языка, как отмечают языковеды, встречаются в речи женщин. Женщины являются и главными хранителями и распространителями произведений устного народного творчества, особенно причитаний — «ясов», содержащих ценный исторический и лингвистический материал.

Материальная культура даргинцев развивалась в тесной связи с материальной культурой других народов Дагестана. Даргинская одежда в частности имела много общего с одеждой аварцев, лакцев, кумыков и других соседних народов. Даргинский «къаптан», «минтана», кумыкский «къаптал», лакский «ава», аварский «гутгат», лезгинский «валчаг» представляют собой все тот же бешмет, имеющий только некоторые незначительные местные особенности. Единую форму у всех народов имели черкеска (даргинский «сукъбан», «чукъа», лакский «чукъа», лезгинский «чукъа», кумыкский «чепкен»), а также основные виды головных уборов, обуви и т. д.[84]

Такое же единство, хотя и в несколько меньшей степени, обнаруживает и женская одежда. Общедагестанскими являлись, в частности, описанные выше туникообразная рубаха, штаны двух фасонов, чухта (по крайней мере один из ее видов), мягкие сафьяновые чувяки, шерстяные носки, башмаки, многие виды украшений (поясные, ручные, нагрудные и т. д.), хотя все они отличались некоторым своеобразием, отражающим вкусы, традиции, этнические особенности каждой народности, и связанным с естественно-географическими условиями ее территории, а также уровнем социально-экономического развития.

Сравнивая женские костюмы различных этнических территорий Дагестана, мы приходим также к выводу, что наиболее близкими между собой, почти однотипными во всех элементах, являются костюмы аварок, даргинок и лачек. Сравнительно больше различий между костюмом даргинок и костюмом кумычки и лезгинки. Это положение в большей мере может быть распространено на территорию внутренних центральных частей Даргинии, Аварии и Лакии, менее подвергшихся влиянию культуры других народов. Наш вывод по данному вопросу вполне подтверждается языковым материалом. Установлено, что среди дагестанских языков наиболее близкими являются аварский, даргинский и лакский языки, несколько особое положение занимает лезгинский язык, не говоря уже о кумыкском, относящемся к другой, тюркской языковой семье.

Под влиянием культуры соседних народов в Даргинии и особенно на ее участках, граничащих с другими этническими территориями, бытовали, правда, в более поздний период, некоторые, исторически нехарактерные для даргинцев элементы одежды. Таковы, в частности, платья типа «къабалай» и «полуша». Они проникли сюда, как и во все пограничные районы нагорного Дагестана, а также в бывшие ханские рези-

---

[84] Ср. З. А. Никольская. Аварцы. «Народы Кавказа», М., 1960; С. С. Агаширинова. Национальная одежда аварцев. Махачкала, 1961. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2863; Ее же. Национальная одежда лезгин в XIX — нач. XX вв. Махачкала, 1960. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2922; С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1960.

денции (Хунзах, Казикумух, Курах, Зиль и т. д.) от кумыков. Недаром «къабалай» аварцы называют наряду с «хабалай», «ръерагlаб нерлъэл», что означает дословно «плоскостная одежда».

Под влиянием культуры соседних народов шло и распространение некоторых головных уборов — большого квадратной формы платка и простой мешкообразной чухты без украшений.

В результате тесного культурного общения с другими народами, в плоскостной и предгорной части Даргинии образовался переходный, смешанный тип женского костюма, носящий на себе отпечаток не только местной, традиционной одежды, но и одежды соседей.

С начала XX века и особенно со времени Октябрьской революции, создавшей все условия для ликвидации экономической и культурной разобщенности отдельных районов Дагестана, усиливается давно наметившийся процесс нивелировки женской одежды и на всей территории Даргинии. Особенно быстро развивался этот процесс в ее плоскостной и предгорной зонах, несколько медленнее — в горной.

Даргинцы не только испытывали влияние культур других народов, но и сами оказывали определенное воздействие на культуру своих соседей. Обработка кожи, производство тканей из шерсти и растительного волокна у даргинцев стояли выше, чем у некоторых других народов Дагестана. Славились в среднем Дагестане и шелковые платки, изготовляемые в даргинском селении Мюрего. Даргинский народ несомненно являлся одним из творцов общедагестанского костюма. Лучшими считались украшения и оружие, изготовлявшиеся в ремесленных центрах Даргинии.

Сравнение даргинского мужского и женского костюмов с одеждой других народов Кавказа также позволяет говорить об общности (в основных чертах) одежды всех этих народов. Таким образом, культура всех кавказских народов развивалась в тесной взаимосвязи.

После присоединения Дагестана к России, в результате общения с русским населением, в даргинский аул, наряду с фабричными тканями, постепенно начинают проникать и предметы готовой городской одежды, а также привозные украшения. Городская одежда появляется прежде всего среди отходников — мужчин, среди представителей старой интеллигенции и служащих «военно-народного управления».

Но влияние городской культуры на дореволюционный горский, в частности даргинский, аул было очень невелико. Оно особенно мало отразилось на женской одежде. Даргинки иногда пользовались городскими шелковыми и кашемировыми платками, некоторыми видами обуви (галоши, башмаки) и украшений.

В заключение следует отметить, что несмотря на навыки народа в изготовлении добротных тканей и всевозможных украшений, в шитье разнообразной и красивой для своего времени одежды, далеко не все даргинки имели возможность одеваться по своему вкусу. Только представительницы богатых слоев населения могли шить одежду из хороших материалов, носить красивые украшения. Подавляющая же часть населения не имела двух смен одежды даже из простых материалов, не пользовалась нательным бельем в собственном значении этого слова. Нередко женщины стирали одежду ночью, во время сна остальных членов семьи, чтобы одежда высохла к утру. Сами же женщины нередко на время стирки своей одежды занимали одежду у соседки. Поэтому стирали одежду редко, считая, что от частой стирки она быстрее рвется. Более того, ткани для нижнего белья или легкого платья пропитывали жиром; обмазывали жиром кожаные предметы костюма — овчинную шубу, обувь и т. д.

Не лучше обстояло дело с санитарно-гигиеническим состоянием тела. В своем обследовании санитарного быта жителей Даргинского

округа, проведенном в 1927 году, Ю. В. Вадковская и А. Д. Астафьев, например, отмечали: «По отношению к омовению самого тела и умыванию можно считать, что как самый процесс, так и чистота его в значительной степени находятся в зависимости от религиозных предписаний; основной целью при этом служит выполнение обрядовой стороны, отчего на второй план отходит выполнение омовения с целью очищения кожи и поэтому нельзя признавать большого санитарно-гигиенического значения за омовением всего тела, лица и других частей тела» [85]. Ими же было отмечено несколько случаев, когда трехмесячного ребенка не мыли с момента его рождения.

4 СОВРЕМЕННАЯ ДАРГИНСКАЯ ОДЕЖДА.

Советский период истории даргинского народа составляет новый этап в развитии его материальной культуры, в том числе и одежды.

Победа колхозного строя, основанного на широком применении машинной техники, полная перестройка всей экономики края, дали возможность поднять благосостояние народа, улучшить снабжение дагестанского аула промышленными товарами.

Прежде всего совершенно исчезла надобность в изготовлении самодельных тканей, сыгравших столь важную роль в условиях отсталого, натурального в своей основе хозяйства даргинцев. Теперь даргинцы шьют одежду только из тканей фабричного производства, причем самого широкого ассортимента.

Все больше входят в быт даргинцев готовая одежда и обувь городского типа, которыми снабжают колхозников сельские магазины. Традиционной одеждой пользуются преимущественно люди старшего возраста.

Таким образом, начавшаяся издавна нивелировка местных локальных особенностей костюма получает быстрое развитие и завершается в советское время. Этот процесс неразрывно связан с ликвидацией разобщенности различных районов Даргинии, национальной консолидацией народа; вызван теми коренными преобразованиями, которые произошли и продолжают происходить в годы Советской власти в экономической, общественно-политической и культурной жизни даргинского народа.

Следует отметить, что замена существовавшего веками традиционного даргинского костюма как мужского, так и женского, костюмом городского покроя являлась весьма медленным процессом. Особенно сложным и своеобразным был этот процесс для женщин.

Огромные экономические трудности, вызванные военным временем, резко отрицательно сказались и на снабжении населения промышленными товарами, в том числе тканями.

Выступая на Учредительном съезде Советов Горской ССР 18 апреля 1921 года, С. М. Киров отмечал: «...Голод, нужда дошли до крайних пределов. Не могу не вспомнить здесь той картины, которую мы видели в глухом Дагестане или здесь, на Тереке: когда женщине нужно было выйти за водой, то объявлялось, чтобы мужчины сидели дома, не выходили на улицу, ибо женщины выходили за водой в чем мать родила, — им нечем было прикрыть свою наготу» [86].

Поневоле население Даргинии, как и всего Дагестана, вынуждено было возрождать домашнее прядение, ткачество, обработку кож. Из

---

[85] Ю. В. Вадковская и А. Д. Астафьев. Заметки по санитарному быту. «Санитарно-гигиеническое обследование народностей Дагестана». Труды института социальной гигиены НКЗ РСФСР. Вып. I, М.—Л., 1930, стр. 97.

[86] С. М. Киров. Избранные статьи и речи. ОГИЗ, 1939, стр. 156.

домотканного сукна стали шить не только мужскую одежду, как это было раньше. но и женские платья, в отдельных случаях даже головные платки; овчина шла на мужские шаровары и т. д. Большое значение в это время приобрели и конопляные ткани домашнего изготовления, шедшие главным образом на женскую одежду.

Советское правительство, понимая трудности Дагестана, с первых же дней существования ДАССР стало оказывать республике большую помощь.

Командированный в 1921 году в Москву к В. И. Ленину в числе «Тройки» для выработки и утверждения Конституции Дагестанской Советской Социалистической Республики Д. Коркмасов отмечал: «Товарищ Ленин чрезвычайно внимательно и тепло отнесся к нашим заявлениям и дал слово оказывать действительную помощь Дагестану. По его распоряжению уже отправлено в Дагестан полтора миллиона аршин мануфактуры, до 15 вагонов земледельческих орудий и фруктосушилен, до 23 тысяч пудов хлебозерна и много лекарств» [87].

Большая помощь оказывалась республике неоднократно. Помогали дагестанскому народу и трудящиеся других братских республик, особенно азербайджанский пролетариат. Так, по просьбе Дагестанского ревкома Азербайджанский ревком в 1920 году отпустил в числе многих продовольственных и промышленных товаров 35 тысяч аршин бязи [88]. Только за 1920 и первое полугодие 1921 года по линии Наркомсобеса было выдано трудящимся республики 4830925 аршин мануфактуры [89].

Нужда в тканях домашнего производства сохранилась в крае, в частности в даргинских районах, и в восстановительный период, который в условиях Дагестана по некоторым отраслям народного хозяйства продолжался вплоть до 30-х годов, т. е. до проведения сплошной коллективизации.

В связи с этим, по сравнению с дореволюционным периодом, отдельные виды домашних промыслов даже несколько расширились. Надо сказать, однако, что одежды, изготовленной из тканей домашнего производства, хватало далеко не на всех. Мануфактурный голод продолжался.

Согласно проведенному в 1927 году социально-гигиеническому обследованию обеспеченность населения Даргинского округа одеждой представляла следующую картину. Совсем не имели белья почти половина всех женщин (45%) и детей (48%) и около 1/3 мужчин; более одной смены. но не свыше 2—3 имело 17% детей, 20% женщин и 39% мужчин [90]. Мужчин, не имеющих верхнего легкого платья (бешмет, рубаха) и одевающих зимнюю одежду (шубу) поверх белья, было 20% [91].

Еще хуже обстояло дело с верхней зимней одеждой. Половина всех детей, 35% женщин и 9% мужчин не имели ее совсем. Почти так же обстояло и с обувью [92].

Все это вместе взятое не могло не привести к сохранению в течение определенного периода основных характерных черт старой, традиционной одежды даргинцев.

Тем не менее в даргинский аул, так же, как и в другие районы Дагестана, и в это время постепенно проникала одежда городского покроя. Этот процесс значительно ускорился со времени победы колхозного строя.

---

87 Газета «Советский юг» от 7 апреля 1921 г. Цит. по сб. «Революционные комитеты Дагестана», Махачкала, 1960, стр. 394.

88 Сб. «Революционные комитеты Дагестана», стр. 371.

89 Там же, стр. 396—397.

90 Ю. В. Вадковская и А. Д. Астафьев. Даргинцы. Заметки по санитарному быту «Социально-гигиеническое исследование народностей Дагестана». Вып. I, М.—Л., 1930, стр. 195.

91 Там же.

92 Там же.

Одежда городского типа в первую очередь получает распространение среди мужчин — представителей интеллигенции, рабочих. В частности, довольно быстро получили признание гимнастерки и брюки-галифе, оказавшиеся очень удобной одеждой в условиях нагорного Дагестана.

Повышение благосостояния и культурного уровня народа способствовало широкому употреблению даргинцами белья. В большинстве случаев материалом для мужского белья в это время служила отбельная бязь. Белье нередко сохраняло местный покрой.

Постепенно к даргинцам проникла и городская зимняя одежда разных фасонов: фуфайки, пальто, кожанки, крашеные в черный цвет или крытые овчинные шубы, известные под названием «гуржи хIяка» или «важилхан хIяка» (буквально «шуба в талию»), и др.

Бывшие красные партизаны, часть работников партийно-советского аппарата носили и шинели. Надо сказать, что одежда военного образца охотно употреблялась горцами Дагестана и она долго бытовала здесь.

Изменялись обувь и головные уборы. Широко бытовали, в частности, кожаные сапоги, фасоны которых менялись в соответствии с городскими модами, резиновые галоши и др.

В 30-х годах широкое распространение получают, кроме того, сафьяновые «азиатские» мужские чувяки с голенищами, известные здесь под названием «гуржи масхIу» («грузинские сапоги») или просто «махIсуби». Эта обувь очень напоминает традиционные «масхIу», но в отличие от них чувяки и голенища скреплялись лишь при помощи сафьяновых петель и пуговиц. Как верх чувяк, так и голенища, покрывались фигурной застрочкой. В отличие от «масхIу» к чувякам этих «махIсуби» пришивалась еще подошва из другой, более крепкой кожи. Такую обувь одевали и при выходе на улицу.

Из новых видов головных уборов следует отметить фуражки, которые носили вместе с гимнастеркой и галифе, а также шапки-ушанки. Некоторое время носили и шапки «буденовки».

Фасон новой одежды зависел от городской моды, хотя его изменения несколько запаздывали. Городские моды распространялись из районов Даргинии, расположенных вблизи города, а также из таких крупных даргинских центров, как Урахи, Цудахар, Кубачи, Чумли, более тесно связанных с городами.

Как уже отмечалось нами названной выше городской одеждой первое время пользовалась только небольшая часть населения — представители интеллигенции, рабочие. Среди широких масс сохранилась одежда традиционного покроя, но шилась она теперь из добротных, купленных по вкусу хозяина материалов. Начиная с 20-х годов, в течение почти всего довоенного периода, широкое распространение имела известная еще до революции «кавказская рубаха». Она в большей степени, чем гимнастерка, заменила традиционный бешмет. В отличие от гимнастерки, «кавказская рубаха» становится любимой формой одежды значительной части крестьянского населения, особенно молодежи.

Таким образом, весь комплекс одежды горца в довоенный период представлял собой своеобразное сочетание элементов одежды традиционной и новой, оформившейся под влиянием города. Более устойчиво сохранились традиционные формы в головных уборах, но и здесь произошли существенные изменения. С повышением благосостояния почти все даргинцы вместо овчинных папах стали шить папахи из среднеазиатского каракуля или мерлушки. Многие стали покупать и шапки-ушанки, отороченные хорошим мехом.

Изменения продолжают происходить в костюме даргинца и в послевоенный период. В годы Великой Отечественной войны и некоторое время после войны многие из даргинцев носили костюм военного образца — брюки-галифе, китель и хромовые сапоги. Такой костюм либо

шился местными портными, либо покупался у бывших военнослужащих.

Одной из важнейших особенностей развития костюма в послевоенный период является усиление процесса его нивелировки, ликвидация сохранившихся в одежде локальных особенностей. Этот процесс явился следствием роста общения горцев с городским населением. Еще в годы Великой Отечественной войны многие мужчины побывали в разных городах Советского Союза, а также за рубежом. По возвращении в родной аул они стали носителями передовой культуры, пропагандистами нового быта.

Нивелировке особенностей одежды способствовали в огромной степени рост благосостояния колхозников, появившаяся возможность покупать одежду в магазинах. Развитие промышленности, вызвавшее уход значительного числа даргинцев в города и рабочие поселки, также создало благоприятные условия для восприятия новой культуры, в частности материальной. Имело большое значение и развитие государственной и кооперативной торговли, рост всех средств передвижения, усиление дорожного строительства.

В настоящее время подавляющее большинство даргинцев приобретает в магазинах как белье, так и верхнюю одежду, а также обувь, головные уборы.

В отличие от довоенного периода и военных лет колхозники, особенно молодежь, носят брюки на выпуск. Брюки-галифе постепенно выходят из моды, ими пользуется только небольшая часть даргинцев, и то среднего возраста; вышли из моды и фуражки, которые летом заменяются кепками, а зимой — ушанками.

В связи с повышением культурного уровня многие колхозники, рабочие совхозов, сотрудники партийно-советского аппарата костюмы шьют на заказ, в специальных мастерских. Для удовлетворения нужд трудящихся почти во всех райцентрах и рабочих поселках созданы комбинаты бытового обслуживания и ателье, где каждому предоставляется возможность заказать одежду по его вкусу. Пальто обычно покупают в магазинах готовым.

Основными видами обуви сейчас являются сапоги и туфли. Обувь также приобретается в магазинах.

Из старой традиционной одежды до настоящего времени сохранились лишь папахи и некоторые виды местной обуви. Так, в качестве специальной производственной одежды сохраняются чарыки и овчинные папахи. Кроме того, свое значение сохраняет бурка. Чарыки и бурки по заказу торгующих организаций выпускают предприятия местной промышленности республики, папахи шьют специальные мастера на месте. Излюбленным головным убором у многих даргинцев по-прежнему являются папахи из азиатского каракуля с суконным донышком. Тем не менее мода на такие папахи уже проходит. Подавляющее большинство мужчин летом пользуется кепками фабричного производства, а зимой — шапками-ушанками.

Из элементов городской одежды пока еще слабо прививаются шляпы и галстуки. Ими пользуются в даргинских селениях только представители интеллигенции (учителя, врачи, агрономы и т. д.). Старую традиционную одежду — бешмет, папаху, шубу, мягкую обувь, масхIу с галошами продолжают носить лишь пожилые даргинцы. Их обычно всего лишь несколько человек в каждом селении.

Мальчики, за редким исключением носят одежду городского типа. Почти все семьи приобретают детям легкую летнюю и теплую зимнюю одежду, обувь и головные уборы в магазинах. Только изредка можно увидеть на мальчиках местные тюбетейки или папахи из овчины. Фуфайки или телогрейки иногда также шьются местными мастерами с уче-

том традиционных особенностей этих предметов одежды. Некоторые дети носят шерстяные носки, которые еще вяжут даргинки. Во всем остальном даргинская детская (для мальчиков) одежда ничем не отличается от одежды городских ребят.

Существенные изменения произошли и в женской одежде. Однако процесс изменения женского костюма в Даргинии так же, как и во всем Дагестане, был более медленным, сложным и своеобразным.

Даргинка, в силу ее большой отсталости и придавленности патриархально-феодальными порядками в быту, гораздо медленнее, чем мужчина, воспринимала элементы новой культуры, в том числе новую одежду.

Борьба за преобразование культуры и быта трудящихся, которую вели в Дагестане областные и местные партийные и советские организации включала в себя борьбу за обеспеченность одеждой, за более гигиенические и удобные ее формы.

В первые годы после революции городская женская одежда распространяется на селе преимущественно среди партийно-советского актива, среди воспитанниц детских домов, женских интернатов, учащихся специальных средних и высших учебных заведений, работниц и служащих, словом среди всех тех, кто активно участвовал в социалистическом строительстве, в общественной жизни села и, в первую очередь среди молодежи.

Большую роль в борьбе за новый быт сыграли женсоветы, организованные в каждом населенном пункте и руководимые местными партийными и советскими организациями, а также делегатские собрания. В окружных центрах Дагестана были созданы, кроме того, специальные комиссии по улучшению труда и быта горянок, одной из функций которых была пропаганда новых форм культуры и быта.

Опираясь на силы формирующейся новой интеллигенции, советские активистки развернули борьбу за культуру быта, причем в первую очередь среди молодых женщин и девушек. Большая работа, в частности, проводилась с ними через школу, сакли горянок, женские клубы и т. д.

Рис. 15 б. Даргинка в современной одежде.

Повсеместно развернулась кампания за отказ от неудобных головных уборов (чуткъа, чаба и т. д.), за замену их обычными платками. Показывая пример, активистки в присутствии других женщин селения, обычно около клуба, снимали с себя эти уборы и выбрасывали их. Охотней и быстрее на эту кампанию откликнулись школы, где она проводилась более организованно и целеустремленно. За короткий период даргинки-школьницы перестали носить чабу, чуткъу, черные широкие штаны, черную туникообразную рубаху, заменив их более удобными платками, бельем и платьями светлых тонов.

Не меньшее значение в борьбе за новый быт имела кампания, проходившая под лозунгом «Пальто горянке!». Проведение этой кампании было связано с необходимостью заменить неудобные и тяжелые овчинные шубы более легкими и в гигиеническом отношении лучшими пальто. Стараясь убедить женщин в преимуществах городского пальто, активистки обычно торжественно надевали их в присутствии большого числа односельчанок.

Распространение новых форм одежды сопровождалось пропагандой замены ткани черного цвета тканью светлых и ярких расцветок, привитием новых навыков кройки и шитья одежды, ее стирки и глаженья.

С этой целью сакли горянок организовывали для молодых женщин и девушек специальные занятия и консультации.

Исходя из указаний В. И. Ленина о том, что коммунистическая работа среди женщин необходимо предполагает воспитательную работу среди мужчин, партийные организации Дагестана осуществляли многие мероприятия в этом направлении через активистов, которые помогали своим женам, сестрам и дочерям как можно быстрее освободиться от влияния консервативных пережитков старого быта.

Процесс изменения материальной культуры протекал для разных этнографических групп даргинцев неравномерно и по-разному.

Наибольшему культурному воздействию городов в первый период советского строительства подвергались даргинские селения, расположенные близ городов, рабочих поселков и административных центров. В отдаленных же селениях традиционный быт сохранился дольше. Именно здесь сохранялись и локальные особенности даргинской женской одежды и большая приверженность населения к ее старым формам.

Однако и в дальних аулах Даргинии вместе с новой социалистической культурой распространялись современные формы женской одежды. Можно смело сказать, что в настоящее время и здесь преобладает современная одежда городского типа, которая постепенно вытесняет отжившие, старые виды одежды. Этот процесс распространения нового костюма значительно ускорился в послевоенные годы в связи с ростом кадров женской интеллигенции, повышением благосостояния народа, развитием торговли.

Тщательное изучение изменений, происходящих в даргинской женской одежде, дает основание видеть в них два разных, но связанных между собой процесса. Один из них заключается в распространении на всей даргинской территории единого типа головных уборов — квадратных платков, заменяющих неудобное покрывало, а также простого покроя чухты вместо ее различных видов в прошлом, более удобного платья вместо туникообразной рубахи и т. д. Другой процесс связан с полным вытеснением всех этих видов одежды и заменой их современной одеждой городского типа.

Современный костюм даргинки в отличие от прежнего костюма обязательно включает в себя нательное белье. Им теперь пользуются женщины всех возрастов, причем многие приобретают готовое белье в магазинах.

Однако в ряде мест (Кайтаг, Акуша, Сирга и др.) даргинки-колхозницы по-прежнему шьют длинные штаны (почти до щиколотки) и только из черной ткани (сатин, атлас). Такие штаны носятся поверх чулок.

Встречаются на даргинках, особенно молодых и среднего возраста, и штаны, собранные внизу на резинку, напоминающие штаны от лыжного костюма. Нижняя рубаха у части даргинок по-прежнему туникообразного покроя, хотя и короче старой.

Одежду городского покроя носят главным образом девушки и молодые женщины. Многие из них — работницы совхозов, женская интеллигенция — покупают все предметы одежды в готовом виде, в магазинах. Модными сейчас считаются платья типа «клеш», «татьянка». Большая часть новых платьев имеет, однако, длинные рукава, разрез спереди на лифе, сравнительно длинную и широкую юбку. Это объясняется отчасти сохранением пережитков старого быта, отчасти (широкие юбки) привычкой горянок работать (готовить еду, стирать и т. д.), сидя на полу.

В даргинских аулах колхозницы, как правило, не носят юбку и кофту.

Платья новых фасонов в большинстве случаев шьют местные портнихи, которых обычно имеется по несколько человек в каждом селении, либо в комбинатах бытового обслуживания, где также учитываются вкусы заказчиц. При этом следует особо отметить, что многие представительницы даргинской интеллигенции одеваются по последней моде и заказывают одежду в лучших ателье, у лучших мастеров в различных городах Дагестана.

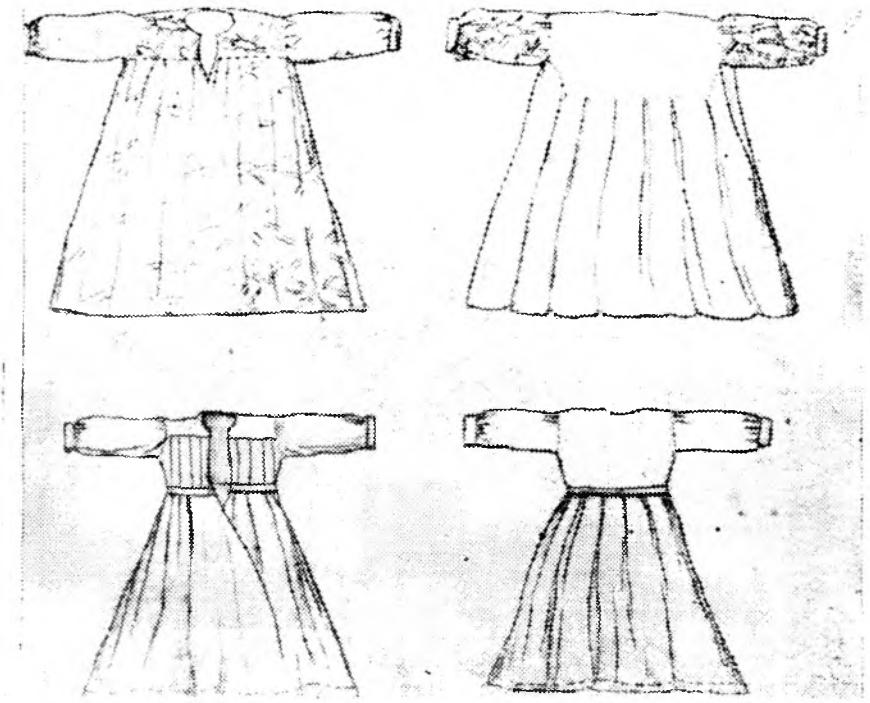

Рис. 16. Виды современных платьев для даргинок среднего и старшего возраста.

В последние годы большое распространение среди колхозниц получило платье на кокетке, известное в Даргинии под названием «балхун хIева» («рубаха со складками»). Оно бытует в трех вариантах. По одному варианту платье шьется спереди на кокетке, имеет отрезную спинку на подкладке и пришивную юбку, заложенную складками, или густо присборенную. По другому — имеет кокетку как спереди, так и сзади, прямой покрой; платье этого типа также присборено в складки под кокетку. По третьему варианту платье также шили на кокетке, но отрезное по линии талии.

Под кокетку заложены складки или густые сборки. Юбка платьев всех вариантов делается сравнительно широкой (по традиции) из трех-четырех полотнищ материи. Большинство этих платьев имеет вырез спереди, почти до талии; некоторые платья застегиваются на спинке или на плечах. Длина платья часто зависит от вкуса хозяйки, от ее возраста. Молодые обычно носят платья чуть ниже колен, старшие — длиннее, некоторые даже до пят.

Нередко можно видеть, особенно в Кайтаге, женщин, у которых платье на кокетке чуть ниже колен, а под платьем длинные узкие черные штаны почти до щиколотки.

Все даргинки пользуются в настоящее время теплой верхней одеждой. Представительницы интеллигенции, молодые колхозницы покупают готовые пальто. Но колхозницы иногда вместо пальто пользуются тен-

лыми шалями, теплыми жакетами и стеганными безрукавками. Только старые женщины, и то далеко не все, по-прежнему носят овчинные шубы.

Из национальной женской обуви широко бытуют только шерстяные носки, которые зимой носят с галошами.

В настоящее время обувь даргинки составляют туфли, чувяки, кожаные сапоги (главным образом у молодых женщин и девушек), резиновые галоши (у пожилых) женщин. При этом в сельской местности предпочитают обувь на низком каблуке.

Самой любимой летней обувью даргинок являются нарядные «губденские чувяки». Они делаются, как правило, из желтого сафьяна на тонкой подошве из белой сыромятной кожи. Верх и подошва простраччиваются изнутри. Носок чувяка украшается особенно нарядно. Для этого в центральную часть носка вставляется в форме сердца кусок сафьяна зеленого цвета, который расшивается золотой нитью. Орнамент вышивки воспроизводит голову горного тура с большими рогами. Ниже этой вставки, к кончику носка нашивается кусок красного сафьяна. Верх чувяка обшивается кантом из красного сафьяна; из красного же сафьяна на шов задника нашивается узкая планка.

В зимний период в высокогорных районах Дагестана носят и традиционные войлочные сапоги типа валенок.

Головные уборы у большинства даргинок состоят из фабричных большого размера шелковых, кашемировых платков. Под платок многие пожилые женщины надевают чухту простого (мешковидного) покроя. Девушки и молодые женщины чухты обычно не носят. Часть женщин под платком имеют косынку, причем постепенно растет число молодых женщин и девушек, пользующихся только косынками.

В районных центрах имеется немало девушек и молодых женщин которые в теплый период года головного убора совсем не носят.

Пока еще самым распространенным головным убором являются платки разных размеров. Очень модны цветные шерстяные «павловские» платки (черные, белые, красные и т. д.), а также крепдешиновые платки.

Взрослые даргинки в сельской местности шапок и шляп почти не носят.

Наряду с новой одеждой, как мы уже отмечали, в даргинских аулах в известной мере сохраняется и костюм старого покроя. Здесь как и в других районах Дагестана, такой одеждой пользуются только представительницы старшего поколения, и то далеко не все. У многих пожилых женщин костюм традиционного покроя также претерпел изменения. Обувь почти все носят фабричную (кроме шерстяных носков и зимних войлочных сапог), вместо покрывала «чаба» надевают обыкновенный платок. Очень часто вместо национального платья-рубахи носят платье на кокетке, чабу и т. д.

Все же по сравнению с мужчинами женщины больше сохраняют традиционный костюм и его отдельные элементы. Это, как отмечалось выше, можно объяснить большим отставанием женщин в культурном развитии.

Для детей все даргинцы приобретают готовую одежду: платья, белье, костюмы, пальто, безрукавки, головные платки, шапочки, чулки, носки, туфли, чувяки, галоши и т. д.

Если даже отдельные женщины и шьют некоторые предметы детской одежды дома, то в большинстве случаев придерживаются городского покроя. Исключение составляют лишь детские штаны.

Независимо от покроя, и те, кто носят городскую одежду, и те, кто шьют одежду с учетом традиционных особенностей, — все в настоящее время имеют возможность одеваться хорошо, по своему вкусу.

Каждая колхозница, каждый колхозник имеют, как правило, по нескольку костюмов, по нескольку пар обуви, по нескольку головных уборов и т. д. Особенно богат и разнообразен гардероб молодых женщин.

Подъем благосостояния и культурного уровня населения позволяет даргинцам пользоваться чистой, выглаженной одеждой. В их быт широко вошли мыло и утюг, в частности электрический.

Постепенно даргинки отказываются от традиции носить всевозможные серебряные украшения. Исчезли массивные серьги, передники и нагрудники, обшитые монетами, перестали нашивать монеты на платье. С изменением костюма не находят себе применения массивные пояса и поясные пряжки. И уж совершенно исчезли нашивки амулетного значения.

Рис. 17. Даргинка в современной одежде.

Из нагрудных украшений даргинки сохранились лишь всевозможные бусы в одну и более низок, как фабричные, так и старинные ручного изготовления. Довольно стойко сохраняются традиционные украшения для рук. Даргинки охотно носят браслеты и кольца старинного образца, но в отличие от прошлого они гораздо менее массивны и украшаются только чернью и гравировкой. Орнамент современных браслетов густой, насыщенный, подчеркнутый позолотой. Фабричные ювелирные изделия находят себе применение преимущественно среди интеллигенции.

Надо отметить, что в даргинских районах плохо организована продажа украшений, изготовляемых кубачинским художественным комбинатом. Несмотря на то, что изделия кубачинцев создаются по национальным образцам и в соответствии с современными требованиями ювелирного искусства, их не часто можно встретить в даргинских селениях.

Часто вместо браслетов женщины теперь носят наручные часы, в частности золотые, предпочтительно на металлической цепочке, что связано, очевидно, с традицией ношения серебряных браслетов.

Вместо массивных серег с подвесками большое распространение получили небольшие серебряные или золотые сережки фабричной выделки. То же самое относится и к кольцам. Старинные же украшения носят преимущественно пожилые женщины.

Таким образом, украшения в современном костюме даргинок сокращаются количественно и приобретают новую форму. Старинные украшения во всем их богатстве и разнообразии сохраняются лишь в свадебном наряде. Их отдают невесте вместе с приданым как семейные ценности.

Большие изменения произошли в настоящее время в прическах и косметике. Во-первых, совершенно исчез обычай остригать волосы на висках. Все девушки и женщины оставляют длинные волосы, заплетая их в две косы, вместо множества мелких косичек, и расчесывают их ежедневно, тогда как в прошлом мелкие косички расчесывались только при мытье головы; часто носят в волосах гребни.

В быт проникают предметы современной парфюмерии: одеколоны, духи, кремы и масла для волос. Но нужно отметить, что декоратив-

ная косметика, в частности губная помада встречает резко отрицательное отношение, особенно в сельской местности. В городах и рабочих поселках, а в ряде случаев и в районных центрах молодые девушки носят современные прически и делают маникюр.

Изменились и мужские прически. Только немногие из числа представителей старшего поколения бреют волосы на голове и оставляют бороду и усы. Молодежь носит современную прическу. Часть молодых людей носит короткие волосы, часть оставляет их длинными и зачесывает прямо назад или делает косой пробор. Обычно молодые люди стригутся в парикмахерской.

* *
*

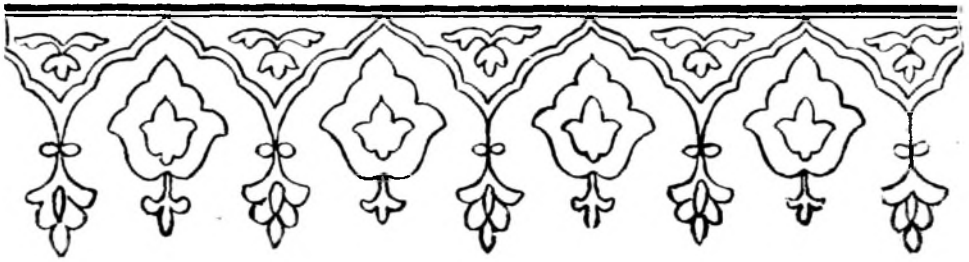
Таким образом, Великая Октябрьская социалистическая революция явилась поворотным пунктом в истории даргинцев, в частности в истории их материальной культуры. За годы Советской власти были осуществлены глубочайшие социалистические преобразования во всех областях жизни даргинцев. Этим преобразованиям подверглись и все стороны материальной культуры, в том числе одежда.

Победа колхозного строя, осуществление культурной революции, проведение в жизнь мудрой ленинской национальной политики, щедрая бескорыстная помощь великого русского народа и других братских народов дали возможность народам Дагестана в короткий срок покончить с вековой отсталостью, бедностью и бескультурьем.

Все это наглядно прослеживается на примере современной одежды даргинцев.

Усилившийся в послевоенный период процесс изменения традиционной одежды даргинцев и нивелировки ее локальных особенностей пока еще не завершен. В ряде мест среди определенных возрастных групп бытует одежда старого образца. При этом элементы старого больше сохраняются в женской нательной (нижней) одежде. Верхняя же одежда повсеместно подверглась большим изменениям. Материальная обеспеченность дает возможность даргинцам шить одежду по своему вкусу, иметь по нескольку комплектов костюма, в том числе рабочих, будничных и выходных. Особенно разнообразна, богата и нарядна одежда женщины.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПИЩА

Пища является одним из важнейших элементов материальной культуры каждого народа. Состав пищи, виды домашней утвари имеют свои этнографические особенности и в значительной степени зависят от занятий населения, от степени развития экономики, торговли, социальных и природно-географических условий.

Пища менее подвержена изменениям, чем одежда и жилища, поэтому изучение национальной пищи, наряду с изучением других элементов материальной культуры, может помочь осветить отдельные вопросы истории народа. Между тем пища даргинцев никогда не являлась предметом специального исследования.

Отдельные разрозненные и скупые сведения о пище даргинцев встречаются в трудах дореволюционных авторов — Д. Н. Анучина,[1] А. П. Берже,[2] П. Ф. Свидерского,[3] Н. Ф. Дубровина,[4] В. Вильер де Лиль Адама.[5] Сравнительно более подробные сведения о пище даргинцев содержатся в работе этнографа Г.-М. Амирова,[6] который дает описание некоторых национальных кушаний, говорит об обычаях и традициях, связанных с процессом изготовления и приема пищи.

После Великой Октябрьской социалистической революции появился ряд работ, посвященных этнографии народов Дагестана, в том числе и описанию их пищи. Все же национальная пища до сих пор остается малоизученной темой. Вопрос о даргинской пище частично затрагивается только в кандидатской диссертации А. И. Алиева.[7] Автор дает общую характеристику даргинской кухни и краткое описание нескольких национальных блюд.

---

[1] Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г., совершенной при содействии РГО. Изв. РГО, 1884, т. XX, вып. 4

[2] А. Берже. Материалы для описания нагорного Дагестана. КК на 1859 г.

[3] П. Ф. Свидерский. К антропологии даргинцев. Весь Кавказ, т. I. 1903.

[4] Н. Ф. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871, т. I, кн. 1.

[5] В. Вильер де Лиль Адам. Две недели в Даргинском округе. ССКГ, VIII, 1875.

[6] Г.-М. Амиров. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста) ССКГ, VII, 1873.

[7] А. И. Алиев Социалистическое преобразование культуры и быта даргинцев Сергокалинского района Дагестанской АССР (рукопись диссертации). М., 1952, Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2041.

Задача настоящей работы состоит в том, чтобы в какой-то степени восполнить пробел, существующий в этой области.

Основным источником при разработке данной темы послужил полевой материал, собранный в даргинских районах в 1960—1962 гг. Использованы также имеющиеся литературные данные.

КУХНЯ, УТВАРЬ, ПОСУДА.

Специальной кухни у даргинцев не было. Летом готовили пищу вне помещения, где-нибудь во дворе или на веранде под навесом. Зимой для экономии топлива обычно жили в одной комнате (цIала кьали), которая согревалась огнем, разжигаемым в очаге для приготовления пищи.

Основными видами топлива были кизяк (в горах), дрова, хворост, сухие листья. В этой комнате хранилась хозяйственная утварь и посуда для повседневного обихода. В каждой семье была металлическая, глиняная и деревянная утварь и посуда. В зажиточных домах преобладала металлическая (медная луженая) посуда, приобретаемая у кубачинцев в обмен на продукты сельского хозяйства. Обмен происходил по весу: на 1 гилавка меди (400 г) — гилавка масла.[8] В Кайтаге большой медный кубачинский котел покупали за 3 мерки (дярхIян) пшеницы — 75 кг, средний — за 2 мерки.[9] Приобретали посуду также в городах, главным образом в Дербенте.

Через кубачинцев же в результате торговых связей к состоятельным хозяевам попадала посуда и утварь из Турции, Персии и других стран. Вильер де Лиль Адам пишет, что на таком металлическом подносе с персидскими вырезными узорами подали ему чай в шлифованных стаканах в сел. Бускри, у юзбаши.[10] В таких домах можно было увидеть самовар, чайник, изделия из фарфора, фаянса, олова.

Тот же автор сообщает: «Посреди сакли к потолку прибита доска, где висят тарелки, фаянсовые и оловянные, на бечевках, продетых в отверстия, просверленные в краях».[11]

Медную утварь составляли металлические подносы «тIас», «кьумур»; сосуд для масла, меда — хъава; котел для варки пищи «шанг», имеющий форму полушария, на трех ножках; специальный котел для халвы «баяр шанг», имеющий расширяющееся книзу тулово, без крышки; металлический поднос небольших размеров для плова «сини», закрывающийся сверху колпаком; сковорода «ягълав»; кувшины для омовения «кажин»; водоносные кувшины «къуткъа».

Водоносные кувшины встречаются нескольких видов: высокие с узким и длинным горлом сосуды, имеющие широкое тулово, приподнятое над небольшим основанием. Носят их на плече, придерживая рукой. Другой вид — это вероятно тот, который Анучин обнаружил в сел. Акуша. Эти «имеют форму широких ваз с суженным дном и горлом и покрытых узорами из слабо извитых двойных спиралей».[12] Эти сосуды ниже первых, а горлышко у них имеет сливной носик. Встречаются и глиняные кувшины точно такой же формы.

Совершенно оригинальна форма кубачинского водоносного сосуда «мучала», представляющего собой два усеченных конуса, соединенных широкими основаниями».[13] Кругом всего сосуда идут продольные насеч-

---

[8] Информатор Патимат Магомедова, 90 лет, сел. Н. Кища, Дахадаевского района.

[9] Информатор Султанат Адамова, 70 лет, сел. Варсит, Кайтагского района

[10] В. Вильер де Лиль Адам. Указ. соч., стр. 10.

[11] Там же, стр. 5.

[12] Д. Н. Анучин. Указ. соч., стр. 384.

[13] Дирр. Очерки по этнографии Дагестана — Кубачи. Тифлис, 1903, стр. 10.

ки. Зачерпнув в такой сосуд воду, его несут на плече с помощью специальной ленты, охватывающей нижнюю половину сосуда.

Непременной принадлежностью каждого селения был большой медный котел (глубина около 1 м) «экъла» (сел. Бутри), «шантала ашак» (Кайтаг), общий для всех жителей селения. Им пользовалась каждая семья во время свадьбы, поминок и т. п. В обычные дни он хранился в мечети.

В бедных семьях преобладала глиняная посуда. Центром гончарного производства в Даргинии было селение Сулевкент, но во многих даргинских селениях использовалась и балхарская посуда. Часто гончары изготовляли глиняную утварь на месте, переходя из селения в селение; в остальных случаях ее приобретали на базарах. Глиняная утварь состояла из водоносных сосудов «къуткъа», больших сосудов «кIора» для бузы, для мочения фруктов и для хранения пищевых продуктов; мисок «халдара», «сукра» всевозможных размеров; сосудов «кажин» для питьевой воды и омовения; сосуда с одной ручкой для доения «къукьяй» (Кайтаг), «сагъра» (Губден); сосуда с крышкой для масла, молока, сметаны — «гарамза»; маслобойки «нихъян» (Харбук), «бутбукъян» (Кубачи), «чIутлан» (Кайтаг); подноса, имеющего в центре нечто вроде маленькой чашки — «таскина» (Кайтаг), «кIабад» (Харбук).

В каждом хозяйстве было много деревянной утвари, частично местного производства, частично привозной. Центром производства ее были богатые ценными породами дерева кайтагские селения. Изделия кайтагских мастеров расходились по всем даргинским селениям. В некоторых селениях деревянную утварь изготавливали на месте из липы, ореха, бука, груши, барбариса. Для обработки предпочитали свежую древесину. Сухое же дерево держали в воде несколько дней, чтобы вода пропитала его. Многое делали из цельного куска дерева. При изготовлении больших предметов пользовались инструментом «цихъа», представляющим собой металлическую лопаточку небольшого размера, один край которой охватывает деревянный стержень почти кругом, оставляя немного видным дерево. Другой конец лопатки свободен и изогнут под прямым углом к деревянной ручке, так что весь инструмент в профиль имеет форму буквы «г» и напоминает тяпку в миниатюре. Для долбления ложек применялся инструмент «кIуцIручи», представляющий собою удлиненной формы кусок железа, изогнутый под прямым углом, один конец которого всажен в деревянную ручку. Из липы изготовляли поставцы «габиж», украшенные незамысловатым геометрическим орнаментом, имеющие несколько отделений для хранения ложек и вилок — большое и маленькое, полукругом выдвинутые вперед. Из ореховой, иногда из грушевой, древесины выделывали ложки «кIуцIул», большие деревянные ложки-черпаки, выполнявшие роль уполовника; они назывались «хула кIуцIул» (Кайтаг), «шингла бирхан», т. е. «опускаемый в котел» (с. Хуршни). Металлические вилки были большой редкостью. Их заменяли заостренные барбарисовые палочки, имевшие иногда три зубца — «чIала» (с. Хуршни), «цукIа» (с. Харбук), «вулдукIан» (с. Губден).

Металлические ложки и вилки встречались в горах очень редко. Оригинальна была походная утварь чабанов. Необходимыми вещами при изготовлении пастухами хинкала для коллективной трапезы являлись плетеные из дубовых прутьев дуршлаги, деревянные продолговатые, очень глубокие сосуды с носиком для стока жидкости, ковши со сливным носиком и ручкой для подвешивания к седлу[14] и др.

---

[14] Е. М. Шиллинг. Даргинцы. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1619, стр. 9—10.

2. ОСНОВНЫЕ ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ И СПОСОБЫ ПРИГОТОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ БЛЮД.

Пища даргинцев имеет много общего с национальной пищей других народов Дагестана и всего Кавказа. Общность выражается в способе приготовления, в однородности продуктов, из которых изготовляется пища. Но в то же время даргинская пища имеет свои специфические особенности.

Поскольку ведущими отраслями хозяйства даргинцев издавна были животноводство и земледелие, в состав пищи даргинцев, как прежде, так и теперь, входят мясо-молочные продукты, изделия из теста и разнообразные съедобные растения. Огородных культур даргинская кухня не знала, что значительно обедняло ее, но они в некоторых случаях с успехом заменялись дикорастущими душистыми травами.

На приготовление изделий из теста шла мука: пшеничная, ячменная, просяная, ржаная, кукурузная. Прежде, чем смолоть зерно, его тщательно очищали от сорняков и сора; его провеивали, затем просеивали через редкое сито, перебирали, чтобы очистить от камешков и комков земли. Зерно пшеницы некоторые хозяйки еще промывали, чтобы отделить его от зерен, пораженных головней. (Такие зерна при промывании пшеницы поднимались вверх). Затем зерно сушили и мололи. Для получения крупы зерно мололи на ручной мельнице.

Другим основным продуктом, употребляемым даргинцами в пищу, является мясо. При этом предпочиталась баранина, а затем говядина. Религиозного запрета есть конину не было, но ели ее очень редко и только в тех случаях, когда приходилось резать тяжело раненное животное.

Свиней даргинцы, как и другие дагестанские народы, не разводили и свинины не ели совершенно, так как это запрещалось исламом.

Немаловажное место в пище даргинцев занимало и мясо домашней птицы, а также дичи. В пищу употребляли мясо зайца, дикой козы. В лесах охотились на оленей, барсуков, косуль. Вкусным считалось мясо куропатки (къакъба). Голубиное мясо обычно не ели, но считалось, что его следует есть один раз в год якобы для улучшения зрения.

В прошлом простой даргинец не имел возможности часто потреблять мясную пищу. Именно о даргинцах говорил Г.-М. Амиров: «Горец — большой охотник до свежего мяса. Но ему оно достается очень редко».[15]

Как правило, горец ел свежее мясо только осенью, когда резали скот, или же на свадьбе или похоронах. Общественное мнение осуждало людей, которые резали скот без одной из упомянутых причин.

Даргинцы в основном употребляли в пищу сушеное мясо, вяленое на воздухе, вареное и очень редко жареное.

У даргинцев, как и вообще у народов Кавказа, издавна развито молочное животноводство, и молочные продукты занимают значительное место в питании населения. Молочные продукты изготовляются из молока коров, коз, овец, в предгорье — и буйволов. Коровье молоко в свежем виде употребляется в пищу в незначительном количестве; большая часть его идет на изготовление масла, творога, сыра.

Известное место в питании даргинцев занимает растительная пища. Часть растений употреблялась в пищу в сыром виде, но в основном они служили начинкой для пирогов и пельменей.

Широко употреблялись в пищу плоды (абрикосы, яблоки, груши и др.) и ягоды, особенно в садоводческих районах. Плоды употреблялись в пищу в свежем и сушеном виде.

---

[15] Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 8.

В обычные дни пища повсеместно была довольно скудной и однообразной. Как правило ели три раза в день. Утром между 7 и 9 часами, смотря по времени года, у даргинцев бывал завтрак «дуббат» («лумдати» — Кубачи, «чиркала хурег» — Кайтаг); в полдень «хIерейсла беркала» («ирилля» — Кубачи, «дажела»—Кайтаг). Утром и в полдень ели чаще всего хлеб с сыром или молоком, реже — со сметаной.

В ужин «бархIехъла баркала» («дуччиля» — Кубачи, «дархала» — Кайтаг) каждый старался поесть чего-нибудь горячего. Самая обильная и сытная еда составляла ужин. Летом ужинали в 8 часов, а зимой в 6 часов. Вся основная работа по приготовлению пищи лежала на женщине. Однако в ряде случаев (например, на свадьбе) всегда жарили шашлык и это считалось обязанностью мужчины.

В семейном быту обычно ели в хозяйственной комнате «цIала къали», усевшись на полу вокруг подноса. Ели не спеша, каждый своей ложкой, но из общей чашки. Если посторонних в доме не было, муж и жена обедали вместе. В противном случае жена обедала отдельно, но одновременно, положив себе пищу в отдельную посуду. Если семья была большая, то даже когда не было посторонних лиц, жена обедала отдельно, из особой посуды, в то время как все члены семьи мужского пола ели вместе из одной посуды.[16]

На ковре расстилали скатерть для гостей, вокруг нее разбрасывали подушки для сидения. Кушанья подавались все сразу на медных или деревянных подносах круглой или прямоугольной формы. «На подносе не было ни салфеток, ни тарелок, ни ножей, ни вилок — всего этого у горцев не полагается»,[17] — отмечал Г.-М. Амиров. Самым почетным угощением считался баран или бык, зарезанный в честь приезжего гостя.

В присутствии гостей обедали сначала мужчины, а потом женщины, причем пока мужчины не уйдут и не оставят женщин одних, последние не едят за редкими исключениями, а именно, когда в комнате все знакомые, постоянные гости, соседи.

На праздничных пирах старшему предоставляли самое почетное место, а таковым считалось место возле очага; на противоположной к почетному гостю стороне возле жены садился муж для того, чтобы помогать жене подавать то или другое кушанье, угощать мясом и пр. Другие старшие родственники садились полукругом возле них; им прислуживало несколько молодых людей, для которых в таких случаях ставилось особое блюдо подальше от старших.[18]

Для приготовления пищи и выпечки хлеба у даргинцев существовало и существует несколько видов очагов или печей. В старое время пищу готовили на очаге комнаты, где жила семья «цIала хъали», летом — вне помещения. Дым выходил в отверстие на потолке. Над очагом на цепи подвешивался котел. Здесь же на горячих углях пекли хлеб. Это наиболее древний способ хлебопечения.

В Кайтаге и сейчас для приготовления пищи летом часто используются простейшие глинобитные очаги подковообразной формы — «цIиппи». Их обычно строят во дворе под навесом. В центре такого очага разводят огонь, а сверху ставят котел. На этом очаге варят пищу, и на нем же пекут лепешки, раскаляя над ним железный круг или каменную плиту.

Существующие и поныне у даргинцев печи для поджаривания зерна и выпечки хлеба «кари» и для выпечки хлеба «тарумы» имеют очень

---

[16] Башир Далгат. Материалы по обычному праву даргинцев. 1929, Рук. фонд. ИИЯЛ, д. 1578, стр. 9.

[17] Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 18—19.

[18] См. Б. Далгат. Указ. соч., стр. 9.

древнее происхождение, о чем свидетельствуют результаты археологических раскопок поселений в Дагестане.[19]

Можно выделить несколько разновидностей существующих «кари». Наиболее архаическим из встреченных нами видов является «кари» с одной топкой (в с. Кища. Дахадаевского района), начинающейся от пола. Плита его (каменная или глиняная) предназначена для поджаривания зерна и выпечки хлеба. Она не прилегает влотную к задней стенке печи, а образует щель, через которую из-под плиты идет жар, способствующий одновременной выпечке хлеба с двух сторон.

Можно проследить развитие этого типа «кари» из простейшего очага, устроенного под защитой стены. На каменной плите, положенной на стенки очага и не соприкасающейся с защитной стеной, можно было печь хлеб и поджаривать зерно. Затем, вероятно, чтобы полнее использовать жар сжигаемого топлива, сверху, параллельно первой была надстроена еще одна плита, которая направляла огонь из щели на зерно или на хлеб, находящийся на нижней плите.

Более развитой формой очага этого типа является «кари» (с. Чираг Агульского района, с. Ашты Дахадаевского района) следующего устройства: одна топка, которая приподнята над полом и находится под плитой; огонь, пройдя под плитой, через щель обогревает ее и сверху — все это общее с описанным выше типом. Но в отличие от него, этот «кари» более приспособлен для поджаривания зерна: бортики плиты кругом приподняты, чтобы зерно не высыпалось, и имеется специальное место, чтобы выгребать оттуда зерно.

Этот вид «кари» в разных вариантах распространен в горных аулах, где поджаривание зерна для толокна всегда имело большое значение.

Другой вид «кари» имеет сравнительно небольшую площадь для печения хлеба и под ней топку.

В предгорных даргинских районах распространен «кари» типа кумыкского «корюка»[20] с дымоходом спереди или сзади. Топка находится на фасаде печи сбоку плиты, на которой пекут хлеб, чаще всего на одном уровне с ней, иногда немного ниже; внутри топка не отделяется перегородкой от плиты.

Самым новым по времени типом «кари» является такой тип, который позволяет не только выпекать хлеб, но и одновременно готовить пищу, а также готовить пищу без выпечки хлеба.

Хлеб сажается в печь на специальной деревянной лопатке «кухни». Испеченный хлеб вынимается с помощью узкой железной лопатки.

«Кари» строят обычно где-нибудь вне помещения, под навесом. Семейный «кари» бывает небольших размеров. Большие общественные кари обычно содержат вдовы или одинокие старые женщины. Сюда женщины приносят из дома топливо и тесто в деревянных сосудах с ручкой и раскатывают его здесь в лепешки. Хлеб пекут только женщины. Другой тип печи — «тарум». Это невысокая глиняная печь с одним отверстием для варки пищи; на внутренних стенах пекут хлеб.[21]

Эта печь имеет форму усеченного конуса с двумя небольшими отверстиями: внизу для отопления и вверху для дыма. Строится она из особой глины, добываемой в окрестностях аулов, в смеси с выческами женских, конских или коровьих волос.

---

[19] В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. Ученые записки ИИЯЛ, т. 9, стр. 285—286.

[20] С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1960, стр. 82–84.

[21] М.-З. Османов. Жилище даргинцев XIX—XX вв. РФИ, д. 2917, стр. 9.

На внутренних стенках этих печей имеются вертикальные углубления, на которые кладется круто замешанное тесто. Печку накаляют добела, затем ей дают немного остыть, и, закрыв все лицо, кроме глаз, прикрепляют одну пышку возле другой к боковым стенкам. Оба отверстия плотно закрываются; через некоторое время снимают каждый хлебец отдельно рукой или железным крючком.

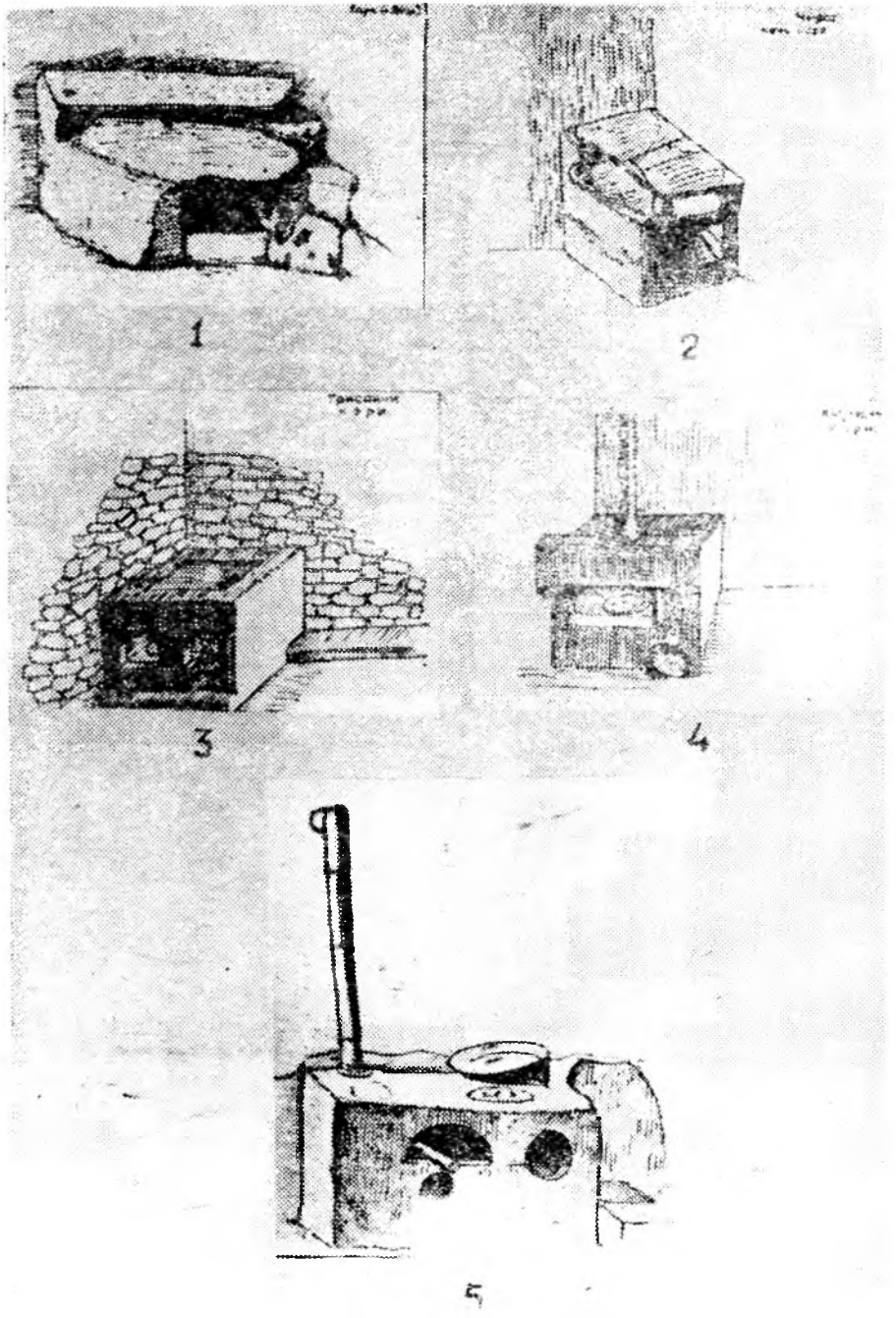

Рис. 1. Виды надворных печей.

Некоторые хозяйки имеют специальные нарукавники, которые они надевают при прикреплении пышек к стенкам печи, оставляя свободной только кисть руки. Перед выпечкой хлеба на нем обязательно делают ложкой узоры или прокалывают палочкой маленькие отверстия для того, чтобы во внутрь хлеба проникал воздух и хлеб равномерно испекался, не падая со стенок. Кроме того, лицевая часть хлеба смазывается водой, яйцом или кислым молоком, чтобы она блестела и имела привлекательный вид.

В «тарум» закладывается по 10—15 хлебцев. Все они хорошо пропекаются и обладают приятным вкусом.

Еще в 1927 году у даргинцев, как отмечала Ю. Вадковская, «приборами для отопления и для приготовления пищи везде служили камины, устраиваемые местами без дымохода, при пользовании таким камином все помещение наполнялось дымом».[22]

Пристенные очаги типа камина «анкъи», «цIабилхь» существуют в ряде селений и по сей день.

В первые годы Советской власти в даргинских селениях появились железные печки-времянки, изготовленные кубачинскими и харбукскими мастерами. В зимний период на них готовили и пищу.

Изделия из теста, муки, крупы занимали видное место в пище населения. Хлеб (кьацI) пекли из пшеничной, ячменной, просяной, ржаной, кукурузной и гороховой муки. Но хлеб из пшеничной муки был доступен немногим. Основная масса населения ела ячменный и просяной хлеб. Пекли хлеб из пресного теста («улуула» — твердый, не поднявшийся) и заквашенного. Пресный хлеб пекли только в тех случаях, когда куда-либо спешили. Обычно предпочитали заквашенный хлеб. Закваску приготавливали следующим образом: смешивали муку с кислым молоком или сывороткой и оставляли эту массу на один день бродить. Просеянную через решето «ула» муку замешивали в корыте «сунки» и добавляли закваски «хамирдан». После этого 1—2 часа давали тесту подойти, и уже после этого выпекали из него хлебцы. Для закваски на следующий раз оставляли кусочек этого теста, который хранили в глиняном сосудике «дахнухъ». Для очистки корыта от теста имелась треугольная металлическая лопаточка небольших размеров с деревянной ручкой — «сункишхъан», «къушругь» (в Кайтаге). Раскатывали тесто скалкой «кеттибалт».

Из пресного и кислого теста пекли тонкие лаваши круглой формы — «кIаппи», «бяхIцIуре», «бирзи» (в Кайтаге), когда хлеб был нужен срочно. Пекли их на каменных плитах или на железных листах; при употреблении в пищу их мазали маслом, иногда урбечом.[23]

Зимой и в ненастную погоду летом пекли хлеб в золе в комнате для хозяйства. Делали его больших размеров, 40—45 см в диаметре, толщиной 4—5 см; его не обмазывали, чтобы не прилипала зола. Пекли хлеб прямо в золе, засыпая сверху горячими углями. Оставался он в золе около часа. Такой хлеб назывался «цIалгула чакьва» по-кайтагски буквально: хлеб, испеченный в золе).

При выпечке в золе хлеба из кукурузной «мучари», «хIяжлапкIила кьацI», просяной «мучила мучери», гороховой муки «къарава кьацI» его помещали на каменной или железной плите, чтобы он не рассыпался, сверху закрывали другой плитой и на нее насыпали горячие угли.

Когда пшеничной муки было недостаточно, ее смешивали с ячменной, кукурузной или гороховой мукой. Хлеб из такого теста назывался «дархикла чакьва» (у кайтагов). Тесто для просяного, кукурузного, го-

---

[22] Ю. В. Вадковская. Некоторые детали устройства жилищ. «Социально-гигиеническое исследование народного Дагестана», вып. I. М.—Л., 1930, стр. 149.

[23] Урбеч — «пIяльцIик» даргинцев представляет собою черную жидкую массу, получаемую при размоле поджаренного льняного семени.

рохового хлеба замешивали на кипящей воде, чтобы легче было придать хлебу нужную форму. При выпечке хлеба в золе его несколько раз переворачивали. Когда хлеб становился легче весом и румяным, его считали испекшимся.

Из кукурузной муки пекли особый хлеб «чикабухъ». Просеянную муку замешивали на кислом молоке, добавив в тесто нутряной жир, прожаренный с луком и перцем. Потом тесто клали на сковороду, смазанную маслом, и ставили в «кари». Там его держали до тех пор, пока не покраснеет верх хлеба. Затем обе стороны смазывали сметаной, переворачивали и вновь ставили в печь. Эта процедура повторялась несколько раз до полной выпечки хлеба.

Подобный хлеб выпекали и из пшеничной муки, замешанной на простокваше с теми же приправами, что и для «чикабухъ». Однако тесто для него должно было быть более жидкое.

Из пшеничной муки в «таруме» выпекали маленькие булочки. Обыкновенный хлеб пекли в «таруме», как только последний нагревался. После выпечки этого хлеба, не разжигая огня, снова разбрасывали ту же золу и пекли мелкие булочки — «чуки» (в Кантаге).

На праздники, в дорогу, а также иногда для семьи, чтобы разнообразить пищу, даргинки пекли сдобный хлеб.

Тесто для такого хлеба замешивали на молоке, масле и яйцах. Называется он «кулучани». Это же тесто раскатывали в стержни, нарезали на куски и жарили в масле до покраснения. Полученное лакомство называется «нерхлай хинкIе» (дословно: хинкал в масле) Оно было широко известно и у лакцев (арен гьавкури), было очень сытным и долго сохранялось.

Слоеный хлеб «хIелибарх», «хIяйчу», пекли в основном из пшеничной муки. Из кислого или из пресного теста делали (раскатывали) тонкие лепешки; каждую из них отдельно смазывали маслом, посыпали солью и душистыми семенами дикорастущей травы «мирхъи мура», иногда толчеными орехами; один слой накладывали на другой, а самый верхний слой оставляли чистым, края защипывали и пекли в «кари» или в духовке железной печки — времянки.

Изготавливали слоеный хлеб и другим способом: раскатывали одну большую лепешку, смазывали ее маслом, засыпали приправами, разрезали на куски разной величины и, раскатав другую лепешку, накладывали эти куски на нее горкой. Затем края ее со всех сторон приподнимали, закрывали все содержимое и, придав форму хлеба, пекли.

Для гостей, а также в торжественных случаях, кайтагские женщины пекли особый хлеб, называвшийся «ава мучери». Для этого кукурузную муку замешивали на кислом молоке и добавляли в нее нарезанное мелкими кусочками сушеное мясо в сыром виде и чеснок, толченый с орехами.

Специально для стариков пекли хлеб из мягкого теста на закваске в форме калача небольшого размера — «нява». Хлеб этот получался пышным, мягким, особенно в горячем виде.

На всевозможные мучные изделия шла также мука из проросшей пшеницы (иногда ячменя). Для получения ее замачивали зерно, оставив его на несколько дней в воде. Затем вынимали его из воды, заворачивали в паласы и клали в теплое место. Через несколько дней зерно начинало прорастать. Тогда его сушили в тени (так как на солнце у него теряется сладкий вкус) и мололи. Из полученной муки пекли хлеб «мянчIикI», «кIантIибаш». Этот кисло-сладкий хлеб очень приятен на вкус. Подобный хлеб пекли и из смеси солода «кIна» с пшеничной мукой («кIантIнур»).

На праздниках для детворы пекли фигурные хлебцы, иногда с начинкой, иногда украшенные яйцом. Для мальчиков пекли хлебцы тре-

угольной формы («чутту къяча»), для девочек «нача» в виде человеческой фигуры. Вместо глаз эта кукла имела вареные яйца в скорлупе. Иногда пекли хлебцы в виде лошадки. На эти хлебцы накладывали халву «бакъукъ» или другие сладости и давали детям. Пекли для детей и хлебцы в виде куропатки — «къакъба» с яйцами, запеченными внутри, и смазанные снаружи яйцом. Из пшеничной муки для детей пекли «къалач». Раскатывали лепешку как для чурека, и ее края поднимали кругом. В дно образовавшейся тарелочки втыкали сырые яйца или наливали их в углубления, сделанные специально для этой цели.

Самым распространенным и любимым блюдом даргинцев, как и всех народов Дагестана, являлся и является хинкал.

Готовили его как из пшеничной, так и из кукурузной муки, различных размеров и форм. Одним из основных компонентов этого блюда являлось мясо, но иногда варили хинкал и без мяса. В этом случае его ели со всевозможными приправами.

Сначала варили в котле мясо; затем его вынимали, а в котел бросали маленькие четырехугольные лепешки из тонкого теста (это, собственно и есть «хинк»). Через некоторое время их вынимали с помощью шумовки и клали в большую глиняную чашку. В эту же чашку наливали из котла бульон, приправляли его чесноком, солью, перцем и уксусом. Перед гостями обязательно ставилось вместе с хинкалом и мясо. Хозяин дома делил мясо между присутствующими. При этом голову барана предлагали самому старшему, который отламывал от нее кусок мяса и один глаз, а остальное передавал ближайшему гостю; таким образом голова обходила всех гостей, из которых каждый непременно отведывал кусок мяса, оставляя хозяину второй глаз.

Ели хинкал остроконечными палочками из барбарисового дерева, реже — металлическими вилками.

Когда кончался хинкал, в подливку обмакивали хлеб. Если не было мяса, хинкал заправлялся маслом, поджаренным курдюком, жиром или просто чесночной подливкой.

Хинкал без мяса чаще готовили из тонко раскатанного теста, также нарезанного квадратиками и ели с какой-нибудь подливкой, чаще из толченых орехов и кислого молока, обязательно с чесноком.

Приправа могла быть приготовлена и другим способом: на сковороде поджаривали в масле мелкими кусочками сушеную колбасу, затем наливали туда сывороточный уксус — «кIанцI». Когда вся эта масса закипала, ею заливали хинкал, выложенный в миски.

Вышеописанная разновидность хинкала известна у всех народов Дагестана.

Другой вид хинкала — «торг хинке» («раскатанный»). Раскатанные колбаски теста разрезали на кружочки, каждому из которых нажатием двух пальцев придавали форму полой трубочки. С этим видом хинкала сходен «къиппи хинкIи». Для приготовления последнего раскатывали длинные ленты теста, разрезали их на квадратики, затем каждому квадратику нажатием большого пальца руки придавали форму корытца. Этот вид хинкала даргинцы иногда называли «шатI хинкIе» (шатI — свисток). Его часто готовили в качестве угощения при большом стечении гостей.

Тот и другой хинкал готовили только из пшеничной муки.

«БукIун хинкIи» (дословно «чабанский хинкал») называли хинкал крупных размеров, наиболее простой в изготовлении и, на наш взгляд, наиболее древний. От круто замешенного теста из пшеничной или ячменной муки отрывали по куску, раскатывали руками в стержень и, придавив его ладонями, бросали в кипящий мясной бульон. Этот вид хинкала временами готовили и без гостей, когда не было хлеба; в этом случае он назывался «хула хинкIе» (крупный хинкал).

Следует отметить, что в высокогорной части Даргинии хинкал готовили чаще крупных размеров и ели остатки его потом вместо хлеба. Это объяснялось недостатком здесь топлива и зерна. В предгорье же крупный хинкал делали очень редко, ибо здесь было больше зерна и дров для нагрева печи при выпечке хлеба.

Из кукурузной муки готовили хинкал крупных размеров круглой формы, отрывая от теста по куску, или в форме корытца с выемкой в центре, которая делалась ребром ладони. Иногда куски теста просто сжимали в руках и бросали в кипящий бульон. Ели его с мясом, курдюком или молоком.

В пище даргинцев были широко распространены супы — «нергъ». Они носили разнообразные названия; даже один и тот же вид в разных селениях назывался по-разному. Супы готовились мясные, молочные и постные с рисом, фасолью, крупой и т. д. Оригинален был суп, сваренный из сушеных абрикосов. Сушеные абрикосы клали в холодную воду и, насыпав в нее солоду, доводили до кипения, все время помешивая, до исчезновения белой пенки. Такой суп считался сугубо женским блюдом и готовился, в основном для рожениц.

Это старинное блюдо было очень распространено в Акушинском районе, где не было садов и лесов, что служит свидетельством существования давних тесных связей между отдельными группами даргинцев.

Губденцы готовили такой суп не только из абрикосов, но и из кизила. Считалось, что кизиловый суп способствует укреплению зубов, а также оказывает благотворное воздействие при расстройствах желудка.

Широкое распространение имел молочный суп с пшеничной крупой — «къаркъарла нергъ» (в Кайтаге — «буттугъла нергъ»). Он заправлялся жареным курдюком или нутряным жиром.

В отдельных районах готовили суп с чечевицей — «гьулула нергъ». Даргинцы чечевицу не выращивали, ее покупали у лакцев на цудахарском базаре.

Готовили и картофельный суп. В него добавляли немного поджареной муки и несколько сырых яиц. Употреблялся также «тIарс хIабизурта нергъ» — суп, подобный кумыкскому «къаба шорпа».[24] Варили его в глиняном сосуде «тIарс». В этот сосуд наливали воду, клали мясо, крупу, приправы и зарывали сосуд в угли. Во время постов в зажиточных семьях готовили этот суп с курицей.

В предгорье, где выращивались овощи, известен был тыквенный суп «къабакъ нергъ». Тыкву, очищенную от кожуры и нарезанную кусками, варили в воде вместе с мелко нарезанным луком. После того, как тыква сварилась, добавляли лапшу и приправы.

Излюбленным национальным блюдом даргинцев были пельмени «чутни» (в предгорье они называются «гурзе»). Наиболее вкусными считались пельмени с мясной начинкой — «диъла шинка чутни». Они готовились редко, в тех случаях, когда дома было свежее мясо, для гостей, а также на праздники. Фарш приправляли луком, барбарисом, перцем, добавляли сывороточный уксус, кусочки сухого нутряного жира. Для аромата добавляли иногда высушенные и растертые в порошок листья чебреца, душистые семена тмина «еIяши» или размолотую на ручной мельнице засушенную дикорастущую траву «мирхъи мура».

Делали пельмени полукруглой и круглой формы, последние — из двух кусочков теста, скрепленных между собой по краям защипками.

Готовили пельмени и с яичной начинкой — «киркурела чутни».

Вареники с творогом «нусела чутни» пользовались у даргинцев не меньшей популярностью. В начинку добавляли масло, яйца, немного

---

[24] С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 150.

размельченного мяса, для аромата — немного дикорастущей душистой травы.

С появлением в горах картофеля и тыквы стали делать пельмени с начинкой из них. Для этого картофель или тыкву предварительно варили, приготавливали из них пюре, заправляли луком, поджаренным в масле или жире, добавляли всевозможные приправы, иногда толченый орех. Эти пельмени также имели полукруглую форму.

Ранней весной и летом даргинцы собирали на полях, в садах, в горах дикорастущие съедобные травы, из которых делали начинку для пельменей и пирогов «чуду». Со сбором некоторых трав были связаны гулянья. Так, например, в селении Кища в конце мая — начале июня девушки и парни сговаривались пойти в горы для сбора черемши «суссап». В ночь перед выходом все девушки ночевали у одной из подруг. Выходили из селения рано утром в сопровождении парней. В перерывах между сбором трав пели и танцевали. Вечером в селении встречали их с музыкой.

На приготовление начинки для пельменей и пирогов шли молодые листья крапивы (низбе, мице), лебеды (шинигIя), дикого лука (хIулу), мяты (шумари), дикого чеснока (ургье), ширицы (цIилхIа), конского щавеля (авака хIюлусе), щавеля (мисси мижи — кайт.), трав: «урса хIякIли», «хямку», «паламунзи», «нухрукки», «мимила». На начинку пирогов «чуду» шли также листья молодого картофеля и свеклы, а также капустные листья и молодой зеленый лук. Все эти травы и листья предварительно чисто промывали, затем рубили топориком, добавляли в качестве приправ творог, яйца, толченые орехи, нутряной жир или масло, сметану, кислое молоко. Рубленую крапиву несколько минут варили в молоке, затем отжимали и добавляли приправы, иногда и кусочки мяса. Мята шла на приготовление пельменей и пирогов весной и летом, остальные травы и листья — весной, пока они не огрубели.

Ели пельмени с подливкой из чеснока, с кислым молоком, сметаной или урбечом, смешанным с маслом.

Из творога пекли тонкие пироги — «чуду». Размельченный творог оставляли где-нибудь в теплом месте постоять 1—2 дня. При потреблении такого «чуду» сыр очень тянулся. Корочка делалась из пшеничной муки.

Ели «чуду», смазав маслом или макая в урбеч, разведенный в горячем масле. Другой вид сырных чуду — «бавца чуду». Чтобы сыр не рассыпался, в него добавляли яйца, кукурузную муку, иногда кусочки мяса. Начинка для морковных и картофельных чуду приготавливалась точно так же, как для пельменей.

Для пирогов делали начинку из пшеничной и кукурузной муки. С этой целью муку разбавляли в молоке, добавляли немного масла, нутряного жира (небольшими кусками), иногда сметаны и для аромата — тмина. Эту кашицу накладывали на одну половину тонко раскатанной овальной лепешки, а другой половиной закрывали ее. Когда чуду было готово, осторожно отдирали верхнюю корочку и внутреннюю мягкую массу смазывали маслом и урбечом, затем вновь закрывали и разрезали на куски.

Для тыквенных чуду, в отличие от пельменей, начинку готовили из сырой тыквы. Ее нарезали тонкими слоями, посыпали солью и оставляли на некоторое время, пока не вытечет сок. После этого добавляли мелко нарезанное сушеное мясо, масло, толченые орехи, перец, иногда немного халвы.

Одним из излюбленных блюд являлись пироги с мясом. В мясо, нарезанное мелкими кусками, добавляли яйца, душистые травы—«мирхъи мура», «гIинциги». Подобным же образом готовились и чуду, начиненные курдюком, нарезанным большими кусками.

Делали также чуду под названием «дитибдиъла сукура» (дословно: «тарелка с измельченным мясом»). Для приготовления этого вида чуду мясо чуть-чуть варили, затем мелко рубили топориком, приправляли солью, луком, перцем, добавляли немного кислого молока или сыворотки. В таком виде мясу давали простоять один день, чтобы оно приобрело кислый вкус, затем всю эту массу выкладывали на приготовленный лаваш и приподнимали кругом его края. Если мясо было нежирным, в фарш добавляли масла или сметаны.

Лакомым блюдом были и являются чуду с начинкой из свежей кураги. Курагу, разломанную на две половинки, освобожденную от косточек и посыпанную сахаром, раскладывали ровным слоем в чуду полукруглой формы.

В качестве начинки для чуду употреблялась также просяная каша, заправленная жиром, орехами, сыром, перцем, луком и т. п.

В торжественных случаях готовили пирог с курятиной. Для этого ее мелко рубили с луком, добавляли красный перец и толченые орехи. Этот пирог готовили и другим способом: сырую курятину резали на крупные куски, добавляли толченый орех и распределяли начинку так, чтобы при разрезании готового пирога на каждую часть пришлось бы по куску мяса.

Большое распространение у даргинцев имели каши, приготовленные как из муки, так и из круп.

Мучные каши варили, в основном, из пшеничной или кукурузной муки, на крупу же шли все виды зерна. Приправляли кашу сметаной, маслом, урбечем, медом, *пчелиным или виноградным («дуцIруг»). Кукурузную* кашу обычно ели с молоком и сметаной. При отсутствии урбеча разводили толокно и наливали в ямочку в центре выложенной каши.

В садоводческих селениях любимым блюдом женщин была каша из сушеных абрикосов с пшеничной или кукурузной мукой — «курекала каш». Вкуснее она из пшеничной муки. Сначала варили сушеные абрикосы как для компота, затем насыпали муку и размешивали в котле до полной готовности. Ели с урбечом, разведенным в сладкой воде и масле.

В Кайтаге полбу «перуш» мололи на ручной мельнице в крупу и варили кашу, называемую тоже «перуш». При ее приготовлении сначала варили мясо, затем насыпали крупу. Минут через пять котел снимали с огня, кутали его и на полчаса ставили в теплое место. Убедившись в том, что крупа разбухла, ее вновь ставили на огонь и варили около получаса. После этого каша считалась готовой. Подавали ее, облив салом или молоком. Мясо подавали отдельно. Так же готовилась каша из очищенных от кожуры зерен пшеницы, ячменя, проса. В тех селениях, где не было специального приспособления для очистки зерна, его мочили, затем раскладывали на деревянном подносе и били сверху камнем. Такое зерно разбухало сильнее, чем полба. Его варили в молоке или в небольшом количестве воды с мясом, чаще всего с грудинкой. Крупяные каши ели с маслом, сметаной или медом.

Приготовленная таким способом пшенная каша называлась «кашил», ячменная и пшеничная — «кья» (в Кайтаге крупяные каши назывались «буттугъ»). В «кья» иногда добавляли фасоль или бобы.

Из полбы готовили кашу и другим способом. Зерно крупно мололи и пропускали через сито. Перед варкой каши крупу поджаривали и опускали в кипящую воду так, чтобы каждая крупинка отделялась. Через некоторое время лишнюю воду сливали, а в кашу добавляли масло. Эта каша называлась «вахкабжив перуш» (каша, которая распа-

дается на крупинки), готовилась она так же, как кумыкская «къувурма ярма».[25]

Для каши «перуш» в Кайтаге готовили подливку «бявгъри» из толченых орехов, сушеного кизила и сушеной дикой алычи, размешанных в кипящей воде.

Немалое место в пище даргинцев, как и всех дагестанских народов, занимало толокно — «нукъун». Оно было распространено в горах, где было мало хлеба, в предгорье его употребляли редко, в основном при изготовлении бузы «хIаруш». Для получения его зерно сушили, затем поджаривали и мололи. Раньше его употребляли чаще, брали с собой в дорогу, в поле, разводили в воде или в жирном бульоне и ели, сжав в кулаке. Изредка толокно замешивали на молоке или масле с добавлением размельченного овечьего сыра или творога. Очень любили толокно, смешанное со свежеизготовленным творогом.

Из толокна готовили и разнообразные каши. Каша, приготовленная из солода на воде, называлась «къакъ ижанти». Простота ее приготовления дает основание полагать, что это одно из самых старинных блюд даргинской кухни. Ели ее, облизывая тыльную сторону ложки, на что указывает само ее название (дословно: «спину облизывающий»).

Большое значение в пище даргинцев, как и всех дагестанских народов, имели молочные продукты.

Даргинцы знали несколько способов переработки молока. Свежее молоко в пищу употреблялось редко, в основном, его давали детям. Из молока коровьего и буйволиного изготовляли масло. Свежее молоко после дойки разливали в глиняные сосуды и оставляли стоять несколько дней. Затем ложкой снимали сливки и сливали их в один сосуд. Когда собиралось достаточное количество сметаны, ее наливали в глиняную маслобойку (нихъян, чIутлан), добавив столько же холодной воды. Сбивали масло, раскачивая сосуд взад и вперед. Вода, ударяясь о стенки кувшина, способствовала ускорению процесса сбивания масла.

Вильер де Лиль-Адам описывает другой способ получения масла у даргинцев: «Сосуд, до половины наполненный сметаной, вешают на веревке и болтают до тех пор, пока вся сметана не превратится в масло, разумеется, очень водянистое».[26]

Снятое молоко шло на изготовление творога. Из овечьего и козьего молока делали брынзу. Приготавливали ее непосредственно на летних пастбищах. Овец доили в бурдюк двумя пальцами — большим и указательным. Затем молоко процеживали через сухую траву или кусок чистой ткани. Сезон дойки овец в горах начинался в середине мая и продолжался до начала сентября, пока не наступало время перегона на зимние кутаны. Сыр тоже изготавливался, начиная с весны, но жирным и вкусным считался сыр, приготовленный в последние дни сезона дойки.

Закваской служило молозиво из желудка новорожденного ягненка, успевшего отведать молоко матери. Молозиво завязывали в кусок шерстяной материи, затем, набрав немного овечьего молока в чашку, замачивали молозиво и отжимали в эту чашку. Когда молоко в чашке начинало створаживаться, его сливали в общую массу молока.

Свернувшееся молоко наливали в мешки из конопляной материи, чтобы вытекла сыворотка. Мешок камнем не придавливали, а давали возможность сыворотке вытекать постепенно. Через некоторое время получалась сплошная чистая масса сыра. Вкусным считался именно

---

[25] С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 153—154.
[26] Вильер де Лиль-Адам. Указ. соч., стр. 3.

такой сыр, а не пористый. Солили его в сыворотке, нарезав на куски. Наиболее вкусный овечий сыр — «микьла нусса» («микь» — прутики травы, в которую его заворачивают). Этот сыр готовился в небольшом количестве и по вкусу резко отличался от обычного сыра. Для получения его в траву «микь» заворачивали массу, свернувшуюся после заквашивания, и давали вытекать сыворотке. Способ засолки его был обычный.

Рис 2. Домашняя утварь и посуда.

Из простокваши получали творог. Сосуд с простоквашей ставили на теплую печь и держали там до тех пор, пока не створожится вся масса. Затем ее процеживали, отделяя от сыворотки. Когда творог предназначался для длительного хранения, створожившуюся массу наливали в треугольный полотняный мешочек — «нусеъ дурц», который помещали на подносе и придавливали сверху камнем. Творог, освобожденный от сыворотки и приобретший круглую плоскую форму, обматывали веревкой и подвешивали к потолку сушиться, либо помещали его на сетке или специальном приспособлении, плетеном из ветвей и подвешенном к потолку.

Сыворотка шла на приготовление уксуса «кьанцI». Ею доверху наполняли большой глиняный сосуд — «кIора», прикрывали отверстие и оставляли на длительное время (месяц или больше). Время от времени сверху снимали пенку и вновь закрывали сосуд. Приблизительно через месяц сосуд открывали и бросали в него горсть соли и несколько пучков чебреца («тIащи») для запаха и вкуса. Затем сосуд закрывали, а через 2—3 недели все содержимое его процеживали и добавляли туда зеленые яблоки, несколько головок чеснока (в настоящее время помимо этого добавляют гвоздику и черный перец). После этого уксус считается готовым к употреблению.

Мясо, как наиболее дорогой продукт, употреблялось в пищу редко. Семья вдоволь могла поесть мясного только осенью, когда резали на зиму баранов. Толстые кишки барана чисто промывались и заполнялись фаршем, приготовленным из рубленой печени, сердца и других внутренностей, к которым добавлялись рис или крупа, а также картофель, лук, перец.

Завязав конец кишки, прокалывали ее в нескольких местах и опускали в кипяток. Такая колбаса называлась «къукъа».[27] Иногда ее перевязывали в двух-трех местах ниткой.

«ХIелисерисан»[28]— тоже блюдо, приготавливаемое сразу после убоя скотины. Вывернутый желудок наполняли фаршем, приготовленным из печенки, рубленной с внутренним жиром и луком с добавлением соли и душистой травы «гIинциги». Затем желудок сворачивали в трубку, обматывали чисто промытой тонкой кишкой и опускали в кипяток.

«Силисме» (сел. Кадар Буйнакского района) — блюдо, которое можно приготовить сразу же после убоя скота. Для приготовления этого кушанья нутряной жир тонкими слоями смешивали с кукурузной мукой и мяли. Затем всю массу обматывали чисто промытыми тонкими кишками и варили с хинкалом или без него.

Свежие внутренности шли также на начинку пельменей.

Популярным национальным блюдом даргинцев, как и других народов Дагестана и всего Кавказа, является долма «дурма». Это блюдо готовилось следующим образом: для фарша мелко рубили мясо с луком, добавляли рис и перец; фарш заворачивали в листья винограда или капусты, или конского щавеля.

К числу национальных кушаний даргинцев относится и шашлык «чишлик», приготавливаемый так же, как и у других народов Дагестана. Жарили его мужчины, исключительно во время каких-либо празднеств.

В домашних условиях шашлыком нередко называли мясо, жаренное на сковороде. С луком в масле жарили самые лучшие куски внутренностей (сердца, почек, легких и т. д.).

---

[27] У кумыков эта колбаса называлась «сокъа». См. С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 49.

[28] У кумыков — «явъерме», там же.

В Кайтаге из мяса готовили «ччешин». В небольшом количестве воды маленькими кусками отваривали мясо (баранину или курятину); когда оно бывало почти готово, в «ччешин» опускали репчатый лук, нарезанный мелкими кусками, толченые орехи, немного пшеничной муки и перец. Готовый «ччешин» ели, макая в него хлеб. Иногда в этом блюде мясо заменялось тыквой или яйцами, взболтанными в горячем молоке.

На горных пастбищах пастухи иногда употребляли в пищу запеченную баранину. Ее готовили следующим образом: освежеванного барана заворачивали в его же шкуру и клали в яму, в которой предварительно сжигали дрова; тушу засыпали горячей золой, а сверху землей; спустя некоторое время яму разрывали и доставали готовое жаркое. Такое мясо отличалось своей сочностью и приятным вкусом. Этот способ приготовления баранины известен и у других народов не только Дагестана, но и некоторых восточных стран с горным рельефом.[29]

Излюбленным блюдом даргинцев был плов. Рис покупали главным образом у терекеменцев. При изготовлении плова промытый рис опускали в кипящую воду и варили его не до полной готовности. Затем рис процеживали через цедилку «пулав кувзан» и ссыпали в котел, на дно которого наливали масло. После этого котел, закрытый крышкой, держали на слабом огне минут 15—20. Перед подачей плов заливали кипящим маслом и равномерно покрывали кусочками поджаренного с луком мяса.

Вместо мяса иногда посыпали изюмом, сваренным в сладкой воде.

Готовый плов, кроме всего прочего, заливали подливкой «бавгъри», приготовленной из толченых орехов, сушеного кизила и алычи, а также покрывали яичницей «хайгина». «Хайгина» имела также самостоятельное значение. Готовили ее двух видов: глазунью и взболтав яйца, как для омлета, с добавлением нутряного жира и кусочков вяленого мяса.

Даргинцам, как и их соседям — аварцам и лакцам, известно было изготовление особого продукта «урбеч» из льняного семени. По-видимому, само название «урбеч» даргинского происхождения. Даргинцы «урбечом» называли само льняное семя, а продукт, полученный из него, называли «пІялцІикІ». Для приготовления его высушенное льняное семя несли на мельницу. Поскольку молоть «урбеч» полагалось в горячем поджаренном виде, на мельнице существовали специальные печи для этого. Полученная черная масса, имевшая жидкую структуру из-за содержащегося в семени жира, и называлась «пІялцІик». При употреблении в пищу этого продукта нагревали до кипения масло, добавляли в него определенное количество меда или сахара, затем, дав этой массе немного остыть, добавляли в нее несколько ложек «пІялцІик» и размешивали.

Нам неизвестно наличие вышеописанного продукта у других кавказских народов, поэтому мы допускаем мысль о локальном, чисто дагестанском характере его.

В даргинских садоводческих селениях долины реки Койсу (Цудахар, Хаджал-Махи и др.) было распространено изготовление урбеча из абрикосовых косточек.

Готовили его как из сладких, так и горьких ядер. Для этого ядра предварительно высушивали и поджаривали, а затем мололи на мельнице. Горькие косточки сначала подвергали специальной обработке с целью удалить горечь: косточки кипятили, затем пять дней держали в холодной воде, ежедневно меняя ее утром и вечером. После сушки и

---

[29] Народы Ирана. Луры и бахтиары. В кн. Народы Передней Азии, М., 1957, стр. 271.

очистки от кожуры ядра теряли горький вкус. Затем их также поджаривали и мололи на мельнице.

Урбеч из абрикосовых косточек представлял собою жидкую массу коричневого цвета, имевшую своеобразный вкус.

3. НАПИТКИ

Одним из самых древних алкогольных напитков у даргинцев, как и у других народов Дагестана, являлась буза «хIаруш».

Способ приготовления бузы у даргинцев почти ничем не отличался от способа приготовления ее у других народов Дагестана.[30]

«ХIаруш» готовили обычно к свадьбе и другим торжествам. И в настоящее время, в силу национальной традиции, буза обязательно готовится на свадьбу, только теперь во многих случаях туда добавляют, кроме всего прочего, и сахар.

Сравнительно недавно появилась у даргинцев брага, называемая ими также «хIаруш». Для ее приготовления два килограмма сахара кипятят в десяти литрах воды. Остывшую жидкость наливают в стеклянную посуду. Затем полкилограмма солода «кIия» замешивают на бузе и, раскатав из теста стержень, бросают его в посуду с жидкостью. Напиток получается тем крепче, чем дольше продолжается процесс брожения. По окончании брожения напиток становится прозрачным и приятным на вкус.

Другим древним алкогольным напитком, изготовлявшимся даргинцами, был «мусти» или «чIаба». Он был известен, в основном жителям Нижнего Кайтага, где виноградники издавна занимали большие площади.

Основная часть собранного винограда шла на приготовление вина — «мусти» и виноградного меда «дуцруг» (у кумыков «тушап»).[31] «Мусти» или «джаба» — спиртной напиток, отличающийся от обыкновенного вина только тем, что виноградный сок, предназначенный для приготовления джабы, до брожения его подвергается кипению».[32] Для получения сока заполняли виноградом узкий мешок из конопляной ткани — «тIутIнич» и, завязав отверстие мешка, давили и мяли его ногами в сосуде — «бужела», который представлял собой деревянное корыто, открытое с одной стороны и со сливом с другой, установленное наклонно к поверхности земли. Для получения большого количества фруктового сока существовали общественные давильни — «къятIа», которые имели несколько разновидностей.

Процеженный через специальный полотняный мешочек виноградный сок сливали в большой кубачинский котел и, наполнив доверху соком, кипятили его около часу на сильном огне, разведенном в очаге «цIиппи». Целью кипячения было очищение виноградного сока. В процессе кипячения время от времени помешивали сок и снимали пенку. Когда уровень жидкости в котле снижался на три-четыре пальца, ее выливали в широкий медный таз и, чтобы она быстро стыла, все время перемешивали большой деревянной ложкой — «хула кIацIул».

В тепловатом состоянии чистый виноградный сок сливали из таза в глиняный сосуд — «чIутIран», «кIара» и закрывали горлышко куском полотна, дощечкой или камнем так, чтобы туда проникал воздух.

---

[30] См. Васильев. Кази-кумукцы. Этнографическое обозрение, 1899, № 3, А. Омаров. Как живут лаки. Сборник сведений о кавказских горцах, 4, 1870, стр. 32; Дубровин. Указ. соч. Там же. С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 159.

[31] С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 248.

[32] Обзор Дагестанской области за 1911 год, Темир-Хан-Шура, 1912.

Во избежание порчи напитка рекомендовалось наполнять сосуд соком доверху.

Через несколько дней начиналось брожение, которое продолжалось дней восемь-десять. В результате процесса брожения уровень жидкости значительно снижался. Горлышко сосуда с перебродившим соком плотно закрывалось дощечкой или камнем и обмазывалось глиной, чтобы совершенно прекратить доступ воздуха в сосуд. В таком виде напиток хранили около месяца, после чего он считался готовым. Это вино было приятно на вкус и, когда его поджигали, горело как спирт.

Вышеописанному процессу изготовления «мусти» аналогичен был процесс изготовления фруктового меда «дуцруг». Готовили его не только из виноградного сока, но и из сока тутовника, яблок, груш. В отличие от сока для «мусти», фруктовый сок, предчазначеный для получения «дуцруга», не сразу подвергался кипячению. Для предварительной обработки он сливался сразу в большой глиняный сосуд. Для очистки сока применялась специальная белая глина — «михъ», которую привозили для этой цели из Верхнего Кайтага. Двух пригоршней «михъ» было достаточно для большого сосуда. Глину размешивали в сосуде с соком и оставляли в нем на несколько часов. В жаркую погоду процесс брожения происходил более интенсивно и уже через час глина оседала на дно сосуда, а сок становился прозрачным. Сок, процеженный через конопляное волокно или тонкое самодельное полотно, называли «девчIив шин» (мертвая вода). После всего этого его наливали в большой котел и кипятили 3—4 часа на сильном огне, время от времени помешивая. В результате долгого кипения количество жидкости уменьшалось приблизительно на три четверти первоначального объема и оставалась густая вязкая масса темного цвета — «дуцруг». Чем гуще получался «дуцруг», тем дольше можно было хранить его.

Виноградный «дуцруг» был сладок и приятен на вкус, приготовленный же из других плодов был кисловат.

Следует отметить, что даргинцам был известен и хмельной напиток «макатта», приготавливаемый из пчелиного меда.

Пчеловодство в даргинских селениях, как и вообще в Дагестане, было известно везде, но занимались им только отдельные лица. Даже в крупном селении можно было найти только четыре-пять хозяйств, имеющих пчел. Ценился мед наравне с маслом, поэтому не каждому рядовому даргинцу был он доступен даже в качестве лакомства. Готовить же брагу из меда имели возможность только зажиточные горцы или сами пчеловоды.

«Макатта» готовилась из того меда, который получали путем кипячения воска, оставшегося после отделения меда. Остатки эти кипятили и, процедив, сливали в котел. Сюда же добавляли воды в соотношении: на 1 стакан меда — один литр воды. Все это кипятили часа два, затем котел снимали с огня и, когда жидкость остывала, бросали в нее лепешку кислого теста «хамирдан» и оставляли бродить на две недели. Перебродивший и процеженный напиток имел приятный сладкий вкус, крепость его была 20—30°.

По-видимому Д. Н. Анучин имел в виду «макатта», когда писал, что акушинцы «из меда делают между прочим напиток, разводя водой и добавляя муки, а иногда еще и бузы, приготовляемой из ячменя или махара».[33]

В ряде селений (сел. Цудахар Левашинского района, сел. Кадар Буйнакского района) был известен способ приготовления браги из изюма — «тIутIила мин», «кишмишла хIаруш».

---

[33] Д. Н. Анучин. Указ. соч., стр. 390.

Из привозных напитков даргинцам известна была водка. По свидетельству Свидерского, «водку горцы пьют с удовольствием, хотя и стесняются. Вино совсем запрещено кораном, а водка — как-то не очень. Горцы говорят, что водка перегоняется через огонь, следовательно, коран не мог ее запретить».[34]

Водка часто являлась составной частью угощения. Существовал определенный этикет, согласно которому даже непьющий должен был подносить рюмку к губам, иначе хозяин дома мог обидеться.[35] Один из дореволюционных этнографов так описывает эту церемонию угощения водкой: «Как только я вошел, гости встали и пригласили меня сесть (этого требует правило вежливости), а один из них предложил рюмку водки. Я принял водку и сел. За мной последовали и прочие. Я поднес рюмку к губам и возвратил подававшему (это простое поднесение к губам означает, что вы с удовольствием выпили бы, если бы имели привычку, но..., и в продолжение целого вечера, когда идет круговая и когда очередь доходит до вас, вы должны исполнять эту церемонию».[36]

Употребление спиртных напитков не было у даргинцев развито в сильной степени и не носило повседневного характера. Д. Н. Анучин свидетельствует, что жители сел. Урахи «живут скудно и трезво: духанов нет во всех окрестных аулах, и водку нужно привозить из Дербента».[37]

Даргинцы употребляли и чай. Бедные слои населения, не имея возможности употреблять натуральный чай, использовали всевозможные суррогаты: сушеные и свежие листья айвы, лепестки розы, шиповник, самую верхнюю кожицу лука, дикие душистые травы (мята «шамур»), листья азалии, тмин «еIяши», чебрец «тIащи», зверобой «чайлакъар». Мяту, тмин, чебрец, зверобой заваривали чаще всего с лечебными целями при расстройствах желудка.

Отвар шиповника считался целебным при туберкулезе легких.

Следует упомянуть еще об одном безалкогольном напитке «мурши шин»,[38] который представлял собою подслащенную воду, и имел только ритуальное значение (употреблялся во время свадьбы).

Из всего сказанного можно сделать вывод о значительном разнообразии напитков, которые употребляли даргинцы. Основное место среди этих напитков по степени своей распространенности и доступности занимала буза — «хIаруш». Приготовление кипяченого вина — «мусти» было известно только в Нижнем Кайтаге, богатом виноградниками.

4. ЗАГОТОВКА ПРОДУКТОВ ВПРОК.

Каждая даргинская семья, по мере своих возможностей, старалась заготовить на зиму необходимые продукты питания. Прежде всего, заготовлялось достаточное количество муки, потому что горские мельницы, построенные на мелководных реках, зимой не могли работать в полную силу.

Кроме того, необходим был достаточный запас мяса на зиму. В сентябре-октябре, когда устанавливалась умеренно теплая температура воздуха, во всех селениях начинался убой скота.

---

[34] П. Ф. Свидерский. К антропологии даргинцев. Сб. Весь Кавказ, ч. I, стр. 11.

[35] См. Амиров. Указ. соч., стр. 8.

[36] Г. М. Амиров. Там же.

[37] Д. Н. Анучин. Указ. соч., стр. 390.

[38] Шербет у кумыков. См. С. Ш. Гаджиева. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961, стр. 248.

Тушу барана чаще всего засушивали целиком, выпрямив, но не отделив ни позвоночного столба, ни конечностей. Мясо в наиболее толстых местах надрезали, и в надрезы закладывали соль.

Провяленное мясо хранили в прохладном проветриваемом помещении. Если разделка туши производилась поздней осенью или зимой, мясо сушили над очагом в «цIала кьали», где оно коптилось дымом.

Одновременно с мясом заготавливалась и колбаса — «бицIари», «чIев-чIев», «бархиб».

Каждая даргинская семья считала нужным сделать для себя на зиму запас молочных продуктов: масло, творог и овечий сыр. Овечий сыр в соленом виде сохранялся очень долго. Засаливали его обычно в той же сыворотке, которая вытекала из него при приготовлении.

Творог, предназначенный для хранения, засаливали и сушили, придав ему форму круга. Такие круги чаще всего сушились на специальных сетках, сплетенных из ветвей и подвешенных к потолку. В ряде случаев круги нанизывали на веревку или, обвязав веревкой, подвешивали к потолочным балкам.

Так же, как и другие дагестанские народы, даргинцы заготавливали на зиму и съедобные дикие травы. Засушивали, в основном, дикий лук «хIулу», который употребляли в пищу вместо культурного, при отсутствии последнего, мяту «шамур», семена тмина «еIяши», чебрец «тIащи», конский щавель «хIякли», лебеду «шинигIя», зверобой «чайлакъар» и др.

В садоводческих селениях большое внимание уделялось заготовке впрок фруктов. Одним из самых древних способов заготовки фруктов являлась сушка их. Наиболее простой способ сушки состоял в следующем: фрукты разделялись на дольки и раскладывались на солнце на паласах или на специальных цыновках, сплетенных из ветвей.

Другой способ сушки фруктов состоял в том, что предварительно они подвергались пропариванию в специальных ямах «тарум».

Лесные ягоды и фрукты сушили на цыновках, обдав их предварительно кипятком. Из плодов сливы, и особенно алычи, даргинцы, как и другие народы Дагестана и всего Кавказа, готовили кислый лаваш — «тIурщу», кусочки которого добавляли в пищу в качестве приправы. Для этого алычу заливали небольшим количеством воды и варили. Чтобы косточки отделились от мякоти, ее процеживали через специальную цедилку. Получившуюся кашицеобразную массу разливали тонким слоем на большой круглый поднос — «тIас» и подсушивали на солнце.

Очень распространено было у даргинцев изготовление муки из сушеных диких груш.

Другим способом заготовки фруктов впрок было мочение их. Мочению подвергались определенные сорта груш, реже — яблок.

Яблоки нередко сохраняли до зимы и даже до весны в свежем виде. Для этого где-нибудь в уголке двора или помещения осенью после созревания яблок делали настил из листьев папоротника или ореха, и, насыпав на него определенное количество яблок, закрывали их сверху такими же листьями.

В отличие от описанных традиционных способов хранения и заготовки фруктов впрок сравнительно новым явлением, возникшим в конце XIX—начале XX вв. в связи с возросшей товарностью хозяйства горца, являлась варка абрикосового пюре. Однако варкой абрикосового пюре, требовавшей некоторого специального оборудования, занимались только отдельные, наиболее предприимчивые хозяева и главным образом в Цудахарском участке. Абрикосовое пюре изготовлялось летом, немедленно после сбора абрикосов. Сезон производства равнялся трем неделям. Оборудование было примитивно: устраивался навес, где уста-

навливались котлы с топками под ними; здесь же производилась закатка банок.

Подготовка фруктов для варки происходила на открытом воздухе.

5. СОВРЕМЕННАЯ ПИЩА ДАРГИНЦЕВ.

Современная даргинская кухня почти полностью сохранила свои национальные черты, традиционные продукты и способы приготовления национальных блюд. Исчезли только такие блюда, появление и существование которых было вызвано тяжелым положением даргинского крестьянства до революции (блюда из гороховой, ячменной, просяной муки, из толокна).

Сохранив свои национальные блюда, даргинская кухня значительно обогатилась блюдами городской русской кухни и кухни других народов нашей страны. Это явилось следствием расширившихся культурно-экономических связей даргинского народа с другими народами нашей страны, повышения материального благосостояния трудящихся масс.

Заимствование городских русских блюд идет интенсивно через сеть столовых, кухонь дошкольных учреждений и школ-интернатов. Молодежь, обучающаяся в различных городах нашей страны, приносит в родные аулы рецепты и навыки приготовления новых блюд.

Благодаря организованному снабжению колхозникам стали доступны различные покупные продукты питания, которых они раньше не знали, в частности, разнообразные бакалейные и кондитерские изделия: крупы, макароны, чай, сахар, конфеты и т. д.

Современная даргинская колхозная семья имеет возможность ежедневно использовать свежие мясо-молочные продукты, а также овощи и фрукты, которые можно приобрести в колхозном ларьке.

В даргинских селениях большое распространение сейчас получили такие русские блюда, как борщ, щи, котлеты, пироги со сладкой начинкой, блинчики, блины, кисели, компоты, варенья, соленья.

Городские блюда, вошедшие в быт даргинского колхозника, получили здесь своеобразную обработку согласно даргинским национальным традициям. Так, например, русские блинчики, а также каши из покупных круп (манной, перловой и т. д.) заправляются даргинским урбечем «пІялцІикІ».

Многие даргинки научились готовить варенье; своеобразие состоит лишь в том, что для приготовления варенья используются не только свежие фрукты, но и сушеные. Варят его примерно так же, как и из свежих фруктов. Сначала готовят сироп: 1 кг сахару — на 4—5 стаканов воды, затем добавляют сухофрукты (чаще абрикосы или кизил) и варят несколько часов. Большое распространение в даргинских селениях получила рыба, которую, к сожалению, основная масса даргинского населения имеет возможность употреблять только в соленом, копченом или консервированном виде.

Постепенно теряет свое прежнее значение вяленое мясо, так как в колхозных ларьках часто можно купить свежее. Но отказаться от заготовки мяса на зиму колхозники не могут, пока сохраняется отгонная система животноводства. В настоящее время редкий колхозник забивает на зиму меньше трех-четырех баранов.

Зажиточная колхозная жизнь изменила пищевой режим даргинской семьи. Такие блюда, как халва, долма, плов, считавшиеся раньше праздничной пищей, вошли в повседневное меню. Появилась возможность готовить на обед первые, вторые и третьи блюда. Надо отметить, что возможность эту использует в основном молодое поколение.

Широкое распространение в даргинских районах имеет натуральный чай. Пьют его повсеместно с сахаром или конфетами. Изменились

и кухонная утварь, посуда. Вместо примитивных очагов, в которых разводили раньше огонь для приготовления пищи, в каждом доме появились керосинки, керогазы, примусы, электроплитки. Однако почти повсеместно сохраняются и используются традиционные печи для выпечки хлеба (кари, тарум). Покупная фабричная утварь и посуда стали достоянием каждой семьи. Они вытеснили из обихода изделия из дерева, глины, которые кое-где сохраняются как семейные реликвии. Во многих селениях, наряду с ведрами, сохранились и используются в силу давней привычки металлические кувшины, отличающиеся своим изяществом и оригинальностью.

В каждой семье теперь есть столы, стулья. Едят чаще всего, сидя за столом. В некоторых семьях для детей имеются отдельные столики и стулья.

Исчез и обычай отдельного приема пищи женщинами. Даргинская колхозница теперь не только обслуживает стол, но и сама садится с гостями и принимает участие в общей беседе.

Каждая семья питается не менее трех раз в день, а детей кормят чаще. Для приема пищи вся семья обычно собирается вместе. В летнее время, в разгар полевых работ, это не всегда бывает возможно, особенно в тех случаях, когда отдельные члены семьи работают на участках, далеко отстоящих от селения. В таких случаях они в обеденный перерыв принимают пищу тут же, в кругу всех членов бригады или звена. Поэтому летом горячую пищу готовят днем не все семьи. Многие обед готовят вечером к приходу всех членов семьи с работы. Готовится чаще всего одно блюдо, но вдоволь.

Летом в пищевом рационе семьи большое место занимают молочные продукты и зелень.

* *
*

Анализ национальной пищи, как составного элемента материальной культуры народа, позволяет сделать вывод, что пища даргинцев в основном едина на всей их этнической территории.

Однако она имела и много локальных особенностей, связанных с хозяйственными условиями той или иной местности.

Так, например, в предгорье, где зерна сравнительно больше, способы хлебопечения были более совершенными и хлеб отличался своим разнообразием. Более разнообразны были здесь и блюда, обильно заправляемые луком, душистыми травами.

В горной же зоне весьма существенную роль в питании даргинского народа играли продукты животноводства. Здесь хлебные изделия и блюда были менее разнообразны, но зато больше употреблялось жиров и мяса.

У каждой этнографической группы были и есть блюда, которых нет у других. Нередко одни и те же блюда имеют и некоторые различия в способе приготовления и разные названия. Однако эти местные особенности пищи не имеют столь важного значения по сравнению с общими основами в питании даргинского народа в целом.

Исследование напитков, распространенных у даргинцев, также позволяет говорить об известной зональности в характере их. Так приготовление вина могло быть известно лишь в богатом виноградниками Нижнем Кайтаге, а такой напиток, как «тIутIила мин», мог появиться только там, где не было свежего винограда.

В пище даргинцев XIX века отразилось также социально-экономическое неравенство отдельных слоев общества. Например, всевозможные блюда из толокна и солода были преимущественно пищей бедня-

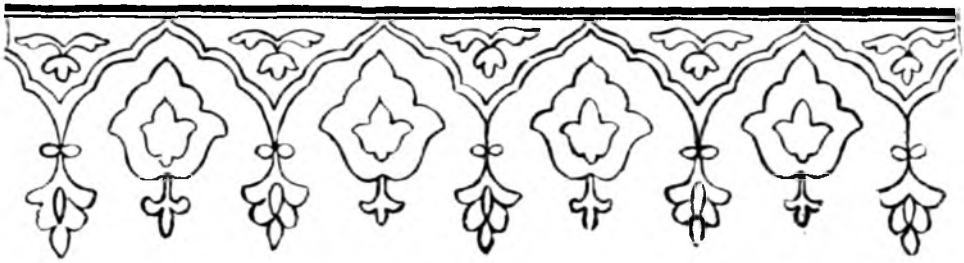
ков. Им недоступны были и всевозможные напитки, приготовляемые из фруктов и меда, а вместо натурального чая они заваривали суррогаты.

Рост материального благосостояния и культурного уровня населения после Октябрьской революции, социалистическое переустройство народного хозяйства и быта создали благоприятные материальные условия для улучшения питания трудящихся масс. Пища даргинцев стала разнообразнее, калорийнее и вкуснее.

Развитие широких культурно-экономических связей даргинцев с русским народом и другими братскими народами нашей страны благоприятно отразилось на характере, составе и способах приготовления пищи.

Пища и пищевой режим даргинцев так же, как и остальные элементы их материальной культуры, обнаруживают большое сходство с пищей и пищевым режимом других народов Дагестана. Это объясняется общим историческим прошлым народов Дагестана, сходством хозяйственной жизни, экономическим и культурным общением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Даргинский народ прошел длительный путь исторического развития.

В XIX — начале XX в. хозяйство даргинцев имело земледельческо-скотоводческое направление, причем ведущей отраслью являлось земледелие.

В даргинской деревне господствовали феодальные отношения. Хозяйство носило в основном натуральный характер. Агротехника находилась на низком уровне. Даже в горных долинах не везде придерживались трехпольной системы. Нередко и тут крестьяне имели два, а то и одно поле. Скотоводство также отличалось экстенсивным характером.

Товарно-денежные отношения в Даргинии развивались медленно. Рамки местных базаров были очень узки. Развитию денежного обращения, расширению рыночных связей препятствовали феодальная раздробленность Дагестана, в частности самой Даргинии и связанные с этой раздробленностью многочисленные произвольно устанавливаемые торговые пошлины, бездорожье и т. д. При перевозке товаров приходилось вносить трижды, а нередко и четырежды рахтарные сборы.[1]

Процесс становления капиталистических отношений протекал в различных районах Даргинии неравномерно. Наиболее втянуты в товарно-денежные отношения были общества Кубачинского нагорья, где большое развитие получили кустарные промыслы.

В теснейшей связи с природно-географическими и общественно-политическими условиями, с хозяйственной жизнью народа развивалась и совершенствовалась его материальная культура.

Данные археологии, письменные источники и полевой этнографический материал позволяют говорить о непрерывности развития многовековой культуры даргинского народа.

Многие формы и характерные черты современной материальной культуры даргинского народа своими корнями уходят в глубокую древность. В соответствии с хозяйственными потребностями, эстетическими запросами и уровнем общественно-политической жизни даргинского народа материальная культура постоянно развивалась, претерпе-

[1] П. А. Брюханов. Социально-экономические отношения народов Дагестана в первый период его завоевания Россией и походы А. П. Ермолова в горы (кандидатская диссертация), 1941 г., Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 4, стр. 72.

вая существенные изменения. Эволюцию ее от древних до современных форм можно проследить на орудиях труда, изделиях домашних промыслов и ремесел, на строительной технике, архитектурном облике жилища, системе отопления и т. д. В этом отношении наглядным примером может служить старинное, прослеживаемое в археологических памятниках и пережиточно сохранившееся в XIX веке большое однокамерное жилище нераздельной большой семьи. Для этого жилища был характерен очаг-костер без правильного дымохода, с лежанками с двух сторон очага, с массивным столбом посередине помещения. Такое жилище известно под названием «тавла кьали» или «цIала кьали» (комната огня).

Многие строительные традиции прошлых эпох нашли свое отражение и в архитектурном облике жилых домов, общественных зданий и хозяйственных построек, возводившихся народными мастерами-строителями в XIX веке и возводимых в настоящее время.

Характерные для даргинского общества XIX — начала XX в. жилища в основном представляют собой двух-трехкамерные, прямоугольные в плане, главным образом двухэтажные дома с однорядным расположением помещений, с длинной открытой верандой спереди (в большинстве случаев), а также дома Г и П-образной планировки (несколько реже).

Для жилых домов характерны также плоская глинобитная крыша с выраженным карнизом, глинобитный пол, пристенный камин в жилых помещениях, служащий для приготовления пищи и обогревания помещений.

Даргинцы создали очень оригинальные, замечательные для своего времени памятники архитектуры. Об огромном творческом труде и таланте народа, о его высоком строительном мастерстве говорит весь облик горных многоярусных или террасообразных аулов с многоэтажными каменными домами-башнями, монументальными общественными сооружениями-мечетями и т. д.

Большое развитие получило искусство художественной обработки камня и дерева, а также применение лепных глиняных рельефов.

Даргинцы в своем искусстве резьбы по камню, в художественной обработке дерева, в ювелирном деле творчески использовали богатейшее культурное наследие своего народа, передавали это наследие из поколения в поколение, и несмотря на отсталые технические приемы, постоянно обогащали его. Часть изделий даргинских мастеров шла на удовлетворение нужд своего, в основном натурального, хозяйства. Другая же часть выступала как товар и нередко реализовалась далеко за пределами этнической территории даргинцев, на городских рынках, и даже вывозилась за границу.

На территории даргинцев находились и крупные центры художественной обработки металла, камня и дерева — Кубачи, Харбук, Сутбук, Амузги, Уллуайя и другие.

Высоким качеством отличалось сукно, изготовлявшееся даргинскими мастерицами, сукно, известное под названием «лезгинских шалей», или «лезгинских сукон». Оригинальны были многие элементы даргинской народной одежды. Особенно своеобразны и интересны были женские головные уборы и их украшения.

Исследовав различные элементы материальной культуры даргинского народа, можно определенно сказать, что он внес значительный вклад в общедагестанскую культуру.

В своей основе материальная культура даргинцев была общей для всей их этнической территории. Однако имелись и локальные различия, обусловленные особенностями природно-географических зон или исторического развития отдельных районов.

Материальная культура даргинского народа имела много общего с материальной культурой других народов Дагестана (аварцев, лакцев, кумыков, лезгин и др.), что можно объяснить глубокими этнокультурными связями этих народов, взаимовлиянием их культур, а также одинаковыми природно-географическими условиями, в которых они жили.

Эта общность прослеживается при сравнении всех сторон культуры дагестанских народов. В жилище, например, это сходство проявляется прежде всего в его типологии, планировке помещений, композиции фасада, в строительных приемах, в сочетании и размещении художественно обработанных каменных, деревянных деталей и т. д.

Общность культурного наследия сказалась и во внутреннем убранстве дома — в традиции покрывать пол коврами или паласами, убирать постель на идущую вдоль одной стены комнаты длинную полку, в традиции вешать на стены медную и деревянную утварь, фаянсовую, фарфоровую посуду, ковры, оружие и т. д.

Глубокая общность культуры горцев Дагестана видна и при сравнении одежды и пищи. Основные типы даргинской народной одежды находят себе полные аналогии и у других народов Дагестана. Таковы основные элементы мужского костюма, женская туникообразная рубаха, многие виды головных уборов, обуви и т. д. Общими традиционными блюдами аварцев, даргинцев, лакцев, лезгин, кумыков являются такие широко известные блюда, как хинкал, пельмени, долма, шашлык, плов, всевозможные пироги и печенья.

Материальная культура даргинцев, так же, как и народов всего Дагестана, имеет, кроме того, общие черты с культурой других народов Кавказа, отражая многовековые культурно-экономические связи с ними.

После присоединения Дагестана к России даргинцы, как и все горцы, стали испытывать влияние и русской культуры. Это влияние особенно усилилось в пореформенный период, с развитием товарно-денежных отношений в горном ауле, а также с ростом промышленного отходничества горцев.

Однако в условиях господства патриархально-феодальных отношений и общей отсталости народа материальная культура даргинцев развивалась крайне медленно. Высокое мастерство народных умельцев не находило широкого применения. Лучшими произведениями прикладного искусства владела главным образом «верхушка» общества. Жить в просторном и благоустроенном, художественно оформленном доме, носить добротную, красивую одежду оставалось только мечтой простого крестьянина-даргинца.

За годы Советской власти в материальной культуре даргинцев произошли коренные изменения. Социалистическая культура даргинцев формируется в современных условиях, сохраняя и развивая лучшие традиции народа, богатейший опыт и навыки народных мастеров, испытывая в то же время большое влияние передовой русской культуры и культур других братских народов нашей страны.

Основой культурных преобразований в горской деревне является победа колхозного строя. На смену отсталому хозяйству даргинцев пришло многоотраслевое сельское хозяйство, основанное на современной технике и достижениях передовой советской биологической науки. Большое значение для экономического развития даргинцев и повышения их материального благосостояния имеет переселение из малоземельных высокогорных аулов на просторы прикаспийской равнины.

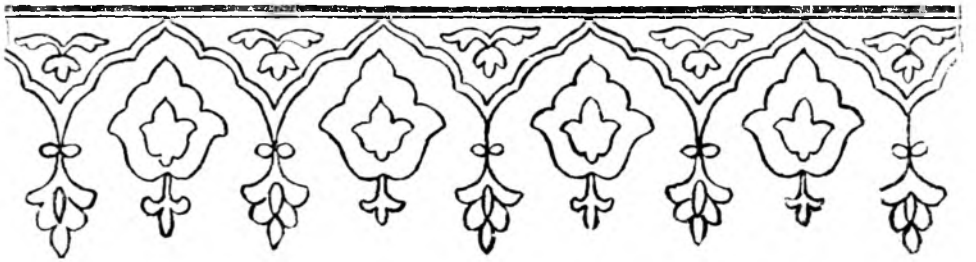
Новые, социалистические производственные отношения открыли перед даргинским народом неограниченные перспективы для созидательного труда. Даргинцы получили возможность жить в благоустроенных домах, широко использовать в жилищном строительстве железо, шифер, привозной высококачественный лес, цемент и т. д. В убранстве

домов существенную роль стала играть современная городская мебель. Большим изменениям подверглись одежда и пища. Все это — результат роста материального благосостояния, установления тесных связей с городом, развития торговли, результат коренных изменений всего уклада жизни даргинского народа.

Неуклонное проведение в жизнь ленинской национальной политики Коммунистической партии, помощь братских народов Советского Союза дали возможность народам Дагестана, в том числе даргинскому народу, за короткий исторический срок полностью ликвидировать свою экономическую и культурную отсталость.

В современных условиях развитие культуры даргинского народа, в частности его материальной культуры, идет не изолированно, а в тесном взаимодействии с культурой других народов Дагестана и всей нашей страны.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Маркс К. Капитал, т. I, II, III, М., 1953.

Маркс К. Черновые наброски письма В. И. Засулич. Маркс—Энгельс, соч., т. XXVII.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1950.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1947.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Соч., т. III.

Киров С. М. Избранные статьи и речи. ОГИЗ, 1939.

Абельдяев Н. Заметки о домашнем быте дагестанских горцев. — Газ. «Кавказ», 1857, № 50—51.

Абельдяев Н. Сельское хозяйство дагестанских горцев. — Журнал Министерства государственных имуществ, 1857, ч. 64, № 8.

Абих Г. В. О строении и геологии Дагестана. — Горный журнал, т. II, СПб., 1862.

Агаширинова С. С. Национальная одежда аварцев. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2863.

Агаширинова С. С. Национальная одежда лезгин в XIX — начале XX вв., 1960. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2922.

Агаширинова С. С. Очерки материальной культуры лезгин в конце XIX—нач. XX веков. УЗ ИИЯЛ, т. IV, 1958.

Агаширинова С. С. Поселения лезгин в XIX-начале XX века. — Ученые записки ИИЯЛ, т. VI, Махачкала, 1959.

Аедоницкий В. А. Из поездки в Дагестан летом 1914 года. — Естествознание и география, 1916, № 8—10.

Акимцев В. В. Почвенные ресурсы Дагестана. — Труды 1-й научной сессии Дагестанской научно-исследовательской базы АН СССР, Махачкала, 1947.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК), т. I—XII, Тифлис, 1866—1904.

Александров А. Заметки из путешествия по Дагестану. — Этногр. обозрение, 1910.

Алиев А. И. Социалистическое преобразование культуры и быта даргинцев Сергокалинского района Дагестанской АССР. (Диссертация). Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2041.

Амиров Г.-М. Среди горцев северного Дагестана. — ССКГ, VII, Тифлис, 1873.

Анучин Д. Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года, совершенной при содействии РГО. — Известия РГО, 1884, т. XX, вып. 4.

Арбуханова И. Ш. Художественная обработка серебра у аварцев. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 3162.

Артамонов М. И. Отчет о работах Северо-кавказской археологической экспедиции ИИМК в Дагестане. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1602.

Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. М., 1936.

А. С. Заметки о северном и среднем Дагестане в военно-инженерном отношении. — Инженерн. журнал, 1865, № 3.

Атаев Д. М. Некоторые средневековые могильники Аварии. — МАД, т. II, Махачкала, 1961.

Атаев Д. М. Отчет об археологических раскопках в горном Дагестане осенью 1962 г., Махачкала, 1963, Рук. фонд ИИЯЛ, д. 3364.
Атаев Д. М. Состояние изученности памятников средневековья северо-западного нагорного Дагестана (Аварии). Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2413.
Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.
Атаев Д. М. Средневековые памятники центральной Аварии. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2532.
Атаев Д. М. Христианские древности Аварии. — УЗ ИИЯЛ, т. IV. Махачкала, 1958.
Бабаев Д. Селение Ахты Самурского округа Дагестанской области СМОМПК, XVII, Тифлис, 1893.
Байерн Ф. О древних сооружениях на Кавказе. ССК, т. I, Тифлис, 1871.
Бакиханов А. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.
Бакланов Н. Б. Архитектурные памятники Дагестана. М.-Л., 1935.
Бакланов Н. Б. Архитектурные сооружения Дагестана Доклады III международного конгресса по иранскому искусству и археологии. М.-Л., 1939.
Бакланов Н. Б. Златокузнецы Дагестана. М., 1926.
Баладзори. Книга завоевания стран. Выдержки. Баку, 1927.
Бартольд В. В. К вопросу о происхождении кайтаков. — Этногр. обозрение, тт. XXXI—XXXII, 1910, № 1—2.
Башкиров А. С. Деревянные двери дагестанского аула Кала-Корейш. — Труды секции археологии Института археологии и искусствознания. Вып. 2, М., 1928.
Башкиров А. С. Средневековый памятник дагестанского аула Кала-Корейш. — Труды отделения археологии Института археологии и искусствознания. Вып. 1, М., 1926.
Белл Дж. Путешествия через Россию в разные азиатские земли..., ч. III, СПб, 1776.
Берже А. П. Материалы для описания нагорного Дагестана. КК на 1859 г.
Берже А. П. Прикаспийский край. КК на 1857, Тифлис, 1856.
Берже А. П. Горные племена Кавказа. — Живописная Россия, т. IX, СПб., М., 1883.
Берже А. П. Краткий обзор горских племен на Кавказе. КК на 1958 г. Тифлис, 1857.
Бинкевич Е. Р. К истории черкесского жилища. КСИЭ, VI, М., 1949.
Бломквист С. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — ТИЭ, т. XXXI, М., 1956.
Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе ч. 1—2, М., 1823.
Вавилов Н. И. Мировой опыт земледельческого освоения плоскогорий. — Природа, 1936, № 2.
Васильев А. В. Покорение Кавказа. «Русский вестник», 1890, т. 27, № 11.
Васильев А. Г. Казикумухцы. — Этнографическое обозрение, 1899, № 3.
Васильев А. Г. Тавлинцы. — Новое обозрение. 1889, № 1919.
Вейденбаум Е. Г. Очерк этнографии Кавказского края. — Весь Кавказ, № 1, Тифлис, 1903.
Вильер де Лиль-Адам В. Две недели в Даргинском округе. — ССКГ, VIII, Тифлис, 1875.
Витов М. В. Гнездовой тип расселения на русском Севере и его происхождение. — Советская этнография, 1955, № 2.
Витов М. В. О классификации поселений. — Сов. Этногр., 1953, № 3.
Витов М. В. Поселения Заонежья в XVI—XVII вв., как предмет этнографического изучения. — КСИЭ, XIX, М., 1953.
Витов М. В. Формы поселений европейского севера и время их возникновения. — КСИЭ, XXIX, М., 1958.
Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. Ч. II, М., 1885.
Воробьев Н. И. Казанские татары. Казань, 1953.
Воронов Н. И. Из путешествия по Дагестану. — ССКГ, т. I, Тифлис, 1868; ССКГ, т. III, Тифлис, 1870.
Воронов Н. В. Состав населения Дагестанской области. — ССКГ, т. VIII, Тифлис, 1875.
Воспоминание о службе на Кавказе. Отрывок из записок офицера. — Москвитянин, 1851, ч. I, кн. 4.
Габиев С. Лаки, их прошлое и быт. — СМОМПК, т. XXXVI, Тифлис, 1906.
Гаджиева С. Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961.
Гаджиева С. Ш. Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1960.
Гаджиева С. Ш. Народное жилище каякентских кумыков. — СЭ, 1953, № 3.
Ган К. Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий. — СМОМПК, т. XI, Тифлис, 1909.
Ган К. Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан. — СМОМПК, XXXI, Тифлис, 1902.

Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. Махачкала, 1929.
Гене Ф. И. Сведения о горном Дагестане. — История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы, М., 1958.
Генко А. Н. Арабский язык и кавказоведение. — Труды II-й сессии Ассоциации арабистов. М., 1941.
Гербер И. Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Куром народах и землях и о их состоянии в 1728 г. — Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, 1760, июль—октябрь.
Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. — История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. М., 1958.
Гильченко Н. Б. Материалы по антропологии Кавказа. I. Осетины. СПб., 1890
Главани К. Описание Черкесии. — СМОМПК, XVII, Тифлис, 1893.
Глиноецкий Н. Поездка в Дагестан. — Военный сборник, 1862, № 1, 3.
Голубятников Б. Д. Строительные материалы Дагестанской АССР. — Природные ресурсы Дагестанской АССР, т. I, М.-Л., 1935.
Грацианская Н. Н. Постройки словацкого крестьянства в XIX—XX вв. — ТИЭ, XII, М., 1960.
Гроздова И. Н, Листова Н. М, Покровская Л. В. К вопросу о типах крестьянского жилища Германии, Франции и Нидерландов. — КСИЭ, XXIX, М., 1958.
Гюль К, Власова С, Кисин И, Тертеров А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959.
Дагестанская область в 1891 г. (обзор). КК на 1893 г., Тифлис, 1892.
Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис, 1890.
Далгат Б. Материалы по обычному праву даргинцев, 1929, Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1578.
Данилевский П. Кавказ и его горские жители. М., 1846.
Даниялова Н. В. Коллективизация сельского хозяйства в Дагестане и ее своеобразие. — УЗ ИИЯЛ, т. V, Махачкала, 1958.
Даниялов А. Д. Сельское хозяйство Дагестана за 40 лет Советской власти в республике. — Сельское хозяйство Северного Кавказа, № 3, Краснодар, 1960.
Даргинский округ. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис, 1887 г.
Даргинцы. Социально-гигиеническое исследование народностей Дагестана. Выпуск I-й, под редакцией А. В. Малькова, М.-Л., 1930. В книге помещены статьи: Я. Н. Трахтман и О. В. Василевская. «Питание»; Ю. В. Вадковская и А. Д. Астафьев. «Заметки по санитарному быту»; Ю. В. Вадковская. «Некоторые кустарные промыслы Даргинского округа в санитарном отношении и другие статьи и материалы».
Деген-Ковалевский Б. Е. Сванское селение как исторический источник.— 1936, № 4—5.
Джавахишвили И. Экономическая история Грузии. Кн. I, Тифлис, 1930.
Дирр А. Очерки из этнографии Дагестана. Кубачи. Тифлис, 1903.
Дирр А. М. Современные названия кавказских племен. СМОМПК, X Тифлис, 1909.
Добрынин Б. Ф. География Дагестанской АССР. Махачкала. 1926.
Добрынин Б. Ф. Ландшафтные (естественные) районы и растительность Дагестана. Махачкала, 1927.
Докучаев В. В. Предварительный отчет об исследованиях на Кавказе летом 1899 г. Соч., т. XI, М.-Л., 1951.
Дорн Б. А Известия о хазарах восточного историка Табари. — Журнал Мин. Нар. Просв., 1844, XIII.
Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871, т. I, кн. 1, 2, 3.
Еропкин Д. Ф. Реестр горским владельцам. — История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. 1958.
Загурский Л. П. Этнологическая классификация кавказских народов. КК на 1888 год. Тифлис, 1887.
Записки А. П. Ермолова. Ч. II, М., 1868.
Записки Кавказского общества сельского хозяйства. Вып. I—XII, Тифлис, 1855—1876.
Зиссерман А. З. 10 лет на Кавказе. — Современник, т. 47, 48, СПб., 1854.
Зиссерман А. 25 лет на Кавказе (1842—1867). СПб., 1879, 2 чч.
Зонн С. В. Опыт естественно-исторического районирования Дагестана. — Сельское хозяйство Дагестана, М.-Л., 1946.
Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель. Ч. III, СПб., 1835.
Икаев. Кустарные промыслы в Дагестане. — Кавказское сельское хозяйство, Тифлис, 1900, № 34, 35, 38, 39.

Исмаил-Заде Д. И. Из истории кочевого хозяйства Азербайджана первой половины XIX в. — Исторические записки АН СССР, т. 66.

История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под редакцией М. О. Косвена и Х.-М. О. Хашаева. М., 1958.

Кавказский этнографический сборник. Вып. I, М., 1955, II, М., 1959; III, М.-Л., 1962.

Каганкатваци М. История агван. СПб., 1861.

Калоев Б. А. Агулы. Историко-этнографический очерк. Кавказский этнографический сборник, III, М.-Л., 1962.

Калоев Б. А. Поселение и жилище агулов. КСИЭ, XXIII, М., 1955.

Канивец В. И. и Буров Г. М. Отчет о работах Чиюртовского отряда археологической экспедиции 1956 г. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2560.

Карапанилов О. Аул Чох. СМОМПК, IV, Тифлис, 1884.

Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении, Азербайджане. СМОМПК, XXXI, Тифлис, 1902, XXXII, Тифлис, 1903, XXXVIII, Тифлис, 1908

Кильчевская Э. В, Иванов А. С. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959.

Кобычев Б. П. Жилище народов Восточного Закавказья в XIX в. СЭ, 1957, № 3.

Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. Ч. II, М., 1890.

Ковалевский М. К. и Бларамберг И. Ф. Описание Дагестана 1831 г. в кн.: «История, география и этнография Дагестана. XVII—XIX вв. Архивные материалы. М., 1958.

Козубский Е. И. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура. Вып. 1-й, 1902, вып. 2-й, 1904.

Косвен М. О. Изучение социалистической культуры и быта народов Дагестана. М., 1954.

Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953.

Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961.

Котович В. Г. Каменный век Дагестана. Диссертационная работа. РФ ИИЯЛ, д. 2929.

Котович В. Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. УЗ ИИЯЛ, т. IX, 1961.

Котович В. Г. Мунчаев Р. М. Путинцева Н. Д. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана. МАД, т. II, Махачкала, 1961.

Котович В. Г. Новые археологические памятники южного Дагестана. МАД, I, Махачкала, 1959.

Котович В. Г. Отчет о работе 1-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1957 г. РФ ИИЯЛ, д. 2481.

Котович. В. Г. Отчет о работе 2-го Чиркейского (1-го горного) отряда Дагестанской археологической экспедиции. РФ ИИЯЛ, д. 2643.

Котович В. Г. Палеолитические и неолитические местонахождения бассейна реки Акушинки. РФ ИИЯЛ, д. 2588.

Котович В. М. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. 1958, РФ ИИЯЛ, д. 2629.

Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 58, 1958.

Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

Кузнецов Н. И. В дебрях Дагестана. Изв. РГО, XLIX, 1913, вып. I—III.

Кузнецов Н. И. Нагорный Дагестан и значение его в истории развития флоры Кавказа. Изв. РГО, т. XLVI, вып. VI—VII. Отд., СПб., 1910.

Лавров Л. И. Рутульцы в прошлом и настоящем. Кавказский этнографический сборник, III, М.-Л., 1962.

Лавров Л. И. Формы жилища у народов северо-западного Кавказа. СЭ, 1951, № 4.

Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., т. I, 1890, т. II, 1904, ВДИ, 1947, № 1—4.

Линден В. Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Тифлис, 1917.

Лопухин А. И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.» М., 1958.

Любимова Г. Н., Хан-Магомедов С. О. Народная архитектура южного Дагестана. КСИЭ, XIV, М., 1952.

Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени. ССКГ, т. III, Тифлис, 1870.

Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII-начале XIX веков. Махачкала, 1957.

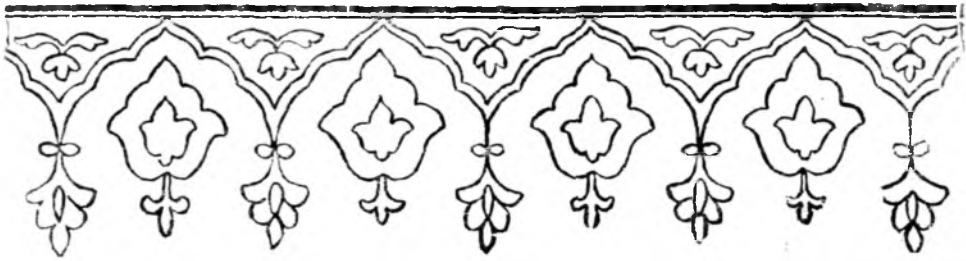
Магомедов Р. М., Назаревич А. 25 лет Дагестанской АССР, Махачкала, 1945.

Маргграф О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа, М., 1882.

Марков Е. Кавказ в его настоящем и прошлом. «Живописная Россия», т. IX, СПб., М., 1883.
Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, т. I, 1959, т. II, 1961.
Материалы по истории Дагестана и Чечни, т. III, Махачкала, 1940.
Миклашевская Н. П. Некоторые материалы по антропологии народов Дагестана. КСИЭ, XIX, М., 1953.
Миллер А. А. Черкесские постройки. «Материалы по этнографии России», т. II, II гр. 1914.
Мовчан Г. Я. Из архитектурного наследия аварского народа. СЭ, 1947, № 4.
Мовчан Г. Я. Предварительные заметки о типологии жилища народов нагорного Дагестана. КСИЭ, IV, М., 1948.
Морган Г. Л. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934.
Морган Г. Л. Древнее общество. Л., 1934.
Мочалов В. Д. Крестьянское хозяйство в Закавказье в конце XIX в., М., 1958.
Мунчаев Р. М. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа. МИА. 100, М., 1961.
Мунчаев Р. М. К истории археологического изучения Дагестана. МАД, т. I, Махачкала, 1959.
Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, № 26, 1956.
Мухаммед-Рафи. Извлечение из истории Дагестана. ССКГ, V. Тифлис, 1871.
Надеждин П. Кавказский край. Природа и люди. Тула, 1895, 1901.
Народы Дагестана. Сборник статей. М., 1955.
Народы Кавказа. Этнографические очерки из серии «Народы мира», т. I, М., 1960; т. II, 1962.
Народы Передней Азии. Этнографические очерки из серии «Народы мира». М., 1957.
Нахшунов И. Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956.
Неверовский А. А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. «Военный журнал», 1847, № 5, отд. СПб., 1847.
Никитин А. Хождение за три моря. М., 1956.
Никольская З. А., и Шиллинг Е. М. Женская народная одежда аварцев. КСИЭ, вып. 18, М., 1953.
Никольская З. А. Из истории аварского жилища. СЭ, 1947, № 2.
Никольская З. А. Этнографическое описание даргинского колхоза. «Вопросы этнографии Кавказа». Тбилиси, 1952.
Никольская З. А. Этнографическое описание даргинского колхоза «Красный партизан». СЭ, 1950, № 2.
Нисченков А. Путеводитель по Дагестану. Тифлис, 1871.
Нисченков А. Описание путешествия государя императора Александра II в Дагестан. «Всемирная иллюстрация», 1871, № 145, 228, 230.
Нуриева А. Я. Старое народное жилище Апшерона. СЭ, 1954, № 4.
Обзор о состоянии Дагестанской области за 1892 год. Темир-Хан-Шура, 1893.
Обзор Дагестанской области за 1909 г., Темир-Хан-Шура, 1910.
Обзор Дагестанской области за 1911 г., Темир-Хан-Шура, 1912.
Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, т. IV, СПб., 1836.
Олеарий А. Описание путешествия голштинского посольства в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
Ольшевский М. Я. Воспоминания, Кавказ с 1841 по 1866 гг., ч. I, СПб., 1894.
Омаров А. Как живут лаки. ССКГ, т. III—IV, Тифлис, 1870.
Османов Г. Г. Аграрные отношения в дагестанском ауле накануне Великой Октябрьской социалистической революции .Труды Института истории партии при Дагобкоме КПСС, т. I, Махачкала, 1957.
Османов Г. Г. Коллективизация сельского хозяйства в Дагестане. Махачкала, 1961.
Османов Г. Г. О социальном строе Дагестана в конце XVIII—начале XIX вв. УЗ ИИЯЛ, VII. Махачкала, 1960.
Османов М.-З. О. Жилище цудахарцев XIX—XX вв. УЗ ИИЯЛ, т. IX, 1961.
Османов М.-З. О. Поселения даргинцев в XIX—XX вв. УЗ ИИЯЛ, т. X, 1962.
Основные статистические показатели по сельскому хозяйству Дагестанской АССР. Ростов н/Д., 1932.
Отрывки из «Путешествия Эвлия Челеби». РФ ИИЯЛ, д. 1157.
Очерки истории Дагестана, тт. I, II, Махачкала, 1957.
Панек Л. Б. Жилище лезгин. РФ ИИЯЛ, д. 1749.
Пантюхов. Современные лезгины. «Кавказ», 1901, № 228, 229, 233.

Пастухов А. В. Поездка по высочайшим селениям Кавказа и восхождение на вершину горы Шахдаг. «Землеведение», кн. II, 1894.
Пантюхов И. И. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис, 1896.
Переписка А. П. Ермолова. СМОМПК, т. 45, Махачкала, 1926.
Петухов П. Очерк Каитаго-Табасаранского округа. «Кавказ», 1867, № 16.
Пикуль М. И. Некоторые сведения о средневековых поселениях Дагестана. РФ ИИЯЛ, д. 2298.
Пикуль М. И. Хабадинский могильник. МАД, т. II.
Пиралов А. С. Кустарные промыслы Кавказа. «Весь Кавказ», I, Баку, 1914.
Предания о некоторых местностях Дагестана. СМОМПК, II, Тифлис, 1882.
Пржецлавский. Нравы и обычаи в Дагестане. «Военный сборник», 1860, № 4.
Путинцева Н. Д. Северо-восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья. РФ ИИЯЛ, д. 2591.
Революционные комитеты Дагестана. Махачкала, 1960.
Робакидзе А. И. К вопросу о форме поселения в Сванети. КСИЭ, XIX, Тифлис, 1958.
Савельев П. С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847.
Саркисов А. В. К изучению народного жилища Азербайджана. Доклады АН Азерб. ССР, т. V, № 5, Баку, 1949.
Сборник сведений о Кавказе, тт. I—IX, Тифлис, 1871—1885.
Свидерский П. Ф. В горах Дагестана. Петровск, 1903.
Свидерский П. К антропологии даргинцев. — «Весь Кавказ», вып. I, Тифлис, 1903.
Сельское хозяйство Дагестана, М.—Л., 1940.
Сельское хозяйство Дагестана, М., 1946.
Сидоров В. По России. Кавказ. Путевые заметки и впечатления. Практические сведения для туристов. СПб., 1897.
Советский Дагестан за 40 лет. Статистический сборник. Махачкала, 1960.
Современный Дагестан. По материалам НК РКИ ДАССР, Махачкала, 1926.
Список населенным местам Кавказского края, имеющим более 1000 душ обоего пола. ССК, т. IV, Тифлис, 1878 и КК на 1884 г., Тифлис, 1883.
Статистический сборник 1925—1926 гг. Дагестанское статистическое управление. Махачкала, 1926.
Статистико-экономический справочник по ДАССР, Ростов н/Д, 1933.
Страбон. География. В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, № 1—4.
Стрейс Я. Три путешествия. ОГИЗ, М., 1935.
Студенецкая Е. Н. Современное кабардинское жилище. СЭ, 1948. № 4.
Тамай А. И. К вопросу о провале дагестанской кампании шаха Надира (1741—1743). УЗ ИИЯЛ, т. V. Махачкала, 1958.
Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1884, т. II, М.—Л., 1941.
Тихонов Л. И. Описание Северного Дагестана. — История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. «Архивные материалы, М., 1958.
Ткешелов М. И. О географических и других условиях характера построек применительно к Кавказу. Изв. КОРГО, т. X, № 1, Тифлис, 1888.
Токарев С. А. Этнография народов СССР, М., 1958.
Услар П. К. Древнейшие сказания о Кавказе. ССКГ, X, Тифлис, 1881.
Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Хюркилинский язык. Тифлис, 1892.
Фадеев А. В. Вопрос о социальном строе кавказских горцев XVIII—XIX вв. в новейших работах советских историков. ВИ, 1958, № 5.
Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960.
Федина А. Е. Обзор литературы по природному и физико-географическому районированию Кавказа. «Физико-географическое районирование СССР», Обзор опубликованных материалов. М., 1960.
Хан-Магомедов С. О. Жилище табасаран. СЭ, 1951, № 4.
Хан-Магомедов С. О. Народная архитектура в Дагестане. «Архитектура СССР», 1954, № 4.
Хан-Магомедов С. О. Народное жилище южного Дагестана. СЭ, 1951, № 1.
Харузин Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896.
Хашаев Х.-М. О. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959.
Хашаев Х.-М. О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.
Читая Г. С. Грузинский этнографический атлас. Тезисы докладов научной сессии, посвященной вопросам грузинского этнографического атласа. АН Грузинской ССР, Тбилиси, 1960.
Чурсин Г. Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913.
Шиллинг Е. М. Дагестанская экспедиция 1946 года. КСИЭ, IV, М., 1948.

Шиллинг Е. М. Изобразительное искусство народов горного Дагестана. «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», М., вып. 18, 1950.
Шиллинг Е. М. Ковроткачество Дагестана. СЭ, 1936, № 4—5.
Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. М—Л., 1949.
Шиллинг Е. М. Литейное производство Дагестана. СЭ, 1947, № 1.
Шифферс Е. В. Природная кормовая растительность горного Дагестана. — Сельское хозяйство Дагестана. М.—Л., 1946.
Шихсаидов А. Р. О проникновении христианства и ислама в Дагестан. УЗ ИИЯЛ, III, Махачкала, 1957.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК — Акты Кавказской археографической комиссии.
БДИ — Вестник древней истории.
ВИ — Вопросы истории.
КК — Кавказский календарь.
КОРГО — Кавказское отделение Русского географического общества.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии.
МАД — Материалы по археологии Дагестана.
МИА — Материалы Института археологии.
РГО — Русское географическое общество.
РФ ИИЯЛ — Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.
СА — Советская археология.
СМОМПК — Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа.
ССК — Сборник сведений о Кавказе.
ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах.
СЭ — Советская этнография.
ТИЭ — Труды Института этнографии.
УЗ ИИЯЛ — Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.
ЭО — Этнографическое обозрение.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Введение . . . 3

Глава I. **Хозяйство** . . . 5
1. Земельные отношения . . . 12
2. Земледелие и садоводство . . . 17
3. Животноводство . . . 38
4. Домашние промыслы и отходничество . . . 42
5. Транспорт и торговля . . . 43
6. Сельскохозяйственный календарь и аграрные культы . . . 54

Глава II. **Поселения** . . . 65
1. Расселение (тип заселения) . . . 75
2. Типы поселений . . . 83
3. Группировка поселения . . . 89
4. Форма поселений . . . 98
5. О некоторых общих и отличительных чертах поселений народов Кавказа . . . 101

Глава III. **Жилище** . . . 108
1. Усадьба . . . 108
2. Типы жилища . . . 117
3. Планировка жилища . . . 132
4. Строительные материалы . . . 143
5. Техника и методы строительства жилища . . . 148
6. Украшение жилища . . . 153
7. Внутреннее убранство . . . 162
8. Хозяйственные постройки . . . 171
9. Некоторые замечания о сходстве и различиях с жилищем соседних народов . . . 177

Глава IV. **Народная одежда** . . . 185
1. Материал и его изготовление . . . 185
2. Мужская одежда, оружие и украшения . . . 203
3. Женская одежда и украшения . . . 218
4. Современная даргинская одежда . . . 254

Глава V. **Пища** . . . 264
1. Кухня, утварь, посуда . . . 265
2. Основные продукты питания и способы приготовления национальных блюд . . . 267
3. Напитки . . . 281
4. Заготовка продуктов впрок . . . 283
5. Современная пища даргинцев . . . 285

Заключение . . . 288

Использованная литература . . . 292

Список сокращений . . . 299

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ДАРГИНЦЕВ XIX—XX вв.

Редактор издательства Е. В. Сказин.

Художественный редактор Е. С. Омельченко.

Техн. редактор Э. С. Геллер.

Сдано в набор 15/XII-64 г. Подписано в печать 26/IV-67 г. Формат 70×108¹/₁₆.
Зак. № 740. С02770. Объем 19 п. л. Тираж 1000. Цена 1 р. 54 коп. Перепл. № 7—20 коп.

Типография Дагестанского филиала АН СССР,
г. Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.